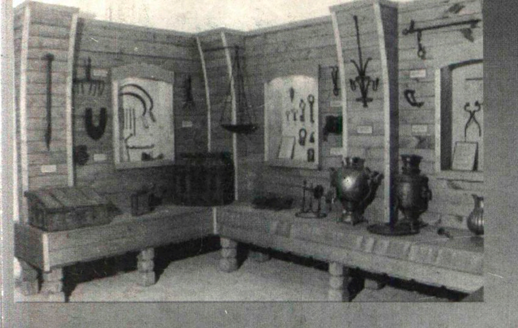
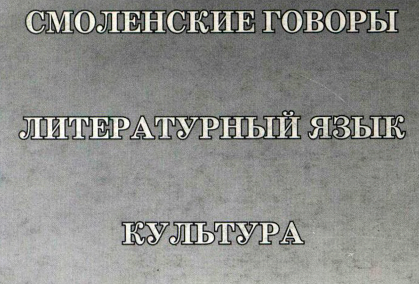
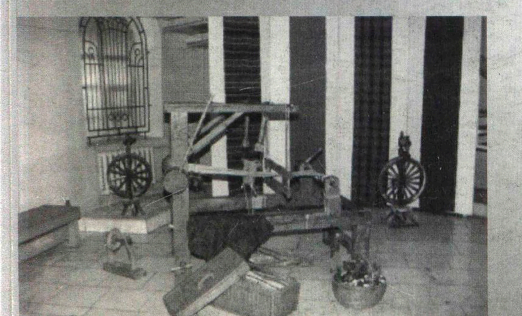




СМОЛЕНСКИЕ ГОВОРЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

КУЛЬТУРА



Смоленск
2003

Министерство образования РФ
Смоленский государственный педагогический университет

СМОЛЕНСКИЕ ГОВОРЫ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК – КУЛЬТУРА

Сборник научных трудов

Смоленск
2003

ББК 81.411.2-5 + 81.411.2-3

Смоленские говоры – Литературный язык – Культура: Сборник научных трудов. – Смоленск: СГПУ, 2003. – 292 с.

Сборник посвящен широкому спектру актуальных проблем современной филологии. Рассматриваются связанные с изучением смоленских говоров вопросы диалектной лексикологии, лексикографии, словообразования в синхронном и историческом аспектах. Среди проблем литературного языка большое внимание уделяется синтаксису сложного предложения и ономастике. При большом разнообразии работ по объекту и по предмету исследования всех авторов объединяет интерес к функциональной стороне языка: прямо или косвенно авторы освещают коммуникативные, структурные, семантические и когнитивные функции языковых единиц от морфемы до текста. В сборнике представлен культурно-социологический аспект творчества крупнейших российских поэтов и писателей, в том числе литераторов Смоленщины. Нашли отражение также вопросы смоленского фольклора и этнографии.

Предназначается специалистам-филологам и широкому кругу читателей.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Смоленского государственного педагогического университета.

Публикация сборника осуществлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02–04–00171а).

Материалы печатаются в авторской редакции.

ISBN 5–88018–354–8

Е.Н. Борисова

СМОЛЕНСКИЙ И РЯЗАНСКИЙ ДИАЛЕКТЫ В СОСТАВЕ ЮЖНОРУССКОГО НАРЕЧИЯ

П.Я. Черных в своем «Очерке русской исторической лексикологии», вышедшем более сорока лет тому назад, писал: «Развитие исторической лексикологии находится в зависимости прежде всего от уровня исторической и этимологической лексикографии, от наличия хороших и полных исторических и этимологических словарей...» С тех пор появилось немало историко-лексикологических работ. Исследователи наконец-то поняли, что полную и детальную картину истории языка может дать только изучение истории словарного состава языка. Впрочем, обращение историков языка к лексике не в последнюю очередь связано с серьезными достижениями в области исторической лексикографии: 26 выпусков «Словаря русского языка XI-XVII вв.», несколько томов «Словаря древнерусского языка XI-XIV вв.», продолжившееся при поддержке Российского гуманитарного научного фонда издание «Словаря русского языка XVIII в.» кардинально изменили ситуацию с исследованием лексико-семантической системы русского литературного языка в ее диахроническом аспекте. Едва ли стоит лишний раз доказывать, что изучение истории языка в связи с историей народа может быть последовательно осуществлено именно на лексическом материале. «Словарь русского языка XI-XVII вв.» и его картотека (КДРС) послужили серьезным стимулом к развитию региональной исторической лексикологии и региональной исторической лексикографии. Центральным в исследованиях региональных источников становится этнографический аспект. Нельзя не согласиться с О.В. Никитиным, что «изучение языка и культуры богатой своими народными красками местной письменности в последние годы по праву открывает новые страницы лингвистического «отечествоведения» (1, 56).

Однако с точки зрения территориального распространения лексика многих регионов детально еще не исследована. Так, например, не проведен еще более или менее исчерпывающе сопоставительный анализ словаря южнорусских диалектов, хотя и изучены многочисленные лексические группы в его составе. Обобщающие работы в этой области пока что единичны. Региональ-

ная лексикология должна опираться на региональные исторические словари, которые пока что касаются лишь одного-двух регионов. «Между тем разработка ареально-лингвистической тематики представляется весьма перспективной для решения целого ряда проблем, как, например, лексическое взаимодействие литературного языка и говоров в разные периоды истории языка, словарный вклад говоров отдельных территорий в общерусскую языковую сокровищницу, соотношение и взаимодействие словаря центра с лексикой областных культурных центров, формирование лексики государственного делового языка и др.» (2, 39).

Объяснить историю становления лексического состава того или иного диалекта, выяснить причины его развития и сохранения в нем тех или иных слов при фактах их исчезновения в других диалектах – важнейшая задача региональной исторической лексикологии, без данных которой, как мы уже неоднократно отмечали в своих работах, невозможно создать и капитальный труд по русской исторической лексикологии в целом. В этом плане обращает на себя внимание интересная статья О.Н. Трубачева «Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме» (3). Говоря, например, о возрасте лексического диалектизма как такового, автор пишет: «...лексические диалектизмы существовали всегда – и в праславянском, и в праиндоевропейском, как существовали всегда сами диалекты» (3, 19). «Нашим исходным постулатом должен быть собирательный характер носителя любого словарного фонда – индоевропейского, праславянского, современного русского, и это тоже можно понять, только признав изначальную диалектную сложность праславянского и русского языковых ареалов» (там же).

XVI-XVIII вв. привлекают к себе внимание исследователей как период становления национального русского литературного языка. Долгое время считалось, что этот период, особенно XVI-XVII вв., характеризуется постепенным прекращением образования диалектных различий и укреплением единого литературного языка на живой общенародной основе. В.В. Виноградов указывал , что процесс вытеснения письменных территориальных диалектов московским приказным языком, претендовавшим на значение общенациональной литературной нормы, завершается в XVII в. (4, 12). Однако в другой работе, опубликованной четырнадцатью годами позже, он отмечает: «Если в области морфологии уже со второй половины XVI в. устанавливается некоторое единство, то в лексике сближение литературного языка с общенародным развивается в течение XVIII в., и лишь во второй половине XIX в. словарный состав литературного языка полностью включается в систему общенародного языка» (5, 143). Исследование словарного состава южнорусской деловой письменности показало, что и в XVIII в. территориальные диалектные различия были еще вполне ощутимы.

Для сопоставительного анализа мы избрали группу лексики, включающую в себя слова, которые принято называть географическими терминами. Это весьма своеобразная и очень важная группа лексики русского языка, отличающаяся большой устойчивостью, что делает ее надежным лингвоисторическим источником (6, 95). Основными источниками нашего исследования послужили писцовые, отказные, межевые книги, созданные в XVI-XVIII вв. на территории южнорусского наречия. Географическая лексика Смоленского края извлекалась из опубликованного нами вместе с соавторами В.С. Картавенко и И.А. Королевой Регионального исторического словаря второй половины XVI-XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) [далее – РИСЛ]. Естественно, вся привлеченная для сопоставления лексика проверялась по Словарю русского языка XI-XVII вв. и его картотеке (КДРС). Ниже в алфавитном порядке приводится сопоставляемая лексика. Отметим попутно, что настоящая статья подготовлена в рамках выполнения проекта, поддержанного РГНФ.

АРЖАВЕЦЪ. Ручей с ржавой водой, ржавец. РИСЛ.
БАГНЯ и БАГНО. Болото. РИСЛ и СлРЯ XI-XVII вв.
БОКАЛДА. Яма со стоячей водой. Ряз. п. кн. XVI в.
БАКАЛДИНА. То же, что БАКАЛДА. РИСЛ.
БЕРЕГЪ и БРЕГЪ. Край чего-либо. РИСЛ.
БЕРЕЖЬ. Прибрежный участок, полоса земли на побережье. Ряз.п. кн. 1, 263. 1598 г.
БЕРЕЗНИКЪ. Березовый лес, роща. Ряз.; Отказн.кн. ю-в-р.
БЕРЕЗОВАТКА. Березовый лес. РИСЛ.
БЛОНЬ, ОБЛОНЬЕ, ОБОЛОНЬ, ОБОЛОНЬЕ. Низменный луг около реки. РИСЛ.
БОЛОНЬЕ, ОБОЛОНЬЕ. Заливные луга у реки или озера. Ряз. п. кн. 3., 1290. 1629 г.; Южновеликорус. письм.; Отказн. кн. ю-в-р.
БОЕРАКЪ, БОЯРАКЪ, БУЕРАКЪ, БОЕРАЧЕКЪ. Овраг. РИСЛ. Ряз. Ф.1175-1, 45, 3 об., Отказн. кн.ю-в-р.
БОЛОТИНА, БОЛОТИНКА. Низкое болотистое место. РИСЛ.; Воронеж.; Отказн. кн.юж.
БОЛОТО. Лес; болото, заросшее лесом. РИСЛ; Отказн. кн.юж.
БРУСНИЧНИКЪ. Место, поросшее брусникой. РИСЛ.
БУЧИЛО. Глубокая яма, заполненная водой, омут. Ряз. п.кн. 2, 749. 1640 г.
ВЕРХЪ, ВЕРХОВИНА, ВЕРШЕКЪ и ВЕРШОКЪ. Верховье, исток; взгорье, яр, крутой берег, обрыв. РИСЛ; Ряз. п.кн.3, 1264. 1629 г.; Ряз. припр. Кн., 23. 1616 г.; Ряз. п. кн. 2, 486. 1597 г.
ВЕРХЪ, ВЕРШЕКЪ и ВЕРШОКЪ, ВЕРШИНА , ВРАГЪ, ВРАЖЕКЪ. Овраг. РИСЛ, Ряз. п. кн.
ВРАЖИНА. Овраг. РИСЛ.
ВЕРШИНКА. Небольшой овраг. Воронеж.
ВЗГОЛЕВАТОЙ, ВЗГОЛЯВЫЙ. Ветвистый, суковатый. Воронеж.
ВЗГОЛОВЬ. Заостренная оконечность озера, острова и т. п. Воронеж.

ВЗГОРЬЕ. Небольшая горка, бугор. Воронеж.

ВЗЛЕСОКЪ. Возвышающийся участок земли, прилегающий к лесу; опушка леса. Воронеж., Отказн. кн. юж.; СлРЯ XI-XVII вв.

ВЗЛЕСЬЕ. Опушка леса. Воронеж.

ВИЛОВАТЫЙ. Развилистый, раздвоенный. Воронеж. Ряз. п. кн. СлРЯ XI-XVII вв.

ВИРЪ. Омут. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв. – псков.; Отказн. кн. юж.

ВОДОПОЙМА. Место, затопляемое водой во время половодья. Ряз. п.кн. 3, 247-248. 1628-1629 гг.

ВОДОПОЙМИЩЕ. Место, заливаемое водой. Воронеж.

ВОДОТЕЧЬ. Ручей, протока. РИСЛ; Воронеж.; Отказн. кн. юж.

ВОДОТЕЧИНА, ВОДОТОЧИНА. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.; Воронеж. ВОДОТОКЪ – Воронеж.

ВОДОРОИНА. Водомоина, глубокая рытвина, образованная потоком воды. Воронеж.; РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.

ВОЛГОВИЩЕ. Низменное место у реки.РИСЛ.

ВОЛОЧИЛИЩЕ. Место, где ловят рыбу волоком (неводом). Воронеж.

ВОЛОЧИТЬ. Расчищать луг. РИСЛ.

ВОЛОЧОКЪ. Пространство земли, водораздел между двумя судоходными реками. РИСЛ.

ВСПОЛЬЕ. Край поля; открытое место перед стенами города, поселения. Ряз. п. кн. 2, 426. 1567 г.; Воронеж; Отказн. кн. юж.; СлРЯ XI-XVII вв.

ВСПУДЫ. Ямы для ловли диких зверей; места, где эти ямы расположены. Ряз. п. кн.; Воронеж. СлРЯ XI-XVII вв.

ВЫСЕЛОКЪ. Поселок на новом месте, выделившийся из селения, выселок. Кн.припр. Ряз., 53. 1616 г.

ВЫСТАВОКЪ. Отдельный двор или поселок, вынесенный за пределы основного поселения; выселки. Ряз. п. кн. 2, 74. 1597 г. ; СлРЯ XI-XVII вв. – севернорусский ареал.; новгор.

ВЯЗОКЪ, уменьш. к ВЯЗЪ. Ряз. п. кн. 2, 746. 1629 г.; СлРЯ XI-XVII вв.

ГАЙ, ГАЕКЪ. Роща, небольшой лес. Отказн. кн.юж.; ГАЙ – Ряз. АСВР 3, № 363. 1522 г.

ГАТАЛИНА. Устланная гатью дорога. Ряз. – АСВР, № 363. 1522 г.

ГАТИНА. Гать. Воронеж.

ГАТИЩЕ. Место бывшей гати. Отказн. кн. юж.;Воронеж.

ГАТОВИЩЕ. Отказн. кн. юж.

ГРИВА. Хребет, гребень, возвышенность. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.

ГРИВИЩЕ. Поросшая лесом возвышенность, холм. Ряз. п. кн. 3, 1290. 1629 г.

ГУБКА. Залив. Отказн. кн. юж. – Орл.; СлРЯ XI-XVII вв. – псков.

ДОРЪ. Участок, расчищенный от леса под сенокос. РИСЛ, СлРЯ XI-XVII вв.

ДОРОЖИЩЕ. Следы старой заброшенной дороги. РИСЛ.

ДРОВОСЕЧИЩЕ. Место в лесу, где рубят лес на дрова. РИСЛ.

ДРОВЕНИКЪ. Дровяной лес. РИСЛ.

ДУБЕЦЪ. Небольшой дуб, дубок. Ряз.п. кн. 2, 741. 1629; Отказн. кн. юж.

ДУБОКЪ, ДУБЧИКЪ. Небольшой дубок, молодой дубок. Ряз. п. кн. 2, 754. 1628 г.; Воронеж.; Отказн. кн. юж.

ДУБНЕШОКЪ. Молодой дубовый лесок. Воронеж.

ДУБНЯГЪ, ДУБНЯКЪ. Дубовый лес, дубовая поросль. РИСЛ; Тамбов. – по СлРЯ XI-XVII вв.

ДУБОВИКЪ, ДУБРОВИКЪ. Дубняк. РИСЛ.

ДУБОСЕКИ, ДУБОСЕЧИ. Место, где вырублены дубы. РИСЛ.

ДУБРОВКА. Дубрава, лес. Ряз.; Отказн. кн. юж. , Воронеж; СлРЯ XI-XVII вв.

ДУПЛИТЫЙ. Дуплистый. РИСЛ.

ЕНДОВИНА. Круглая широкая яма, впадина, заполненная обычно водой. Воронеж.

ЕНДОВИЩЕ. Ряз. – Ф. 1175-1, 75, 1. Нач. XVIII в.

ЕРИКЪ и ЕРЕКЪ. Небольшой речной или озерный рукав. ЗАЕРЕШНЫЙ. Расположенный, находящийся за ериком. Воронеж.

ЖАРЪ. Участок леса, выжженный под пашню. Ряз. п. кн. 3, 1290. 1629 г. В СлРЯ XI-XVII вв. новгор. и псков.

ЖИВЕЦЪ. Родник. РИСЛ.

ЖИВОЕ УРОЧИЩЕ. Естественный межевой знак; река, ручей. РИСЛ.

ЗАБЕРЕЖНЫЙ. Находящийся за рекой. Воронеж.

ЗАВОДЬ. Ряз. п. кн. 2, 457. 1567 г.; Отказн. кн. юж.

ЗАВОНЬ. Залив реки. РИСЛ.

ЗАВОРОТЪ, ЗАВОРОТЬЕ. Поворот, лука, излучина. РИСЛ. В СлРЯ XI-XVII вв. только ЗАВОРОТЪ.

ЗАВРАЖЬЕ. Место за оврагом. РИСЛ. СлРЯ XI-XVII вв.

ЗАДОРИЦА. Место за расчищенным от леса участком, за дором. РИСЛ.

ЗАКРАЕКЪ. Небольшой участок земли, неудобный для обработки, на краю пахотного поля. РИСЛ. В СлРЯ XI-XVII вв. северо-зап. регион.

ЗАКУСТОВЬЕ и ЗАКУСТЬЕ. Место за кустами, позади кустов. РИСЛ. СлРЯ XI-XVII вв.

ЗАЛОЗЬЕ. Место за лозняком. Ряз. п. кн. 2, 485. 1597 г.

ЗАЛУЖЬЕ. Место, прилегающее к речному заливу или к низине у реки. РИСЛ. В СлРЯ XI-XVII вв. северо-зап. регион.

ЗАМОШИЦА. Место за моховым болотом. РИСЛ.

ЗАОБЛОЖЕТЬ. Покрыться дерном, превратиться в залежь, целину. РИСЛ.

ЗАОЗЕРЬЕ. Местность, лежащая за озером. Ряз. п. кн. 2, 434. 1568. В СлРЯ XI-XVII вв., кроме ряз. текста, Грам. Двин.

ЗАПАДЬ. Поле, понижающееся в направлении к северу. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.

ЗАПАШЬ. Расчищенная и вспаханная земля, новая роспашь. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.

ЗАПОЛИЦА, ЗАПОЛЕКЪ, ЗАПОЛОКЪ, ЗАПОЛЬЕ. РИСЛ, СлРЯ XI-XVII вв.; Отказн. кн. юж.

ЗАРАЗЫ. Неровное, овражистое место. РИСЛ, СлРЯ XI-XVII вв.

ЗАСТЕНОКЪ. Земельный или лесной участок, расположенный за СТЕНАМИ, «границами отмежеванных владений». РИСЛ.

ЗАТОКЪ. Залив, излучина. РИСЛ, СлРЯ XI-XVII вв.

ЗАТОНЕЦЪ. Затон. Воронеж.

ЗАХОДЪ. Участок, узкая полоса земли, вдавшаяся в лес. РИСЛ.

ИЗБНЯКЪ. Лес, годный для жилого строения. РИСЛ.

ИЗВОЛОКА. Подъем в гору; отлогая часть горы. Ряз. п. кн. 2. XVI в.

ИСТОКЪ и ИСТОЦЪ, ИСТОЧИНА. Протока, рукав, соединяющий два озера или озеро с рекой. Ряз. п. кн. 2, 433. 1567 г.; Пам. Ряз. 31. 1563 г.; РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.

ИСТРУГА. Низина в пойме реки. Ряз. п. кн. 2. 1629 г.

КЛЕННИКЪ. Собир. КЛЕНЬЕ. РИСЛ СлРЯ XI-XVII вв.

КЛЮКОВНИКЪ. Болото, на котором растет клюква. РИСЛ.

КОВЫЛА. Ковыль. Ряз. п. кн. 1, 347. 1598 г.; Отказн. кн. юж.

КОЛДОБАША и КОЛТУБАША. Яма округлой формы, обычно с водой. Воронеж.

КОЛЕНО. Поворот, изгиб реки. Воронеж.; СлРЯ XI-XVII вв.

КОЛЕНЦЕ. Изгиб чего-либо, часть чего-л. от одного изгиба до другого. Ряз. п. кн. 3, 1262. 1629 г.

КОЛОДЕЗЬ. Источник, ключ, родник., ручей. РИСЛ; Воронеж.; Отказн. кн. юж.; Ряз. п. кн. 2, 221. 1629 г.; СлРЯ XI-XVII вв.

КОЛОДОВКА. Луг, где раньше была пасека. РИСЛ.

КОЛОКЪ. Небольшая роща, перелесок. Ряз.-АСВР 3, № 363. 1522 г.; Отказн. кн. юж.; Воронеж.

КОЛЧА и КОЛЧЕЯ. Луг с кочками. Ряз. п. кн. 1, 276. 1598 г.;Ряз. п. кн. 3, 239. 1628-1629 гг.

КОЛЧЕВАТИКЪ, КОЛЧЕВАХА, КОЛЧЕВАШЬ. Луг с кочками, неровный луг. РИСЛ.

КОПАНКА. Яма, вырытая для скопления воды. КОПАНЬ. Рисл.

КОПЕЦЪ. Межевой знак. РИСЛ.

КОРЕНОВАТКА. Дерево с большими, сильными корнями. РИСЛ.

КОРОТЬЕ. Короткие низкорослые деревья, кустарник. Воронеж.

КОРЬ и КОРЪ. Место, расчищенное под пашню; небольшой лес, кустарник, выросший на месте выкорчеванного леса; небольшой лесок или отдельные деревья,использовавшиеся в качестве межевого знака.; пень, ствол старого дерева как межевой знак. Ряз. п. кн. 2, 430. 1568 г.; Ряз. п. кн. 2, 747. 1629 г.; Тамб. Арх. 21, 16. 1674 г.; РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.

КОТЛОБАНЬ, КОТЛУБАНЬ. Яма, котловина с водой. РИСЛ; Воронеж.

КОТЛУБАНИНКА. Отказн. кн. юж.

КОТЦЫ. Рыболовное сооружение, загородка из кольев, вбитых в дно водоема…; закол. Ряз. п. кн. 2, 70.1597 г.; Воронеж.; СлРЯ XI-XVII вв.; Отказн. кн. юж.

КОЧКАРНИКЪ. Место, покрытое кочками. Воронеж.

КОЧКИ. Место, покрытое кочками, бугорками. Ряз. Ф. 304-1, 434, 42-42 об. 1738 г.

КРЕСТЪ. Перекресток. РИСЛ.

КРИНЪ, КРИНА. Источник, родник. РИСЛ.

КРИНИЧКА, КРЫНИЧКА. Небольшой источник, родничок. Воронеж.

КУЛИГА. Лесная поляна, расчищенная для земледелия или для сенокоса. РИСЛ; Отказн. кн. юж.; Ряз. п. кн. 2, 563. 1629 г.; 146. 1628 г.

КУЛИЖКА. Небольшой участок земли на берегу реки, используемый как сенокосное угодье. Ряз. п. кн. 2, 151. 1629 г.; Воронеж.; СлРЯ XI-XVII вв.

КУЛТУКЪ. Балка, овраг, кончающийся тупиком. Воронеж.

КУСТЪ. Небольшой лиственный лесок. Воронеж; Ряз. п. кн. 2, 50. 1597 г.; Отказн. кн. юж.

КУСТАРЬ. Кустарник; место, поросшее кустами. РИСЛ; Ряз. п. кн. 290. 1629 г.

КУСТАРИКЪ, КУСТОКЪ. Отказн. кн. юж.

КУСТОВЬЕ. Пам. Ряз. 24. 1554 г.; СлРЯ XI-XVII вв.

КРАКОВИСТЫЙ, КРЯКОВИСТЫЙ, КРАКОВИТЫЙ, КРЯКОВИТЫЙ. Ветвистый, сучковатый, корявый. Ряз. п. кн. 2, 75о. 1629 г.; Пам. Ряз., 118. 1575 г.; Воронеж.; Отказн. кн. юж.

КРИВОБЕРЕЗЬЕ. О березовом лесе. Ряз. п. кн.

ЛИПНЯГЪ, ЛИПЯГЪ, ЛИПЯЖОКЪ. Липовый лес; лиственный лес. Ряз. п. кн.; Отказн. кн. юж.; СлРЯ XI-XVII вв.

ЛОЖИНА. Ложбина. Тамб. Арх. 25, 51. 1636 г.

ЛОЖОКЪ. Небольшой лог. РИСЛ.

ЛОЖОЧЕКЪ. Отказн. кн. юж.

ЛОЗИНА. Ива. Ряз. п. кн. 2, 739. 1629 г.

ЛОЗИНОВЫЙ. Прил. к ЛОЗИНА. Ряз. п. кн. 2, 460. 1597 г.

ЛОЗОВЫЙ. Ивовый. Отказн. кн. юж.

ЛОЗНИКЪ. Ивняк. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.

ЛОСКЪ. Лощина, лог; неглубокая балка. Ряз. п. кн. 3, 1287. 1629 г.; РИСЛ.

ЛОЩЕВИНА. Неглубокий широкий овраг с пологими склонами. РИСЛ.

ЛОЩИНКА. Маленькая лощина. Ряз. п. кн. 2, 485. XVI в.

ЛУЖОКЪ. Небольшой луг. Ряз. п. кн. 1, 302. 1598 г.; Отказн. кн. юж.; РИСЛ.

ЛУКА. Мыс, огибаемый рекой; сенокосное или лесное угодье, расположенное в излучине реки, на пойменном берегу. Ряз. п. кн. 2, 86. XVII в.

ЛУЧИНКА, ЛУЧКА. Лука. РИСЛ; Отказн. кн. юж.

ЛЯДО. Место, расчищенное под пашню; поле или запущенная пашня, поросшие молодым лесом. ПРЯТАТЬ ЛЯДО. Расчищать участок леса под пашню подсечным способом. РИСЛ.

МЕЖКА. Межа. Пам. Ряз. , 26. 1555.

МЕЖНИКЪ. Межа, нераспаханная полоса земли между соседними полями, угодьями. РИСЛ. СлРЯ XI-XVII вв.

МЕЖСТРУЖЬЕ. Выступ, берег, окруженный двумя потоками. РИСЛ.

МЕЛЬНИЧИЩЕ. Место, где стояла мельница. РИСЛ; Ряз. п. кн., 1210. 1629 г.

МЕСТЕЧКО. Поселок, небольой городок. РИСЛ.

МЕСТО. Город. РИСЛ.

МОЛОКИТНИКЪ. Заросли ивы. РИСЛ. В СлРЯ XI-XVII вв. – молокита «ива», молокитный «ивовый», молокитовый, молокитый.

МОСТИЩЕ. Место, где был мост или гать. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.

МОСТОВИЩЕ. То же, что МОСТИЩЕ. Ряз. п. кн. 1, 286. 1597 г. В Сл.РЯ XI-XVII вв. – Воронеж., Тамбов.

МОХЪ. Болото, поросшее мхом. РИСЛ; Ряз. п. кн.; Отказн. кн. юж.; СлРЯ XI-XVII вв.

МОХЪ КОВЧЕВАТИКЪ. Моховое болото с кочками. РИСЛ.

МОХЪ ЧИСТИКЪ. Чистое безлесное моховое болото. РИСЛ.

МОХЪ ЯГОДНИКЪ. Моховое болото, где растут ягоды. РИСЛ.

МОЧЕВИНА. Болото, мокрое болотистое место. РИСЛ.

МОШОКЪ. Моховое болото. РИСЛ; Отказн. кн. юж.; СлРЯ XI-XVII вв.

МОЧИЛИЩЕ. Яма, залитая водой; пруд. Ряз. п. кн. 2, 739. 1640 г.

МШАРА. Место, поросшее мхом. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.

МШАРИНА. Мшара. РИСЛ, СлРЯ XI-XVII вв.

МШАРНИКЪ. То же, что МШАРА, МШАРИНА. Ворон. Межевые кн., 218. 1629 г.
НАКЛЯПЫЙ. Согнутый, кривой, наклонившийся. РИСЛ. В Отказн. кн. юж. – НАКЛЯПЪ.; СлРЯ XI-XVII вв.
НЕГОНЬ. Вид водного угодья. Пам. Ряз., 47. 1589 г.; СлРЯ XI-XVII вв.
НИВКА. Небольшой участок пахотной земли. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.
НИВИЦА. Уменьш. к НИВА «пашня»; Пам. Ряз., 19. 1512 г.; Ряз. п. кн. 2, 558. 1629 г.
ЧЕРЕЗЪ НИВИЦУ – ЧЕРЕСПОЛОСНО. Ряз. п. кн. 2, 454. 1568 г.
НИЗКОСТЬ. Низина, низкое место. РИСЛ.
НИЗЬ. Низкое место, низина. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.
НОВОРАСЧИСТНЫЙ. Вновь расчищенный из-под леса, новоросчисть. Ряз. п. кн. 3, 784. 1629 г.; РИСЛ.
НОВОРАСПАХАНЫЙ. Вновь распаханный. Ряз. п. кн. 3, 1294. 1629 г.
НЕКОСЪ. Давно не кошенный или неудобный для косьбы участок. Ряз.п. кн. 2, 431. 1568 г.
ОБЛОГЪ. Заросшая травой или лесом пашня; залежь, облог. РИСЛ; Кн. припр. Ряз.1, 131. 1597 г.
ОБРУБЪ. Вымеренный земельный надел в форме более или менее прямолинейного четырехугольника. РИСЛ. В СлРЯ XI-XVII вв. другие значения.
ОБЫТОКЪ. Рукав реки. РИСЛ.
ОВИНИЩЕ, ОВИНЧИЩЕ. Место, предназначенное для овина, или место, где раньше был овин. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.
ОВРАЖЕКЪ. Небольшой овраг. РИСЛ; Ряз. п. кн.; Отказн. кн. юж.
ОЗЕРИНА. Небольшое озерко, лужа, похожая на озерко. РИСЛ; Ряз. п. кн.; Ворон., Тамбов.
ОЗЕРИНКА. То же, что ОЗЕРИНА. Ряз. п. кн. 3, 1263. 1629 г.; СлРЯ XI-XVII вв.
ОЗЕРИШКО. СлРЯ XI-XVII вв., Воронеж.
ОЗЕРЕЧКО. Отказн. кн. юж.
ОЗЕРКО, ОЗЕРЦО, ОЗЕРОКЪ. Ряз. п. кн. , РИСЛ, Отказн. кн. юж., СлРЯ XI-XVII вв.
ОЗЕРИЩЕ. Высохшее озеро; место, где было озеро. Воронеж.меж. кн., 213. 1629 г.; Ряз. п. кн.; РИСЛ; Отказн. кн. юж.
ОЛЕХЪ, ОЛЕШЕКЪ, ОЛЬШАНЕЦЪ. Ольховый лес; низкое болотистое место, заросшее ольхой, болото. Отказн. кн. юж.; Ряз. п. кн. – ОЛЕХЪ, ВОЛХА. Ряз. п. кн. 2, 744. 1629 г.
ОЛЬШАНЕЦЪ . Ольховый лесок, роща. Отказн. кн. юж.
ОЛЕШНЯГЪ. Заросли ольхи, ольховый лес. Кн. припр. Ряз. , 64. 1616 г.
ОЛЕШНИКЪ. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.
ОЛЬШИНА, ОЛЬШИНИНА. Ольха, сук ольхи. РИСЛ.
ОРЕШИНА. Заросли орешника; лес из ореховых деревьев. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.
ОПАЛОКЪ. Деталь бортного знамени. Ряз. п. кн. 2, 450. 1567 г.
ОМЕЖЕВАТЬ. Отмежевать. Ряз. припр. кн. 1594-1597 г. (Анпилогов 243) .
ОСЕЛОКЪ. Непаханое поле. РИСЛ; Ряз. п. кн. 2, 66. 1597 г.; СлРЯ XI-XVII вв.
ОСЕЛОЧЕКЪ. Небольшой оселок. РИСЛ.
ОСОВЕЦЪ. Осинник. Ряз. п. кн. 2, 440. 1567 г.
ОСОВИЦА. То же, что ОСОВЕЦЪ? РИСЛ.
ОСТРОВЪ. Небольшой отдельно стоящий лес; лес среди поля. РИСЛ; Ряз. п. кн. 2, 733. 1629 г.

ОСТРОВОКЪ. РИСЛ. Отказн. кн. юж. СлРЯ XI-XVII вв.

ОТВЕРХОВЬЕ. Ответвление, рукав реки недалеко от истока. РИСЛ. ОТВЕРШЬЕ. То же, что ОТВЕРХОВЬЕ. РИСЛ.

ОТВЕРШЕКЪ. Ответвление, рукав реки недалеко от истока; высокий крутой берег реки, оврага. РИСЛ. Отказн. кн. юж. Ряз. п. кн. 2, 324. 1629 г.

ОТВЕРШКОВЫЙ. Отказн. кн. юж.

ОТМЕЖЕВАЛЬНЫЙ. Отмежевальные книги – книги, в которые записывали случаи отмежевания, т.е. передачи угодий при межевании от одного владельца другому. Пам. Ряз., 47. 1589 г.

ОТМЕЖЕВАНЬЕ. Действие по глаг. ОТМЕЖЕВАТЬ «передать земельные или водные угодья при межевании от одного владельца другому». Пам. Ряз. , 47. 1589 г.; СлРЯ XI-XVII вв.

ОТМЕЖНЫЙ. Отмежная грамота – документ, закрепляющий отмежеванье земельных наделов. Ряз. п.кн. 2, 430. XVI в.

ОТМЕТОКЪ. Межевой знак? Ряз. п. кн. 2, 7. XVI в.

ОТГРАНИТЬ. Отделить межевыми знаками. РИСЛ. СлРЯ XI-XVII вв.

ОТОКА, ОТТОКА, ОТТОЧИНА. Протока. Ряз.п. кн. 2, 505. 1629 г. РИСЛ.

ОТРОГЪ. Ответвление горы, холма. Воронеж. П. кн. , 138. 1615 г.; Ряз. – АСВР 3, № 363. 1522 г.; Отказн. кн. юж.

ОТСЕЛОКЪ. Отдельное селение, выселок. РИСЛ.

ОТХОДЪ. Отдаленный земельный участок. Кн. припр. Ряз., 83. 1616 г. СлРЯ XI-XVII вв.

ПАВОДЫ. Паводок, большое скопление воды в реке от ливней, РИСЛ.

ПОЛОВОДЬ. Половодье. Ряж. Десятни, 319. XVI в.

ПАЖИТЬ. Луг, пастбище; пустошь. Ряз. п. кн. 3, 1124-1125. 1629 г. СлРЯ XI-XVII вв.

ПЕРЕВЕРТА. Вид межевого знака (только в пределах бывшего Рязанского княжества). Дух. и дог. Гр. 338. 1496 г. 1506 г.; Ряз. п. кн. 2, 432. 1569 г.

ПЕРЕВЕРТЫ ВЕРТЕТИ. Ставить межевые знаки, называемые перевертами.

ПЕРЕВЕРТКА и ПЕРЕВЕРТЬ. То же, что ПЕРЕВЕРТА. Ряз. п. кн. 3, 1264. 1629 г.; Ряз. п. кн. 2, 456. 1594-1597 г.

ПЕРЕВЕСИЩЕ. Место, где развешивались сети для ловли диких птиц. Пам. Ряз., 102. 1535 г.; СлРЯ XI-XVII вв.

ПЕРЕВОЛОКА. Пространство между реками, через которое перетаскивают суда или перевозят товары сухим путем. РИСЛ; Ряз. п. кн. 2, ч. 8. XVI в.; СлРЯ XI-XVII вв.

ПЕРЕЛЕСЬЕ. Поляна между участками леса. Пам. Ряз., 83. XV век по сп. XVII в.

ПЕРЕЛОЖИЩЕ. Перелог. РИСЛ.

ПЕРЕМЕТИЩЕ. Место на реке, где устанавливается перемет «рыболовная снасть». Пам. Ряз., 82. XV в. по сп. XVII в.

ПЕРЕМОЙ. Размытая отмель, перешеек, проток между озерами. РИСЛ. В СлРЯ XI-XVII вв. – ПЕРЕМОИНА. Псков.

ПЕРЕСОХА. Пересохшее русло реки, ручья. Ряз. п. кн. 2, 485. 1597 г.

ПЕРЕСОШКА. Уменьш. к слову ПЕРЕСОХА. Ряз. Док.Солотч.м., 1686 г.

ПЕРЕТОЧИНА. Протока, ручей. РИСЛ.

ПЕРЕУЗИНА. Наиболее узкое место реки. РИСЛ.

ПЕЧИЩЕ. Место, где стояла печь; бывшее поселение, заброшенное земельное угодье. РИСЛ. СлРЯ XI-XVII вв.

ПЛОТА и ПЛОТКА. 1. Ровное низкое место у реки. РИСЛ. 2. Разветвление русла; протока, рукав реки. РИСЛ; Ряз. п. кн. 3. Разветвление, раздвоение ствола дерева. Отказн. кн. юж.; СлРЯ XI-XVII вв.

ПЛОТАВЫЙ. Имеющий раздваивающийся ствол. Ряз. п. кн. 3, 1287. 1629 г.

ПОВЕРТКА. Поворот или место, где расходятся дороги. Ряз. п. кн. 3, 1263. 1629 г.

ПОВОРОТКА. Поворот. Воронеж. п. кн., 134. 1615 г.; Воронеж.меж. кн. 207. 1629 г.

ПОВОРОТОКЪ. Поворот. РИСЛ.

ПОГОРОКЪ. Пригорок. РИСЛ.

ПОДБЕРЕЗКИ, ПОДБЕРЕЗЬЕ. Место, поле, расположенное под березняком. РИСЛ. В СлРЯ XI-XVII вв. есть слово ПОДБЕРЕЗИЕ, 1521 г. Видимо, сев. регион.

ПОДБОРИЦА. Место, расположенное под бором, рядом с бором. РИСЛ.

ПОДБОРУХА. То же, что ПОДБОРИЦА. РИСЛ.

ПОДЛУЖЬЕ (ПОДЛОЖЬЕ). Место, прилегающее к заливному лугу, болоту, луже «низменному мокрому месту». РИСЛ.

ПОДЛУЖНЫЙ. Относящийся к ПОДЛУЖЬЮ. РИСЛ. В СлРЯ XI-XVII вв. есть слово ПОДЛУЖНЫЙ с другим значением.

ПОДМОШИЦА. Место, расположенное у мохового болота. РИСЛ. В СлРЯ XI-XVII вв. есть слово ПОДМОШЕЧЬЕ.

ПОДСОСЕННИКЪ, ПОДСОСОННОЕ, ПОДСОСОНЬЕ. Место вблизи соснового леса. РИСЛ. В СлРЯ XI-XVII вв. есть ПОДСОСОНЬЕ.

ПОДСОШЕКЪ. Владельческий знак в виде вертикальной черты, входящий в состав бортного знамени. Ряз.п. кн. 2, 456. 1597 г. В СлРЯ XI-XVII вв. – «подставка, подпора». Сев. ареал.

ПОДЪЕЛИЦА. Место возле елового леса. РИСЛ.

ПОЖЕНКА, ПОЖНЯ. Сенокосное угодье. РИСЛ; Ряз. п. кн.; Ряз. акты в АСВР 3, № 341, 1506 г.; № 361, 1501 г.; Отказн.кн.юж.

ПОЖНИЩЕ. Место, где раньше было сенокосное угодье. Отказн. кн. юж.

ПОЙМА, ПОЙМИЩЕ. Место, заливаемое полой водой; заливной луг. Ряз. п. кн. 2. 16 в.; Воронеж. меж. кн., 208. 1629 г.; СлРЯ XI-XVII вв.

ПОЛИЩЕ. Место, где было обрабатываемое поле. Ряз. п. кн. 2, 699. 1629 г.

ПОЛЕСЬЕ. РИСЛ.

ПОЛОГЪ и ПОЛОЖЕКЪ. Низменное равнинное место; пологий берег. РИСЛ . В СлРЯ XI-XVII вв. – ПОЛОГЪ.

ПОЛОНЬ. Чистое открытое место. РИСЛ.

ПОЛПУСТОШИ. Половина пустоши как самостоятельная единица земельного владения со всеми прилегающими к ней угодьями. РИСЛ; Ряз. п.кн.; СлРЯ XI-XVII вв.

ПОЛУГОРА. Невысокая гора, пологий холм. Ряз. п. кн. 2, 432. 1567 г. ; Воронеж. акты, 300. 1697 г.; РИСЛ; Отказн. кн. юж.

ПОЛУДЕРЕВНЯ. Половина деревни. РИСЛ; Ряз. п. кн.; Отказн. кн. юж.; СлРЯ XI-XVII вв.

ПОЛУГОРОКЪ. Отказн. кн. юж.

ПОЛУЗАЛИВЪ. Небольшой залив. РИСЛ.

ПОЛУОВРАГЪ. Небольшой овраг. РИСЛ.

ПОЛУПРОТОКЪ. Небольшой проток. РИСЛ.

ПОЛУСЕЛО. Половина села, являющаяся самостоятельным земельным владением. Ф. 1175-1, 1515, 12 об. 1701 г.; Ряз. п. кн.

ПОЛУСЕЛИЩЕ. Ряз. п. кн.
ПОЛУСЕЛЬЦО. Половина сельца. Ряз. п. кн.; Отказн.кн. юж.
ПОЛУПРУДЪ. Половина пруда как водного угодья. РИСЛ.
ПОЛУРЕКА. Один берег реки как самостоятельная единица земельного владения со всеми прилегающими угодьями. РИСЛ. В СлРЯ XI-XVII вв. – ПОЛРЕКИ.
ПОЛУРЕЧКА. Небольшая река. РИСЛ.
ПОЛУРУЧЕЙ. Небольшой ручей. РИСЛ.
ПОЛУТЕЧЕНИЕ. Небольшое русло? РИСЛ.
ПОЛЬЦЕ. Небольшое поле. Отказн. кн. юж.
ПОЛЯНА и ПОЛЯНКА. Поляна, росчисть как сельскохозяйственное угодье. Воронеж. п. кн., 33. 1615 г.; Ряз. п. кн. 2, 595. XVII в. ПОЛЯНКА с этим значением по СлРЯ XI-XVII вв. на сев. территории.; Отказн. кн. юж.
ПОРОСЛЬ. Молодой лес, кустарник; место, покрытое мелким лесом, кустарником. РИСЛ.
ПОРОСНИКЪ, ПОРОСНЯГЪ. То же,что ПОРОСЛЬ. РИСЛ; Отказн. кн. юж.; Ряз. п. кн.; СлРЯ XI-XVII вв.
ПОТЕКЛЬ. Ручей, текущий по балке, по оврагу. Отказн. кн. юж.; Воронеж. акты, 22. 1640 г.
ПОСЕКА. Вырубка, просека. РИСЛ.
ПОТОЧЕКЪ. Маленький ручей, поток. РИСЛ; Ряз. п. кн.
ПОТОЧИНА, ПОТОЧИНКА. Ручей. РИСЛ; Отказн. кн. юж.
ПОЧИСТЬ. Расчищенное в лесу место под пашню или покос; росчисть. Ряз. п. кн. , 505. XVII в.
ПРИЛУКЪ. Залив, лука, а также берег речной луки. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.
ПРИПАШЕКЪ. Припаханный участок земли; вновь расчищенная, распаханная и засеянная земля. РИСЛ.
ПРИПАШЬ. Припаханный участок земли. Ряз. п. кн. 2, 440. 1567 г.
ПРИСАДА. ЛЕСЪ ПРИСАД. Лес, примыкающий к усадьбе, ко двору. Кн. припр. Ряз., 52. 1616 г.; Отказн. кн. юж. В Отказн. кн. юж. ПРИСАДА обычно, но с другими значениями, как и в СлРЯ XI-XVII вв. С указанным в рязанских памятниках значении отмечаем лишь в орловских писцовых книгах.
ПРИСЕКЪ. Срубленные при образовании просек деревья; пни. РИСЛ. В СлРЯ XI-XVII вв. – ПРИСЕКА.
ПРИСЕЛОКЪ. Небольшое селение, которое расположено возле большого села. РИСЛ.
ПРОСЕКЪ. Просека. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.
ПРОСЕКА. Отказн. кн. юж.
ПРОПАСТИЩЕ. Трясина, гиблое место. Пам. Ряз. , 122. XVII в. (1585 г.). В СлРЯ XI-XVII вв. только ряз. и псков.
ПРОТОКЪ. Рукав реки, протока, пролив, соединящий два водоема. Ряз. припр. кн., 86. 1616 г.
ПРОТОЧИНА. Проток, ручей, соединяющий два водоема. РИСЛ.
ПУСТОШКА. Небольшая пустошь. РИСЛ; СлРЯ XI-XVII вв.
РАЗЛОЙ. Полая вода. Ряз. Ф. 1175-1, 1515, 14 об. 1701 г.
РАССЕКА. Участок, расчищенный от леса для пашни. РИСЛ.
РАСТЕРЕБЪ (ростеребъ). Расчищенный сенокосный луг. РИСЛ.

РАСТЕРЕБИТЬ. Расчистить луг. РИСЛ.
РАСЧИСТНОЙ. Расчищенный (луг). РИСЛ.
РЕДКОДУБ. Редкий дубовый лес. РИСЛ.; СлРЯ XI-XVII вв.
РАМЕНЬ и РАМЕНЬЕ. Густой, дремучий лес; лесная поросль на заброшенной пашне; черный лес. Писц.припр. кн. Ряз.у. 1594- 97 гг., л. 3 об.–4. (Анпилогов).; Ряз. п. кн. 2, 145. 1535-1597 гг.
РЕПИЩЕ. Засеваемый репой (часто на подсеке, где после первого урожая репы сеяли рожь, а после использовали для покоса) участок. Ряз. п. кн.; СлРЯ XI-XVII вв.
РАСПЛОТИНА. Раздвоившийся на низком месте у озера участок. Орл. п. кн., 880. 1595 г.
РАССОХА. Развилина; знак в виде рогульки. Ряз. п. кн. 2, 450. 1553 г.
РАСТОКИ. Рукава, на которые разделяется водный поток. Отказн. кн. юж.
РОСПАШЬ, РОССЕКА, РОСЧИСТКА, РОСЧИСТЬ, РОСЧИСТКА. То же, что ЛЯДО. РИСЛ.
РУЧАЙ. Ручей. РИСЛ.
СОСНОВЕЦЬ, СОСОННИКЪ, СОСОННИЦА. Сосновый лес. РИСЛ.
СТЕНА. Межа, граница земельного владения. РИСЛ.
СУБОРЪ. Сосновый лес. РИСЛ.
СУКОВИЩЕ. Лес с суковатыми деревьями. РИСЛ. Отказн. кн. юж.; СлРЯ XI-XVII вв.

Итак, мы представили перечень выявленных в южнорусской письменности локальных географических названий общей численностью около 400 единиц. Как уже отмечалось выше, немалую роль в освещении вопроса о характере границ диалектных явлений в разные периоды истории русского языка может сыграть исследование такой древней лексической группы, как географическая лексика. В ее становлении и развитии огромную роль играют внешние факторы, а именно: географическая среда, свойства материальных объектов окружающего мира, этнический состав населения, духовная культура, языковые контакты. Соотношение этих факторов в разные эпохи развития языка или диалекта, бесспорно, меняется. Едва ли следует доказывать тот факт, что в более древний период становление географической лексики происходило под непосредственным влиянием географической среды. В дальнейшем же активизировались и другие из перечисленных нами факторов.

Проведенный нами сопоставительный анализ географической терминологии, выявленной в писцовых, приправочных, отказных, межевых, мерных и некоторых других книгах, показал прежде всего, что южнорусская географическая терминология в целом представляет собой необыкновенно богатый, разнообразный, но вместе с тем и неоднородный в диалектном отношении пласт. Значительную часть исследуемой лексики составляют слова с достаточно широким ареалом в составе южнорусского наречия XVI-XVIII вв., заходящим иногда и в соседние пределы. Отдельные группы образуют географические названия, зафиксированные в памятниках письменности, относящихся к двум-трем областным диалектам. Так, например, общие географические названия, кроме тех, что входят в единую для всех южнорусских диалектов группу, отмечаем в

рязанских и смоленских источниках, в рязанских и воронежских и т.д. Укажем пока числовое соотношение таких терминов в разных южнорусских диалектах исследуемой эпохи. Из примерно 400 приведенных выше лексических единиц не менее 100 географических терминов в общем перечне даны с адресом РИСЛ, что указывает на фиксацию этих терминов только в смоленской деловой письменности XVI-XVIII вв. Список географических названий, обнаруженных только в рязанских писцовых и других книгах XVI-XVII вв., включает примерно половину отмеченного в РИСЛ. Воронежский список составляет около 20 наименований, брянский – 10. Остальные южнорусские диалекты отличаются друг от друга в меньшей степени.

В опубликованной недавно статье «Бытовая терминология в южнорусской письменности XVI-XVIII вв.» мы уже сделали предварительные выводы об особом положении в южнорусском наречии рязанского и – особенно – смоленского диалектов. Проведенное нами исследование важнейшего лексического пласта – географической терминологии – позволило получить интереснейший материал для освещения вопроса о характере границ диалектных явлений в период XVI-XVIII вв. Мы уже указывали в названной статье, что становление смоленского диалекта осложнялось самыми разнообразными экстралингвистическими факторами. Давняя общность между смоленским и севернорусским диалектами – в первую очередь северо-западными – оставила заметные следы в лексике смоленских говоров. Эта общность не стерлась временем до наших дней, в исследуемый же период она выражалась отчетливее. Так, например, более или менее последовательное употребление в смоленской письменности слова **орать** «пахать» и его дериватов, сосредоточившихся в исследуемую эпоху в основной своей массе в севернорусских говорах и лишь спорадически выявляющихся на южнорусской территории, бесспорно, является следствием давних связей севернорусских и смоленских говоров. География слова **лядо** и лексем, обозначающих процессы разработки ляд, издавна связывается с территорией Северо-Западной Руси и Смоленского края. Слово **растеребъ** «расчищенный луг», которое мы считаем узкорегиональным для исследуемого периода, этимологически и семантически связано с древнерусскими образованиями **теребъ, притеребъ.** Ф.П. Филин относит их к северной (древненовгородской, а отчасти псковской и смоленской) диалектной группе. (7, 253). На территории Смоленского края в прошлом добавочные земельные площади и сенокосные угодья создавались как раз за счет упомянутых ляд и растеребов, как и на севере. По мнению Ф.П. Филина, вследствие того, что на севере подсечное земледелие существовало значительно дольше, чем на юге, юг и север довольно рано стали отличаться друг от друга в земледельческой терминологии. «В северных памятниках широко представлены такие слова, как **ляда**, **лядина** (в разных зна-

чениях); **теребити** «срубать и жечь лес под пашню»; **тереб**, **притереб**, **потереб**, **дор**, **роздерть** и др. «вновь приготовленная из-под леса пашня» и в иных значениях, так или иначе связанных с подсекой, которые на юге или вовсе не употребляются, или же сохраняются в рудиментах» (8, 547). В исследованной нами смоленской письменности мы обнаружили множество географических терминов, связанных с подсечным земледелием: **посека, россека, лядные россеки, росчистка, росчисть** и др. Однако особое положение смоленского диалекта в прошлые эпохи связано не только близостью к северо-западному ареалу, а в ряде случаев и к севернорусскому. Языковые связи Смоленского края с Украиной и Белоруссией сложились исторически на основе общности социально-экономических и общественно-политических условий в определенные этапы их развития. Превалирующий характер этих связей в тот период, когда Смоленский край входил в состав Польско-Литовского государства, как раз и обусловил то своеобразие, которое отличает смоленские говоры от остальных южнорусских. Обилие локализмов-заимствований, вошедших в смоленский диалект в указанную эпоху, придает особый колорит и географической лексике, выявленной в памятниках письменности XVII-XVIII вв. Это и слово **грунт** «земельное владение», и **стена «межа, граница», и трибъ «межа, просека», застенокъ, застенный – о** владениях, расположенных за границей, «стеной», и др.

В приведенном выше списке локальной географической лексики, выявленной в южнорусской письменности XVI-XVIII вв., количество географических наименований, засвидетельствованных в рязанских писцовых, межевых и других книгах XVI-XVII вв. и не обнаруженных в других источниках этой эпохи, также впечатляет. Обилие рек, речек, озерков, озерец, озерищ, пойм и поймищ, всяких водомоин, водотеч, обусловило такое же обилие заливных лугов. Как и на Смоленщине, последние именовались терминами **болонье, оболонь, оболонье** и служили в качестве сенокосных угодий. Косили сено и на поймах и поймищах. Диалектные **бокалда, бучило, мочилище, плота** «небольшая речка», «овраг с постоянным водотоком», редкое **речица** «ручей, поток, речка» принадлежат, как и многие другие из приведенного выше списка, к местным географическим терминам. Многочисленны наименования лесных угодий: лес пашенный и непашенный, лес-присада, дуброва и дубровка, куст, олех, липняг, липяг, корь, рамень и раменье и т.д. Остановимся на последних двух терминах, связанных, как выясняется, с подсечным земледелием. Слово **корь**в рязанских писцовых книгах встречается очень часто. В СлРЯ XI-XVII вв. оно дано с тремя значениями. 1. Место, расчищенное от леса под пашню. 2. Небольшой лес, кустарник, выросший на месте выкорчеванного леса. 3. Небольшой лесок или отдельные деревья, использовавшиеся как межевой знак. В качестве оттенка третьего значения дано следующее: «пень, ствол старого дерева (как межевой

знак)». Проиллюстрируем последнее: Отъ дву березъ на совей корь, а у коря две березы. Ряз. п. кн. 2, 747. 1629 г. Отметим попутно, что первое и третье значения сопровождаются в СлРЯ XI-XVII вв. текстами из рязанских писцовых книг. Из южнорусских диалектов прошлого слово КОРЬ отмечено еще в смоленской письменности XVII века (РИСЛ).

Историками языка и этимологами тщательно изучены слова **рамень** и **раменье**, отмеченные в рязанских писцовых книгах со значениями «большой лес», «черный лес»; упоминается обычно этот лес рядом с заболоченными местами или просто с болотом. В современных рязанских говорах приведенные слова сохраняются, на что указывают составители Деулинского словаря. По мнению исследователей, занимавшихся словами **рамень** и **раменье**, **рамень** не просто лес, а лес по соседству с пашней, причем пашня, поле не обычные, а возникшие путем расчистки, корчевания и сжигания леса. Установлено также, что рассматриваемые географические термины из всех южнорусских диалектов бытовали и бытуют только в рязанском диалекте; остальные диалекты, где встречаются **рамень, раменье** и их дериваты, входят в севернорусское или среднерусское наречия (9, 77-87). С подсечным земледелием связано рязанское слово **испогорище** «луг на месте выкорчеванного и сожженного кустарника». Кроме рязанских писцовых книг, это слово нигде не отмечено. Географическое название **жаръ** «участок леса, выжженный под пашню», кроме рязанских писцовых книг, зафиксировано в северо-западной деловой письменности. Последовательно фиксируются слова **расчистка, расчищенный, росчисть, посека, россека, почисть** и под. Последнее, кстати, принадлежит к местной – рязанской – географической лексике. Нередко упоминаются «выгорный лес», «выгарь», даже просто «пожаръ» с тем же значением, что и **выгарь**. Таким образом, рязанский диалект, как и смоленский, тяготеет во многом к северу русской территории. Н.С. Бондарчук иллюстрирует «лексическое соответствие территории северновеликорусского наречия и рязанских говоров южновеликорусского наречия» словом **телятники** «выгон для телят», обнаружив это слово, кроме севернорусских памятников, в рязанских писцовых книгах XVI века: Сена на лугу на телятникахъ и на полях (КДРС, Ряз. п. кн. 2, 616. XVI в.) (10,72).

Особо следует сказать о некоторых владельческих, пограничных, межевых знаках, очень часто встречающихся в рязанской письменности XVI-XVII вв. и даже раньше. Межевые знаки в изобилии встречаются и в южнорусских отказных книгах, и в писцовых, межевых и подобных книгах, относящихся к южнорусским территориям. Писцов всех этих документов сближает то, что все они в качестве наименований упомянутых знаков используют обычную бытовую, сельскохозяйственную и другую конкретную лексику. Из рязанских писцовых книг приведем лишь один пример такого использования бытовой лексики. Рязанский писец использовал в качестве бортного знамени **мо-**

лостовъ «большой горшок, кринка». В исследуемый период это слово принадлежало только рязанскому диалекту. Остановимся, однако, на одном межевом знаке, чаще других встречающемся в рязанских писцовых и межевых книгах XVI-XVII вв.,но не имеющем аналогов в других источниках. Речь идет о термине **переверта**, древнейшем межевом знаке, известном только в пределах бывшего Рязанского княжества (см. СлРЯ XI-XVII вв.). Впервые это слово датируется концом XV века, затем, на протяжении всего XVI, а затем и XVII в. оно последовательно используется писцами, составителями разных книг, где идет речь об отмежевании земельных и других владений. **Переверты вертети** означало ставить межевые знаки, называемые перевертами. В писцовых и межевых книгах XVI и первой четверти XVII вв. появляются дериваты от слова **переверта**, ставшие такими же редкими, как и их исходный термин. Недошедъ Шевердина стоитъ на полугоре дубъ, а на немъ грань и переверта. Ряз.п. кн. 2, 432. 1569 г. У техъ дву дорогъ у перевертки яма. Ряз. п. кн. 3, 1264. 1629 г. Да по переверти на озерко. Ряз. п. кн. 2, 456. 1597 г.

Мы не оригинальны в своих предварительных выводах об особом положении рязанского диалекта в составе южнорусского наречия. Еще А.А. Шахматов, обратившись к сочинениям Е.Ф. Будде, который много занимался историей рязанского диалекта, замечает: «Любопытные исследования Е.Ф. Будде доказали, что в заокской части Рязанской губернии существовал некогда севернорусский (кривичский) говор, с течением времени ассимилировавшийся говорам южным, но до сих пор не утративший своих типичных северных особенностей» (11).

---

1. Никитин О.В. Проблемы этнолингвистического изучения памятников деловой письменности. – М., 2000.
2. Трубачев О.Н. Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме. Русская региональная лексика XI-XVII вв. – М.: ИРЯ АН СССР.
3. Трубачев О.Н. Указ. соч. С. 19.
4. Виноградов В.В. Основные этапы русского языка // РЯШ. 1940. № 3.
5. Виноградов В.В. Обсуждение вопросов формирования русской народности и нации // ВЯ. 1954. № 3.
6. Смолицкая Г. П. Об особенностях одной тематической группы лексики русского языка до XVIII в. // Лексические группы в русском языке XI-XVII вв. – М., 1991.
7. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи //Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. Т. 80. – Л., 1949.
8. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. – Л., 1972.
9. Куркина Л.В. Еще раз к этимологии русского РАМЕНЬЕ // Этимология 1997-1999. – М., 2000.
10. Бондарчук Н.С. Проблемы исторической региональной лексикологии. – Калинин, 1978.
11. Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. – СПб., 1899.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Анпилогов – Анпилогов Г.Н. Рязанская писцовая приправочная книга Рязанского уезда... 1594-1597 гг.
2. Воронеж. – Хитрова В.И. Русская историческая и диалектная лексикология (Буквы А-Ж). – М., 1987; Русская историческая и диалектная лексикология (Буквы З-К). – М., 1989.
3. Воронеж. п. кн. – Воронежские писцовые книги. – Воронеж, 1891. С. 189-261. 1629 г.
4. Отказн. кн. – Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Подгот. С.И.Котков, Н.С.Коткова. – М., 1977.
5. Пам. Ряз. – Памятники русской письменности XV-XVI вв. (Рязанский край) / Подгот. С.И.Котков, С.И.Филиппова; Под ред. С.И.Коткова. – М., 1978.
6. П. кн. Моск. гос. 2. – Писцовые книги Московского государства 2. Отд.2. Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. – СПб., 1877.
7. Ряз. п. кн. 1. – Писцовые книги Рязанского края. XVI век / Под ред. В.Н.Сторожева. Т. 1. Вып. 1. (Платежные и приправочные книги). Изд. Ряз. уч. Арх. Ком. – Рязань, 1898, X, 416 с. 1594-1598 гг.
8. Ряз. п. кн. 2. – Писцовые книги Рязанского края. XVI и XVII вв. / Под ред. В.Н.Сторожева. Т. 1. Вып. 2. (Сотные грамоты и писцовые выписи. Писцовые книги XVII века). Изд. Ряз. уч.арх. ком. – Рязань, 1900. С. 417-756. (с. 417-487: 1537-1597 г.; с. 491-737: 1628-1629, с. 738-752: XVII в.).
9. Ряз. п. кн. 3. – Писцовые книги Рязанского края. XVI-XVII вв. / Под ред. В.Н.Сторожева. Т. 1. Вып. 3. Изд. Ряз. уч. Арх. ком. – Рязань, 1904, с. 757-1309. 1628-1629 гг.
10. Ряз. столб. – Рязанские столбцы XVII века. – Хранятся в ГА Рязанской обл. , кор. 205; № 65 и др.

Л.З. Бояринова

О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ СМОЛЕНСКИХ ГОВОРОВ

Исследование словообразовательной системы русского языка включает в себя исследование ее в общенародном языке и русских народных говорах, поэтому диалектное словообразование давно привлекает к себе внимание русистов. Современный уровень развития дериватологии, все расширяющийся круг решаемых ею проблем говорит о том, что давно «настала пора приступить к составлению диалектного словообразовательного словаря» (1, 180).

Проблемы, связанные с составлением словообразовательного словаря общенародного языка, рассмотрены А.Н.Тихоновым (2) и уточнены в многочисленных работах по лексикографии. Составители региональных словооб-

разовательных словарей сталкиваются с теми же проблемами и рядом иных, обусловленных особенностями диалектного материала. Первая проблема, которую решает составитель любого словаря, – объем и характер словника. Рассматривая этот вопрос в данном случае, необходимо определить позиции по поводу включения в состав словника общенародной лексики.

Вопрос об отношении к общенародной лексике ранее решался при составлении региональных толковых словарей. Различный подход к этой проблеме, обусловленный различными задачами, стоящими перед исследователями, а также различными техническими и иными возможностями, привел к созданию словарей двух типов: полных и дифференциальных (см., например, 4; 5). Составители полных словарей исходили из того, что «все говоры русского языка имеют <…> единую общенародную основу», следовательно, «подобный словарь позволил бы выяснить во всех деталях лексико-семантическую систему говора и пути его развития, изменений, происходящих в них в настоящее время» (6, 14). Дифференциальные словари, включая в свой состав только диалектную лексику, решают другие задачи. К словарям дифференциального типа относится и «Словарь смоленских говоров», включающий различные виды диалектизмов: фонетические, семантические, словообразовательные, лексические и др. (7, 7-8).

Тип диалектного словообразовательного словаря (полный или какой-либо другой) также зависит от решения вопроса о включении в него общенародных слов. Это является обязательным или возможным? Можно ли при составлении диалектного словообразовательного словаря (поставив, естественно, соответствующие цели и задачи) не использовать в нем лексику общенародную? Ответ на эти вопросы может дать анализ словообразовательных гнезд (СГ).

Материалом для словообразовательного словаря смоленских говоров служит «Словарь смоленских говоров», его картотека, а также материалы, полученные автором в ходе работы над словообразовательным словарем.

В словаре принят принцип гнездового расположения слов, поскольку он наиболее полно отражает системные деривационные отношения: связи между мотивированным и мотивирующим, частеречную структуру в группе однокорневых слов, способы словообразования, словообразовательные категории, типы и т.д.

Работа над составлением словообразовательного гнезда сразу выявила несколько их типов по количеству и характеру вершинных слов: СГ, в вершине которого стоит одно слово – диалектное или общенародное; СГ, в вершине которого стоит одновременно несколько слов – диалектные, или общенародные, или диалектные и общенародные. Приведем примеры СГ с одним исходным словом (о СГ с несколькими исходными словами см. ниже):

1) копыл – копылье
копылок – копылочек
копылка
копылить – копыльник
прокопылить
копыльнуть – копыльнуться
перекопыльнуть
2) короб* – коробец
коробуля
кудри* – кудерки
кудряш
кудрявый* – кудрявка
кудрявчик

Мы видим, что при исходном диалектном слове в состав СГ входят только диалектные слова, при этом создаются словообразовательные пары типа диалектное слово – диалектное слово (копыл – копылье; копылить – прокопылить). Общенародные слова чаще всего выступают в качестве исходного слова СГ, но могут быть и на других его ступенях. В таких СГ создаются словообразовательные пары нескольких типов: общенародное слово – диалектное слово (короб* – коробуля; кудрявый* – кудрявка), общенародное слово – общенародное слово (кудри* – кудрявый*). Теоретически можно предположить наличие и еще одного типа словообразовательной пары: диалектное слово – общенародное слово. Существование таких пар (пока же нам встретились единичные случаи такого соотношения, не позволяющие еще говорить о закономерности этого явления) позволит взглянуть на одну из проблем дериватологии – чересступенчатое образование слов – под иным углом зрения.

В приведенных выше СГ от слов короб* и кудри* общенародные слова включались только в том случае, когда они выступали в роли мотивирующих для диалектных слов. Однако в системе диалекта общенародные слова функционируют, естественно, без подобного рода ограничений. И если в СГ от слова, например, короб* включить все общенародные слова, бытующие в смоленских говорах, то оно будет полным и может быть представлено в следующем виде:

короб* – коробец
коробуля
коробок* – коробочек*
коробка* – коробочка*
коробом*
коробушка* (и т.д.)

Работа над словообразовательным словарем смоленских говоров поставила и ряд других проблем, одна из которых тесно связана с предыдущей: о подаче в словообразовательном гнезде вариантных слов.

Вопрос о включении вариантов в СГ рассматривался и при составлении словообразовательного словаря литературного языка, при этом учитывались

следующие факторы: «возможность стилистической дифференциации их, нередкое совпадение у них состава производных и т.п.» (2, 240; см. также 3, 9-10). При составлении регионального словообразовательного словаря следует, кроме этого, учитывать сферу распространения вариантных слов: являются они только диалектными или диалектными и общенародными.

Продолжая традиции «Словаря смоленских говоров» (ССГ), к вариантам относим «слова, звуковая оболочка которых различается (не затрагивая значения) в корневой морфеме по глухости-звонкости согласного (бадожье – батожье), мягкости-твердости (бабах – бабях), корневыми гласными звуками (бавкать – бовкать, брудость – брыдость), наличием-отсутствием протетических гласных (абадня – бадня, аблагуша – благуша), наличием редукции, выпадения гласного (балаган – балган), диссимиляции (бамбаза – банбаза) и др.» (7, 11). Кроме этого, в число вариантов входят также слова с лексикализовавшимися акцентологическими и грамматическими особенностями: горло – горло, окунь – окунь; метр – метра, свекровь – свекрова. В систему вариативных отношений включаются слова диалектные и общенародные, поэтому в качестве вариантов мы рассматриваем те общенародные слова, которые являются частью языковой системы смоленского диалекта и отвечают изложенным выше критериям: корен – корень, дрень – дрянь, брыть – брить, альняной – льняной. Следует заметить, что в ряде случаев в ССГ встречается разное написание одной и той же морфемы, отражающее фонетические (нелексикализованные) особенности говоров. Чаще всего это касается безударных гласных. Например: карюзлый и закорюзлик. Различия такого рода не являются вариантными и не находят отражения в структуре словообразовательных гнезд.

Все вариантные слова, принимая во внимание их словообразовательную структуру, можно разделить на две группы: слова с мотивированной основой и слова с немотивированной основой (льняной – альняной, ржаной – иржаной, брудость – брыдость и брить – брыть, корень – корен). Естественно, они будут занимать различные позиции в словообразовательном гнезде: слова с мотивированной основой займут свое место на той или иной ступени СГ, слова с немотивированной основой будут выступать в роли исходного слова СГ.

Каждое из исходных вариантных слов располагается в словаре на своем месте по алфавиту; СГ разрабатывается при одном из них, при другом дается соответствующая отсылка:

1) колготать, колготеть – колготня
колготной – колготно

2) колготеть см. колготать.

Выбор исходного слова СГ из нескольких вариантных определяется их характером: если вариантами являются или только диалектные слова, или только общенародные, то СГ разрабатывается при нейтральном слове (в том случае,

когда в роли вариантов выступают слова нейтральные и стилистически окрашенные) или при первом по алфавиту; если вариантами являются диалектные и общенародные слова, то СГ разрабатывается при общенародном слове.

Расположение вариантных слов в вершине СГ обусловлено соотнесенностью мотивированных слов с каждым из исходных вариантов. При этом складываются различные типы СГ. Первый тип – у каждого из исходных вариантов имеются мотивированные, создающие вместе с исходным вариантом подгнездо. Эти подгнезда очень часто не совпадают друг с другом по набору мотивированных:

1) каравай* – каравайница
каравайный
кравай – кравашка

2) караул* – караулить* – караулка
караульник
калаур – калаурить

В таком случае создается двухвершинное гнездо, в котором имеются два самостоятельных исходных слова.

Иногда мотивированные могут быть только у одного из вариантов, мотивированные же у другого варианта не отмечены:

кархать – кархавенье
кархун
накархать
кархинь

кырхать

Возникает усеченное двухвершинное гнездо, в котором отсутствует одно из возможных подгнезд.

Второй тип – от нескольких вариантных слов образованы одни и те же мотивированные: карий* – карюха и карый – карюха; клюква* – клюквичник и клюквы – клюквичник; конопля* – коноплище, коноплянка, коноплястый, коноплястка и конопель – коноплище, коноплянка, коноплястый, коноплястка. В таком случае оба варианта располагаются в вершине СГ как равноправные исходные:

1) карий*, карый – карюха

2) клюква*, клюквы – клюквичник

3) конопля*, конопель – коноплище
конопляный* – коноплянка
коноплястый – коноплястка

4) кучери, кучеры – кучерявый* – кучерявчик
кучеряво
кучерявить – закучерявить

Гнезда второго типа – одновершинные СГ, среди них не встречается усеченных гнезд.

Разработка СГ с вариантными словами в их вершине также свидетельствует о необходимости включения в состав СГ общенародных слов.

Таким образом, вопрос об использовании общенародных слов в составе словообразовательного словаря решается самим языком, системой отноше-

ний между его единицами и решается в пользу включения в него общенародной лексики.

Диалектный словообразовательный словарь так же, как и толковый, может быть двух типов, один из которых – полный (в силу указанных выше причин является предпочтительным вариантом не только толкового, но и словообразовательного словаря). Дифференциальным региональный словообразовательный словарь быть не может, так как в качестве мотивирующих для многих диалектных слов выступают общенародные слова. Следовательно, другой тип регионального словообразовательного словаря можно определить как смешанный, включающий в себя как диалектную, так и общенародную лексику, которая объективно, вне зависимости от воли исследователя, входит в состав словообразовательного гнезда. Составление диалектного словообразовательного словаря смоленских говоров создаст условия не только для изучения словообразовательной системы диалекта, но и для исследования особенностей функционирования общенародных слов в системе диалекта в целом и в его деривационной системе в частности (ср.: 8, 207 – 233), а также позволит по-новому взглянуть на некоторые явления в словообразовательной системе литературного языка.

Знаком * отмечены общенародные слова.

В данной статье некоторые СГ приведены в сокращенном виде.

1. Тихонов А.Н. Современная русская деривационная лексикография // Актуальные вопросы дериватологии и дериватографии. – Владивосток, 1986.
2. Тихонов А.Н. Принципы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка: Курс лекций. – Самарканд, 1971.
3. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. – М., 1985.
4. Псковский областной словарь с историческими данными / Под ред. Б.А. Ларина. – Л.: ЛГУ, 1967.
5. Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. – Мурманск, 1979.
6. Филин Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров». – М.-Л., 1961.
7. Словарь смоленских говоров. Вып 1/ Под ред. А.И.Ивановой. – Смоленск: СГПИ, 1974.
8. Гецова О.Г., Ильинская Н.Г. Типология различий общерусского глагола в системах диалекта и литературного языка // Материалы и исследования по русской диалектологии.1(У11): К 100-летию со дня рождения Р.И.Аванесова. – М.: Наука, 2002.

С.А. Галант

О НЕКОТОРЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (сопоставительный аспект)

Сравнительно-сопоставительный подход к фактам славянского словообразования, методика параллельного изучения и прием языкового и признакового сопоставления (1) помогут нам исследовать явления, общие для многих славянских языков, и явления, свойственные тому или иному из них. Наше внимание привлекли представители восточнославянской и западнославянской ветви – русский и польский языки. Особое место в этом отношении занимают смоленские говоры: географическое положение, история Смоленской земли, культура соседних народов – все это создало предпосылки для взаимодействия и взаимовлияния смоленских говоров и польского языка. Взаимодействие языков происходит на разных его уровнях, в том числе на морфемном и словообразовательном.

В последнее время сложились благоприятные условия для сопоставительного изучения смоленских говоров и польского языка, обусловленные выходом Словаря смоленских говоров (сейчас ведется работа над заключительным его выпуском), в котором представлен богатый диалектный материал. В данной статье излагаются некоторые наблюдения, полученные нами в ходе исследования материалов, зафиксированных в десятом выпуске «Словаря смоленских говоров», и польской лексики, извлеченной из «Praktycznego słownika współczesnej polszczyzny»(2). К анализу привлечено 425 слов.

Исследуя материал, мы обнаружили несколько типов соотношения словообразовательной структуры польских и смоленских слов. Первая группа включает в себя слова, характеризующиеся одинаковым фонетическим оформлением. Такое соотношение встречается в пределах каждой части речи. Например: **1) слоик – słoik , скарбонка – skarbonka, справа – sprawa; 2) стислый – ścisły; 3) слухать – słuchać, спытать – spytać; 4) трошку – troszkę, снов – znów.** В этих словах совпадают первый и второй блок словообразовательной структуры, т.е. мотивирующая основа и словообразующий аффикс (если есть). Таких слов с одинаковым или очень похожим фонетическим оформлением в исследуемом материале оказалось 63. Следует заметить, что больше всего слов с похожим фонетическим оформлением встречается в группе имён существительных и в группе глаголов.

Вторая группа – это диалектные и польские слова, имеющие одинаковые словообразующие аффиксы в рамках одной части речи. Например: **1) солод-уха – siw-ócha, струж-ка – wstąż-ka; 2) такусенький – malusieńki,**

толк-оватый – zez-owaty; 3) скануть – zginąć; 4) трудновито – pracowicie. Это даёт нам возможность предполагать, что можно выделить словообразовательные типы, общие для русского и польского языков.

Третья группа – это слова, словообразовательная структура которых имеет одинаково выраженную мотивирующую основу и разные словообразующие аффиксы. Например:

1) станок – stanik, торбуль – torbisko; 2) суфитный – sufitowy;

3) смайстрить – zmajstrować; 4) сподручно – podręcznie.

Особого внимания заслуживают производные диалектные слова, мотивирующее слово которых можно найти только в польском языке. Например: **1) скарбонка – skarbonka←skarb (сокровище),** таким образом, скарбонка – кошелёк, т.е. предмет, в который прячем свои сокровища; **2) суфитный – sufitowy←sufit (потолок),** таким образом, суфитный – связанный с потолком.

Как в русском, так и в польском языках образование слов может происходить в сопровождении определённых морфонологических явлений. В производном слове на границе мотивирующей основы и словообразовательных аффиксов может происходить в основном четыре вида взаимоприспособления этих двух соединяющихся частей: чередование фонем, наложение морфов, усечение производящей основы, интерфиксация.

Чередования, происходящие при словообразовании и не обусловленные фонетической позицией, – это исторические чередования; чередования, обусловленные позицией, являются фонетическими. Наиболее распространены чередования конечных согласных мотивирующей основы на стыке со словообразовательным аффиксом (**табурет – табуретник, chłop – chłopisko**) и чередования не на стыке морфем, а внутри производящей основы (**солонечник – солнце, mówić – mawiać**).

Интересен сопоставительный анализ чередования в производящей основе полногласных сочетаний (в смоленских говорах) и сочетаний плавный + гласный (в польском языке): **солодкий – słodki, солодить – słodzić, соломянка – słomianka, солонина – słonina, солоный – słony.** Эти примеры подтверждают происхождение славянских языков из общеславянского языка. В языке восточных славян общеславянские сочетания **ор, ол, ер, ел** изменились в **оро, оло, ере, ело.** В польском же языке общеславянским сочетаниям соответствуют **ro, ło, rze(re), le.**

В процессе взаимоприспособления морфов при словообразовании может произойти усечение производящей основы. Это морфонологическое явление наблюдаем в смоленских говорах (**тарабонить – тарабонка)** и в польском языке (**myśliwy – myslistwo).**

В случае совпадения конечных звуков (звука) производящей основы и начальных звуков (звука) словообразовательного суффикса наблюдается явление наложения (совмещения) этих звуков при словопроизводстве. Например: в русском языке в слове **омский** (от Омск) суффикс **–ск** полностью накладывается

на конечные звуки производящей основы, а в польском языке таким примером может быть слово **wieś – wiejski (wiejś-ski→wiejs-ski→wiejski).**

Исследуемый материал позволяет провести наблюдения и над словообразовательными типами. Под словообразовательным типом понимается структурно-семантическая схема построения мотивированных слов, которые характеризуются общностью части речи мотивирующих основ и аффикса. (4, 182; 5,112). Каждый тип может включать в себя несколько моделей, которые определяются семантикой мотивированного слова.

Поскольку одним из главных компонентов модели или типа является часть речи слова, содержащего мотивирующую основу, мы выделяем типы и модели с глагольной мотивирующей основой, субстантивной мотивирующей основой, адъективной мотивирующей основой и мотивирующей основой, выраженной наречием. Рассмотрим некоторые из них.

Группа существительных, обозначающих названия инструментов и машин, включает в себя словообразовательные структуры с суффиксами **-ка, -лка, -ло, -льня, -ак, -ач, -ень, -ник, – льник, -льница, -ович, -ыш, -ель, -ень, -еха (скапка, сновалка, сновало, стропильник, сопель и т.д.).** В качестве мотивирующей основы выступают только глагольные основы. Например: **терка←тереть, сновало←сновять, трепак←трепать, сновальница←сновять.** Глагольные мотивирующие основы, от которых образованы названия инструментов и машин, являются основами глаголов несовершенного вида.

В польском языке для образования названий инструментов и машин используются суффиксы **-acz, -aczka, -arka, -ak, -dło** (3). Мотивирующей основой является глагольная основа, выраженная глаголами несовершенного вида. Например: **siekacz←siekać, spawarka←spawać, czerpak←czerpać, szydło←szyć.**

Сопоставление словообразовательных структур, имеющихся в говорах и в современном польском языке, выявило суффиксы, общие для говоров и польского языка, и суффиксы, свойственные только говорам. Таким образом, общими словообразовательными моделями для смоленских говоров и польского языка является образование существительных мужского рода, обозначающих названия машин и инструментов, от глаголов несовершенного вида при помощи суффикса **-ак** и образование существительных среднего рода, называющих инструменты и машины, от глаголов несовершенного вида при помощи суффикса **–ло (-dło).** Тождественность этих суффиксов объясняется тем, что в древнерусском языке отразились изменения общеславянских сочетаний **dl, tl**, в которых произошло выпадение **d, t.** Это же явление наблюдаем в старославянском и других южнославянских языках. Однако в западнославянских языках **d, t** удержались. Ср.: **мыло – mydło.**

Группа имён существительных, обозначающих место или пространство, включает в себя словообразовательные конструкции с суффиксами: **-ня, -овня,**

-ище, -ник, -ка, -ец, -jo, -ница (сушня, токовня, стожарище, сковородник, стожарьё, сушка, скопец). В качестве мотивирующей основы выступают глагольные и субстантивные основы. Глагольные мотивирующие основы выражены основами глаголов несовершенного вида, а субстантивные мотивирующие основы – существительными, называющими предмет или лицо. Суффикс **-ня** соединяется с глагольными и субстантивными мотивирующими основами. Например: **сушня←сушить, сковородня←сковорода, стожарня←стожар.** Суффикс **-ище** соединяется с субстантивными мотивирующими основами. Например: **стожнще←стог, стожарище←стожар.**

Только к глагольным мотивирующим основам присоединяются суффиксы **-ка, -ец: сушка←сушить, стайка←стоять, скопец←скопать.** Суффиксы **–овня, –ник** – к субстантивным мотивирующим основам: **токовня←ток, стожарник←стожар, сковородник←сковорода.** Мотивирующим словом является слово, обозначающее лицо или предмет, находящийся в этом месте.

В польском языке, как и в смоленских говорах, существительные, называющие место или пространство, мотивируются глагольными или субстантивными основами. Причём названия мест, в которых происходит действие, образуются от глагольной мотивирующей основы при помощи суффиксов **-alnia, -arnia, –isko: gotowalnia←gotować, suszarnia←suszyć, targowisko←targować.** Названия мест также мотивируются названием лиц или предметов, находящихся в этом месте. В данном случае мотивирующая основа является субстантивной, и с ней соединяются суффиксы **-nia, -alnia, -alnik, -arnia, -ownia, -nica, -nik, -isko: cukiernia←cukier, śmietnik←śmieć, cukrownia←cukier.**

Образование существительных, называющих место или пространство, в польском языке и в смоленских говорах происходит по следующим общим моделям: от субстантивных мотивирующих основ при помощи суффиксов **-ня (-nia), -овня (-ownia), -ник (-nik).**

Таким образом, сопоставление небольшой группы слов смоленского диалекта и польского языка показало следующее: многие русские диалектные и польские слова имеют одинаковую словообразовательную структуру; в ряде сопоставленных слов совпадают первый или второй блоки словообразовательной структуры; словопроизводство в русском и польском языках сопровождается сходными морфонологическими явлениями. Смоленские говоры и польский язык обладают общими схемами построения мотивированных слов.

---

1. Кодухов В.И. Общее языкознание. – М., 1988.
2. Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny. – Warszawa, 1982.
3. Bąk P. Grammatyka języka polskiego. – Warszawa, 1987.
4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1973.
5. Тихонов А.Н. Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология). – М., 2002.

И.В. Данилова

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ РУССКИХ ИМЕННИКОВ

Для подробного и широкого изучения российского именника, бесспорно, нужны материалы из различных регионов, позволяющие осуществить, во-первых, сам процесс сбора имен, а во-вторых, дальнейший обзор их для лексикографирования с учетом популярности, вариативности, орфографической записи. Составление же относительно полного и соответствующего настоящему времени Словаря личных имен – задача сложная и актуальная, имеющая в России хорошую прочную базу.

В 1966 году вышел в свет первый серьезный труд – «Словарь русских личных имен» Н.А.Петровского, содержавший около 2600 имен. Его автор около 20 лет самостоятельно собирал картотеку имен, которая насчитывала до 8 тысяч единиц (к сожалению, источники, по которым проводился сбор материала, не указаны). В 1955 году Н.А.Петровский опубликовал две статьи в журнале «Русский язык в школе», в которых был изложен проспект будущего словаря. Одновременно была составлена программа собирания материала и разослана в количестве 3000 экземпляров по всей стране. С этого момента автор начал получать письма, в которых ему сообщали сведения об именах и их носителях.

В сборе материала приняли участие кафедры русского языка многих региональных университетов и педагогических институтов городов Ярославля, Иркутска, Кургана, Смоленска, Ферганы, Перми, Томска, Актюбинска, Нежина, Благовещенска-на-Амуре. Отрадно, что смоляне приняли участие в этой важной работе, и в предисловии к словарю автор выражает, в числе других, благодарность доценту Смоленского désинститута С.А.Фессалоницкому. Общее число корреспондентов составило более 1200 человек [Петровский 1966:12].

Автором словаря были поставлены следующие задачи:

– зафиксировать имена, широко употребительные в русских семьях в наше время;

– показать старые имена, которые дошли до наших дней только в формах отчеств или имеют лишь отдельных живых носителей;

– показать историю появления современного документального имени и разнообразие форм одного и того же имени;

– зарегистрировать основные сведения об имени: формы отчества, производные, этимологию, а также определить частоту употребления имени, его распространенность;

– дать правильный вариант имени, указать правильное ударение для всех его форм.

«Словарь русских личных имен» выдержал 6 изданий. В последнем, 6-м, стереотипном издании «Словаря русских личных имен» Н. А. Петровского (М., 2000) содержится более 3000 имен, как старых, так и новейших. Словарная статья включает уменьшительные имена, отчества, объясняет их происхождение. Словарь содержит два указателя: указатель уменьшительных имен и указатель дней празднования соответствующему святому.

Несомненно, «Словарь русских личных имен» Н.А.Петровского – значительное явление в антропонимике. Но, как нам кажется, в настоящее время нужен словарь русских имен, представляющий собой свод, включающий в себя результаты последних региональных исследований по всей России и отражающий изменения в именнике, произошедшие после перестройки. В 60-е годы XX века такие исследования начали проводиться. В 1970 году в сборнике «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем» (ответственный редактор В.А.Никонов) были опубликованы материалы, в которых отражено состояние русского именника в некоторых регионах, наблюдения за частотностью имен, а также их динамикой. Отметим весьма содержательную работу А.Я.Шайкевича «Русские личные имена XX в. (по материалам загса Фрунзенского района г. Москвы)», в которой прослеживается динамика и состав русских имен с 1900 по 1959 год, а также очень интересную работу В.Д. Бондалетова «Динамика личных имен в XX в.», в которой анализируется именник г. Пензы с конца XIX века по 1967 год.

В этот же сборник вошли следующие статьи, посвященные региональным антропонимическим исследованиям: «Динамика личных имен в Автозаводском районе г. Горького» Т.И.Окороковой, «Динамика личных имен свердловчан» Т.А.Коротковой, «Наблюдения над употреблением личных имен в Брянской области» Г.И.Кондратенко, «Некоторые наблюдения над личными именами в Волгограде» В.Г.Сыровой, «Личные имена в городе Балашове и Балашовском районе Саратовской области за 1956 – 1965 гг.» М.Г.Свотиной и М.Т.Сураченкова, «Движение имен в 1960 – 1967 гг. по городам Мелекесс, Барыш, Инза Ульяновской области» И.И.Коржанова, «Некоторые данные о составе и распространении имен в Ленинграде» А.В.Сусловой.

Как мы видим, региональный компонент представлен в этом сборнике достаточно широко: всестороннее изучение русского именника невозможно без изучения этих материалов.

В 80-х годах XX века интерес к региональным антропонимическим исследованиям в Российской Федерации несколько ослабевает. Но в то же время появляются работы украинских антропонимистов Д.А.Жмурко «Именник г.Измаила» [1981], А.Ю.Карпенко «Именник русских островных говоров юга Украины» [1982], Л.П.Зайчиковой «Русский именник г. Одессы. Проблемы развития и взаимодействия»[1986].

Возможно, общественные процессы, наступившие в России после перестройки, способствовали постановке проблемы сохранения историко-культурного фонда русского народа. В 1989 году было создано общество «Энциклопедия русских деревень», чьей задачей стало изучение, сохранение и развитие историко-культурного наследия российского крестьянства, создание свода энциклопедических знаний о российских селах, их истории, экономике, культуре и быте. Его неотъемлемой частью является своего рода «антропонимическая перепись», то есть наиболее полный сбор имен, фамилий и прозвищ людей. Как справедливо отмечает З.В.Рубцова в предисловии к своей работе «Географические, личные и другие имена в российских селах» [1991:3], «имена собственные собраны крайне неравномерно: по одним районам или областям есть более-менее полные рукописные картотеки, недоступные широкому кругу специалистов, есть отдельные публикации, но большинству территорий сбор материала надо начинать с нуля». В этой работе даются рекомендации для тех, кто будет заниматься полевым сбором информации, а также перечень вопросов, на которые должны ответить корреспонденты.

Конечная цель общества «Энциклопедия русских деревень» – создание «Российского ономастикона», который был задуман как многотомный словарь: по тому на область, автономную республику, край или округ.

В рамках этого общества в 1990-х гг. началась работа на кафедре русского языка СГПИ. В 1995 г. был выпущен сборник студенческих научных работ «Актуальные вопросы изучения ономастической лексики» под редакцией И.А.Королевой и Н.А.Максимчук, один из разделов которого был целиком посвящен смоленской антропонимии.

В 1995 г. выходит в свет «Словарь русских личных имен» А.Н.Тихонова, Л.З.Бояриновой и А.Г.Рыжковой, содержащий мужские и женские имена со всеми созданными на их базе производными. В работе над словарем приняли участие смоленские ученые. Это первый гнездовой словарь имен, в котором, кроме производного, приводятся все уменьшительно-ласкательные варианты с учетом их словообразовательных связей и отношений, а также этимологические справки, сведения о первоначальном значении личного имени, днях ангела и так далее. В контексте нашего исследования интересен данный в Приложении №4 список имен, которыми называли детей в Смоленской области с 1989 по 1992 годы. По этому списку возможно проследить частотность имен и их динамику за 4 года. На наш взгляд, некоторым несоответствием концепции «Словаря русских имен» является включение в приложение таких имен, как Андрюс, Армен, Гамзат, Асель, Айнур, Зульфия и десятков подобных, которые никак нельзя считать ни русскими, ни заимствованными русским именником. По всей вероятности, появлению этих имен в списке мы обязаны миграционным процессам, которые весьма активизиро-

вались в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Но так как в общем списке национальность новорожденного никак не отражается, сделать выводы о влиянии миграции населения на русский именник крайне сложно.

В последние годы интерес к региональному аспекту изучения личных имен возрастает. Подтверждением этому являются материалы, найденные нами во всемирной сети Internet. Прежде всего, создан сайт «Ономастика России». Его девиз: «Ономатологи всех стран, объединяйтесь!» Его автор – кандидат филологических наук Сергей Попов из Воронежа. Этот сайт интересен как неспециалистам, так и профессиональным ономатологам. Из размещенных на нем материалов можно узнать о происхождении и значении личных имен, фамилий, прозвищ людей, литературных персонажей, географических названий, названий народов и народностей, объектов звездного неба, кличек животных (а для специалиста есть много полезной информации о своих российских коллегах, научных лингвистических конференциях, новинках отечественной ономастической литературы), можно также узнать свежие новости из мира ономастики. Автор предлагает вниманию читателей заметки, посвященные воронежской антропонимии.

На сайте http://arctogaia.krasu.ru/laboratory/m4/speranskaja.shtm нами была обнаружена статья А.Н. Сперанской из Красноярска «Состав и динамика одного именника». Автор пытается произвести лингвостатистический анализ именника на примере одной современной красноярской школы. Исследуются имена учеников, их родителей, а также бабушек и дедушек. На наш взгляд, такая методика неверна. Основоположник современной российской антропонимики В.А.Никонов [1970:54] предупреждал об опасности впасть в заблуждение, давая под видом точных чисел ложную информацию. Нельзя считать серьезной попытку установить изменения системы личных имен путем сопоставления имен новорожденных и их родителей: последние могут иметь разницу в возрасте до трех десятилетий, быть уроженцами разных местностей. В этом случае динамика не только не прояснится, а скорее запутается. В лучшем случае картина именника будет смазанной.

На сайте http://dippywhip.narod.ru/birth.html размещены сведения по статистике употребления имен при регистрации рождения в Петрозаводске (Карелия) в 1999 году, данные в количественном и процентном соотношении Управлением ЗАГС Республики Карелия. Такие материалы вполне достоверны и, несомненно, вполне годятся для анализа.

Также на сайте http://www.imena.org/mias1996.html нами найдены сведения о статистической организации именника г. Миасса с 1900 по 1996 годы, предоставленные И. Алексеевым. К сожалению, автор не указывает источники сбора материала.

Интересны материалы на сайте http://www.deirdre.boom.ru/ по имянаречению в Гомельской области Республики Беларусь. Но опять же нет данных ни о методах, ни об источниках сбора материала.

Говоря об антропонимии в Интернете, нельзя не упомянуть сайт http://www.imena.org/name.html. Здесь содержится разнообразная информация: от серьезных научных статей до занимательных публикаций. В контексте нашего исследования нас заинтересовали материалы об имянаречении в Белоруссии, Пензе и уже упоминавшиеся данные по городам Миассу и Петрозаводску.

Наша работа, как мы уже не раз отмечали, носит региональный характер и пополняет антропонимические сведения о Смоленском крае, именная система которого исследована пока лишь фрагментарно.

---

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983.
2. Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики: Сб. статей / Отв. ред. В.А.Никонов. – М.: Наука, 1970.
3. Никонов В.А Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики: Сб. статей / Отв. ред. В.А.Никонов. – М.: Наука, 1970. – С. 33 – 56.
4. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974.
5. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. – М.: Сов.Энциклопедия, 1966.
6. Рубцова З.В. Географические, личные и другие имена в российский селах (вопросник). – М., 1991.
7. Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. – М.: Школа-Пресс, 1995.

Е.Я.Довгань

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРИСТАВОК *НА-, НАД-* В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ

Исследуемая диалектная лексика при сопоставительном анализе с литературным языком показывает специфику развития говоров в диахронии. Такое сопоставление необходимо для того, чтобы показать не только сходства, но и различия, так как система говоров подчинена системе литературного языка /6,9/.

Приставочное словообразование занимает центральное место в русской глагольной системе. Русские говоры, разговорная речь, СРЛЯ сохраняют все виды 20 основных русских приставок. Любая из них может участвовать в образовании приставочного глагола от бесприставочного, а значение любого приставочного глагола – это закономерный результат сложения и взаимодействия значений приставки, глагольной основы и других элементов ближай-

шего контекста: управляемых существительных, примыкающей предложной конструкции и постфикса **-ся** /3,11/.

Интересна группа слов, обозначающих трудовую деятельность, образованных с помощью продуктивных префиксов **на-** и **над-**.

I. Глаголы совершенного вида с префиксом на- в говорах имеют значение, как и в современном русском литературном языке, целостности действия: наважить *«взвесить на весах»*, намулить *«натереть, измельчить»*, наварганить *«сделать что-либо в большом количестве /экспр./»*, набирковать *«сделать отметку для счета на чем-либо /бирке/»*, набагрить *«сильно натопить»*, навести *«приготовить пищу»*, навешить *«провести границу поля»*, наскусть *«нащипать»*, насморгать *«нарвать, насобирать»*, наснудить *«привести в порядок»*, нащетить *«начесать шерсти на волноческу /щети/»*, наплесть *«наплести что-либо»*, налопатить *«набрать в большом количестве что-либо»*, нациркать *«надоить молока»*, напаствить *«вывести скот на пастбище»* и др.

Глаголы несовершенного вида имеют значение повторяемости действия, его длительности: накачивать *«наматывать нитки для ткачества»*, нанизывать *«запускать гребень в лен»*, намыкивать *«расчесывать лен»*, набрякивать /экспр./ *«очищать волокно, выбирая из него костру»*, настебывать *«делать что-либо быстро и проворно»*, натискивать *нажимать,надавливать»*, начепливать *«цеплять, навешивать»* и др.

Двувидовые глаголы в этой группе не представлены.

Глаголы с префиксом **на-** мотивируются глаголами несовершенного вида: ухаживать – наухаживать, грабить – награбить, паствить – напаствить, сечь – насечь, скепать – наскепать, скелять – наскелять, поленить – наполенить, либить – налибить, клепить – наклепить, тащить – натащить и др.

Не отмечено в этой группе глаголов, мотивированных двувидовыми глаголами, глаголами совершенного вида, хотя в современном русском литературном языке встречаются случаи такой мотивации.

Глаголы с префиксом **на-** в говорах делятся на следующие типы:

1. Значение «направить на поверхность чего-нибудь действие, названное мотивирующим глаголом; поместиться на чем-либо, натолкнуть/ся/ на что-нибудь» /2,261/: налопатить *«заострить косу» /Ти нълупатиш ты касу, а то заутри касить?/*; натащить *«наточить что-либо» /Нужна ножык нытащить/*; наскибать, наскрылять, наскелять *«наколоть лучины» /Нъскибаю лучины и пряду вечирым . Нъскиляють лучину/;* наклепать, налепать, нахлепать *«сделать мягкой тестообразную массу, хлопая по ней руками» /Нълёпыли тираги и у печку. Учора ляпёшык нахлёпыла. Наклипали тирагоу, усяго/;* нагнести *«плотно укладывая, утоптать» /Нагнеу саломы полный вос, што конь як толька звес/;* напрать *«побить белье вальком, праником» /Нада*

бяллё нъпраты/; накрестать, нахрестать *«нашить крест-накрест» /Нъхристали кральки ясныи паверх шапки ниткъми/*; набрындать *«начесать шерсть на ручном приспособлении брынде» /Набрындыють за динь ны адни валинки/*; нашить *«вышить» /Узорыу ни знаю, а если пъкажыш, быстра нашыю/*; намшить *«проконопатить стены дома мхом» /Стены бы намшыть/*; настолить *«настелить потолок» /Сяргей сам настолиу/* и др.

Самая многочисленная группа глаголов, имеющих значение направленности на поверхность, мотивирована глаголами несовершенного вида: коломестить – наколомесить, брать – набрать, сукать – насукать, губить – нагубить, прать – напрать, бить – набить, шить – нашить, мыкать – намыкать и т.д.

Тип образования подобных глаголов в говорах и современном русском литературном языке продуктивен. Большинство глаголов этого типа переходные, они управляют вин.п., но отмечены формы вин.п. с предлогом **на** и род. без предлога. *Насучивъли нъ матушку. Набрындыють за динь ны адни валинки. Нъгубила на три гупки. Дятей зыставиш лучиньк нъскрылять.* и др.

2. Глаголы со значением «постепенно накопить, насобирать в определенном количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» /2,261/: нашаповалить *«наготовить валенок, работая шаповалом» /У етым гаду нямнога нъшупувалили валиньк, мала воуны./*; нагакивать /экспр./ *«раскалывать чем-либо в большом количестве» /Бувала, дроу нъгакивыють целый сырай нъ зиму./*; напекарить *«наготовить пищи» /Дъвай жына на стол чаго там нъпикарила./*; налупасить *«набрать в большом количестве» /Гляди, а то йна целый мех гороху нълупасить./*; награбить *«нагрести чего-либо в большом количестве» /Сянни нъграбили сена./*; налибить *«наловить раков на приманку, либило» /Учирась налибил ракъу многа./*; нашкварить *«наготовить вкусной еды» /К ей гости едуть, тък ина усяго нъшкварила./*; набузовать *«собрать что-либо в большом количестве, усиленно работая» /Во скока нъработыли, во скока саломы нъбузывали./*; накрячить, (эспр.) накрятать *«нагромоздить ворохом, кучей» /Во сена вос нъкрячиу, лошыть ели вязеть./*; набуравить /экспр./ *«налить, насыпать в большом количестве» /Скока картошки нъбуравиу, ня вынисиш/*.

Глаголы этого типа мотивируются глаголами несовершенного вида: варганить – наварганить, водить – наводить, гоношить – нагоношить, смурыжить – насмурыжить, грабить – награбить, пекарить – напекарить, вармонить – навармонить, буравить – набуравить и т.д.

Управление вин. п. и род. п.: *Нъважить муку нъ висах. Нъбузувау целый мех. Нъпикарила пирагоу. Нъшкварила усяго. Во нъварганили сыпагоу, а йих и ни купляють. Иди нъсмыргай у пуни синца карови.*

У ряда глаголов 1 и 2 типов значений выделены две формы: переходные и непереходные, тогда как в современном литературном языке глаголы, мо-

тивирующиеся однонаправленными глаголами перемещения, непереходные: Набить: *Вот набъють тябе и будеш насить. Бувала набъеть масла /растительного/, и увесь пост ядуть с йим.* Набузовать: *Учора целый мех гароху нъбузовау. Во скока нъбузували цыпами. Деуки нъбузывали полныи карзины вишын.* Наваживать: *Ина ня слухыить йих: нъважывыить, тольки вясы ходють. Ны палку нъважывыють нескылька бичей.* Наколомесить: *Што-та нъкъламесила, што йись нильзя. За две нядели стока нъкъламесили, што за месиц ни ръзбиру. Нъкъламесила усяго.*

3. Глаголы со значением «интенсивно и тщательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» /2,261-262/: нациркать *«надоить молока» /Бувала, нацыркыю целую даенку мылыка вутрым./;* намулить *«натереть, измельчить» /Картошки намулила./;* надрать *«натереть на терке» / Нъдярем картошки и драники делыим. Вазьми драчку, ды нъдяри картошки./;* нашитковать *«мелко нарубить, нашинковать» /Капусту кыда нъшыткуиш, мелкыя, мелкыя становицца./;* набрякивать *«очищать волокно, выбирая из него костру» /Я во пъ 25 пудоу ильну нъбрякивыла/.*

4. Глаголы со значением «много и интенсивно работать до изнеможения; устать, утомиться от тщательно выполненной работы»: набузоваться, наyплётываться, напутаться, наделаться, натюкаться, настебаться, надрочиться, наробиться, нахряпаться, нападаться, налобовозить, наробить, навалузиться, натруднить, натружить. */Нъхряпыисся на сени – у глызах темна. Нътружыла сянни руки, во былять сильна. Нъ работи нъвалузисся как нада, а дамой придеш – тожа аддахнуть некыда. Сягонни наробиу, ели ноги вылачу. Так нъпадылись мы на сени, нъ пакоси/.*

Глаголы могут употребляться как с постфиксом **-ся**, так и без него:

нахряпать – нахряпаться, настебать – настебаться, наробить – наробиться, навалузить – навалузиться.

Как в современном литературном языке, так и в говорах данные значения регулярны.

5. Глаголы со значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом» /2,261-262/: насдобить *«сделать сдобным» /Нада теста насдобить./;* набаглить *«сильно натопить печь» /Ну й нъбаглила ты баню, нечим дыхнуть, как жарка./;* набагрить *«сильно натопить печь» /Во нъбагрила печичку, ажно красныя стала./;* наснудить *«привести в порядок, приготовить» /Нада наснудить ружжо, заутри пайду нъ ахоту/;* наважить *« взвесить на весах» /Я ныважила 800 граммъу. Нада нъважить соли пъ килыграму: капусту будим ставить/.*

У глаголов управление сильное: винительный падеж без предлога

Глаголы совершенного вида мотивируются глаголами несовершенного вида: снудить – наснудить, сдобить – насдобить, важить – наважить.

Тип регулярный.

Таким образом, глаголы с префиксом **на-** мотивированы глаголами несовершенного вида. Глаголы в говорах переходные и непереходные, тогда как в литературном русском языке глаголы, мотивирующиеся глаголами перемещения, непереходные.

II. Приставка **над-** выделяется среди других приставок своей компактностью. В «Грамматике современного русского литературного языка» отмечено всего 80 глаголов, что на порядок меньше, чем с другими приставками /5,85/. По данным ССГ /8,6/ в Смоленской области отмечена приставка **над-** лишь у 11 глаголов. Значение ЛСГ «трудовая деятельность» можно отнести лишь к 6 лексическим единицам.

Следует оговорить, что один или два глагола нельзя считать представительным семантическим рядом, но все же семантическая формальная схема представляет такую характеристику значения, которая, описывая любое употребление языковой единицы, одновременно позволяет отличить ее от любой другой, в том числе от близкой по смыслу /3,15/.

Традиционные значения приставки **над-** представлены в «Грамматике современного русского литературного языка» /2,262/. М.А. Кронгауз делает попытку описать ее значение более подробно /5,91-94/.

Значения приставки **над-**, по данным «Грамматики современного русского литературного языка» /2,262/, делятся на два типа:

1. Глаголы со значением «дополнительно увеличить размеры предмета, добавить что-нибудь к предмету /иногда к его верхней части/ с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: надклеить, надвязать. В диалектных глаголах представлена именно эта группа значений приставки **над-**. Но если «Грамматика современного русского литературного языка» /2,262/ отмечает данное значение приставки продуктивным, то в говорах продуктивность не отмечена. Шесть приставочных глаголов образуют данный семантический ряд приставки **над-**: надпускать *«делать напуск»;* надтачать, надтачить, надтачивать *«надшить что-либо, надшивать что-либо»;* надузить *«подклеивать вощину в рамки улья».*

В данной группе, опираясь на конкретизацию значений приставки **над-** по М.А.Кронгаузу, можно выделить и более узкие подзначения, например, увеличение объекта с нижнего или верхнего края: надтачивать, надточить.

Но интересным кажется факт выделения конкретного подзначения, не указанного М.А.Кронгаузом, «увеличение объекта вширь»: надузить *«подклеивать вощину в рамку улья»;* надпускать *«делать напуск из бревен на крыше».*

Малое количество глаголов с данной приставкой в говорах и ограниченное, по данным М.А.Кронгауза, в СРЛЯ позволяет предположить, что и зна-

чения, данные в «Грамматике современного русского литературного языка» /2,262/, нельзя считать продуктивными.

В данной группе приставочных глаголов совершенного вида мотивация проходит глаголами несовершенного вида: точить – надточить, пускать – надпускать, тачать – надтачать, узить – надузить. Отмечен единичный случай образования глагола несовершенного вида на базе совершенного, в процессе образования принимает участие суффикс **–ива**: надтачать – надтачивать.

Управление сильное: вин.п. беспредложный в синтаксических конструкциях, приведенных в ССГ /8/: надтачать */Во нъттычаю рукавы и буду насить кохту/;* надточить */Нъттачить нада юпку. Ти натточиш ты мне пальто?/;* надтачивать */Плаття нада нъттачивыть: каротинька стала, вырысла деука/;* надпускать */Нъдпускали на крышы еты брёуны/;* надузить */Патклеить нада узу у рамкых, надузить гаворють/.*

2. Значение, отмеченное в «Грамматике современного русского литературного языка (1970)» /2,262/ как значение глаголов, обозначающих «распространение действия, названного мотивирующим глаголом, на часть поверхности предмета: надгнить, надгрызть …», является продуктивным среди глаголов со значением разделения, разрушения. В говорах примеров на данное значение приставки не отмечено.

Префикс **над-** в говорах Смоленской области не является регулярным; мотивация единичных глаголов проходит по тем же законам, что и в литературном языке.

Следовательно, точка зрения М.А.Кронгауза о разрушающейся системе употребления приставки **над-**, ее регулярности и непродуктивности в современном русском языке подтверждается и материалами говоров. Но словарный состав языка интенсивно развивается, понятия и процессы требуют новых слов и наименований, поэтому развитие, стабилизацию или разрушение в употреблении приставки **над-** можно будет наблюдать в дальнейшем, так как любые языковые процессы долговременны.

Таким образом, образование, мотивация глаголов с приставками **на-**, **над-** проходит по тем же законам, что и в литературном языке, сохраняются основные значения приставок.

---

1. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. – Томск, 1973.
2. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.
3. Добрушина Е.Р., Меллина Е.А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. – М.: Русские словари, 2001.
4. Белоусов В.Н., Ковтунова И.И. и др. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю.Шведовой, В.В.Лопатина. – М., 2002.

ным «Словаря смоленских говоров»), предполагают только сильное управление. В этом значении префикс **о-** в говорах является регулярным.

2. Глаголы со значением приставки **о-** «распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на много объектов /или на много мест в пределах одного объекта/» (1,262):

очернить, очернять *«выкрасить (красить) в черный цвет»,* озеленить, озеленять *«окрасить в зеленый цвет»*, окрасить *«покрасить в красный цвет»,* огнетать *«бить, ковать чем-либо»,* осаживать *«бить, ковать»*, осеменить *«посеять семена»* и др.

Приставочные глаголы совершенного и несовершенного вида мотивируются глаголами несовершенного вида: чернить – очернить, очернять; зеленить – озеленить, озеленять; красить – окрасить и т.д.

Глаголы этого типа переходные. Управление винительный падеж беспредложный /сильное/:

Так яе агнитаить кувалдый, ажно агонь. Акрасють сукнину и шыють сърыхваны красныи, или азилинять. Луччи усяго забор и лауки азилянить, мне так большы нравица. Яны азилинять сукнину и сърыхваны шыють. Кохту нада б ачарнить, а то ина выцвила дужа. Ти будиш ты сваю кохту ачирнять?

Это значение приставки **о-** в говорах и в литературном языке является регулярным.

3. Глаголы со значением «совершить /довести до результата/ действие, названное мотивирующим глаголом» (1,263): опаливать *«выполнить какую-либо работу, завершив ее»;* опосечь *«разрубить, изрубить»; опречься «надорваться от работы»;* одвориться *«обзавестить хозяйством»;* оглоблить *«запрячь»;* охомутать *«принять на себя работу, заботы, обременяющие жизнь»* и др.

Мотивируются, как и в предыдущих группах, глаголами несовершенного вида: править – оправить, хомутаться – охомутаться, двориться – одвориться и др. Управление вариантное: вин. беспредложный и творит. п. предложный. *Тяперь жа ажываццa домым стала – ръзбыгатели. Гарот аправили, тяперь я спакойна. При такей работи апреццa можна.*

II. В литературном языке и в говорах регулярно используется вместо префикса **о-** префикс **об-(обо-)** как синоним: огарнывать – обгарнывать, оскубать – обскубать, озеленить – обзеленить, отынить – обтынить (оботынить), окрасить – обкрасить (обокрасить), очекрыжить – обчекрыжить и др.

В глаголах со словообразовательным префиксом **об- (обо-)** выделяются глаголы со следующими значениями:

1. Глаголы со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, направить вокруг чего-нибудь, на все стороны чего-нибудь» (1,263):

оббить (обобить), обмотыжить (обмотыживать) *«обработать (обрабатывать) мотыгой, окучить»,* обболванить, обболобанить, обволованить,

обголить, обгологанить, обкорнатить, облобанить *«остричь»*, обвертывать *«переворачивать, перекладывать на другую сторону»*, обвьюшить, обовьюшить, обвьюшивать *«утеплить (утеплять) дом»*, обгарнывать *«окучивать»*, обгарныватъся *«окучиваться»*, обглядеть *«убрать, привести в порядок»*, обгорнуть *«обработать мотыгой»*, обграбить *«собрать граблями(сено, солому и под.)»*, обжигать *«обрабатывать огнем, обугливать»*, обжинать *«жать серпом, косить косой вокруг кустов, заборов»*, обканавить *«прорыть канавы вокруг какого-либо участка земли для ее осушения»*, обкладать *«покрывать чем-либо снаружи и вокруг»*, обковывать *«обивать железом, оковывать вокруг»* и др.

Глаголы совершенного и несовершенного вида мотивируются глаголами несовершенного вида:

бить – оббить (обобить), мотыжить – обмотыжить, глядеть – обглядеть, обглядать, грабить – обграбить, голить – обголить, обголять, корнатить – обкорнатить, горнуть – обгорнуть, вьюшить – обвьюшить, обовьюшить, обвьюшать и др.

В говорах, как и в литературном языке, наблюдается сильное вариативное управление: «... глагол может управлять двумя или более формами в одном и том же значении; поэтому эти формы являются взаимозаменяемыми» (1,496): *Аграб кругом воза, Абграб листя, Вясной траву абжыгають. Абжынали траву сярпом там, иде трунна чим другим. Апкынавить нада, штоб выда сыйшла. Клубнику абклыдаю тирягноим нъ зиму. Пайду ны гарот картошку апклювывъть нада. Нада апкылачивать места ли кроликыу, а то яны вылизають и порють гряды. Раньшый усе сырыхваны, юпки апклыдали кружывым, тясьмой, штоп красива была. Сундуки раньшы апковывыли.*

2. Глаголы со значением «распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на много объектов /или на много мест в пределах одного объекта/» (1,263): обмахровывать *«обвязывать, делать махры, кисти»*, обмуровывать *«обкладывать кирпичом»*, обрамить *«вставить оконные рамы»*, обсинить *«выкрасить в синий цвет»*, обзеленить *«выкрасить в зеленый цвет»*, обскубить *«оборвать, ободрать что-либо»*, обсморгать, обсморгивать, обсмунивать, обшмаргивать *«оборвать, обрывать что-либо»*, обтеребить, обтеребливать, обтюрюшивать *«очистить (очищать) от листьев, костры и т.д.»*, обчасывать *«обчесывать что-либо»* и др.

Глаголы этого типа с приставкой **об-(обо-)** переходные. Глаголы совершенного вида мотивируются глаголами несовершенного вида: синить – обсинить, зеленить – обзеленить, чернить – обчернить, рамить – обрамить, тюрюшить – обтюрюшить, теребить – обтеребить и др. Проходит процесс имперфективации преимущественно с суффиксом **-ива(-ыва)**: обтеребить – обтереливать, обсмалить – обсмаливать, обсмулить – обмусливать, обсморгать –обсморгивать, обчесать – обчёсывать и др.

Приставка **об-** в этом значении регулярна в говорах так же, как и в литературном языке.

Управление сильное (винительный падеж беспредложный): *Абздай лошки кипятком. Уси заборы вясной абзилиняли. Дом кирпичом апкладывыють – ета и есть абмуровывыть. Апскуби перря-та. Листя у веника апсморгивъли так, што анны хвостики астывались. Чулки апсинють ти апчернють. Сенни апсадють вокны, заутра йих уставим.*

3. Глаголы со значением «с помощью» действия, названного мотивирующим глаголом, быстро выполнить что-либо: обшеволить *«быстро сделать какое-либо дело»*, обляпать *«быстро что-то сделать»*, обхолить, обхоливать *« быстро все вымыть (вымывать), пречистить (перечищать)»*, обгонять *« быстро обойти»* и др.

Глаголы совершенного вида и несовершенного мотивируются глаголами несовершенного вида: ходить –обходить, холить – обхолить, шеволить – обшеволить, ляпать – обляпать и др.

Все глаголы переходные и управляют названием того объекта, над которым одерживается верх (1,263): *Ну што, апшывалила ана тябе. Целый день апхоливыить хату, ни угонисся за ей. Яны ж усигда абляпыють упяред. Ета дела мы абладили нъпярет за йих.*

4. Глаголы со значением «причинить ущерб кому-нибудь /иногда – обмануть кого-нибудь/ с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» (1,264): обваживать *«обвешивать»*, обважить *«обвешать»*, обкладать *«облагать налогом»*, обколонтарить,оббандурить, обколпачить *«обмануть»* и др. Глаголы совершенного вида мотивируются глаголами несовершенного вида: важить – обважить, колонтарить – обколонтарить, бандурить – оббандурить и др. Глаголы переходные. Управление сильное (винительный падеж беспредложный): *Важыли нъ бальшых висах и абважыли мяне на десить килыграмыу. У нашым мыгазини часта абважывыла мяне прыдаушшыца. Вот и апкылынтарили бабу у мъгазини, а я ни сыбразила сразу.*

5. Глаголы со значением «совершить /довести до результата/ действие, названное мотивирующим глаголом»: обвиваться *«обживаться»*, обвьюшить, , обвьюшать, обвьюшивать *«утеплить (утеплять)»*, обгвоздить *«сделать что-либо наскоро»*, обглядеть, обглядать *«убрать (убирать, привести (приводить) в порядок»*, обгоношить *«приготовить что либо»*, обладить *«починить»*, облаживать *«приводить в хорошее состояние»*, облемешить *«насадить лемех, прикрепить его к сошнику»*, облегчить *«скастрировать (о домашнем животном)»* и др.

Глаголы переходные. Глаголы совершенного и несовершенного вида мотивируются глаголами несовершенного: вьюшить – обвьюшить, гвоздить – обгвоздить, гоношить – обгоношить, ладить – обладить, лемешить – облемешить, легчить – облегчить, легчать – облегчать и др.

Управление сильное (винительный падеж беспредложный): *У вайну пажох немиц усё, абвивались на голым мести. Да вона нада стяну абвьюшить, зима бликска. Патом яны мне стены абгваздили. Уся хата обгляжына. Ина мяне хърашо абглидаить. Абгынашы-ка нам, хъзяйка, паись чагонибуть. Вот как хатку абладиу – крысыта.*

6. Глаголы со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, направить мимо предмета, находящегося на пути движения» (1,263): обжарить *«опередить, обогнать в труде, игре, в чем-либо» /Деука лоукыя, ина тябе абжарить/.*

Управление вариантное. Тип нерегулярный в этом значении префикса. Мотивируются глаголы совершенного вида глаголами несовершенного вида: жарить – обжарить.

Приведенный материал свидетельствует о том, что в глаголах, обозначающих трудовую деятельность, в говорах главенствующее место занимает внутриглагольное словообразование, как и в современном русском литературном языке. Префиксальные глаголы мотивируются глаголами. Большинство мотивирующих глаголов относится к несовершенному виду, а мотивированные префиксальные глаголы – к совершенному и несовершенному.

Таким образом, в говорах значения приставок **о-, об-, обо-** совпадают со значениями в литературном языке. Словообразование глаголов с этими префиксами как в литературном языке, так и в говорах является регулярным. Образование и функционирование глаголов происходит по тем же законам, что и в литературном языке.

---

1. Грамматика современного русского литературного языка. – М, 1970.
2. Белоусов В.Н., Ковтунова И.И. и др. Краткая русская грамматика. /Под ред. Н.Ю.Шведовой, В.В.Лопатина. – М., 2002.
3. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. и др. Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. – М., 2002.
4. Беляков В. О комбинаторике глагольных приставок // Московский лингвистический журнал. 2001. № 1. Т. 5.
5. Словарь смоленских говоров. Вып. 7 / Под. ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. – Смоленск: СГПИ, 1996.
6. Добрушина В.А., Пайар Д. Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы // Русские приставки: многозначность и семантическое единство. – М.: Русские словари, 2001.

В.С. Картавенко

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ АПЕЛЛЯТИВА ИЛИ ТОПОНИМА В ПАМЯТНИКАХ СТАРОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Имена нарицательные и имена собственные разграничиваются; так, А.В. Суперанская пишет о некоей демаркационной линии между ними: «...нарицательное имя соотносит именуемый предмет или группу предметов с классом, имеет основную коннотацию (связь с понятием) и может иметь добавочные коннотации...Именуемый нарицательным именем объект ... неопределенен и неограничен; собственное имя связывается не с классом, а с индивидуальным предметом... или даже с несколькими одноименными объектами, из которых каждый воспринимается индивидуально. Собственное имя, будучи индивидуальным обозначением отдельного предмета, не связано с понятием (не имеет основной коннотации) (если именуемый объект достаточно хорошо известен)...Объект, именуемый собственным именем, всегда определен и конкретен» (17:113).

Известно, что апеллятивы (имена нарицательные) постоянно взаимодействуют с топонимами («топоним – собственное имя природного объекта на Земле, а также объекта, созданного человеком на Земле, который четко зафиксирован в данном регионе...») (6:127) и микротопонимами («микротопоним – собственное имя (чаще) природного физико-географического микрообъекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта...») (6:83). Результатом этого взаимодействия является то, что, с одной стороны, имена собственные могут переходить в апеллятивы, а с другой – апеллятивы способны становиться названиями. Мы рассмотрим в диахронии процесс перехода апеллятивных географических наименований в имена собственные – названия тех или иных географических объектов (топонимы и микротопонимы).

«Переход нарицательного в имя собственное легко понять. Первобытное общество в гораздо большей степени подвергалась влияниям стихийных явлений и в большей мере зависело от природы в целом, чем современное человечество. Географические названия возникали из терминов в результате непосредственного общения человека с окружающей его средой, не говоря о том, что первоначально наименования не могли относиться к категории собственных имен. Только с развитием общества постепенно складывалась и система географических названий как одна из лексических категорий языка» (4:98).

Однако такой переход – процесс довольно длительный. Географический апеллятив постепенно подвергается топонимическому переосмыслению, ср. д. Село, д. Селище, д. Городок и др. В большинстве таких случаев бывает невозможно определить статус рассматриваемой языковой единицы: или это еще нарицательное имя, или это уже имя собственное, топоним. Так, обратившись к памятникам письменности Смоленского края XVI-XVIII вв., находим тому подтверждение: Да в другомъ месте за ржавцомъ на васильевской стороне две жа десятины (ф. 1209/ 2, 10822, 475 об. 1619–1639 гг.). Слово ржавец было известно на территории Смоленского края, а также в основном в южновеликорусских говорах со значением «ручей с ржавой водой». До сих пор оно продолжает бытовать в смоленских говорах, а также и в некоторых других с указанным значением. В следующем контексте, по-видимому, слово ржавец выступает как имя нарицательное: На правой стороне безымянного ржавца разстояниемъ отъ онаго въ 30 саженяхъ поставленъ мною межевой столб с признаками (ф. 1337 / 2-ч. 1, 160, 6 об. 1780 г.). Следующие же контексты, как нам представляется, содержат слово ржавец в топонимическом значении: Да пустош Магилки над рекою Опшею по обе стороны ручейка ржавца на ней сенных покосов и з лугами на сто копен (ф. 1209/ 2, 15175, 415. 1686-1690 гг.); Внизъ лащины в коей ручей ржавецъ который составилъ живую непременную межу (ф. 1337/ 2-ч. 1, 1, 6 об. 1776.); От залива и от третьяго копца вверхъ оного же рекою до ручья ржавца по левой стороне дороги (там же, 41 об.).

Смоленским диалектным фонетическим вариантом слова ржавец выступает слово аржавец, зафиксированное нами в смоленском памятнике XVIII в.: А от того копца повротъ вправо старинною дорожкою проезжающею к водотечене называемой аржавецъ до копца усыпаннаго по правой же стороне той дорожки а от того копца прямо в водотечену аржавецъ и темъ ржавцомъ вверхъ до первого семенковского а от тово просто чрез дорогу до втораго усыпаннага копца даже до копца пустошъ семенкова который от ржавца межуетъ вверхъ вправе ево воеводскаго пустошъ семенкова (ф. 1337 / 5, 1, 58 об. 1770–1771.). Как видно из контекста, ржавец и аржавец здесь взаимозаменяемы, причем и то, и другое выступают как микротопонимы.

В смоленском диалекте XVII в. было известно слово живец в значении «ключ, родник, незамерзающая водяная жила». В нашем контексте не совсем понятно, апеллятив это или микротопоним: Речкаю Станавкаю вверхъ отречки Станавки живцом въверхъ вражъком не доходя того живца направа по дуброве черес бывалскаю дарогу в капец (ф. 1209/ 2, 15174, 714. 1661-1674 гг.). Ни в каких других источниках, относящихся к этому времени, слово живец не отмечено (по данным Словаря русского языка XI-XVII вв.). Даль считает его сибирским. И в настоящее время оно известно в некоторых сибирских

говорах (СРНГ). Отмечено оно также в белорусской географической терминологии (20:65).

Слово колодезь в XVII-XVIII вв. на территории Смоленского края выступало со значением «источник, ключ, родник», известно оно было и на других территориях. С.И. Котков по «Книге Большому Чертежу» определил, что в XVII в. «речки носили название колодезей на территории, ограниченной примерно такими пунктами: Путивль – Рыльск – Кромы – Мценск – Ефремов – Старый Оскол. На юге этот географический термин выходил довольно далеко за черту коренного южновеликорусского края, поскольку преимущественно великорусы обслуживали тогда степные коммуникации в направлении на Крым, низовье Дона и Кавказ» (3:12-13). Это слово могло выступать как апеллятив с указанным значением: Сенные покосы по обе стороны колодезя (ф. 1209/ 2, 15171, 126 об. 1670-1697 гг.). Могло оно также выступать и в качестве топонима: Да по речкамъ по Проверженую и по Полмаре по Гремячей колодезь лугъ сена ставитца на двесте копенъ (ф. 1209 / 2, 15173, 240 об. 1655-1692 гг.). Здесь в ряде названий речек Проверженная и Полмара стоит собственное название Гремячий колодезь. По свидетельству Г.П. Смолицкой, «топонимы Гремячий, Гремячье и Колодези, Колодезный довольно широко известны в Центральной России, преимущественно к югу от Москвы» (16:79).

Не позволяет следующий контекст определить статус (апеллятив или миротопоним) диалектного слова чертомоина: Да в князь васильевском лугу возле чертамоины 15 копенъ, да в деревнищахъ подъ полемъ в лугу 10 копенъ (СМИМ 9900, 4 об. 1732 г.). Даль отмечает слово черторой «овраг, рытвина от воды» (2:4:598). М. Фасмер, говоря о происхождении слова черторой, полагает, что оно было образовано от черта и рыть (18:4:348-349). Выявленное нами слово можно, по-видимому, мотивировать словами черта и мыть. А.А. Белецкий, анализируя термины и топонимы от слова черт, замечает, что «отсутствие исторических данных и близость (фонологическая) основ черт и черта не позволяют нам судить о том, действительно ли связываются с первой из них названия скромных населенных пунктов, вроде: Чертово Костромской области, Чертовичи возле Брянска на Десне, Чертовики Ивановской области» (1:109).

Диалектное слово копанка выступает в наших материалах как имя собственное, название реки: До земли кунинской пустоши Ракова над речкою Мошною Сожемъ и ...Копанкою да купленые пустоши Микулевщина да Шелгунова Симоновка тож две волоки под Копанкою речкою в Максимовском стану над речкою Копанкою в пустеше Петухове четверть волоки (ф. 1337 / 2-ч. 1, 18, 42 об. 1779 г.). Несомненно, вначале возник апеллятив копанка, дериват диалектного слова копань, имевшего в прошлом и имеющего сейчас широкое распространение.

Апеллятив прилук употреблялся со значением «излучина, изгиб реки», а также «луг на луке, изгибе реки». В нашем контексте слово прилук, по-

видимому, выступает как имя собственное: К той же деревни принадлежащая запашъ прозванием прилукъ (ф. 1337/ 2-ч. 1, 70, 77. 178 г.).

Слово перемой в смоленском диалекте бытовало со значением «мелкое место на реке, мель». Трудно сказать, апеллятивом или микротопонимом является это слово в следующем контексте: За рекою Защепною за перемоемъ межь озера Карачнова и рекою Протвою десятина безъ полъ осминина (СМИМ 9900, 2. 1732 г.). Другие же контексты, в которых употребляется это слово, более определенно показывают его статус как топонима: На дву репищах над истоком перемоею 20 копенъ (ф. 1209 / 2, 15177, 706 об. 1680-1685 гг.); Да возле озера Селеты пашни четверть да лука новои перемои (там же, 706 об.).

Слово болото является официальным термином в географии, используется для обозначения наименований болотистых мест. В памятниках письменности это слово часто встречается с определениями. Как правило, такие составные названия чаще выступают в качестве топонимов и микротопонимов, ср.: Сеннаго покосу по реке Поротве за Карпищевымъ болотомъ полдесятины сена десять копенъ (СМИМ 9900, 2. 1732 г.); Старою межою прямо через ключевое болото (ф. 1209/ 2, 15178, 645 об. 1655-1675 гг.); Тою жъ стеною козацкою с признаками на деревахъ чрезъ лесъ болотной мшаристой в козье болото до стены боровиковской отцовъ езовитовъ (ф. 1337 / 2-ч. 1, 71, 475 об. 1778 г.); Тою речкою идя вверхъ болота молево тем болотомъ молевымъ идя до речки Пляцеи и внизъ до озерка с озерка речкою Лозовкою вверхъ Лозовки речки в мохъ (ф. 417 / 1, 20, 16. 1729 г.). Нам представляется, что в приведенных выше контекстах составные названия являются микротопонимами. Однако в ряде случаев даже при наличии прилагательного-определения не всегда можно определить, что представляет собой данная номинативная единица – географический апеллятив или микротопоним, это бывает в тех случаях, когда в качестве определений берутся прилагательные типа великий, большой, грязный и подобные, ср.: А лугомъ прямо чрезъ речку Лосну и чрезъ великое болото идя до устья рова и ручья перелоговского (ф. 1337 / 2-ч. 1, 71, 475. 1778 г.); Из болота грязнова поставленъ столбъ (ф. 2/ 104, 29, 38 об. 1768 г.); Длина линеи чрезъ старую смоленскую дорогу и чрезъ болоты осочное и проходное 217 саженъ (ф. 2 / 104, 29, 7. 1768 г.); Пустошъ Морозово надъ плавучимъ болотомъ (ф. 1209 / 2, 15178, 365 об. 1655-1675 гг.).

Издавна в смоленских говорах, а также в большинстве севернорусских говоров известно слово мох в значении «болото, поросшее мохом». В ряде контекстов оно выступает в качестве имени нарицательного: Сена по суходолу и около моху дватцатъ копенъ (ф. 1209 / 2, 10822, 1155 об. – 1156. 1639–1676 гг.); И позади того мху 1 морговъ две сажелки и около сажелок сенные покосы (ф. 1209/ 2, 15178, 271.1655-1675 гг.); От того столба ручьем гончаровскимъ и мхомъ прошедъ 720 саженъ при дороге которая идетъ из деревни Починку

в деревню Лобаново (ф. 1337/2-ч. 1, 70, 118-118 об. 1778 г.). Еще чаще в контекстах слово мох встречается с прилагательными-определениями, которые говорят в пользу того, что перед нами имя собственное – микротопоним: От устья речки Росженьки а Росъженкою верхъ до сосьноваго мха по праву земля и лесъ Ивана Болычева (ф. 1337/ 2-ч. 2, 291, 160. 1779 г.); И через речку в олхово болото с олхова болота в пьявичных мох с пьявичнага моху в Калпиту речку (ф. 1209 / 2, 15174, 3 об. –4. 1661-1674 гг.); И от устья речки Добрейки за косаровскимъ мхомъ будет от межи версты з две (СМИМ 7840. 1671-1691 гг.).

Однако, как уже было указано при слове болото, далеко не всегда наличие при слове мох определения-прилагательного говорит о том, что перед нами имя собственное. Так, например, определение разбитый не помогает определить точно статус номинативной единицы, неясно из контекста, стало ли сочетание разбитый мох микротопонимом: Сенныхъ покосовъ по речке Велесе да по речке Грусне на ухожихъ лугахъ на тритцать копенъ да на разбитомъ мху на тритцать же копенъ (ф. 113, 205, 3 об. 1758 гг.).

Непонятно также, что значит большой мох – это просто большое моховое болото или это уже микротопоним: От большой дороги и копца жъ по болшой мохъ а в немъ мерою 4 волоки земли (ф. 1337/ 2-ч. 1, 75, 79 об. 1781 г.). Сочетание горелый мох в следующем контексте тоже можно квалифицировать двояко: и как имя нарицательное, и как имя собственное: Идя от Смоленска чрез деревню Бубново в дрвню Машутино по левому сторону ручьему в болото а от болота идучи около горелого мху по праву, сторону вуколовской копецъ (ф. 113, 211, 6 об. 1735 г.).

Широко было распространено в исследуемую эпоху и слово мшара:

«моховое болото»: Да по ручью через болшую дорогу во мшару по ольху на сто копенъ (ф. 1209/ 2, 15179, 306 об. 1656-1701 гг.); От того кургана старинными признаками в березе признаками и в еле через мъшару в болотной мохъ (ф. 1209/2, 15171, 333 об. 1670-1697 гг.); От той гряды во мшару а с тои мшары прошелъ ручеи и впалъ в реку Межу (там же, 337 об.). Здесь это слово выступает как географический апеллятив. Но в одном из документов XVIII в. встречаем Мшара в качестве микротопонима: Пустошъ Мшара сена 15 копенъ (ф. 1337 2-ч. 1,494, 83. 1779-1780 гг.). Слово мшара продолжает бытовать до сих пор в смоленских говорах (14:6:121), распространено оно и в большинстве севернорусских говоров (11:19:47). По свидетельству Э. М. Мурзаева, «из болота Мшара Смоленской области начинает свой путь Днепр, здесь его истоки» (5:382-383). Словари современного русского литературного языка слово мшара не содержат, но в научной географии употребляется термин мшары – «сфагновые торфяные болота преимущественно дождевого питания, обычно выпуклой формы» (19:238).

Следующие составные наименования представлены сочетаниями «имя существительное + имя существительное», где первое из существительных является более общим понятием (болото, мох), а второе может быть и микротопонимом.

Составное наименование болото клюковник «болото, в котором растет клюква» является неоднозначным с точки зрения того, апеллятив это или микротопоним: А к тому ж поместью к селу к Холму отхожее болото клюковник (ф. 1209/2, 10823, 465 об. 1639-1642 гг.); Пустош Доманово пашни четвертъ с осьминою сена 20 копенъ да болота клюковникъ на версту (ф. 1209/2, 10828, 285. 1639-1676 гг.); Да пустошъ что была деревня Белои Холмъ на болоте клюковнике на неи пруд (ф. 1209/2, 10836, 446 об. 1667-1680 гг.). По-видимому, данные контексты отразили переходную стадию, когда слово, будучи апеллятивом, начинает постепенно употребляться и в функции топонима, или, вернее, микротопонима, тем более что это слово с указанным значением в библиографических трудах не зафиксировано. Есть лишь клюковник со значением «трава, на которой растет клюква» (8:3:177).

Синонимичен предыдущему и так же неоднороден составной термин мох журавник «моховое болото, поросшее клюквой»: От коктя в мох журавникъ от того мху лесомъ чернымъ пашенным через два бортных дуба на мъшаре (ф. 1209/2, 15171, 333 об. 1670-1697 гг.). Ни слово журавник, ни составное наименование мох журавник в лексикографических трудах не отмечено. Известны лишь слова журавинник «место, поросшее клюквой, клюковник» (2:1:547), журавина «клюква» (14:4:34), журавины «ягоды клюквы» (9:158). Как свидетельствует Э.М. Мурзаев, термин журавиное болото «верховое сфагновое клюкенное болото» бытует в северо-западных областях (5:209).

Составное наименование мох чистик со значением «чистое, безлесное моховое болото» вначале, по-видимому, использовалось как имя нарицательное: Да за мхом чистиком тридцать одна четь с осминою в поле а в дву по тому ж (ф. 1209/2, 15178, 805. 1655-1675 гг.). Однако в дальнейшем слово чистик стало употребляться как топоним, о чем свидетельствует наличие наименования Чистик для обозначения болота и населенного пункта в Смоленской области. Э.М. Мурзаев пишет: «Чистик – это большое сфагновое болото, совершенно безлесное» (5:617).

Труднее квалифицировать составное наименование мох ковчеватик, так как слово ковчеватик в настоящее время в качестве топонима не отмечено. Контекст, в котором было выявлено это составное наименование, недостаточен для того, чтобы точно определить, что перед нами – апеллятив или микротопоним: Да в пуще у хорошего лугу у мху ковчеватика да за мхом чистиком одна четь с осминою в поле а в дву по тому ж (ф. 1209/2, 15178, 805. 1655-1676 гг.).

В памятниках смоленской деловой письменности встречаем слово моложа «мелкий молодой лес», употребленное в апеллятивном значении: Да в заходах в подъ берески пахотной пашъ и моложаю поросло на пять четвертей (ф. 113, 205, 6 об. 1758 г.). В нашем распоряжении нет контекстов, где это слово было бы употреблено в топонимическом значении. Но о том, что оно могло иметь и топонимическое значение, свидетельствуют названия двух деревень (д. Моложа) и двух поселков (пос. Моложа) Смоленской области.

Слово подсосонье «место возле соснового леса» тоже невозможно вполне точно квалифицировать с точки зрения его принадлежности к его нарицательному имени или к имени собственному: Да по той же реке Велесе вверхъ на сто копенъ да по другой стороне против подсосонья пять копенъ да от Кузмихина урочища вверхъ той же речки Велесы по бор и около Погорелкины пожни двесте копенъ (ф. 1337/ 2-ч. 1, 539, 239 об. 1684 г. по сп. 1780-1783 гг.); Да запольной пашни пять четвертей да подсосонье пять четвертей (там же, 240). В другом памятнике встречаем слово подсосонье в качестве микротопонима: пустошъ Потсосонье (ф. 1209/2, 15171, 512. 1670-1697 гг.). В смоленском диалекте слово подсосонье известно до сих пор. Кроме того, существуют 6 деревень с названием Подсосонье.

Слово подберезки «место возле березового леса, под березами» не выявлено ни в одном из лексикографических источников, нами оно отмечено в следующем контексте: Да в заходахъ в подъберески пахотной пашъ на пять четвертей (ф. 113, 205, 6 об. 1758 г.).

Данный контекст не позволяет с точностью говорить о статусе слова подберезки – апеллятив это или топоним. Но в дальнейшем это слово стало употребляться как имя собственное: в Смоленской области есть три деревни с названием Подберезки.

Синонимичное указанному слово подберезье в следующих контекстах употреблено как микротопоним, что не исключает возможности использования его в говорах и в апеллятивном значении: Да к тем же дрвням урочище подберезье да отхожеи пашни на дватцать чети (ф. 1209/2, 15177, 708. 1680-1685 гг.); На прудах пустошь болшое подберезье пустошь малое подберезье на черномъ ручье (ф. 1209/2, 15175, 336 об. 1685-1690 гг.). В дальнейшем слово подберезье стало употребляться в качестве названия 7 деревень Смоленского края.

Слово завражье как апеллятив обозначало «место за оврагом»: Сена вниз по вражку и по завражью до турлавского болота и по запашам тринатцать копен (ф. 1209/2, 10828, 321 об. 1639-1676 гг.); Сена по речке Лужне и по завражью пять копен (там же, 533). Слово это было и остается диалектным. На его основе возник топоним Завражье (3 деревни) в Смоленском крае, есть деревни с таким названием также в Вологодской и Костромской областях (5:213).

Слово взвалье (диалектный фонетический вариант узвалье) «продолговатая возвышенность, гряда с пологими склонами» выступает в следующих контекстах, по-видимому, в апеллятивном значении, так как рядом с указанным географическом апеллятивом присутствуют и другие географические апеллятивы (яма, ров, овраг): От тои ямы вверхъ по рву а вверху рва по левою сторону внов яма ж на узвальи а от ямы и от узвалья черес березникъ к дороге (ф. 1209/2,15179, 330 об. 1656-1701 гг.); Идучи тою линиею внизъ узвальемъ оврага которой в семъ месте состовляеть непременную живую межу (ф. 106, 15, 4 об. 1777 г.); Идучи... до третьего усыпного на томъ же взвалье копца а от того копца идучи тем же взвальемъ чрез дорогу мелиховскую (ф. 1337/ 2-ч. 1, 70, 101. 1778 г.); Около кревского лугу по узвалью выкопана яма под ореховым кустом и над поточиною а от тое ямы около берега реки Угры вниз (ф. 1209/2, 15171, 464. 1670-1697 гг.); От того копца идучи пахотною, землею около сенныхъ покосовъ узвальемъ до дороги (ф. 1337/2-ч. 1, 70, 104. 1767 г.). Узвалье известно в белорусской географической терминологии (20:193).

Появление звука у на месте звука в в начале слова типично для смоленских говоров: «Как и в говорах южновеликорусского наречия, в начале слова звук в трансформируется на Смоленщине повсеместно в у слоговое, несколько ослабленное по сравнению с у исконным» (14:1:52). В настоящее время есть 2 деревни с названием Узвалье в Смоленской области.

Очень употребительные слова болонь, болонье, оболонь, оболонье (с полногласием в корне) со значениями «низменное поречье», «луг, природный выпас для скота» и др. выступали и как нарицательные имена, и как собственные: На оболонье подле Днепра на десять копен (ф. 1209/2, 15173, 710 об. 1656–1692 гг.); Сенныхъ покосовъ на десять копен да на оболоне подле реки Остря сенныхъ покосов на пятнатцать копен (ф. 1209/2, 15166, 135. 1676-1685 гг.); Пустошь Дикушино да сенокос в ропотовых оболоньях (ф. 1209/2, 15170, 17 об. 1655–1680 гг.); Сена по тем же местам и около озера путного и в оболонье на тритцать копенъ (ф. 1209/2, 15171, 345 об. 1670-1697 гг.); Пустош Оболонкино Алешкино тоже на реке на Оболонке (ф. 1209/2, 10824. 796 об. 1643–1652 гг.). В настоящее время в Смоленской области есть деревня Оболоновец.

Наряду с указанными полногласными формами в смоленских памятниках письменности широко употребительны и неполногласные формы блонь, блонье, облонье: А от осины з гранью лесомъ на дорогу что ездит к речке на блони а у речки на блони на берегу у дороги (СМИМ 7840. 1671-1691 гг.); Место называемое блонье ровное и удобное к строению (СМИМ 8263, 10. 1780 г.); Принадлежащие… лугъ текучей лугъ облонья к селу Прости (ф. 1209/2, 15171, 372 об. 1670-1697 гг.); В Смоленску в городе на облони… двор боярина князя Никиты Ивановича Одоевского…да попередней стене от облоня поперше-

нику 35 саженъ (ф. 145/1, 4, 2, 17. 1672 г.). Деревня с названием Блонная есть в Смоленской области, а в центре города Смоленска Блонье – городской парк.

Слово лужа, но не с общерусским значением, а как смоленский диалектизм, с значением «низменное мокрое место в излучине реки», выявлено нами в смоленских памятниках письменности XVII в.: По старым межам с ажовай лужи у струганку а струганкаю в речку Белаю в Габю речку Габею вниз в речку Елаю вверхъ в капец с капца в копин дуб з дуба в Белаю з Белои сухадоламъ в капецъ с капца в другои капецъ а от того копца в тое жь ажову лужу (ф. 1209/2, 15174, 698 об. 1661-1674 гг.); По речке Песочне до речки Хохленки в красную лужу из красной лужи…к олховому болоту (281/1, 25/3675, 3-3 об. 1688 г.). Как видим, и здесь довольно трудно судить о том, апеллятив это или микротопоним. Судя по наличию приложений (ажова лужа, красная лужа), можно предположить, что это уже микротопонимы. Слово подлужье (подложье), дериват слова лужа, в следующем контексте, как нам представляется, употребляется как географический апеллятив: Поступился я тебе…на белой на стровку третьею долку огорода своего в межах в длину от твоего огорода и двора да от улицы что проездъ к ручью от тебя: а концом к подложью что к богаделне и другим концом по лужу да от моего огорода что мне осталось таких две долки от гумна Леона Михиева да от огорода Василия Котелникова а концами также по лужу да под подложья…; и отступился тебе…четвертую долку огорода в длину подну сторону твои огорода третка…а концом по лужу а другим да подлужья что к богаделне (ф. 712, 1, 89, 3. 1745 г.). Тем не менее и слово лужа, и слово подлужье нашли отражение в топонимии смоленского края (д. Лужи, д. Подлужье).

Широко распространенное в XVII в. слово плота «ровное, низкое место у реки» и известное сейчас только как топоним в наших контекстах, по-видимому, употребляется еще в апеллятивном значении: Ярыгинское займище на верховье речки Истобенки и на плотах пашни 110 чети (ф. 115, 608, 47. XVII в.); Заимище на верховье речки Истобенки на плотах пашни осмнатцать чети (ф. 1209/2, 10825, 433. 1652-1683 гг.).

Довольно известный термин подсечно-огневого земледелия лядо(а) со значениями «участок земли, предназначенный для расчистки и – затем – для посева», «участок, уже расчищенный и обработанный под пашню» представлен в смоленских памятниках письменности лишь как апеллятив: Да тое же пустоши розчищены ляда а на них пашни паханои полторы десятины (ф. 1209/2, 10824, 650. 1643-1652 гг.); Он же Иван росстрига секъ лядо своимъ насилством на моеи же крепостнои земли (СМИМ 7843. XVIII в.); Пустошъ Зубовка на суходоле а в неи по обе стороны прудка новые роспаши и рассеки и стоячия ляды и лесы (там же, 414 об.); Смоленской шляхтичъ…-высекъ два ляда и засевал всяким хлебом (ф.461/2, 2, 5. 1726 г.); Направе

дровяной лесъ и ляды деревень Ширякиной и Плоской) (2/104, 20, 11. 1786 г.). Но зато позже рассматриваемый термин послужил основой для многочисленных топонимов с корнем ляд-: д. Лядище, д.Лядно, д. Лядное, д. Лядо, д. Лядцо, д. Лядцы, д. Ляды (всего 24 деревни и один поселок в разных районах Смоленской области).

Слово дор в апеллятивном значении «участок, расчищенный от леса под сенокос» в смоленских памятниках письменности представлено в следующих контекстах: На пожне дору сорок копенъ (ф. 1209/2, 15177, 706 об. 1680-1685 гг.); Над истоком перемоею 20 копенъ, на пожне дору 40 копенъ (ф. 1337/2-ч. 1, 43-43 об. 1781 г.); Пустош Дор на вражке по обе стороны сена двенатцать копен (ф. 1209/2, 10828, 941 об. 1639-1676 г.). До сих пор две смоленские деревни носят название Дор.

Слово чернейка в нашем контексте употребляется дважды, в одном случае этот гидроним, а в другом – или апеллятив со значением «место, расчищенное для сенокоса», или микротопоним: Да к тои же дрвни в угодье новорозчищенные две черneики в залоге сена дватцать копенъ да на реке Чернейке вверхъ и внизъ по обе стороны сенного покосу триста копенъ (ф. 1209/2, 15177, 710. 1680-1685 гг.). Интересно, что и в настоящее время на территории Смоленского края есть две деревни с названием Чернейка.

Известно, что онимизация – «переход апеллятива или апеллятивного сочетания через смену функции в имя собственное и его дальнейшее развитие в любом классе онимов» (6691). Онимизации апеллятивов может способствовать употребление слов в форме множественного числа и дальнейшее закрепление в этой форме, которая становится основной и единственно возможной. «…употребление во множественном числе ряда нарицательных имен ведет к их превращению в имена собственные. Так, например, имеется широко распространенная ойконимическая модель: Мосты, Избы, Грязи, Кресты, Дубравы, Луки, Городищи, Селища, Озеры и т.д., где плюрализация дает одновременную онимизацию» (17, 121-122). Бывшие окончания множественного числа в составе топонимов лексикализуются, т.е. утрачивают значение множественности. В дальнейшем эти окончания приобретают статус специфических суффиксов, словообразовательных форм, являющихся показателями определенного топонимического класса. Это так называемые «суффиксы плюрализации». В наших материалах много топонимов и микротопонимов, которые образовались от географических апеллятивов как общерусского характера, так и региональных с помощью плюрализации. Так, общерусские слова борок, березник, холм, курган, круча, поляна, известные как апеллятивы, употребляясь в форме множественного числа, получали с течением времени топонимическое значение. На территории Смоленского края существовали и существуют до сих пор многочисленные деревни с названи-

ями Борки, Березники, Холмы, Курганы, Кручи, Поляны и др. Широко в памятниках письменности XVI-XVIII вв. как общерусского характера, так и в смоленских представлены местные географические термины мошок, вражек, грива, полог, новина, лядо, облог, заполек (заполок), заход. Все эти и многие другие местные географические термины также послужили основой для образования топонимов (в форме множественного числа): Мошки, Вражки, Гривы, Пологи, Новины, Ляды, Облоги, Запольки, Заходы.

Интересна история топонима Узгорки, населенного пункта, который находится в Руднянском районе Смоленской области. Слово взгорок в памятниках письменности отмечается с XVI в. (13:2:58), употребительно оно и в смоленских документах: С того копца прямо подъ взгоркомъ на копецъ (СМИМ 7949. 1680 г.); При которой дороге на взгорке копецъ старинной (ф. 417/1, 20, 12. 1729 г.). В дальнейшем слово это фиксируют академические словари (7, 8). Правда, современные словари квалифицируют его по-разному: в ССРЛЯ оно просторечное, в СлРЯ – разговорное. Но для нас интересно другое. В смоленском диалекте закрепляется фонетический вариант слова взгорок – узгорок с начальным звуком у, что в дальнейшем нашло отражение в топониме в форме множественного числа – Узгорки.

Интересна и история слова застенок «земельный участок, расположенный за стеной, межой»: Да того ж села отказалъ застенокъ в помеснои земли смоленского шляхтича Осипа Телевича (ф. 1209/2, 15171, 648 об. 1670-1697 гг.); Вверхъ реки Хмости идучи от алховскои дороги тотъ застенокъ лежитъ по левую сторону до речки Славицы и речкою Славицею вверхъ идучи лежит тот же застенок по левую ж сторону да на тои же речке Славице в том же застенке в старом прудище ево жъ Осипову половину что изстари бывала мелница а в том застенку и в старом прудище другая половина ево Александрова помесная земля а в том поступном телевичем застенке сенныхъ покосовъ в поле и по заполью на дватцать на пять копенъ (там же, 649). Кроме смоленских памятников письменности, ни в каких других старорусских памятниках письменности это слово не засвидетельствовано, так, СлРЯ XI-XVII вв. его не отмечает. Но оно известно в белорусском языке (9:187). Появление этого слова в смоленском диалекте, очевидно, было связано с влиянием Запада (Польши), а также балтийских языков: «Застенок – 1) часть земли, оставшаяся от надела какого-нибудь селения поземельным владением, так что, хотя эта часть составляла собственность этого селения, но была отделена от него какими-нибудь естественными границами: горою, болотом, рекою и т.п. 2) в Литве застенком называют часть земли, заселенную мелкой шляхтой, которая сама ее обрабатывает» (10:214). Не выходит слово застенок за пределы территории Смоленского края и в настоящее время. Апеллятив застенок послужил основой для образования топонима Застенки (деревня в Краснинском районе Смоленской области).

Таким образом, проблема квалификации слова как географического апеллятива или топонима в текстах старорусских деловых памятников письменности остается довольно сложной. Часто географические апеллятивы подвергались топонимическому переосмыслению, т.е. в «чистом» виде могли переходить в микротопонимы, а также в топонимы. Однако в большинстве случаев нельзя с достаточной точностью сказать, апеллятив перед нами или топоним (микротопоним). Иногда помогает определению статуса данной языковой единицы как топонима наличие определения-прилагательного, хотя, как было показано выше, и этот способ не всегда помогает, особенно если в качестве определений берутся такие прилагательные, как большой, великий и подобные.

Включаясь в топонимическую систему, каждый из апеллятивов проходит стадию освоения. Для начального этапа такого освоения свойственны неупорядоченность структуры, неустойчивость отношений между компонентами словосочетания, невыразительность топонимической функции. Вновь образовавшийся топоним отличается отсутствием стабильности, поэтому его функционирование связано с необходимостью иметь при себе пояснение (определение-прилагательное). По мере освоения бывших апеллятивов и закрепления их в топонимической системе эти признаки полностью исчезают, совершенствуется структура топонимов, двучленные структуры переоформляются в одночленные. Происходят и более сложные внутрисистемные преобразования, способствующие включению вновь осваиваемой лексики в топонимическую систему.

---

* СМИМ – Смоленский исторический музей.

1. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус.яз., 1978-1980. – Т. 1-4.
3. Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: Фонетика и морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
4. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. – М.: Мысль, 1974.
5. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988.
7. Словарь Академии Российской. – СПб., 1789-1794. –Т. 1-6.
8. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. – СПб., 1806-1822. – Т. 1-6.
9. Словарь белорусского наречия / Сост. И.И. Носович. – СПб., 1870.
10. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского / Сост. Н. Горбачевский. – Вильна, 1874.
11. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1965 (прод. издание).

12. СлРЯ – Словарь русского языка /Гл. ред. А.П. Евгеньева. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981-1984. – Т. 1-4.
13. СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. – М.: Наука, 1975 (прод. издание).
14. ССГ – Словарь смоленских говоров. Вып. 1 / Под. ред. А.И. Ивановой. – Смоленск: СГПИ, 1974 (прод. издание).
15. СРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. – М.-Л.: Наука, 1950-1965. – Т. 1-17.
16. Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. – М.: Армада-Пресс, 2002.
17. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1964-1973. – Т.1-4.
19. Энциклопедический словарь географических терминов / Гл. ред. С.В. Калесник. – М.: Советская энциклопедия, 1968.
20. Яшкін І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. – Мінск: Навука і тэхніка, 1971.

В.С. Картавенко

АПЕЛЛЯТИВНЫЕ ОСНОВЫ СМОЛЕНСКИХ ТОПОНИМОВ

Имена собственные, как и нарицательная лексика в целом, всегда реагируют на события, которые происходят с человеком, поэтому они оказываются свидетелями разнообразных природных явлений и исторических событий. Существует много факторов, которые находят отражение в ономастике. Это прежде всего географическая среда, события общественной жизни, материальная и духовная культура. Рассмотрим, как географическая среда отражается в ономастике, и в частности в топонимике. «Особенно ярко географическая среда отражается в топонимах, где так называемые топонимические термины передают особенности ландшафта. Влияние географической среды на ономастикон – постоянно действующий объективный фактор, и имена каждого народа носят опосредованный отпечаток той географической среды, в которой складывалась его культура» (3:39).

Научные географические термины закономерно и активно участвуют в формировании топонимов. Так, например, множество географических названий обязано своим рождением таким апеллятивам, как гора, озеро, река, ручей, холм и др., ср.: Горочка, Горы, Горынка, Пригорье, Каменная Гора, Красная Горка; Озерный, Озерище, Озеро, Озерцо, Озеренск, Озерецкое, Озереч-

ня, Озерица, Озерицы, Озерявино, Заозерье; Речица, Речицы, Речище; Ручейки, Белоручье, Черноручье, Красный Ручей; Холм, Холмец, Холмик, Холмина, Холмишки, Холмовая, Холмовка, Холмок, Холмы, Холмянка, Холм-Еленев, Холм-Жирковский, Холм-Ольгин и др.

Не менее активно участвует в формировании имен собственных народная географическая терминология. «В местной терминологии сохранились многие архаичные слова, присущие только отдельным диалектам, позволяющие судить об истории языка, языковых контактах, ареалах термина, о смысловых сдвигах, что важно не только для лингвистов, но и для географов» (1:7).

В подтверждение данного положения приведем следующие топонимы, возникшие на основе диалектных апеллятивов: Аржавицы, Блонная, Берносечье, Грива, Дор, Замшары, Ростынка, Узвалье.

Представим три группы топонимов и микротопонимов, возникших на основе апеллятивов, обозначающих особенности рельефа: а) возвышенности, б) низменности, в) овраги.

Многие общерусские слова, выступающие как географические термины, дали жизнь большому количеству топонимов в форме исходного апеллятива. В настоящее время в Смоленской области существуют следующие названия населенных пунктов: д. Гора (апеллятив гора), д. Горка (апеллятив горка), пос. Косогор (апеллятив косогор), д. и пос. Курган (апеллятив курган), д. Холм (апеллятив холм) и др.

В других топонимах с исходной основой апеллятива мог присоединяться суффикс, приставка, суффикс и приставка одновременно; исходные апеллятивы могли получать форму множественного числа и закрепляться в этой форме, переходя в топонимы; они могли участвовать в образовании сложных слов, выступать в составе словосочетаний. Ср., например: д. Горавицы, д. Горавичи, д. Курганово, пос. Кургановка, д. Курганье, д. Холмец (4 деревни), д. Холмик, д. Холмина, д. Холмино (3), д. Холмок, д. Холмянка, д. Холмишки, д. Загорье (4), д. Загорская, д. Пригор, д. Пригорье, д. Горы (4), д. Горки (18), д. Холмы (8), пос. Красногорск, д. Красногорье, с. Большие Горки, с. Малые Горки, д. Белая Гора, пос. Гора Колесника, д. Протокина Гора, д. Поклонная Гора, д. Зеленая Горка, д. Красная Горка (4), д. Красный Холм (7), д. Новый Курган, д. Белый Холм, д. Верхний Холм и др.

Народные географические термины также послужили основой для топонимов: д. и с. Грива, д. Гривы (2), д. Белая Грива (апеллятив грива имеет значение «продолговатая возвышенность, гряда с пологими склонами»), д. Курганье, д. Новое Курганье. Топонимы часто сохраняют более древнюю фонетическую форму слова, чем живые говоры, по ним можно проследить звуковые изменения, которые не нашли отражения в лексике современного русского языка. Изучая топонимы, можно изучать изменения в словарном

составе языка, историю слов, их первоначальную форму. Топонимы могут также как бы консервировать в себе слова, которые в настоящее время уже исчезли из языка. В Смоленской области есть две деревни с названием Узвалье (Духовщинский и Руднянский районы), диалектизм же узвалье не зафиксирован.

«Наиболее информативной при изучении лексики раннего периода русского языка (XV-XVII вв.) является микротопонимия (включая и микрогидронимию), значительная часть которой есть не что иное, как апеллятивная лексика местного говора. Некоторые группы апеллятивной лексики широко представлены не только в микротопонимии, но и в названиях довольно крупных объектов, привязаны к местности...» (2:117). В памятниках письменности Смоленского края также встречаем топонимы и микротопонимы, возникшие на основе апеллятивов со значением возвышенностей: д. Горбыль (ф. 1209/2, 15171, 31 об. 1670-1697 гг.), п. Горки (там же, 32), п. Грива (там же, 301 об.), лес Высокая Гряда (там же, 337), лес Гряда (там же, 337), д. Горавицы (там же, 443 об.), ур. Дубовая Гряда (там же, 599), ур. Курганье (там же, 340).

И в настоящее время бытуют на территории Смоленского края микротопонимы, мотивированные апеллятивами со значением возвышенностей: Екатерининская Горка, Марьюшкина Гора, Большая Гора, Зайцевы Кочки, Французский Курган (Хиславичский р-н), Лисьи Горы, Спасская Гора, Красная Горка (Кардымовский р-н).

Общерусские апеллятивы, обозначающие низменности, низкие места, послужили основой для следующих топонимов, выявленных на Смоленщине: д. Долы, пос. Долина, д. Нижний, д. Нижняя (2), д. Низовка, д. Низово Село, д. Низы (4), д. и с. Понизовка (4), д. Понизовье.

Гораздо больше топонимов образовалось от слов диалектных: д. Блонная, д. Заблонье, д. Оболоновец (апеллятив болонь / блонь, оболонье, облонье) «низменное поречье, природный выпас для скота»), д. Лужи, д. Лужица, д. Лужище, д. Лужная, д. Лужняки, пос. Красная Лужа (апеллятив лужа с диалектным значением «низменное мокрое место в излучине реки»), д. Залужечье, д. Залужье (5), д. Медвежье Залужье, д. Подлужье (апеллятивы подлужье, залужье «пространство, которое прилегает к заливному лугу вдоль реки»), д. Пологи (апеллятив полог «низкое место у реки»), д. Плота (2), д. Плотавец, д. Плотавцы (2), д. Плотавы, д. Плотка, д. Плотки (3), д. Плотовка (апеллятив плота «ровное, низкое место у реки»), д. Вологино (2) (апеллятив волговище «низменное место у реки»), д. Подол, пос. Подолики, д. Подолки, д. Подолье, пос. Подольное, д. Подольня (апеллятив подол «равнина, низкое место под горой»). Слово подол считается диалектным словом, но в то же время оно закрепилось в качестве научного географического термина (5:289). Апеллятив низь «низина, мокрое место» лег в основу следующих топонимов: д. Низовка, д. Низово Село, д. Низы.

Известно, что топонимическая система в неизмеримо большей степени, чем система лексики литературного языка, сохраняет диалектные особенности. Значит, данные топонимических исследований могут быть использованы для реконструкции лексической системы диалекта, для решения проблем диалектного контактирования.

В памятниках смоленской письменности также встречаем топонимы и микротопонимы, образованные от апеллятивов со значением «низменность, низкое место»: д. Балоновец (ф. 1209/2, 15171, 591. 1670-1697 гг.), д. Большое Залужье (там же, 12 об.), ур. Залужье (там же, 274 об.), д. Вологa (там же, 379), п. Оболонье (там же, 335 об, 345), луг Облонье (там же, 272 об.), д. Облонье (там же, 396 об.), ур. Оболонье (там же, 624), д. Плотавец (там же, 56), п. Плотки (там же, 576 об.).

Менее представлены в топонимии названия, мотивированные апеллятивами с общим значением «овраг; глубокая, длинная впадина на поверхности земли». Так, в настоящее время существуют деревни в Смоленской области со следующими названиями: д. Вражки (апеллятив вражек «небольшой овраг»), д. Завражье (3) (апеллятив завражье «место за оврагом»), д. Логи, д. Логачево, д. Логачиха, д. Логвиново, д. Логвинова Нива, д. Логвяни, д. Логиновка, д. Логово, д. Логуново, д. Логуны (апеллятив лог «неглубокий широкий овраг с пологими склонами»), д. Лоскино (апеллятив лоск «лог, неглубокая балка»), пос. Лощина, пос. Лощино (апеллятив лощина с тем же значением, что и лог), д. Ровки (апеллятив ровок «небольшой овраг»), д. Суходол (2) (апеллятив суходол «сухой, безводный овраг с пологими склонами»). Апеллятив яруга «глубокий большой овраг, обычно заросший лесом», по-видимому, послужил основой для топонимов с. Ярыгино, д. Ярыжки. Как микротопонимы бытуют в настоящее время Орехов ров, ров Черторыга, Житин ров, ров Копаник (Кардымовский р-н).

Таким образом, многие названия деревень Смоленского края обусловлены конкретными естественно-географическим условиями. Они тесно связаны с определенными группами апеллятивной лексики. «Научная польза, которую может принести лингвистическое изучение личных имен и местных названий, должна убедить языковедов относиться к ним со всем вниманием» (4:11).

Принятые сокращения

д. – деревня	пос. – поселок	ур. – урочище
п. – пустошь	с. – село	ф. – фонд

1. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984.
2. Смолицкая Г.П. Топонимический ареал и вопросы реконструкции лексической системы языка (на славянском материале) // Вопросы языкознания. – М., 1978. – С. 115-124.

3. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.
4. Ташицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопросы языкознания. 1961. № 1. – С. 3-11.
5. Энциклопедический словарь географических терминов / Гл. ред С.В. Калесник. – М.: Советская энциклопедия, 1968.

О.Н. Коломонова

МАЛОПРОДУКТИВНЫЕ ПРИСТАВКИ В СФЕРЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ

Префиксальный (приставочный) способ словообразования, или префиксация, является, по выражению Е.А. Земской, «самым простым и легким способом словообразования» (Земская, 3). Наиболее часто данный способ используется в сфере глагола как в нормированном языке, так и в говорах.

Рассматривая глаголы движения в смоленских диалектах, мы обнаружили слова, образованные при помощи пятнадцати различных приставок (*за-*, *на-*, *по-* и т.д.). Все эти префиксы функционируют также в общенародном языке, что лишний раз подчеркивает его органическую связь и единую основу с народными говорами.

Однако, когда речь заходит о продуктивности той или иной приставки, здесь в диалектах и нормированном языке могут наблюдаться существенные расхождения. Разумеется, существуют префиксы, одинаково функциональные или нефункциональные и в той и в другой области, но есть и «приверженцы» исключительно общенародного языка. Такие приставки встречаются в диалектах, но являются малопродуктивными. В сфере глаголов движения в смоленских говорах нами было выявлено пять самых низкочастотных словообразовательных префиксов (к ним мы относим приставки, которые служат для образования не более пяти слов): *до-*, *в-*, *вы-*, *раз-*, *пре-*, (+*взо-*).

Начнем наше исследование с префикса *до-*, который встретился нам как словообразовательный формант в четырех глаголах движения в смоленских говорах.

Все глаголы с префиксом *до-* относятся к одному словообразовательному типу. В их семантику данная приставка вносит значение доведения действия до его завершения, конца; достижения цели, предела действия: доклыпать «с трудом дойти» ← клыпать «ходить с трудом», доидить «дойти» ← идить «идти», доколтыхать «с трудом дойти» ← колтыхать «ходить

вперевалку, шкандыбать», дозыбать «дойти, добраться» ← зыбать «укачивать ребенка в колыбели».

Данный словообразовательный тип является очень продуктивным для глаголов движения в нормированном языке: дойти, добежать, допрыгать, домчаться. Что касается говоров, то, как мы видим, продуктивность его весьма незначительная. В статье «Глаголы с приставкой *за-*» мы уже делали предположение о возможной причине непродуктивности префикса в сфере говоров при его существенной популярности в словообразовательной системе нормированного языка: «глаголы с определенными приставками (*за-*, *до-* и другие) требуют дополнения с предлогами, а одна из характерных черт речи – экономия средств выражения (Мокиенко, 4).

Все найденные нами глаголы движения с приставкой *до-* в смоленских говорах образованы исключительно от диалектных слов (клыпать, идить, колтыхать, зыбать). С точки зрения производности-непроизводности мотивирующих основ, все четыре глагола движения с префиксом *до-* образованы от производных немотивированных основ.

Теперь рассмотрим глаголы движения с префиксом *в-* (*во-*). Их два, и они также относятся к одному словообразовательному типу. Приставка *в-* (*во-*) вносит в их семантику значение направленности движения, действия, состояния внутрь, в пределы чего-либо: ввойдить «войти» ← идить «идти», ввялиться «ввалиться толпой куда-либо» ← валиться «идти, двигаться или падать в большом количестве».

Первый из названных нами глаголов образован путем присоединения к мотивирующей основе двух одинаковых префиксов. Как писал Шанский в своей работе «В мире слов», «в дублировании одних и тех же морфем в слове нет ничего из ряда вон выходящего» (Шанский, 7). Это явление встречается даже в нормированном языке (вековечный, поверхность) и тем более нередко для говоров.

Данный словообразовательный тип, очевидно, малопродуктивен для глаголов движения в говорах, чего нельзя сказать о его роли в сфере нормированного языка (вбежать, вползти, влезть).

Теперь обратимся к глаголам движения с префиксом *вы-*. Два найденных нами слова с этой приставкой относятся к двум словообразовательным типам.

Глагол, в семантику которого префикс *вы-* вносит значение полной завершенности, законченности, исчерпанности действия: выметать «обежать какое-то пространство с большой скоростью» ← метать (экспр.) «ходить, идти».

Данный словообразовательный тип считается непродуктивным в сфере глаголов движения как в говорах, так и в нормированном языке.

Глагол, в семантику которого префикс *вы-* вносит значение направленности движения изнутри наружу: выщемиться «проникнуть сквозь что-то

узкое, тесное» ← щемиться* «лезть в узкую щель, стараться протиснуться через узкое пространство».

Данный словообразовательный тип непродуктивен для глаголов движения в смоленских говорах, но в нормированном языке его продуктивность достаточно высока (выбежать, выйти, выскочить).

Глагол ***выметать*** образован от общенародного слова, но оно сопровождается в «Большом толковом словаре» пометой *экспр.*, что ограничивает его словообразовательные возможности в нормированном языке. Глагол ***выщемиться*** образован от диалектного глагола.

Глагол ***выметать*** образован от производной немотивированной основы, глагол ***выщемиться*** – от производной мотивированной: выщемиться ← щемиться ← щемить «сжимать, стискивать» (Даль, 2).

Рассмотрим словообразующие приставки, которые встретились нам в процессе работы лишь в единичных образованиях – это префиксы *раз-* и *пре-*.

Приставка *раз-* вносит в семантику глагола значение распределения: разойти «пройти, отмеряя что-либо» ← идти «двигаться, передвигаться, ступая ногами».

Данный словообразовательный тип непродуктивен для глаголов движения как в говорах, так и в нормированном языке.

Глагол ***разойти***, как видим, образован от общенародного слова. Кроме того, мотивирующая основа является непроизводной немотивированной.

Наконец, в «Словаре смоленских говоров» нами был обнаружен один глагол движения, образованный, как нам кажется, путем последовательного присоединения двух разных префиксов – *пре-* и *взо-*. Префикс *пре-* имеет значение чрезмерности действия, а приставка *взо-*, очевидно, законченности действия, доведения до предела, до какого-либо состояния. Таким образом, совокупно эти два префикса вносят в семантику глагола значение распространения действия на множество лиц, предметов: превзойти «обойти» (Уси угалочки приузышла, нигде батюшку ни нышла) ← идти (общенар.) «двигаться, передвигаться, ступая ногами».

Данный словообразовательный тип также непродуктивен для глаголов движения как в диалекте, так и в общенародном языке.

Глагол ***превзойти*** образован от общенародного непроизводного глагола.

Подведем некоторые итоги.

1. Все приставки, с помощью которых образованы зафиксированные в «Словаре смоленских говоров» глаголы движения, функционируют также и в нормированном языке.

2. В сфере глаголов движения, зафиксированных в «Словаре смоленских говоров», было выявлено пять низкопродуктивных префиксов, то есть

таких, которые встречаются не более чем в пяти словах. Это приставки *до-*, *в-*, *вы-*, *раз-*, *пре-* (*+взо-*).

3. Одна и та же приставка может иметь разную степень продуктивности в говорах и нормированном языке. Словообразовательные типы с префиксами *до-*, *в-* и *вы-* (со значением направленности движения изнутри наружу) продуктивны для глаголов движения в области нормированного языка, но непродуктивны в говорах. Возможно, это можно объяснить тем, что глаголы с приставками, которые обладают определенным значением, нуждаются в дополнении в виде существительного или местоимения с предлогом. Устная же речь тяготеет к краткости.

4. Словообразовательные типы с префиксами *раз-*, *пре-* (*+взо-*) и *вы-* (со значением полной завершенности, законченности, исчерпанности действия) непродуктивны и в говорах, и в нормированном языке.

5. Глаголы движения с малопродуктивными приставками образуются в говорах как от диалектных слов, так и от общенародных. Но при этом общеупотребительные глаголы нередко имеют стилистические ограничения (в словарях – пометы типа *разг.*, *экспр.*). Исключением является только глагол *идти*, от которого образовались *разойти* и *превзойти*.

6. Глаголы движения с малопродуктивными приставками образованы в основном от немотивированных основ. Исключение составляют слова *ввялиться* (← валиться ← валить) и *выщемиться* (← щемиться ← щемить). К тому же в случае с глаголом *ввялиться* первые два звена словообразовательной цепочки имеют одно и то же лексическое значение, то есть постфикс *-ся* не несет смысловой нагрузки.

7. Слова в говорах могут образовываться путем присоединения двух одинаковых (ввойдить) или разных (превзойти) приставок.

---

* Глагол *щемиться* взят нами не из «Словаря смоленских говоров», а из устной речи: *Куда ты щемисся? Здесь жа ни прайдеш.* Причина этого в том, что работа над выпуском «Словаря» на букву Щ еще не завершена.

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: ТЕРРА, 1998.
3. Земская Е.А. Как делаются слова. – М., 1963.
4. Мокиенко В.М. Почему так говорят? – С.-Пб., 2003.
5. Немченко В.И. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Высш. школа, 1984.
6. Словарь смоленских говоров. Вып. 1-9. – Смоленск: СГПУ, 1974-2000.
7. Шанский Н.М. В мире слов. – М., 1971.

И.А. Королева

ФАМИЛИИ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, В СЛОВАРЕ ФАМИЛИЙ СМОЛЕНСКОГО КРАЯ

Названия лиц по месту их рождения или проживания являются неотъемлемой частью именования человека уже с древних пор. Они зачастую являлись выделительным знаком для целых семей, особенно переселенцев, которых обычно идентифицировали по географическому названию прежнего места жительства (Селищев 1968; Валеев 1992).

Фамилии данной группы имеют в своих основах специфические суффиксы, позволяющие расклассифицировать 1) фамилии с суффиксом -СК- в виде оттопонимических прилагательных: ДУБРОВСКИЙ, ЕЛЬНИНСКИЙ и т.д.; 2) фамилии на -АНИН, -ЯНИН, -ИТИН, -ЕНИН и др., оформленные обычно (но не всегда) стандартным фамильным суффиксом -ОВ: ДОРОГОБУЖЕНИН + ОВ, ТВЕРИТИН + ОВ и пр. Сюда же следует отнести фамилии, образованные непосредственно от топонимов: ВОЛГА, ВОЛГИН < **Волга**, НОВГОРОДОВ < **Новгород** и др.

Фамилии с суффиксом -СК- исторически могут носить владельческий характер – они происходят от названий вотчин, именуемых ВЯЗЕМСКИЙ (Вязьма), РЯЖСКИЙ (Ряжск) и т.д. Как считают исследователи, это княжеские, боярские или дворянские фамилии (Унбегаун 1995). Но часто такие именования относились к простым людям – например, крестьяне именовались по названию деревни, откуда они родом: ЗАУГОРСКИЕ (д. Заугорье), ЛЫЗЛОВСКИЕ (д. Лызлово), СЕМЛЕВСКИЕ (д. Семлево) и др.

Российский гуманитарный научный фонд и Администрация Смоленской области поддержали проект создания Словаря фамилий Смоленского края (01-04-58001 а/Ц), который закончен и подготовлен к печати. В структуру Словаря включен раздел, описывающий фамилии, образованные от географических названий; все фамилии засвидетельствованы в корпусе фамилий современной Смоленщины. Автор – И.А.Королева – посчитал необходимым обратить особое внимание на именования, в основах которых лежат местные топонимы, что, несомненно, позволяет представить себе географию Смоленского края в прошлом и сравнить ее с настоящим.

Все местные географические названия проверены в основном по книге «Административно-территориальное устройство Смоленской области» (Смоленск, 1981), частично – по памятникам письменности, так как далеко не все объекты сохранились до наших дней.

В раздел не включены фамилии, образование которых может быть неоднозначно. Так, все фамилии с суффиксом –СК-, имеющие в основе крестильные имена, могут происходить либо от патронимов на базе этих имен, либо от названий деревень, получивших их по именам владельцев-основателей: АНДРЕЕВСКИЙ < **Андреев** < **Андрей** либо АНДРЕЕВСКИЙ < **Андреево** < **Андрей**; НИКИТИНСКИЙ < **Никитин** < **Никита** либо НИКИТИНСКИЙ < **Никитино** < **Никита** и т.д. То же можно сказать и о фамилиях с некрестильными именами в основах: БАЖЕНОВСКИЙ < **Баженов** < **Бажен** или БАЖЕНОВСКИЙ < **Баженово** < **Бажен**, НЕЖДАНОВСКИЙ < **Нежданов** < **Неждан** либо НЕЖДАНОВСКИЙ < **Неждановка** < **Неждан** и др.

Есть фамилии, которые могут быть образованы либо от географических названий, либо от этнонимов, и разграничить эти разделы трудно; например, фамилии с корнем ЛИТВ: ЛИТВИН, ЛИТВИНЕНКО, ЛИТВИНЕНКОВ, ЛИТВИНОВ, ЛИТВИНСКИЙ, ЛИТВИНЦЕВ, ЛИТВЯНОВ, ЛИТОВСКИЙ, ЛИТОВЧЕНКО – все эти обозначения указывают на жителей регионов, входящих когда-то в состав Речи Посполитой. Достаточно высокая активность подобных фамилий (исконно это и житель Литвы, и не «литовец», литвин по национальности) в Смоленском крае связана, конечно же, с экстралингвистическими факторами – вхождением смоленских земель, в период активного образования фамилий, в состав Польско-Литовского государства. Подобные фамилии (с корнем ЛИТВ-, МОСК- и др.) помещены в специальном разделе, описывающем именования, образованные от этнонимов и этнотопонимов.

1
на -СКИЙ/-ЦКИЙ

БЕЛЬСКИЙ – **Бельск**
БЕЛОГОРСКИЙ – **Белые Горы**
БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ – **Белая Церковь**
БИТЯГОВСКИЙ – **Битягово**
БОЛВАНИЦКИЙ – **Болваничи**
БОРКОВСКИЙ – **Борки, Борково**
БОРСКИЙ – **Борск**
БРЯНСКИЙ – **Брянск**
БУНАКОВСКИЙ – **Бунаково**
БУЯНОВСКИЙ – **Буяново**
ВИШНЕПОЛЬСКИЙ – **Вишневое Поле**
ВОЛОГОДСКИЙ – **Вологда**
ВОЛОЦКИЙ – **Волок**
ВОЛЫНСКИЙ – **Волынь**
ВЯЗЕМСКИЙ – **Вязьма**
ВЫГОТСКИЙ – **Выгода; значение топонимов (их несколько) – «место, удобное для поселения» (Никонов)**
ГАЛИЦКИЙ – **Галич**
ГНЕЗДОВСКИЙ – **Гнездово**
ГОВОРОВСКИЙ – **Говорово, Говоровка**
ГОРЕЦКИЙ – **Горки**
ГОРОДЕЦКИЙ – **Городецк**
ДЕЖНЕВСКИЙ – **Дежнево**
ДОКУЛЕВСКИЙ – **Докулево**
ДОНСКОЙ – **Дон**
ДОРОГОБУЖСКИЙ – **Дорогобуж**
ДУБОВСКИЙ – **Дубово**
ДУБРОВСКИЙ – **Дубровенка, Дубровка**
ДУБЕНСКИЙ – **Дубна**
ДУХОВЩИНСКИЙ – **Духовщина**
ЕЛЕЦКИЙ – **Елец**
ЕЛЬНИНСКИЙ – **Ельня**
ЖИЗДРИНСКИЙ – **Жиздра**
ЖУРАВЛЕВСКИЙ – **Журавли**
ЖУРАВСКИЙ – **Журавка**

ЗАБОЛОЦКИЙ – **Заболотье**
ЗАБОРОВСКИЙ – **Заборье**
ЗАДОНСКИЙ – **Задонье**
ЗАДОРОЖНЫЙ – **Задорожье**
ЗАГОРСКИЙ – **Загорье**
ЗАЙКОВСКИЙ – **Зайково**
ЗАЛЕССКИЙ – **Залесье**
ЗАЛУЖСКИЙ, ЗАЛУЖНЫЙ – **Залужье**
ЗАПОЛЬСКИЙ – **Заполье**
ЗАРУБИНСКИЙ – **Зарубино**
ЗАСЕЦКИЙ – **Засечье, Засека**
ЗАУГОРСКИЙ – **Заугорье**
ЗВЕНИГОРОДСКИЙ – **Звенигород**
ЗУБЦОВСКИЙ – **Зубцовск**
ИЗЮМСКИЙ – **Изюм**
КАМЕНСКИЙ – **Каменка**
КАНЕВСКИЙ – **Канев**
КОЗЫРИЦКИЙ – **Козыри**
КОЛОТИЛОВСКИЙ – **Колотилово**
КОЛПИНСКИЙ – **Колпино**
КОЛЯДИНСКИЙ – **Колядино**
КРАПИВНИЦКИЙ – **Крапивна**
КРОМСКОЙ – **Кромы (вариант КРОМСКИЙ не засвидетельствован)**
КРОШИНСКИЙ – **Крошино**
КРУТОГОРСКИЙ – **Крутые Горы**
КУПЕЛИНСКИЙ – **Купелино**
КУРСКИЙ, КУРСКИХ – **Курск**
ЛОГОВСКИЙ – **Логово**
ЛОБНИНСКИЙ – **Лобня**
ЛОМОВСКИЙ – **Ломово**
ЛУНЕВСКИЙ – **Лунево**
ЛУЦКИЙ – **Луцк**
ЛЫЗЛОВСКИЙ – **Лызлово**
ЛЮБАВИЧСКИЙ – **Любавичи**
МАСАЛЬСКИЙ, МОСАЛЬСКИЙ – **Масальск, Мосальск**
МАСЛЮКОВСКИЙ – **Маслюки**
МЖЕЛЬСКИЙ – **Мжельск**
МОСКОВСКИЙ, МОСКОВСКИХ – **Москва**
МОХОВСКИЙ – **Мохов**
НЕМЧИНОВСКИЙ – **Немчиново**
ОЛЬХОВСКИЙ – **Ольхово**
ОЛЬШЕВСКИЙ – **Ольша**
ОРШАНСКИЙ – **Орша**
ПЕНЬКОВСКИЙ – **Пеньково**
ПЕНЗЕНСКИЙ – **Пенза**
ПИНСКИЙ – **Пинск**
ПОДЛЕССКИЙ – **Подлесье**
ПОЖАРСКИЙ – **Пожары, Пожарки**
ПОЛТАВСКИЙ – **Полтава**
ПРИГОРСКИЙ – **Пригорье**
РЕУТОВСКИЙ – **Реутово**
РЖЕВСКИЙ – **Ржевск**
РОГАЧЕВСКИЙ – **Рогачи, Рогачево**
РОСТОВСКИЙ – **Ростов**
РУДНЕНСКИЙ, РУДНЯНСКИЙ – **Рудня**
РЯЖСКИЙ – **Ряжск**
СВЕРКОВСКИЙ – **Сверково**
СВЕРЧКОВСКИЙ – **Сверчково**
СЕМЛЕВСКИЙ – **Семлево**
СЛУЦКИЙ – **Слуцк**
СМЕТАНИНСКИЙ – **Сметанино**
СМОЛЕНСКИЙ – **Смоленск**
СТАРОДУБСКИЙ – **Стародуб**
СЫРОКОРЕНСКИЙ – **Сырокоренье**
ТОРБЕЕВСКИЙ – **Торбеево**
ТУМАНОВСКИЙ – **Туманово**
ТУХАЧЕВСКИЙ – **Тухачево**
УГОЛСКИЙ, УГОЛЬСКИЙ – **Угол**
УНКОВСКИЙ, УНЬКОВСКИЙ – **Уньково**
ХАРЬКОВСКИЙ – **Харьков**
ЧЕПЕЛЕВСКИЙ – **Чепели**
ЧЕПЛИНСКИЙ – **Чепли**
ШУЙСКИЙ – **Шуя**
ЩЕПЛИНСКИЙ – **Щеплино**
ЮХНОВСКИЙ – **Юхново**

II

на -ЕЦ, -ИНЕЦ, -ИТИН и др.

АЗОВЦЕВ – **азовец «житель Азова»**
АСТРАХАНЦЕВ – **астраханец «житель Астрахани»**
БЕЛЯНИН, БЕЛЯНИНОВ, БЕЛЯНЧУК – **белянин «житель Белого»**

БЕЛОЗЕРЦЕВ – **белозерец «житель Белого Озера»**

БРЕНЧАНИНОВ, БРЯНЦЕВ, БРЯНЧУК – **бре(я)нчанин «житель Брянска»**

БЫХОВЕЦ – **быховец «житель Быхова»**

ВЕЛЕЖАНИНОВ, ВЕЛЕЖЕНИН – **вележенин, вележанин «житель Веляжа»**

ВЛАДИМИРЦЕВ – **владимирец «житель Владимира»**

ВОЛГА, ВОЛГИН – **Волга**

ВОЛОГЖЕНИНОВ – **вологже(а)нин «житель Вологды»**

ВОРОТЫНЦЕВ – **воротынец «житель Воротынска»**

ДОРОГОБУЖЕНИНОВ – **дорогобуже(а)нин «житель Дорогобужа»**

ЕЛЬЧАНИНОВ – **ельчанин «житель Ельца»; известна тюркская версия происхождения дворянской фамилии ЕЛЬЧАНИНОВ: – elci «посыльный, вестник, вестовой» (Баскаков)**

КАЗАНЦЕВ – **казанец «житель Казани»**

КАСИМЦЕВ – **касимец «житель Касимова»**

КАШИНЦЕВ – **кашинец «житель Кашина»**

КАШИРИН – **каширин «житель Каширы»**

КИЕВЦЕВ – **киевец «житель Киева»**

КОЛМАГОРЦЕВ, КОЛМОГОРЦЕВ; ХОЛМОГОРЦЕВ – **к(х)олм(а)огорец «житель Холмогор»**

КОСТРОМИНОВ, КОСТРОМИТИНОВ – **костромин, костромитин «житель Костромы»**

КРИЧЕВЦЕВ – **кричевец «житель Кричева»**

ЛУЧАНИНОВ – **лучанин «житель Великих Лук»**

МАСАЛЬЦЕВ, МОСАЛЬЦЕВ – **мо(а)салец «житель Мо(а)сальска»**

МЕДЫНЦЕВ – **медынец «житель Медыни»**

МЕЗЕНЦЕВ – **мезенец «житель Мезени»**

МИНЧУК – **минчук «житель Минска»**

МОГИЛЕВИЦ, МОГИЛЕВЦЕВ – **могилевец «житель Могилева»**

МОСКВИТИН, МОСКВИТИНОВ, МОСКВИЧЕВ, МОСКВИЧОВ, МОСКВИЧОНОК – **москвитин, москвич «житель Москвы»**

МУРОМЦЕВ – **муромец «житель Мурома»**

НЕЖЕНЦЕВ, НЕЖИНЦЕВ – **неженец «житель Нежина»**

НИЖЕГОРОДЦЕВ – **нижегородец «житель Нижнего Новгорода»**

НОВГОРОДОВ – **Новгород**

ОЛЬШАКОВ – **ольшак «житель Ольши»**

ОРШАНЦЕВ – **оршанец «житель Орши»**

ПОЛЕШАНИН, ПОЛЕШАНИНОВ, ПОЛЕШЕНИН – **полеше(а)нин «житель Полесья»**

ПОЛОЧАНИНОВ, ПОЛЧАНИНОВ – **полочанин «житель Полоцка»**

ПОЛТАВЦЕВ – **полтавец «житель Полтавы»**

ПСКОВИТИНИНОВ, ПСКОВИЧЕВ – **псковитя(н)нин, пскович «житель Пскова»**

ПОНИЗОВЦЕВ – **понизовец «житель Понизовья»**

РЖЕВЦЕВ – **ржевец «житель Ржева»**

РОСЛАВЦЕВ – **рословец «житель Рославля»**

РОСТОВЦЕВ – **ростовец «житель Ростова»**

РЕЗАНЦЕВ, РЯЗАНЦЕВ – **ре(я)занец «житель Рязани»**

РЯЗАНОВ – **Рязань**

САМАРИН – **Самара; возможно, самара «одежда с длинными полями» (влад.) (Ганжина 2001, с. 422)**

САМАРЦЕВ – **самарец «житель Самары»**

СМОЛЕНИНОВ, СМОЛЕНЦЕВ, СМОЛЕЦ, СМОЛЬНЯНИНОВ, СМОЛЬЯКОВ, СМОЛЯК, СМОЛЯКОВ, СМОЛЯНИНОВ – **смолец, смоленин,**

смолянин, смольянин «житель Смоленска»

СТАРОДУБЦЕВ – **стародубец «житель Стародуба»**

ТАМБОВЦЕВ – **тамбовец «житель Тамбова»**

ТВЕРЕТИНОВ, ТВЕРИТИНОВ ТВЕРЯК, ТВЕРЯКОВ – **тверитин, тверяк «житель Твери»**

ТОРОПЧАНИНОВ – **торопчанин «житель Торопца»**

ТРУБЧАНИНОВ – **трубчанин «житель Трубчевска»**

УСТЮЖЕНИНОВ – **устюжа(е)нин «житель Великого Устюга»**

УФИМЦЕВ – **уфимец «житель Уфы»**

ЧЕРНИГОВЦЕВ – **черниговец «житель Чернигова»**

ЯРОСЛАВЦЕВ – **ярославец «житель Ярославля»**

Фамилии с оттопонимическими основами – живое свидетельство исторических миграционных процессов. В настоящее время, как показали наши исследования по частоте бытования отдельных фамильных основ, активны фамилии, образованные от топонимов Смоленского края и территорий, близких к Смоленску, – Твери и Пскова.

---

1. Административно-территориальное устройство Смоленской области. – Смоленск, 1981.
2. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М., 1979.
3. Валеев Г.К. «Кто был кто в Древней Руси» (о составлении указателя лиц к «Повести временных лет» и другим древнерусским документам)//Вестник Челябинского ун-та. Серия 1. История. – №1(3). – Челябинск,1992. – С.57-68.
4. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий.- М., 2001.
5. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды А.М. Селищева. – М., 1968. – С.97-128. (Перепечатка работы 1948 г.)
6. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – Изд. 1-е. – Лондон, 1972; изд. 2-е – М., 1995.

В.А. Королькова

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ВНЕШНИМ ПРИЗНАКАМ И ФИЗИЧЕСКИМ ОСОБЕННОСТЯМ В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ

Наименования лиц в смоленских говорах осуществляется по разнообразным словообразовательным моделям. Возможности реального и гипотетического образования существительных – наименований лиц свидетельствуют об определенной степени продуктивности той или иной модели. Продуктивная словообразовательная модель предполагает достаточно большое количество образований, что не является, однако, безусловным определителем продуктивности (И.С. Улуханов, Е.В. Литвиненко, Н.М. Шанский и др.). Продуктивными в сфере существительных со значением наименований лица следует признать те словообразовательные модели, которые отличаются прозрачностью своей структуры, легкостью и простотой воспроизведения и регулярными, отчетливо выраженными суффиксами. Анализ конкретного языкового материала, по нашему предположению, должен выявить наиболее и наименее продуктивные модели в наименованиях лиц по внешним признакам и физическим особенностям.

Эта группа наименований интересна дифференциацией лингвистической и нелингвистической продуктивности. Нелингвистическая (эмпирическая, по Л.В. Сахарному) продуктивность наименований лиц по физическим и внешним особенностям невелика. Социально-экономические, этнографические, ментальные факторы в словообразовании данных наименований не играют столь заметной и значимой роли, как в образовании существительных, называющих людей по поведению, по чертам характера, по профессиональным и трудовым действиям. Вместе с тем лингвистическая продуктивность наименований лиц по внешним, физическим данным весьма высока, что подтверждается окказиональными образованиями.

Носители говоров, во-первых, понимают значения слов, не зафиксированных в диалектной речи: ***Костлявик***: Кыслявик што кыслявый больна, анны кости. ***Смуглявик***: Смуглявик – ета значить смуглявый такей, как цыган; смуголь па-другому скажуть. Толкование существительных свидетельствует о восприятии модели, что может быть лишь при ее четкости и конкретности.

Во-вторых, носители данной речи создают слова по определенным схемам: Ну, губы у яго большыя – ён ***губан***, а если вушы большыя, то ***ушан***.

Указанные признаки свидетельствуют о лингвистической продуктивности моделей. Определение лингвистической и нелингвистической продук-

тивности диалектных словообразовательных моделей очень важно для синхронного словообразовательного анализа. При отсутствии каких-либо слов носители говоров чаще образуют их, чем прибегают к описанию. Лапидарность окказионального словообразования позволяет емко и выразительно описать человека и выразить к нему свое отношение.

Наименования лиц по внешним признакам и физическим качествам образованы по отглагольным и отыменным основам.

К глагольным производящим основам присоединяются суффиксы ***-ень***, ***-ун***, ***-ок***, ***-ак*** (***-як***), ***-ик***, ***-ук*** (***-юк***). Выделены следующие отглагольные модели:

1) Модель с суффиксом ***-ень***: *гамзать – гамзень* (тот, кто гамзает, гнусавит), *раздряхлеть – раздряхлень* (тот, кто раздряхлел; о неповоротливом старом человеке), *скуробить – скуробень* (тот, кого скуробило, сгорбило; о сгорбленном, сутулом человеке). Модель легко реализует возможности образования новых слов: *кряхтень*, *невладень*, *хромень*, *хворень*. (Кряхтень наш усё кряхтить. А ни владеить ён уже руками, то и нивладень. Захрымау наш храмень. Малиц такей хворень: усё хвыраить и хвыраить). Образование слов по данной модели сопровождается такими морфонологическими процессами: усечение производящей основы (*красить – красень*) и смягчение основы (*телепать – телепень*). Модель «основа глагола плюс суффикс ***-ень***» обладает лингвистической продуктивностью и относится к моделям открытого ряда.

2) Модель с суффиксом ***-ун***: *бормотать – бормотун* (тот, кто бормочет, невнятно говорит); *сёрбать – сербун* (тот, кто сёрбает, чавкает при еде), *шамкать – шамкун* (тот, кто шамкает, о шепелявом человеке). Модель лингвистически продуктивна, о чем свидетельствуют окказиональные образования (Горготун горгочить. Храмун храмаить. Завидун завидуить).

3) Модель с суффиксом ***-ок***: *ворковать – воркоток* (тот, кто воркочет, говорит нежно, ласково), *осилить – осилок* (тот, кто осилит что-либо, о сильном человеке), *говорить – говорок* (тот, кто говорит во сне). Модель открытого ряда (*бормотать – бормоток*, *ослабеть – ослабок*, *вылупить – вылупок*, *отрепаться – отрёпок*).

4) Модель с суффиксом ***-ак*** (***-як***): *плошеть – плошак* (тот, кто плошеет, болеет, слабеет, о больном, слабом человеке), *сидеть – сидак* (тот, кто сидит, неподвижен, парализован). Активно пополняется за счет окказионализмов (*худеть – худак*, *хромать – хромак*, *сипеть – сипак*, *храпеть – храпак*). Лингвистической продуктивности модели препятствует большая сочетаемость суффикса ***-ак*** (***-як***) с адъективной, чем с глагольной производящей основой.

5) Словообразовательные модели с суффиксами ***-ик*** (*дуться – дутик*), ***-ыш*** (*отрепаться – отрепыш*), ***-ук*** (*бздеть – бздюк*) не обладают лингвистической продуктивностью вследствие тяготения названных суффиксов к отыменным основам. Сюда же примыкают единичные словообразовательные

модели с суффиксами *-ай* (*-яй*): *калдыгать – калдыгай* (тот, кто калдыгает, хромает), *-ан* (*-ян*): *вылуплять – вылуплян* (тот, кто вылупляет глаза, таращится), *-ель*: *ирдеться – ирдель* (тот, кто ирдеется, краснеет, о краснощеком человеке), *-ух*: *телепать – телепух* (тот, кто телепает, медленно идет), *-ыль*: *хромать – хромыль* (тот, кто хромает).

Группа субстантивных моделей со значением «лицо по предмету, определяющему внешность» представлена следующим образом.

1) Модель с суффиксом *-ак*: *плешь – плешак* (тот, кто имеет плешь), *шелуди – шелудяк* (тот, у кого шелуди, струпья на голове), *шишка – шишак* (тот, у кого шишка на носу). Модель лингвистически продуктивна (*зубы – зубак*, *грибы – грибак*, *голова – головак*).

2) Модель с суффиксом *-ач*: *лохмы – лохмач* (тот, у кого лохмы, неопрятные волосы), *брюхо – брюхач* (тот, кто имеет большой живот), *гриб – грибач* (тот, у кого большие грибы, губы). По данной модели образуются окказиональные слова: *руки – рукач*, *голова – головач*, *нос – носач*. Наблюдается параллелизм моделей с суффиксами *-ак* и *-ач*: *лохмак* и *лохмач*, *грибак* и *грибач*, *горбак* и *горбач*.

3) Модель с суффиксом *-ан* приближена к соответствующим моделям с суффиксами *-ач* и *-ак*: *губа – губан* (тот, у кого большие губы), *уши – ушан* (тот, у кого большие уши), *рыло – рылан* (тот, у кого рыло, некрасивое, грубое лицо). Модель лингвистически продуктивна (*глаз – глазан*, *зуб – зубан*, *грудь – грудан*).

4) Модель с суффиксом *-ник*: *беркулёз – беркулёзник* (тот, кто болен туберкулезом), *шляпа – шляпник* (тот, кто в шляпе), *понос – поносник*, *глисты – глистник*. Чаще модель используется для наименований лиц по предмету, на который направлено совершаемое лицом действие, что ограничивает словообразовательные возможности модели в сфере наименований по внешним данным.

Отмечаются также модели с суффиксами *-ик*: *лахудра – лахудрик* (лохматый, непричесанный), *плешь – плешик* (имеющий плешь), *-уш*: *пупырь – пупыруш* (о толстом, упитанном ребенке), *-ист*: *мода – модист* (следующий моде), *-овик*: *дуб – дубовик* (о сильном, крепком человеке), *-овник*: *вол – воловник* (о сильном, здоровом человеке).

Наибольшее количество моделей со значением «лицо по признаку, определяющему внешность» основано на адъективной производящей основе.

1) Модель с суффиксом *-ик*: *коросливый – коросливик* (о коросливом, грязном, неопрятном человеке), *рудый – рудик* (о рудом, рыжеволосом человеке), *смерётный – смерётник* (о смерётном, бледном человеке). Модель как схема имеет большие возможности лексического наполнения. Она послужила основой для образования многих окказиональных слов: *большеротый – большеротик*, *лысый – лысик*, *конопатый – конопатик*, *щербатый – щерба-*

тик, *пухлявый – пухлявик*, *чернявый – чернявик*. Модель обладает лингвистической продуктивностью и является моделью открытого ряда.

2) Модель с суффиксом ***-ак*** (***-як***): *большой – большак* (о большом, крупном, высоком человеке), *хромой – хромак* (о хромом человеке), *смуглый – смугляк* (о смуглом человеке). О лингвистической продуктивности модели свидетельствует ее осознание говорящими: *косой – косак*, *круглый – кругляк*, *рудый – рудак*, *бледный – бледняк* и др.

3) Модель с суффиксом ***-ень***: *живой – живень* (о живом, подвижном, непоседливом ребенке), *курносый – курносень* (о курносом человеке), *рябый – рябень* (о рябом человеке). Модель в большой степени является лингвистически продуктивной: *рыжий – рыжень*, *здоровый – здоровень*, *глухой – глушень*, *слепой – слепень*, *сухорукий – сухоручень* и др.

4) Модель с суффиксом ***-ун***: *бодрый – бодрун* (о бодром, нарядно одетом человеке), *кривой – кривун* (о кривом, одноглазом человеке), *толстый – толстун* (о толстом человеке). Модель лингвистически продуктивна: *худой – худун*, *быстрый – быструн*, *лохматый – лохматун*.

Словообразовательные модели с суффиксами ***-ач***, ***-ан*** (***-ян***), ***-арь***, ***-ец***, ***-овик*** характеризуются сравнительно редкой употребляемостью и незначительным лексическим наполнением. Можно привести примеры указанных образований: *сухой – сухач* (о сухом, худом человеке), *большой – большан* (о большом, высоком человеке), *слепой – слепарь* (о слепом человеке), *возгривый – возгривец* (о возгривом, сопливом человеке), босой – босовик (о босом человеке). Данные модели обладают потенциальной возможностью образования новых слов, но эта возможность реализуется незначительно: *глухой – глухач*, *худой – худан*, *гнилой – гниларь*, *плюгавый – плюгавец*, *рыхлый – рыхловик*. Причина минимальной разработанности указанных моделей заключается в вытеснении их конкурирующими, более сильными в плане лингвистической продуктивности моделями с суффиксами ***-ень***, ***-ак***, ***-ун***.

В качестве единичных образований отмечены существительные с суффиксами ***-лец*** (*сухой – сухлец*), ***-уль*** (*грязный – грязнуль*), ***-ыш*** (*слепой – слёпыш*), ***-ук*** (***-юк***) (*здоровый – здоровюк*).

Таким образом, в группе наименований лиц по внешним признакам и физическим качествам ведущее место занимают отадъективные словообразовательные модели, в основе которых лежит называние человека по характеризующему его признаку. По способности суффикса присоединяться к той или иной основе можно выделить следующие группы.

1. Лишь отдельные суффиксы используются в отглагольных, отсубстантивных и отадъективных моделях. Это суффиксы ***-ак*** (*хромать – хромак*, *плешь – плешак*, *рудый – рудак*), ***-ик*** (*дуться – дутик*, *лахудра – лахудрик*,

щербатый – щербатик), ***-ан*** (***-ян***) (*вылуплять – вылуплян* , *губа – губан, большой – большан*).

2. Суффиксы, которые присоединяются к отыменным основам, но не взаимодействуют с глагольными производящими основами: ***-ач*** (*лохмы – лохмач, сухой – сухач*), ***-овик*** (*дуб – дубовик, босой – босовик*).

3. Суффиксы, связанные с глагольными и адъективными основами: ***-ень*** (*телепать – телепень, живой – живень*), ***-ун*** (*шамкать – шамкун, толстый – толстун*), ***-ыш*** (*отрепаться – отрепыш, слепой – слёпыш*); ***-ук*** (***-юк***) (*смердеть – смердюк, здоровый – здоровюк*).

4. Только с глагольными основами употребляются суффиксы ***-ок*** (в лингвистически продуктивных моделях), ***-ай***, ***-ель***, ***-ух***, ***-ыль*** (в лингвистически непродуктивных моделях). Лишь к основам имен существительных присоединяются суффиксы ***-ник*** (в лингвистически продуктивных моделях), ***-ист***, ***-овник***, ***-уш*** (в лингвистически непродуктивных моделях). Наконец, исключительно с адъективными основами взаимодействуют суффиксы ***-арь***, ***-ец***, ***-лец***, ***-уль*** (в лингвистически непродуктивных моделях).

Следовательно, можно говорить об определенной дифференциации суффиксов в их отношении к морфологическому характеру производящей основы. Однако эта предпочтительность в большей степени выражается на уровне лингвистически непродуктивных моделей.

Анализ суффиксальных словообразовательных моделей, по которым образуются наименования лиц мужского пола, позволяет выявить особенности, характерные для смоленских говоров, в сопоставлении с литературным языком. Так, в частности, нами отмечены суффиксы, специфичные для говоров. Например, суффикс ***-овик*** используется при назывании лица по признаку, характеризующему внешность: *босой – босовик, рыхлый – рыхловик, слепой – слеповик*. В литературном языке в указанном значении он не используется. То же можно сказать в отношении суффиксов ***-овник***, ***-ах***, ***-ук*** (***-юк***), ***-уль***, ***-уш***, ***-ыль***, ***-ок***, ***-тюрь***. Большая часть зафиксированных суффиксов в наименования лиц по внешности, физическим признакам является общей для смоленских говоров и литературного языка. Соответственно совпадает большинство словообразовательных моделей: лит. *толстый – толстяк*, диал. *круглый – кругляк*; лит. *слепой – слепец*, диал. *возгривый – возгривец*; лит. *сила – силач*, диал. *требух – требухач*; лит. *сидеть – сидень*, диал. *раздряхлеть – раздряхлень*.

Яркой особенностью наименований лиц по внешним и физическим признакам является их экспрессивная окрашенность. Рассматриваемые имена существительные нередко являются коннотативными, содержат дополнительную окрашенность, что в целом присуще разговорной, в том числе диалектной речи. Коннотативное содержание слова наслаивается на его основное

значение. Таким образом в диалектной речи в немалой степени реализуются разного рода экспрессивные, эмоциональные, оценочные характеристики. Экспрессивная насыщенность слов-характеристик проявляется, во-первых, в выразительности производящей основы при нейтральном суффиксе (*плюгавый – плюгавец*), во-вторых, в экспрессивности суффикса при нейтральной основе (*ходить – ходун*), в-третьих, в сочетании экспрессивной основы и экспрессивного суффикса (*телепать – телепень*). Эмоциональным нередко оказывается речевой контекст: «Во *барбасон*, ён и у двери ни пролазить» (о толстом человеке), «За гот такей *лазбинь* стау, што уси рубахи стали тесны» (об упитанном, крепком ребенке, подростке), «Во *лахудрик* какой, вечно немытый ходить» (неопрятный человек, грязнуля), «Нячосаный, нямытый *махлак* етыт ходить» (о неряшливом человеке), «Придеть на вячорку, вырядицца луччей усех. *Бадрун* быу бальшей» (нарядно одетый человек), «У етыга *худабая* тока кожа да кости» (о худом человеке»), «Пыдатри сваи вазгри, сыпляк, *вазгривиц*!» (о сопливом человеке), «Как ругаюцца, говорють: «Сядиш, как *аскарюзлик*. Ходиш, как *аскарюзлик*».

Отрицательную оценку в сознании, а следовательно, и в речи получило чрезмерное увеличение какого-либо признака, а не само внешнее качество как таковое (рост, худоба, полнота, малоподвижность и под.). Именно гипертрофированность свойства, признака, качества вызывает насмешку и иронию. Те же черты, которые лишь констатируют внешность, выполняют только номинативную функцию и не являются экспрессивными, например, ***брытик*** (о коротко остриженном или бритом человеке): «Што, *брытик*, батька опять пастрых и чупа ни аставиу»; ***ирдель*** (о краснощеком человеке): «Ен хыть и старик, а пыгляди ны яго: крепкий, здаровый, *ирдель*»; ***кривень*** (об одноглазом человеке): «С вайны на адин глас акривеу, во и стал *кривень*»; ***смуглявик*** (о смуглом человеке): «Ен с детства такей *смуглявик*, яму и зыгарать ни нада».

Чрезмерно полного человека называют следующими словами: *коржак, пухляк, пухлявик, пухлятик, крупняк, пузан, пузатик, большан, требухач, туйбень, здоровень, здоровюк, пехтерь, брюхатик, дутик, рыхловик, отопок, толстун, опекуш, пупыруш*. Излишняя полнота мешает работать и является следствием безделья, поэтому наименования содержат пренебрежительную, ироническую оценку.

Многочисленные наименования нескладных, физически малоразвитых людей, где также отчетливо проступает уничижительно-пренебрежительная окраска: *шелудяк, кипляк, цыпляк, трухляк, мидюлян, незвяздень, склезень, развизень, склизень, раздряхлень, карюзик, карёзлик, карпозлик, карюзлик, аскарюзлик, невыволок, кандюх, кавтюх, скидуш, скидыш, сбрасыш*.

Не вызывает одобрения чрезмерная худоба. Крайне худого человека называют *худобай, худолей, худак, худан, худун, сдохляк, шупляк, кощей, сухач,*

сухлец, сухлявик. Малоподвижный, неповоротливый человек именуется как ***неживень, нескладень, неповоротень, лежень, валень, каверзень, телепень, телепюй, телепух, невыволок.***

Большое количество наименований связано с ярко выраженным физическим недостатком либо бросающейся в глаза особенностью внешности. Примерами могут служить следующие наименования: ***слепак, слепарь, слеповик, слепач, слепень, слепыш*** (о слепом человеке), ***колдыбай, колдыгай, хромак, хромень, хромун*** (о хромом), ***глушень, глушак, глухач*** (о глухом), ***губан, губатик, грибач, грибатик*** (имеющий большие губы), ***голован, головач, головень*** (с большой головой), ***глазан, вылуплень, выгалястик, вылуплястик, вылупок*** (с большими, вытаращенными глазами). Прозрачны экспрессивные наименования, содержащие негативную оценку личности: ***мордатик, мордастик, конопатик, щербатик, сухорученъ, криворотик, картавень, кривень, шепелявень, хрипель, рябень, сухач, рылан, плешак, кряхтень, обшарпанец, лохмак.***

Отмечаются особенности речи, нарушающие ее правильность: ***гугнавень, картавень, шепелявень, хрипель, кряхтень, шепелей, заикастик, пискун, шептун, перхун.***

В группе наименований лиц по внешним и физическим свойствам и качествам отмечено значительное число параллельных словообразовательных моделей, что ведет к обилию синонимов как одно-, так и разнокорневых, например, ***хромак, хромень, колдыбай, колдыгай*** (о хромом человеке). Распространено явление антонимии. Так, противопоставляются значения «суетливый, непоседливый» и «медлительный, неповоротливый»: ***вертох, вертух, вихляй, выторопень***, с одной стороны, ***дюньдюк, заваруй, неживень, телепень, отопок***, с другой стороны.

Наименования с негативной оценкой преобладают над наименованиями нейтральными или имеющими положительную окрашенность. Количество экспрессивных наименований достаточно велико. Многие имена существительные, будучи образованными по продуктивным и регулярным моделям, употребляются не только в диалектной речи, но и в просторечии, в разговорной речи. Тем самым проявляется взаимодействие словообразовательной системы смоленских говоров и литературного языка.

---

1. Словарь смоленских говоров. Вып. 1-10 / Ред. колл. Л.З. Бояринова, А.И. Иванова. – Смоленск, СГПУ, 1974-2002.
2. Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Высшая школа, 1972.
3. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. Т. 1.

Е.С. Лунькова

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ – НАИМЕНОВАНИЙ ПОСУДЫ И СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ

Диалектные словообразовательные ресурсы можно считать составляющими словообразовательного потенциала русского языка. Изучение словообразовательного потенциала языка способствует решению некоторых вопросов современного языкознания, в частности, разграничению синхронии и диахронии в словообразовании, сопоставлению фактов словообразования литературного языка и общенационального, выявлению новых тенденций в развитии языковой системы, поскольку, «выступая в единстве пространственных и временных характеристик, словообразовательный потенциал языка концентрирует в себе одновременно три уровня связей и отношений : отражающие прошлое (ресурсы), репрезентирующие настоящее и ориентированные на будущее» [1;33].

Вопрос о диалектном словообразовании впервые был поднят в 40-е гг. XIX в., но как раздел науки о языке диалектное словообразование выделилось только в 60-е гг. XX в., после появления фундаментальных исследований теоретических основ общего словообразования.

В современном диалектном словообразовании прослеживаются два подхода в исследовании : недифференцированно от литературного языка и дифференцированно. При применении первого метода (его обязательное условие – ограничение исследуемого материала рамками одного или близких говоров, поскольку, если брать материалы разных говоров, задача исследования будет очень широка: сопоставление литературных норм словообразования с нелитературными в целом) выясняется соответствие типов словообразования данного говора и литературного языка, вопросы механизма словообразования в говоре, рассматривается процесс нивелировки диалектных словообразовательных особенностей под влиянием литературного языка. Работы, построенные по второму принципу, т.е. рассматривающие диалектные факты отдельно от фактов литературного языка, хотя и с обязательным их сопоставлением, решают частные вопросы номенклатуры аффиксов в говоре, их значений, типов основ, с которыми они соединяются, продуктивности аффиксов, их географического распределения. В пределах этого метода выдвигается принцип тождественности анализа диалектизмов и иноязычной лексики,

поскольку диалектная лексика представляет собой особую систему в пределах национального русского языка [3;126-150].

Мы основывались на втором подходе, не считая, однако, что диалектные слова принципиально иносистемны в языке, поскольку в смоленских говорах в качестве мотивирующих основ для существительных тематических групп «Посуда» и «Средства передвижения» преобладали основы, известные литературному языку (соотношение 168 литературных к 83 диалектным в первой группе и соответственно 89 к 65 во второй).

Основанием для рассмотрения частных тематических групп служит тот факт, что «действие словообразовательных суффиксов и моделей, как правило, распространяется на названия каких-либо предметов, обладающих общими признаками, независимо от частных лексических классификаций этих названий» [3;106-107]. Общие признаки : форма, материал, назначение и т.п. – кладутся в основу наименований.

В тематическую группу «Посуда» вошло 342 слова (в работе использовались материалы из Словаря смоленских говоров, выпуски 1-9), 91 слово – непроизводное, суффиксальным способом образовано 241 слово, 4 слова – префиксальным, 6 – префиксально-суффиксальным.

В тематической группе «Средства передвижения» – 232 слова, из них 78 – непроизводных, 138 слов образовано суффиксальным способом, 2 – префиксальным, 14 – префиксально-суффиксальным.

Соотношение между двумя группами устанавливается следующее : производных в группе «Посуда» от общего количества слов – 73%, в группе «Средства передвижения» – 67%. В обеих группах доминируют аффиксальные способы словообразования, из них преимущество у суффиксального : в тематической группе «Посуда» с помощью суффиксов образовано 96% всех производных, в группе «Средства передвижения» – 89%. Все это позволяет сопоставить данные группы, не имеющие общего в семантике, по словообразовательным характеристикам, и прежде всего – по степени участия аффиксов в формировании словообразовательных типов каждой из групп. Представляется необходимым также установить соответствие упоминаемых аффиксов с аффиксами, имеющимися в литературном языке, и описать анализируемые объекты с учетом этого критерия.

Все суффиксы, встречающиеся в диалектных названиях посуды и средств передвижения, можно разделить на 3 группы:

1) суффиксы, известные в таком значении литературному языку и говорам ;

2) суффиксы, известные в литературном языке, но в говорах принимающие иное словообразовательное значение или использующиеся в других моделях (переходная группа);

3) суффиксы, неизвестные литературному языку.

Рассмотрим подробнее каждую из групп.

I. Суффиксы, известные в таком значении литературному языку и говорам (всего 32 суффикса).

1. От субстантивных основ слова в группе «Посуда» образованы с суффиксами **-ниц(а)/-иц(а)/-овниц(а)/-овиц(а)/-ениц(а)/-енниц(а)**: блинница, бражница, вотриница, квасовница, капустница, маслица, масленица, медовица, мучница, олейница; ведерница, гуменница, дежница, липница, мякотница, пирожница, платейница, помойница; **-ник/-аник/-атник/-еник/-овник**: ведерник, дежник, жарник, кашник, мучник; водяник, гусятник, кашеник, жаровник, платейник, полведерник, помойник; **-овк(а)**: гарцовка, квасовка, липовка, лобовка, осиновка, севаловка, селедовка, селедцовка; **-анк(а)**: берестянка, водянка, горланка, дуплянка, лубянка, ряшанка; **-ок**: доробок, жбанок, лубок, полмисок.

Группа «Средства передвижения» имеет производные, образованные от субстантивных основ, со следующими аффиксами: **-ин(а)**: драбилина, драбина, жердина, марина, оглоблина, отосина, погнетина, прикладина, пришвина, притужина; **-ник**: наклёстник, настельник; накопыльник, подрожник, притужник; **-ок**: возок; передок, прикладок; **-анк(и)**: дробянки, козырянки.

В группе «Средства передвижения» отмечаются следующие единичные образования: **-ец**: коробец; **-ешк(а)**: доробешка; **-ик(и)**: копаники; **-ищ(е)**: гужище; **-инк(а)**: дробинки; **-ин(ы)**: кривулины; **-ниц(а)**: навозница; **-ек**: накопыльничек; **-|j|е**: отосье.

Единичные образования в группе «Посуда» имеют следующие суффиксы: **-арь**: дегтярь; **-ечк(а)**: балеечка; **-ик**: кухлик; **-ин(а)**: кулажина.

2. От глагольных основ производные группы «Посуда» были образованы с помощью следующих аффиксов: **нулевой суффикс**: балабон, клеп, отрез, перерез, расчина; **-ник**: запарник.

Группа «Средства передвижения» включает отглагольные существительные с такими аффиксами: **нулевой суффикс**: вяз, наклест, заверт ; гнет, настил, перемёт, привязь, прижим, прикладь, притуга, раскат, расходы; **-ник**: накрестник, подстельник, повозник; **-ок**: каток, покаток .

Единичные образования группы «Посуда» **-ыш** : обламыш ; **-анк(а)**: поянка; **-ушк(а)**: парушка. Единичные образования группы «Средства передвижения»: **-лк(а)**: брызгалка; **-уш(а)**: волокуша.

3. От адъективных основ слова группы «Посуда» были образованы преимущественно с суффиксами **-ик**: битик, двухведерник, квашенник, носатик, надбитик, оббитик, отбитик, парник, сальник; санник; **-иц(а)/ -ниц(а)**: гусинница, парница, пивница, сальница. Слова группы «Средства передвижения» были образованы с помощью суффиксов **-к(а)/-к(и)**: ледянка, дуплянка, дранка, дровянки, комлатка, летучка, переплётка; **-ин(ы)**: кривины, кривулины, боковины.

Единичные образования в группе «Посуда» с суффиксами : **-ец**: отбиванец; **-ин(а)**: кваснина; **-иш**: отбитыш; **-ок**: отбиток.

4. От основы числительного образовано существительное группы «Посуда» с суффиксом **-н(я)**: двойня.

II. ***Суффиксы, известные в литературном языке, но в говорах принимающие иное словообразовательное значение или использующиеся в других моделях (переходная группа)*** (всего 41 суффикс).

1. От субстантивных основ в группе «Посуда» образованы слова с помощью следующих суффиксов : **-к(а)**: баклажка, балейка, бальзанка, беклажка, бутэлка, дегтярка, доробка, канка, ночевка, кислитинка, лубка, обаденка, паляточка, половинка, поляточка, поляшечка, расчинка, рынка, севалочка, селедовочка; **-к(и)**: двоешнички, двойневушки, парнушечки, парнятки; **-аг(а)**: бадяга, комяга; **-ишк(а)**: пальчишка, палячишка.

Слова группы «Средства передвижения» образованы с помощью суффиксов **-к(а)**: головка, завёртка, итвинка, кобылка, копылка, лисичка, наклёстка, нахлёстка; баляска, беляска, волочужка, зерёдка, колёска, мажарка, маринка, парка, пассажирка, подрожка, прикладка, рессорка; **-к(и)**: дужки, драбки, полозки, пошевеньки; **-ень**: ледень; привязень, прикладень; **-овк(а)**: гужовка, задовка, передовка.

Единичные образования в группе «Посуда» имеют аффиксы **-ан**: горлан; **-ач**: горлач; **-ень**: берестень; **-ерк(а)**: ковшерка; **-ик**: кухлик; **-н(я)**: севня; **-онок**: горшонок; **-ух(а)**: гарцуха; **-ушк(а)**: латушка.

Единичные слова в группе «Средства передвижения» образованы с помощью аффиксов **-ейк(а)**: доробейка; **-н(я)**: кошевня; **-ин(ы)**: креслины; **-ул(я)**: козюля.

2. От глагольных основ слова группы «Посуда» образованы с помощью суффиксов **-к(а)**: бойка, выварка, кладка, набирка, выдолбка, пойка, почёпка, пробойка, распарка, сбойка; **-ниц(а)/ -льниц(а)**: мазница, наварница, сельница, сеяльница.

Слова группы «Средства передвижения» образованы с помощью суффиксов **-к(а)/-к(и):** выстилка, накрестка; грабарка, колышка, обшивки, придержка, распустка; **-к(и)**: подгонки; бучки, заводки; **-лк(а)**: морозилка; возилка, сдвигалка; **-анк(а)**: морозянка; волочанка.

Единичные образования в группе «Посуда» обладают суффиксами **-ик**: свезик; **-н(я)**: почепня; **-онк(а)**: поёнка; **-ушк(и)**: отливушки.

Единичные образования в группе «Средства передвижения» имеют суффиксы **-ашк(и)**: плетяшки; **-ет(а)**: гырчета; **-уг(а)**: волочуга; **-ух(а)**: набируха.

3. От адъективных основ образованы преимущественно слова группы «Средства передвижения»: **-ик(и)**: гнутики, дровяники; **-ушк(и)**: беговушки. Единичные образования: **-анк(а)** : вторичанка; **-ин(ы)**: боковины; **-ичк(а)**:

грузовичка; -**ух**: отбитух. Единичные образования группы «Посуда» : **-ат(а)**: парнята; **-ушк(и)**: парнушки; **-ень**: отбитень.

4. От основ числительных, в отличие от предыдущего случая, образованы слова группы «Посуда»: **-к(и)**: двойки; **-ин(а)**: осьмина; **-ушк(а)**: осьмушка.

III. *Суффиксы, неизвестные литературному языку* (33 суффикса).

1. От субстантивных основ образованы преимущественно слова группы «Средства передвижения»: **-ашк(а)/-ашк(и)**: ледяшка; головашки; **-ешк(и)**: бучешки, дровешки. Единичные образования группы: **-арк(а)**: бедарка; **-онк(а)**: дороблёнка. Из слов группы «Посуда» можно отметить следующие: **-ажк(а)**: кормяжка; **-унок**: ковшунок; **-уш**: клепуш.

2. От глагольных основ регулярно образуются только слова группы «Средства передвижения»: **-нк(а)**: поливанка; ковзянка, морозинка; **-н(и)**: накрестни, наморжни, росползни.

Единичные образования в группе «Посуда» имеют аффиксы **-алк(а)**: севалка; **-анк(а)**: долбанка; **-вилк(а)**: макавилка; **-ел(о)**: бучело; **-ельн(я)**: бучельня; **-енк(а)**: квашенка; **-и**: барахтан; **-улк(и)**: ношулки; **-утк(и)**: ношутки.

Единичные образования в группе «Средства передвижения» имеют аффиксы **-евн(и)**: обшевни; **-ельj**: вязелье; **-ешк(и)**: развалёшки; **-л(о)**: правило; **-м(о)**: вязьмо; **-ц(е)**: вяземце.

3. От адъективных основ образованы слова только группы «Посуда» с суффиксами **-ат(а)**: двойнята; **-ешк(и)**: двойнешки; **-ик(и)**: двойники; **-ёв(ы)**: парнёвы; **-уш**: отбитуш; **-ушек**: побитушек; **-уш(и)**: двойневуши; **-ыш(и)**: двойненыши.

4. От основ числительных, как и в предыдущем случае, образованы слова группы «Посуда» с аффиксами **-енк(и)**: двоенки; **-ешк(и)**: двоешки; **-ешник(и)**: двоешники.

В тематических группах «Посуда» и «Средства передвижения» наблюдаются также слова, образованные префиксальным и префиксально-суффиксальным способами.

Префиксальные образования группы «Посуда»: **пере-**: перевесло, **пол-**: полмисок, **про-**: проскрынь, **ре-**: ревесло.

Префиксальные образования группы «Средства передвижения»: **по-**: погнет, подрога; **полу-**: полувозок; **рас-**: рассоха.

Префиксально-суффиксальные образования группы «Средства передвижения»: **на-+-ник**: накопыльник, наотосник, накрыльник; **под-+-ник**: подплужник, подтройник, **бес-+-к(а)**: бестарка; **вз-+-j(е)**: вздужье; **под-+-j(е)**: подполозье; **раз-+-ин(а)**: раздужина; **раз-+-j(е)**: раздужье; **о-+-ок**: окрылок; **за-+-к(а)**: загвоздка; **под-+-онок**: подосёнок; **под-+-н(и)**: подстрельни. Префиксально-суффиксальные образования группы «Посуда»: **при-+-ок**: прискрынок, **про-+-О**: проскрынь.

Таким образом, в номенклатуре аффиксов преобладают суффиксы I и II групп, известные литературному языку (32 и 41 соответственно), они используются в подавляющем большинстве – 90% всех производных, аффиксы III группы (33) используются преимущественно для единичных образований. Распределение слов по словообразовательным типам в тематических группах происходит неравномерно: в группе «Посуда» регулярные словообразовательные типы образуют слова с суффиксами **-ниц(а)**, **-овк(а)**, **-анк(а)**, а в группе «Средства передвижения» регулярными являются типы с суффиксами **-ин(а)** и **-ок**. Результаты исследований по номенклатуре словообразовательных средств не могут считаться бесспорными, поскольку исследования велись только по материалам «Словаря смоленских говоров», данные картотеки Словаря не учитывались.

Морфологическим (аффиксальным) способом было образовано 251 слово группы «Посуда», из них суффиксальным – 245 слов, префиксально-суффиксальным – 2 слова, префиксальным – 4. В группе «Средства передвижения» 138 слов образовано суффиксальным способом, 14 – префиксально-суффиксальным, 2 – префиксальным. Другие способы словообразования или мало используются (сложение с суффиксацией наблюдается в 1 слове), или, вероятно, вовсе отсутствуют (префиксально-сложный, сращение с суффиксацией, аббревиация и т.п.). Все это свидетельствует о том, что аффиксальное образование наименований посуды и средств передвижения в смоленских говорах представлено очень широко, а механизмы аффиксации в обеих группах осуществляются сходным образом.

---

1. Каде Т.Х. О ресурсах словообразовательного потенциала имен существительных в русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы VI республиканской научной конференции. – Самарканд, 1991. Ч. 1.
2. Порохова О.Г. К истории изучения словообразования в русских народных говорах // Лексика русских народных говоров. – М.-Л.,1966.
3. Максимов В.И. Некоторые особенности суффиксального образования названий животных в диалектах (на материале лексики псковских говоров) // Лексика русских народных говоров. – М.-Л., 1966. С.106-107.
4. Словарь смоленских говоров. Вып.1-9. – Смоленск: СГПУ, 1974-2000.
5. Максимов В.И. Структура и членение слова. – Л., 1977. С.143.

Н.Н. Новикова

ДИАЛЕКТНЫЕ ФРЗЕОЛОГИЗМЫ, ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РЕЧИ (на материале «Словаря смоленских говоров»)

В «Словаре смоленских говоров» (ССГ) широко представлены устойчивые сочетания слов (фразеологизмы). «Диалектными фразеологизмами принято считать словосочетания, не зафиксированные словарями литературного языка, а также имеющие лексическое отличие в компонентном составе и грамматическое отличие в структуре сочетаний»[1]. По мнению Ф.П. Филина, диалектные фразеологизмы должны иметь в своем составе диалектные слова, В.И. Чагишева, разделяя точку зрения В.В. Силиной, считает, что «в круг диалектных фразеологических сочетаний входят сочетания, имеющие диалектные слова, и сочетания, состоящие из общенародных слов, причём значения таких устойчивых оборотов имеет специфически диалектный характер»[2]. В ССГ зафиксированы устойчивые сочетания слов, имеющие в своем составе диалектные слова, и устойчивые сочетания – народные выражения с ярко выраженным диалектным характером.

Русские народные говоры включают в себя богатейшие запасы фразеологического материала различного по семантике, структуре, функционированию в речи, что можно проследить на материале говоров Смоленской области, в частности Монастырщинского района, говоры которого находятся в зоне русско-белорусского пограничья и относятся к западной группе южного наречия[3].

Цель данной статьи – описать некоторые диалектные фразеологизмы монастырщинских говоров, их семантическую реализацию, особенности оформления, парадигматические отношения и функционирование в речи. Материалом для исследования послужили устойчивые сочетания слов диалектной лексики, зафиксированной в ССГ[4], и картотека автора. Проанализировано 150 карточек-цитат с диалектными фразеологизмами, отмеченными нами как регулярно употребляемые.

Семантика диалектных фразеологизмов определяется внутренней их формой, которая есть не что иное, как «развёрнутое представление о каком-либо факте, явлении жизни и быта, которые когда-то были актуальны»[5]. Содержанием устойчивых оборотов, таким образом, является сама действительность, окружающий человека мир, явления, события, происходящие в нём, и сам человек, его умственные и физические способности. Довольно часто семантика диалектных фразеологизмов зависит от речевой ситуации, нередко невербальные средства разговорной речи: мимика, жесты – помогают уяснить, понять значение устойчивых сочетаний слов, ощутить экспрессивную

сторону их, поэтому в качестве примеров будем приводить не только отдельные фразеологические обороты, но и законченные высказывания:

Мужыкóу нáшых нъ вайне пабúли, мы уси былú рóуныя, нъ работу с песними и з работы с песними. Дети заснуть, нърявéсся у падушку. Сваю работу прискъкъм делъли, дети рана стали пъмагать. Як жа мы работъли! Но ни уси. Были и такия, што толька йизыками бря́скъють, йизыки чешуть. А Ганна як конь стаенный, прыткыя нъ работу, ни анну усадьбу зваюить. А Варычка – низавúнныя деука, курмытка. Грибы зъмамылить. Хто ина! А сичас… Марозы бальшыя, сняги бальшыя, народу саусим нимá. На вулицы ни лусь, ажну дика. Валодичка, ти вкучы Валюха жыветь з мамкъй? А етът байдус, гультай так и ни работъить. Нада ш, нада ш, у прóчки пашоу, во што значить у примыкáх жыть. В этом контексте отмечены следующие фразеологизмы, употреблённые информатором: «прискаком делать, работать» – работать в перерывах от основной, в данном случае колхозной, работы, во время обеда; «бряскать языком» – вести бесцельные разговоры; «как конь стоенный» – крепкий, здоровый; «грибы замамылить» – зазнаться; «снегú большие» – сугробы; «ни лусь» – тихо, никого нет; «жить вкуче» – жить вместе; «идти (пойти) в прóчки» – уходить из дома жены; «идти (жить) в примакú(кáх)» – идти в зятья, жить в доме жены.

Таким образом, диалектные фразеологизмы позволяют вызвать образное представление у собеседника о каком-то событии реальной жизни, о личных качествах человека, сделать обобщение относительно фактов общественной жизни и т.д.

По «функциональной приуроченности» (термин В.И. Чагишевой)[6] среди диалектных фразеологизмов данного региона можно выделить две группы устойчивых выражений: первая группа включает диалектные фразеологизмы, обладающие положительной или отрицательной оценкой и вызывающие образное представление о каком-либо явлении или факте реальной действительности. Фразеологизмы этой группы содержат основное сообщение в компоненте с прямым значением, а дополнительная информация передаётся образно, как правило, диалектным словом через сравнение с известным явлением, предметом. В ССГ, в нашей картотеке это самая многочисленная группа диалектных фразеологизмов, в которых образное представление действия, состояния передаётся сочетанием с опорным словом-глаголом, а переносное значение – именем существительным в разных падежных формах: «становиться колякóм» – сильно замёрзнуть, закоченеть; «спать в пóкот» – несколько человек вместе, подряд; «сесть раком» – неподвижно; «идти гýжем» – «непрерывно, друг за другом»; «трепать злы́дню» – очень бедно жить; «кричать на печéнье» – очень громко, изо всех сил; «высохнуть на былúну» – сильно похудеть; «дурака корёжить» – притворяться, изображать глупого;

«ходить вши́-поши́вай» – ходить бесцельно; «ждать до белых за́говен» – ждать очень долго и т.д.

Такие устойчивые сочетания слов, как «с ног дуроту́ выбивать» – добывать что-либо с большим трудом; «глу́зды отбить» – потерять память; «сойти с лица» – похудеть от горя; «басни баить» – рассказывать небылицы, вести праздные разговоры; «заро́бить на орехи» – получить наказание; «засукать рукава» – усердно, много работать; «глаза колоть» – 1) напоминать о чём-то, 2) быть на виду без надобности; «глаза простудить» – развеяться, прогуляться; «скалить зубы» – смеяться без причины; «от яйца отлить» – проявить жадность; «ходить по хо́дне» – собирать милостыню, попрошайничать и др., представляют собой семантическую нечленимость, компоненты этих устойчивых сочетаний слов, как правило, имеют переносное значение.

Диалектные фразеологизмы второй группы в акте коммуникации выполняют чисто номинативную функцию, стилистически нейтральны. Наиболее употребительны среди них следующие тематические группы: названия трав, растений, предметов – «брат-сестра» – иван-да-марья, травянистое растение семейства норичниковых с желто-синей окраской соцветий; «глухая крапива» – растение Betonica Vulgaris L..., семейства губоцветных; «куриная слепота» – растение Chelikonium majus L..., семейства маковых; «собачья мята» – будра плющевидная, многолетнее растение, имеющее фиолетовые цветы, запах напоминает мяту; «колючий дед» – репейник, чертополох; «божьи слёзки» – луговая гвоздика; «большие сне́ги» – сугробы; «белый свет» – мир, Вселенная. Названия обрядов: «запивать барыши́» – отмечать успешное сватовство в доме невесты; «брать, закладывать зайца» – перекрывать путь жениха, невесты, требуя выкуп; «идти в наве́ды» – навещать роженицу; «гука́ть весну» – звать весну; «завивать венки» – плести венки в ночь накануне Ивана Купалы; «продавать косу» – просить выкуп у жениха за косу невесты; «играть хороводы» – водить хороводы и др.

А летъм Духъу день.Сколька красък твитеть и нъ лугу, и у леси: брат-сестра, увярху жоутинький, а унизу сининький, а божжи слёски як звёздъчки... Приведённый пример разговорной речи красноречиво говорит, что устойчивые сочетания слов выполняют номинативную функцию и содержат в себе только понятийную информацию.

Среди диалектных фразеологизмов Монастырщинского района следует выделить особую группу устойчивых сочетаний слов, имеющих стилистическую окрашенность: «пра́нцы её (его) знают (носят)». Ругательство: кто (чёрт, леший) его знает. Иде тябе пранцы насили? Искали, искали и ни знаим, иде ты? «Пранцы с нею (тобой, вами)». Ругательство: Чёрт с нею (тобой, вами). Пашли умести у лес, а ина пътирялъсь: гукали, гукали – ну и пранцы с ею. «Ни кляпа́» (бран.). Ничего. Ни клипа етът малиц ни знаить. «На кляпа́»

(груб.). На что. Нъ кляпа ты купляла ета? «Скýла (скýлки, скульё) тебе(я) сядет (возьми)». Ругательство: Чёрт (леший) тебя возьми. «Вóмигом выйдет» (бран.). Пожелание недоброго. Ён так яе абидиу, усё зыбрау, вомигым йиму ета выйдить. «Родúмец тебя (вас, его и т.д.) забей, забери, побей!» Ругательство: Чёрт побери!

В структурном плане диалектные фразеологизмы монастырщинских говоров представляют а) словосочетания с доминантой-глаголом, наиболее употребительны глаголы движения, чувственного восприятия: смотреть, глядеть, замамылить, запеть, кричать, ходить, идти, гнать, заводить и др.; б) реже встречаются именные словосочетания: глухая крапива, куриная слепота, большие снегú и др. Единичны примеры диалектных фразеологизмов, имеющих структуру предложения, сравнительного оборота: «холера его знает» – никто не знает; «глум нашёл» – сомнение, блажь нашло(а); комары мак толкут» – вьются кучей в одном месте; «пóшость ходит» – эпидемия (грипп) ходит; «как сорока на колу» – в одиночестве; «смотреть, как баран на новые ворота» – удивляться.

В процессе функционирования диалектные устойчивые обороты, как и фразеологизмы литературного языка, вступают в парадигматические отношения. Семантическую парадигму в сфере диалектной фразеологии составляют устойчивые сочетания слов, охваченные явлением синонимии, антонимии и полисемии: «связь и взаимная обусловленность между отдельными значениями скрепляются в первую очередь внутренней формой фразеологизма, единым образным стержнем»[7]. Синонимический ряд – «брынды бить» – бездельничать, «тереть камы́» – бить баклуши, бездельничать, «седьмú сидеть» – вести бездеятельный образ жизни, «крутить быкам хвосты» – бездельничать; «кричать на печéнье» – кричать, плакать изо всех сил, «кричать в нéголос» – кричать, плакать очень громко, «кричать, как не порваться» – кричать изо всех сил и др. Длительное наблюдение над говорами Монастырщинского района убеждает, что нередко в пределах одного высказывания информанты активно используют фразеологизмы одного синонимического ряда: Марша дужа ляниивыя нъ работу была и з молъду тыкая: во и сядела бы сидьмú, камы́ тёрла, а то пайдеть брынды бить – ничога ни хатела делыть.

Реже в разговорной речи встречаются антонимы-фрзеологизмы. Гляди, деука, етът малиц гаворить нискладуху (нести вздор), а во Зенкин сын гаворить рятком (говорить разумно).

В «Словаре смоленских говоров» отражена полисемия диалектных фразеологизмов: «с копы́льев долой» 1) упасть, 2) (перен.) прийти в упадок (о хозяйстве); «ходить (идти) корогóдом» 1) ходить группой, толпой, 2) ходить вереницей; «глаза колоть» 1) напоминать о чём-то, 2) быть на виду без надобности; «глядеть ртом» 1) скучать, зевать, 2) быть невнимательным; «разбить

голову» 1) наказать, 2) надоедать разговорами; «головой крутить» 1) думать, беспокоиться, 2) отрицать, отнекиваться и др.

Краткий обзор диалектных фразеологизмов, отмеченных в монастырщинских говорах, не претендует на какие-либо обобщения: многие устойчивые сочетания слов не вошли в настоящую работу, требуют дальнейшего исследования. Тем не менее отметим некоторые особенности диалектных фразеологизмов данного региона:

1) в семантическом плане диалектные фразеологизмы делятся на две основные группы. Первая группа устойчивых оборотов включает компонент-глагол с прямым значением и диалектное слово (имя существительное) с переносным значением. Основным семантическим признаком этой группы фразеологизмов является метафоризация устойчивого сочетания в целом. Диалектные фразеологизмы второй группы в акте коммуникации выполняют чисто номинативную функцию, и по своей структуре, как правило, это именные словосочетания;

2) в процессе функционирования в речи устойчивые сочетания слов вступают в синонимические, антонимические отношения, наблюдается и явление полисемии.

---

1. Чагишева В.И. К изучению семантики диалектных фразеологизмов (на материале брянских говоров) // Брянские говоры. – Л., 1975. С. 149.
2. Там же с. 150.
3. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. – М., 1970. С. 122.
4. Словарь смоленских говоров. Вып. 3 / Отв. ред. Е.Н. Борисова. – Смоленск, 1982; Вып. 4 / Отв. ред. А.И. Иванова; Вып. 5 / Отв. ред. Л.З. Бояринова. – Смоленск, 1988; Вып. 9 / Отв. ред. Л.З. Бояринова. – Смоленск, 2000.
5. Фёдоров А.И. Русская фразеология и её изучение по источникам: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. 1973. С. 8.
6. Чагишева В.И. К изучению семантики диалектных фразеологизмов (на материале брянских говоров) // Брянские говоры. – Л., 1975, с. 151.
7. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М., 1978. С. 116.

М.Н. Трубаева

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДАХ СМОЛЕНСКОГО ДИАЛЕКТА

Ученые-лингвисты исследуют явление синонимии уже не одно десятилетие. Интерес не ослабевает и в наши дни. Внимание языковедов привлекают разные аспекты этого вида парадигматических отношений. И прежде всего возникают дискуссии относительно понимания самой сути синонимии. Приведем лишь некоторые высказывания лексикологов по данной проблеме.

Семантически близкие слова объединяются в пределах одного понятия. Эта точка зрения наиболее полно представлена в работах А.П. Евгеньевой. К лексическим синонимам относятся слова, близкие или тождественные по значению, называющие одно и то же понятие, отличающиеся друг от друга либо стилистической окраской, либо оттенками значения, либо сочетаемостью и занимающие определенное место в системе языка (1, 10-11).

А.А. Реформатский также квалифицирует синонимы через посредство понятия, но учитывает при этом общность предметов. «Два слова называют ту же вещь, но соотносят ее с разными понятиями и тем самым через название вскрывают разные свойства данной вещи» (4,64). С этой точкой зрения перекликается и точка зрения Н.М. Шанского. Ср.: «Синонимы – это слова, называющие одно и то же явление действительности» (5, 52).

Д.Н. Шмелев, занимаясь проблемами семантического анализа лексики, обращает внимание на то, что «...следует возразить против смешения двух совершенно различных по характеру явлений: близости значений разных слов и их способности обозначать одни и те же предметы. Поскольку синонимы рассматриваются обычно как семантическая категория, только первый критерий можно считать существенным для определения синонимов» (6, 115-116).

Совершенно иной подход к пониманию сущности синонимии демонстрирует В.А. Звегинцев. Считая синонимию явлением синхронного порядка, ученый определяет ее как потенциальную сочетаемость (валентность) одних слов с другими словами. В.А. Звегинцев отвергает толкование синонимии на предметно-понятийной основе и считает, что «...у нас нет никаких точных критериев для определения пресловутой общности или близости этого порядка. Они [слова] могут считаться синонимами лишь в силу своей тождественной сочетаемости, или дистрибуции» (2, 131).

Разнообразие мнений свидетельствует о сложности этого явления, о богатстве отношений между компонентами синонимических рядов, и каж-

дое направление отражает какую-то существенную сторону синонимии и имеет право на существование.

В работах по диалектной лексике вопрос о сути синонимии решается неоднозначно, исследователи сталкиваются с теми же трудностями, какие имеют место и в литературном языке. То обстоятельство, что в диалектологии существуют те же подходы к проблемам синонимии, еще раз подтверждает близость лингвистических фактов в различных проявлениях национального языка. Следует также добавить, что специфические условия бытования говоров, как-то: устная форма общения, отсутствие кодифицированных норм, влияние литературного языка на диалекты, взаимодействие соседних говоров – еще более осложняют проблему синонимии в говоре.

При работе над региональной лексикой, когда приходится формировать синонимические ряды не с учетом имеющихся в наличии словарей, а по контекстам звучащей речи, важно учитывать предметно-понятийное единство языковых единиц. Такой подход к явлению синонимии объясняется тем, что в условиях устной речи носители диалекта зачастую не придерживаются строгого соответствия языковой единицы предмету мысли. Это может привести к ошибочному объединению лексем в пределах одного синонимического ряда.

Синонимические ряды как в системе литературного языка, так и в пределах диалекта представляют собой сложные структурные образования, позволяющие передать разнообразную информацию о предмете, помогающие более полно, точно и тонко выражать наши чувства и мысли. «Синонимический ряд, – пишет В.Г. Маслов, – является связующим звеном, коммуникатнвным центром между речевыми сферами, разными стилями нашей речи» (3, 16).

Обратимся к конкретному синонимическому объединению, компоненты которого активно функционируют в системе смоленского диалекта, и проанализируем смысловые отношения между ними. Члены данной синонимической группы обладают семантической общностью, связаны предметной соотнесенностью, характеризуют понятие с разных сторон. Наличие в структуре ряда слов с номинативной семантикой и экспрессивно-эмоциональной позволяет носителям говора не только называть этот маленький «кусочек» действительности, но и выражать свое отношение к нему.

Глагольный синонимический ряд со стержневым словом *устать* представлен языковыми элементами (*устать, замориться*), выполняющими чисто номинативную функцию; эмоционально-оценочными компонентами (*убиться, перерваться, вымотаться*), номинативное значение в которых осложнено выражением отношения говорящего к сказанному; экспрессивным глаголом (*ухандошиться*). Основное значение ряда – «почувствовать упадок сил в результате физической работы». Все члены этого объединения подробным образом описывают данное понятие. Лексема *замориться* – се-

мантически равнозначное доминанте слово, основное различие между ними касается плана активизации в речи. Наиболее распространенным, обычным в контекстуальных условиях является глагол *замориться,* который в отличие от литературного языка не содержит указания на крайнюю степень усталости. В говоре указанный глагол, наиболее часто выступающий в форме совершенного вида, может присоединять приставку *по-*, чтобы подчеркнуть, отразить в какой-то мере длительность, трудоемкость трудового процесса, приведшего к упадку сил, – *позамориться.* Для выражения более сильной степени усталости при глаголе *замориться* употребляется наречие *дуже,* или для этой цели используются конструкции с союзом *что* + глагол, с местоименным словом + глагол (*что пызамарились..., так зымарились...*), содержащие градацию обозначаемого признака действия. Все последующие синонимы содержат указание на более ощутимую физическую усталость. Глагол *вымотаться* по значению и употреблению совпадает с соответствующим словом в литературном языке – «сильно устать, выбиться из сил от напряженной работы, множества забот, дел, беготни». Глагол *убиться* – многозначное слово. В данный синонимический ряд входит на основе переносного употребления, содержит в своей семантике дополнительный оттенок – «очень сильно устать от ежедневной, тяжелой, непрекращающейся работы». Лексема *перерваться* указывает на крайнюю степень физической усталости от непосильного труда. Слова *убиться, перерваться* в образной форме выражают значение предельного упадка сил человека в результате его трудовой деятельности. Смысловая структура синонима *ухандошиться* затемнена, на передний план выдвинуто обозначение интенсивности называемого действия. Напр.:

Зымарились сянни [на работе], *две скирды к абеду скидыли, а салома тяжолыя – ни пыднять.*

Баба как чуть [говорит] *– убилъсь деука у работи. Аде ина так убилъсь? У леси ни была, картошки миръм рыють.*

Другей [человек] *ны работи век ни вымытыуся, а то ш шышнацыти гадоу и у касе, и у тыпаре.*

Пирирвалися [колхозницы] *у работи, а ина* [бригадирка] *ничаво ни нычисляить.*

Сягодня касила чотку [надел для косьбы], *суччыу многа, так ухандошалъсь, ели двору притянулъсь.*

Лексические единицы (*вымотаться, убиться, перерваться*) входят в синонимический ряд на основе переносного употребления. Их использование в контекстуальных ситуациях делает речь более яркой, образной, выразительной.

Таким образом, каждый компонент ряда обладает дополнительной семантикой, занимает определенное место в ряду синонимов, выполняет только ему свойственную роль в системе говора.

Разветвленность синонимических рядов зависит от характера обозначаемой ими реалии. Значительное количество компонентов насчитывает, например, синонимическое объединение с опорным словом *толстеть*: *полнеть, поправляться, жиреть, расползаться, дрягветь*, которое по сравнению с соответствующим рядом в литературном языке характеризуется меньшим количеством единиц, наличием диалектного глагола *дрягветь*. Семантика общенародной лексемы в говоре и в литературном языке совпадает: *толстеть* – «приобретать чрезмерную полноту»; *полнеть* – «становиться умеренно полным»; *поправляться* – «приобретать приятную, здоровую, умеренную полноту»; *жиреть* – «чрезмерно, излишне растолстеть»; *дрягветь* – «становиться полным, рыхлым, расплывчатым». Приведем примеры на употребление этих слов в говоре.

Таустеть стала, тяперь уж делъ к старысти идеть, дрягветь начнеш.

Девычка пыпалнела, тыкая харошынькыя стала.

Чутычку пуправилъсь, ны чилавека хыть стала пахожа, а то уси гывырять: жыветь хырашо, а ссохла.

Жыреть стала [информант о себе], *жывот пыявиуся, нада линять* [худеть].

Рыспалнела ина, к старысти люди дрягвеють.

При употреблении в пределах одного предложения или речевого высказывания двух или более слов, близких по значению, один из синонимов уточняет, конкретизирует другой.

В говоре нередко представлены фрагменты речи, в которых семантические (смысловые) синонимы употребляются в функции замещения, которая в основном характерна для дублетов. Такое употребление, видимо, объясняется целеустановкой коммуникативного высказывания, в результате чего семантические различия между синонимами расцениваются как несущественные, что и способствует их нейтрализации, или же такие контексты отражают «приблизительность» диалектного употребления. Ср.:

Бабы нашы [деревенские] *дрягвеють рана... таустеють, можа, ат жызни этый.*

В указанный ряд также входит экспрессивный глагол *расползаться* – «очень сильно пополнеть, раздаться в ширину, стать бесформенным». Ср.:

Куды толька Люпка таустеить, рыспыузлась, как резвины.

Использование в одном речевом отрезке двух синонимов: нейтрального *толстеть* и стилистически окрашенного *расползтись*, а также привлечение сравнительного оборота как *резвины* [приспособление для переноски сена] усиливает эмоционально-экспрессивную оценку всего высказывания.

Говор располагает значительным количеством слов, передающих антонимичное значение «терять в весе»: *худеть, сохнуть, сушеть, линять, таять*. Общенародный компонент *худеть*, выполняющий роль доминанты, в

наиболее чистом виде выражает значение всего ряда, не несет заряд экспрессивной нагрузки. *Сохнуть, сушеть* – слова одного корня, но в отношении семантики они имеют некоторые отличия: *сохнуть* – значительно похудеть (от переживаний, болезни); *сушеть* – стать худым, высохшим (чаще от времени). Не адекватны оба глагола и по употреблению. Глагол *сохнуть* относится к лексике с высокой степенью активности, характеризует человека, животное, растение, а слово *сушеть* чаще употребляется по отношению к человеку. Значение, которое имеет глагол *линять* «худеть» в системе диалекта, не известно литературному языку, слово функционирует в составе ряда как семантический диалектизм. Глагол *таять* по значению и употреблению совпадает с соответствующим словом в литературном языке – «сильно и быстро худеть, чаще от болезни, душевных переживаний».

Ни магу пыдладить, што згатовить [внучке], ничаго ня есь, гаворить, девычки скызали, што я тофстыя.

Мужык пьеть, гыняеть яе, а йна высыхла ны былину, адни кости астались.

Другии старухи дрягвеють, а другии сушеють [к старости].

Пырасёнык ничаго ня есь, ссох ны сухарь.

У матки [дочка] *жыла у дыстатки* [полная была], *а тяперь вон как слиняла* [после замужества].

Кыкая женщына была, как пышка, и што с ней случилсь – таить ны глызах, знать, балить што-та.

Синонимический ряд в говоре может отличаться от соответствующего ряда в кодифицированном литературном языке большим количеством единиц, семантика которых зачастую детализирована. Именно эта дифференциация в значении влияет на устойчивость, живучесть лексики говора, так как слова с конкретной семантикой закрепляются в сознании носителей говора более прочно.

---

1. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка. – М., 1970. Т.1.
2. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. – М., 1967.
3. Маслов В.Г. Лексическая семантика современного говора. Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1981.
4. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М., 1960.
5. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М., 1972.
6. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973.

В.Е. Ущеко

ИНОЯЗЫЧНЫЕ НАЗВНИЯ ЛИЦ ПО АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДОЛЖНОСТИ И СЛУЖЕБНЫМ ФУНКЦИЯМ (по материалам смоленской деловой письменности конца XVI-XVIII вв.)

Высокий процент заимствований в составе лексики Смоленского края конца XVI-XVIII вв. (около 35%), безусловно, мотивируется экстралингвистическими факторами.

Во-первых, значительное влияние на словарный состав этой группы оказало развитие торговых связей Смоленщины с западными регионами, которые имели место уже в Смоленском княжестве, заключавшем договоры с Ригой и Готскими землями (до нас дошла смоленская Договорная грамота с Ригой и Готским берегом от 1229г.) [16]. Торговые контакты смолян с прибалтийскими жителями, литовцами и поляками продолжались в XV – начале XVI вв., когда Смоленский край вошел в состав Великого княжества Литовского (1404-1514гг.). В рассматриваемый нами период (конец XVI -XVIII вв.) активизировались торговые отношения с Речью Посполитой, ибо смоленские территории с 1611 по 1654 гг. (а частично по 1686г.) находились в ее пределах, а позднее граничили с этим государством. Нельзя не отметить (о чем пишет, например, А.Н. Булыко), что со второй половины XVI в. основные торговые пути в Западную Европу пролегли через Польшу и Германию (1980:6) [3], и, следовательно, Смоленский край, учитывая его географическое положение, не мог остаться в стороне.

Во-вторых, длительное вхождение региона в состав Речи Посполитой способствовало административной организации края на польский лад. Как пишет смоленский краевед С.П.Писарев, «... вся жизнь в Смоленске пошла иначе» (1898:46) [11].

Новые административные должности получали новые названия: **бурмистр** «глава городского самоуправления», **войт** «староста», **райца** «судья» и др.; по-иному именовались представители социальных слоев населения края и т.п. Широко распространилась заимствованная лексика, связанная с исполнительной деятельностью нового чиновничьего аппарата, обозначающая явления и события общественной жизни Смоленского края. Лексика эта усваивалась весьма активно, так как использовалась во всех документах периода вхождения края в состав Речи Посполитой и широко распространялась административно.

Перечисленные факторы свидетельствуют об объективных условиях, способствовавших широкому вхождению заимствований из западноевропейских языков в состав лексики общественного характера.

Весьма значительную группу составляют заимствования, обозначающие названия лиц по административной должности и служебным функциям. Среди них преобладают слова, проникшие в смоленский диалект через посредство польского языка из немецкого или непосредственно полонизмы. Рассмотрим некоторые наименования лиц управленческого аппарата:

БУРМИСТР «глава городского самоуправления», «староста», «начальник, возглавляющий управление чем-либо». Смоленской таможни **бурмистру** гостинои сотни Алексею Кремлицыну... РГАДА, ф. 829/1, 1672, 2, 1695 г.; И всякие товары имели с нихъ **бурмистровъ** и мещанъ. РГАДА, ф. 145/1, 6, 1, 1668 г.; **бурмистръ** села Новотроицкое Федор Лещинский. СИМ, 8143, 1672 г. Известно слово **бурмистръ** «староста» с начала XVI в.: жалоба ... крестьянъ на Костеша **бурмистра**... РИБ-20, III, 225, 1554-1557, 1521 г.

Варианты **бургомистръ, бургеръ**. ... **бургомистръ** Петръ Красинский ... СИМ, 9901, XVIII в.; Взяв в окно гребень из двора своего пошла во дворъ Рословского магистрата **бургера** Киприана... РГАДА, ф. 763/1, 18, 42, 1751 г. (Ср. старопольск. burmistrz, burgmistrz (SSt, I: 178) < немецк. Bürgemeister) [19].

Заимствованное слово **бурмистръ** и его варианты **бургомистръ, боргомистръ, бергомистръ, буймистръ** достаточно активно бытовало и на других русских территориях, но лишь в значении «выборный глава городского самоуправления», «правитель области» (СлРЯ XI-XVII вв., 1:356-357) [15]. Значение «староста» в материалах словаря не засвидетельствовано; не известно оно для слова **бурмистръ (бормистръ, буркгимистръ)** и в старобелорусских источниках, где отмечено только значение «глава городского самоуправления» (Булыко 1980:30) [3]. Возможно, оно было локальным, что подтверждается частично материалами современных смоленских говоров, где встречаем еще в начале XX в. слово **бурмистр** «приказчик, управляющий имением» (Добровольский 1914:45) [5]; **бурмистр** «староста, приказчик» как устаревшее фиксирует и ССГ (I:295) [17].

Однако это лишь частичное подтверждение, ибо локальное **бурмистр** «староста» в XIX в. получает достаточно широкое распространение. Если в конце XVIII в. первый толковый словарь Академии Российской отмечает слова **бурмист**, **бурмистр** как немецкие заимствования с значением «старщий член магистрата или ратуши» (САР-2, I:342) [13], то Словарь 1847 г. фиксирует для лексемы **бурмистр** еще и значение «староста» (I:90) [14]. У Даля **бургомистръ** «городской глава», однако отсылка идет на слово **бурмистръ (бурмистъ)**, которое толкуется как «поставленный от помещика над вотчиной староста из крестьян». Помет при лексемах нет, зато дается некоторый

комментарий: «при Петре I посажены были по городам бургомистры и бурмистры». Таким образом, в одном значении слова **бургомистр** и **бурмистр** даются как синонимы («глава городского самоуправления»), а в другом («староста») отмечается только слово **бурмистръ** и его вариант **бурмистъ** (I:142-143) [14].

В настоящее время в литературном языке закрепилась форма **бургомистръ**, вариант, близкий в произношении к немецкому исходному Bürgemeister или, как отмечает Фасмер, Borgemester (I:244) [18]; значение слова – «глава городского управления в некоторых странах Европы» (МАС-2, I:125) [9]. Слово **бурмистр** дано как историзм со значением «при крепостном праве: управляющий помещичьим имением или староста, назначенный помещиком из крепостных» (там же: 126) [9]. Как видим, этот произносительный вариант, близкий к польскому и более активный в Смоленском крае в XVII-XVIII вв., ушел из языка, но остался в смоленских говорах (Добровольский; ССГ) [5,17]. В целом следует подчеркнуть, что сложный фонетический комплекс немецкого заимствования и иное произношение его в языке-передатчике (польском, вернее, старопольском) обусловили и избыточность дериватов, и различие в семантике лексем **бургомистр** и **бурмистр**, и локальность некоторых вариантов: в частности, слово **бургеръ** «глава городского самоуправления» – слово смоленское.

ВОЙТ «староста». ... села Григоркова **воитъ** Иванъ Яковлевичъ... ГИМ, ф. 440, 434, 30, 1701 г. (Ср. старопольск. wojt (Брандт) [2] < немецк. Vogt «смотритель, правитель» < латинск. vocatus, advocatus (Фасмер, I:335) [18]).

Возможно, слово **войт** имело и более широкое значение, что, в частности, отмечает в старобелорусских актовых материалах А.Н.Булыко: **войт** «руководитель волости», «глава городского суда» (последнее менее употребительно) (1980:30) [3]. Следующий пример из смоленского текста XVII в. свидетельствует о вышесказанном: Взялъ у дорогобужских селъ и волостей и у **воитовъ** и у старостъ и у целовальников и у всех крестьян... РГАДА, ф. 145/2, 3, 18, 1680 г. На наш взгляд, в данном контексте **войт** «глава, руководитель волости». Или: ... этот островъ ... ныне находится во владении и пользовании **воита** Серуцкого (руководитель, воевода) (Историко-юридические материалы, т. III, с . 348, 1777 г.). Слово **войт** было весьма активным в рассматриваемую эпоху, о чем свидетельствуют дериваты: **войтов** прил. к **войт**, **войтовство** «небольшой округ в составе волости» (РИС:48) [12]. Использовалось оно и как имя собственное: Федка **Войт**, служилый человек из Вязьмы (СИМ, 7862, 1681 г.). **Войт** «должностное лицо (староста, судья) в Западной и Южной Руси» уже с конца XV в. бытовало в юго-западном регионе (СлРЯ XI-XVII вв., 2:311) [15]. Слово **войт** было локальным: Даль при нем дает пометы «западное», «южное» и отмечает, что оно обозначало название разнообразных административных должностей: «деревенский староста, городской глава, стар-

шина, тысяцкий, десятский, управляющий рабочими в поле» (1:231). **Войт** «староста» как устаревшее слово известно современным смоленским и орловским говорам (СРНГ, 5:35) [16], хотя еще в начале XX в. оно было обычным (Добровольский 1914:77) [5].В настоящее время апеллятив **войт** можно найти в основах многих фамилий Смоленщины: ВОЙТ, ВОЙТЕВИЧ, ВОЙТЕНКО, ВОЙТЕХОВИЧ, ВОЙТОВ, ВОЙТОВИЧ, ВОЙТОВСКИЙ, ВОЙТУХ (Королева 1999:49) [8]. Безусловно, этот факт также свидетельствует о широком распространении заимствованной через посредство польского языка лексемы **войт** в прошлом.

ЛАВНИКЪ «выборное лицо». А бывали де поборы по приговору войта и **лавниковъ** и мирскихъ людей. РГАДА, ф. 145/1, 4, 6, 1698г. (Ср. старопольск. lawnik (SSt, IV:104) [19]).

В старобелорусских актах **лавникъ** – «член магистрата, заседатель» (Булыко 1980:25) [3].

В смоленских документах XVII-XVIII вв. отличаем и дериваты: **лавнитство** «округ», **лавничество** «округ» (РИС:128) [12]. Как видим, слово и его производные, пришедшие из польского языка, были активными в составе административной лексики, ибо обозначали новое, выборное по польскому образцу административное лицо и новое административное деление края.

Судя по материалам СлРЯ XI-XVII вв., слова **лавник** «должностное лицо в округе (лавничестве)», **лавничество, лавнитство** «судебно-административный округ в составе уезда, волости (в Юго-Западной Руси)» были территориально ограниченным означенным регионом и активно бытовали именно в XVII в. (хотя слово **лавникъ** в «Польских делах» засвидетельствовано уже в 1563 г.); есть в словаре и смоленские примеры, но более поздние – конца XVII в (8:157). Слово **лавник** «заседатель в суде» с пометой «старое» фиксирует Даль (II:231) [4]. Позже оно ушло из языка – современные лексикографические источники (в том числе и ССГ) [17] его не отмечают.

ЛАНДРАТЪ «должностное лицо». И перед **ландратом** Степаном Никитичем Шепелевым роспрошивана. РГАДА, ф.876/1,5,3,1716г. (Ср. старопольск. landrat < немецк. Lantrat).

Слово **ландрат** было заимствованием мало распространенным, ибо СлРЯ XI-XVII вв. его не отмечает вовсе, а в наших материалах оно единично. Даль указывает, что **ландрат** – член ландратской коллегии – в Лифляндии и Эстляндии (то есть в Прибалтике), член земской думы и управления дворянскими делами (1:236) [4]. Скорее всего, должностное лицо **ландрат** было как-то связано с делами ландратской канцелярии (см. фонд 876/1 – Бельская **ландратская** канцелярия, откуда взят цитируемый смоленский источник), возможно, возглавляло ее. В настоящее время смоленские говоры не сохранили лексему по вполне объективным причинам – с изменениями административно-

го устройства края слово ушло из языка. В литературном языке **ландрат** – 1) законодательное собрание в некоторых районах Швеции, 2) главный правительственный чиновник округа в некоторых землях монархической Германии (БАС, 6:54) [1]. Как видим, лексема может быть использована только для описания нерусской действительности.

МАРШАЛОКЪ «лицо, имеющее чин» ...**маршалокъ** Федоръ Урбанский... Историко-юридические материалы, т.I, №73, с.141, 1660 г.; ... **маршалка** ...старосты Франциска Далмата... Там же, т.III, №I, с.223, 1648 г. и др. (Ср. старопольск. marszałek (SSt, IV:163) [19] < немецк. Marschalc).

Материалы СлРЯ XI-XVII вв. засвидетельствовали различные варианты слова: маршалокъ, маршалкъ, моршалокъ, моршалко – это, безусловно, связано с тем, что писцам оно было непривычно и они отражали в документах его произношение. Лексема **маршалокъ** имела несколько значений («высший чин при дворах некоторых европейских королей», «лицо, имевшее орден», «лицо, имевшее это звание»). Наиболее употребительно слово было в тех текстах, где речь шла о польских, литовских и немецких высших чинах и людях, имевших эти чины (9:32; КДРС) [6]. В дальнейшем семантика слова **маршалокъ** несколько меняется. Так, у Даля – это шафер на свадьбах или главный распорядитель (1:301). В современных смоленских говорах известно слово **маршалка** «подруга невесты на свадьбе» (отмечается переосмысление рода) (ССГ, 6:80) [17].

Слово **маршалокъ** «лицо, имевшее чин; сановник; уездный руководитель дворянства» засвидетельствовано в старобелорусском языке (Булыко 1980:31) [3]. В словаре Носовича это «предводитель дворянства» (1870:281) [10]. Возможно, и на Смоленщине заимствованное слово обозначало высший дворянский чин, ибо при рассмотрении образования фамилии МАРШАЛКОВ (Королева 1996:86) [7] отмечена первая ее фиксация именно для сына уездного предводителя дворянства (по материалам словаря Н.М. Тупикова, вяземский текст).

В старопольком marszałek «предводитель дворянства, председатель» (Брандт) [2].

РАЙЦА «судья, советник». И списки смоленских бурмистров и **райцов** и лавников и мещан и всяких жилецких людей... РГАДА, ф. 145/1, 6, 301-302, 1668 г. (Ср. старопольск. rajca, radca (SSt, VII:423) [19] < rada). В старобелорусских текстах слово **райца** (**радца**) «член магистрата, советник» известно уже с начала XV в. (Булыко 1980:25) [3], в смоленских – с конца XV в. (Материалы Литовской метрики). Безусловно, оно является производным от **рада** (польск. rada) и, скорее всего, обозначало сначала члена **рады**, то есть «совета, собрания». **Райца** у Даля – «советник, думец, член думы»; слово имеет пометы «западное» и «старое» (IV:56) [4]. До сих пор в смоленских

говорах бытует глагол **раить** «советовать» (ССГ, 9:99) [17], существительное **рада** «совет» (там же, с. 80), однако само слово **райца** не сохранилось.

Таким образом, заимствованная административная лексика на территории Смоленского края бытовала весьма активно, часто использовалась и в живой разговорной речи смолян, что способствовало закреплению и освоению иноязычных лексем, некоторые из этих лексем приобрели дериваты и продолжают сохраняться в современных говорах Смоленщины.

---

* Рукописные тексты цитируются по материалам Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Смоленского исторического музея (СИМ).

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка. – М. – Л.: АН СССР, 1948-1956. Т. 1-17.
2. Брандт – Брандт Р. Выписки из старопольской словесности. – М., 1900.
3. Булыко А.Н. Лексические заимствования в белорусском языке XIV-XVIII вв.: Дисс. докт. филол. наук. – Минск, 1980.
4. Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1956. – Т. 1-4.
5. Добровольский – Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. – Смоленск, 1914.
6. КДРС – Картотека словаря русских народных говоров. – Словарный сектор Института языкознания РАН. – Санкт-Петербург.
7. Королева И.А. Из истории фамилий Смоленского края: Материалы для словаря. – Смоленск, 1996.
8. Королева И.А. Фамилии Смоленского края в прошлом и настоящем. – Смоленск: СГПУ, 1999.
9. МАС-2 – Словарь русского языка / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 1-4.
10. Носович – Словарь белорусского наречия, составленный Носовичем. СПб., 1870.
11. Писарев С.П. Памятная книга г. Смоленска. – Смоленск, 1898.
12. РИС – Региональный исторический словарь второй половины XVI-XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / Отв. ред. Е.Н. Борисова. – Смоленск, 2000.
13. САР-2 – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. – СПб., 1806-1822. – Т. 1-6.
14. Словарь 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка. – СПб., 1847. Т. 1-4.
15. СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1975-.... Вып. 1-...
16. Смоленские грамоты XIII-XIV вв. – М., 1963.
17. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1965-... – Вып. 1-...
18. ССГ – Словарь смоленских говоров.Вып. 1-10. – Смоленск, 1974-2002.
19. Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод и доп. О.Н. Трубачева. – СПб.: Азбука, 1996. Т. 1-4.
20. SSt – Słownir staropolski. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Lodź, 1953-1985. – Т. 1-9.

О. П. Альдингер

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В «ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО НАРОДА» В. И. ДАЛЯ КАК НОСИТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

В работе «Историческое языкознание и языковая политика» Е. Д. Поливанов указывал на важность историзма в науке. Подчеркивая значимость современных исследований в области языкознания, он акцентировал внимание на необходимости всестороннего изучения прошлых этапов развития языка [Поливанов 1931]. Изучение народных диалектов, безусловно, тоже является способом исторического познания языка. Исследование данной области языкознания является необходимым, так как роль народных говоров в становлении русского литературного языка трудно переоценить. Именно поэтому много внимания уделяется изучению лексики Смоленского края. Смоленский диалект, выполнявший роль посредника в усвоении русским языком ряда западноевропейских заимствований, отразил генетические связи русского языка как с народными русскими говорами, так и с белорусским, украинским языками [Борисова, 1974].

Яркое отражение живой народный язык получил в работах В. И. Даля, в том числе в сборнике «Пословицы русского народа», источником или «запасом» для которого, по словам Даля, «служили два или три печатных сборника прошлого века, собрания Княжевича, Снегирева, рукописи, листки и тетрадки, сообщенные с разных сторон, и – главнейше – живой русский язык, а более речь народа...» [Даль 1989]. О значении изучения и сохранения народной фразеологии говорить не приходится, ведь пословицы и поговорки – «свод народной опытной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и веселие... это цвет народного ума... это житейская народная правда» [Даль 1989].

Важным аспектом исследования устойчивых единиц языка является изучение места и роли в их составе имени собственного, которое выполняет функцию хранения и трансляции традиций, истории, культуры народа.

При изучении имени собственного необходимо говорить не только о языковой, но и об энциклопедической сторонах онима.

Основные языковые свойства имен собственных проявляются в следующем:

1. Собственные имена имеют, как правило, форму только единственного или только множественного числа.

2. Собственные имена могут служить производящей базой для множества отыменных дериватов, образованных по типичным моделям русского словообразования.

3. Имена собственные могут становиться производящей основой для многих групп производных слов.

4. Для собственных имен достаточно характерна и семантическая деривация, которая проявляется в образовании у них переносных, символических значений.

Энциклопедическая сторона имени собственного характеризуется тем, что в нем пересекаются информационные потоки социального, национально-культурного, этнографического и т. п. характера. Для глубокого понимания устойчивых единиц языка, включающих имена собственные, необходимо выделение этих информационных потоков. «Извлечение информации одного вида не только обогащает предметные знания данной сферы, но влечет за собой следующую информационную характеристику. Этот процесс в принципе обладает открытым характером, что приводит к тому, что, оттолкнувшись от одного имени и используя его ассоциативно-тематические связи, выявляющие сопутствующие имени фоновые знания, можно построить огромное информационное поле (ономастическое пространство)» [Максимчук 2002, с. 107]. Выделяя во фразеологизме имена собственные, несущие исторические сведения, мы выясняем объем этих сведений, который может быть очень обширным, их значение для понимания выражения в целом. Таким образом, в пословицах и поговорках присутствует различная дополнительная информация благодаря наличию в них собственных имен. Эта информация формирует так называемый ассоциативно-культурный фон онима, т. е. сопутствующую ему информацию, не входящую в непосредственное содержание имени собственного [Максимчук 2002].

Исследуя ассоциативно-культурный фон имен собственных, можно установить, как отражена в ономастической лексике, входящей в народные выражения, история России, так как «у великоруссов бытописательной памяти нет, у них все ограничено насущным и духовным; старина остается в памяти и передается, поколику она касается житейского быта» [Даль 1989]. Исходя из замечания В. И. Даля, можно предположить, что в пословицах и поговорках отразились наиболее важные вехи истории, события, которые непосредственно касались жизни простого человека. Проследим, какие имена собственные в народной фразеологии несут историческую информацию и какой характер она имеет.

Наибольший объем исторических сведений сохраняют антропонимы – имена, фамилии, прозвища людей, оставивших след в истории России, и топонимы – названия географических объектов, с которыми связаны исторические события. Многие из этих имен собственных известны каждому русскому человеку, поэтому ассоциативно-культурный фон, которым они обладают, в большей или меньшей степени доступен носителю языка. В структуру ассоциативно-культурного фона, сопровождающего антропонимы, входят в первую очередь следующие знания: место и время рождения, сфера деятельности носителя имени, его мировоззрение, основные события, сопутствующие биографии, другие (индивидуальные) сведения.

Структуру ассоциативно-культурного фона топонимов составляют сведения о его местоположении, о событиях, связанных с обозначенным топонимом местом, о его природных или других особенностях и т. д. [Максимчук 2002].

Личные имена конкретных исторических лиц, попадая во фразеологизм, приобретают способность обобщать. Чем шире обобщение, тем расплывчатее контуры реальных лиц, событий, фактов, связанных с именем. Появляется потребность в историческом комментарии к слову или выражению, в поисках мотивов и источников такого обобщения. Именно эта задача является основной для данной работы.

Рассмотрим, как имена собственные, несущие информацию о конкретных исторических лицах и событиях, функционируют в народных выражениях, как они влияют на общую семантику пословиц и поговорок. При работе будем опираться на исторические источники («Советская историческая энциклопедия», «Энциклопедический словарь» Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А. и др.).

К наиболее раннему периоду относятся выражения, в которых отражена история Киевской Руси. Одно выражение хранит память о 980 г.: *«Беда, аки в Родне»*. Подробных сведений об упомянутом факте не сохранилось, да и само событие осталось в памяти только потому, что вошло в поговорку. В. И. Даль поясняет, что в 980 году в Родне был сильный голод.

Времени Крещения Руси (988 г.) посвящена поговорка *«Добрыня крестил мечом, Путята огнем»*. Во-первых, в данном выражении отразились традиции именования в дохристианской Руси: личные имена «были похожи на прозвания, данные по тому или иному поводу» [Суслова, Суперанская 1991, с. 42]. Во-вторых, здесь упоминаются конкретные исторические лица, видные деятели своего времени. Добрыня – воевода Владимира Святого, брат матери его Малуши. Когда в 970 г. великий князь Святослав разделил Киевскую Русь между двумя старшими сыновьями, новгородские послы, по указанию Добрыни, выпросили к себе Владимира, который и поехал в Новгород. Отправившись в 979 г. в Киев с намерением вырвать власть из рук старшего брата, Владимир руководим был Добрыней. Сделавшись единовластителем,

Владимир поручил управление Новгородом дяде, который по примеру племянника поставил там истукан Перуна. Вслед за Владимиром Добрыня насильно крестил жителей Новгорода, о чем упоминается в Иоакимовской летописи. Путята являлся тысяцким князя Владимира и вместе с Добрыней участвовал в крещении Новгорода. В-третьих, данный фразеологизм указывает на место своего появления – это новгородская поговорка.

Большой след в народной памяти оставило татаро-монгольское иго (1240–1480). В пословицах и поговорках информацию об этом времени хранят такие онимы, как *Мамай, Орда, Пьяна.* Татаро-монгольское государство называлось Золотая Орда и располагалось на огромной территории, занимая нижнее и среднее течение Волги, Крым и нижнее течение Днепра, простираясь до границ Руси. К 1240 г. татаро-монголы во главе с Батыем покорили Россию. Батый со своей ордой поселился в волжских степях, не вмешиваясь в управление Русью, а довольствуясь данью. На Волге была построена столица Сарай. Орда на Волге получила название Золотой. Для сбора дани посылались особые чиновники, называвшиеся баскаками. Впоследствии русские князья добились права собирать дань лично. С начала XV в. Орда постепенно клонилась к упадку, подданство русских князей обращалось в номинальное. Поднять упавшее значение Золотой Орды задумал хан Ахмед. В 1480 г. Ахмед двинул орду в Россию, думая напомнить ей времена Батыя. Русское войско и татарская рать расположились на берегах реки Угры, не решаясь на переправу. Получив известие, что на Сарай совершили нападение, хан дал приказ к отступлению. При побеге он был убит сибирским ханом Ибрагимом. Золотая Орда пала.

Имя собственное *Орда* в народных выражениях несет отрицательную оценку. Это государство, подданные которого не спешат признавать общепринятые моральные нормы, но отказать им в человечности тоже нельзя: *«Старших и в Орде почитают».* И если есть подходящие условия, то можно жить и там: *«Хоть в Орде, да в добре».* Отражена в выражениях и обязанность князей того времени со всеми спорами и тяжбами обращаться к хану: *«Хоть в Орду, да пойду»* (т.е. судиться). В других пословицах под названием татаро-монгольского государства подразумевается любая страна: *«Каков хан, такова и Орда».*

Имя татарского хана Мамая известно всем. Это татарский воевода, захвативший власть в Орде в 1361 г. При нем сменилось несколько ханов, во всем его слушавшихся, после чего он сам себя провозгласил ханом. В 1378 г. он послал мурзу Бегича для нападения на Рязанскую землю. Но отряд этот был разбит. Последствием поражения был большой поход Мамая в 1380 г., завершившийся Куликовской битвой. Мамай был вынужден бежать. Хотел скрыться в Каффе, но был вероломно убит. Русские народные выражения, включающие имя Мамая, часто означают «большой беспорядок»: *«Здесь слов-*

но Мамай воевал»; «Мамаево побоище». Близко к нарицательному имя и в русской пословице *«И Мамай правды не съел».* Если попытаться обобщить тот комплекс народных ассоциаций, которые вызывают имя Мамая во фразеологизмах, то получится «грубый и нахрапистый человек, чинящий беспорядок». Любопытно, что это «русское» значение близко к его татарской нарицательной трактовке: мамай – «чудовище, которым пугают детей» [Мокиенко 1975].

«За Пьяною все люди пьяны» – поговорка Нижегородской губернии, отголосок событий 1377 г., когда возле реки Пьяна русские потерпели поражение в стане от татаро-монголов. Вообще же название реке было дано финно-угорскими племенами: piеп – «маленькая», т.е. это не «пьяная» река, а просто «маленькая». Данное выражение к тому же – яркая иллюстрация народной этимологии (объяснение названия на основе внешнего созвучия).

Яркое отражение в пословицах и поговорках получили события XIV в. – войны с Великим княжеством Литовским, возникшим в начале XIII в. В XIV в., в княжение Гедимина (1316–1341), Ольгерда (1345–1377), Великое княжество Литовское присвоило все белорусские, часть украинских и русских земель. Их включение облегчалось тем, что Русь была ослаблена татаро-монгольским игом и борьбой с агрессией немецких и шведских феодалов. Литовские князья с момента образования Великого княжества литовского стремились к захвату русских земель, поэтому в пословицах и поговорках, которые возникли, вероятно, на западе России, Литва – вражеское государство: *«Литва беззаконная»; «Бейся с ним, как с Литвой»* (об упрямом).

Однако усиление в XIV в. Великого княжества Московского и объединение русских земель вокруг него привели к тому, что в результате войн с Русью (1500–1503, 1507–1508, 1512–1522, 1534–1537) Великое княжество Литовское утратило многие русские земли. Взаимоотношения с Литвой также отражены в смоленской пословице: *«К кому Богородица, а к нам Литва»* (икона спасла Москву от Тамерлана, а литовский князь Витовт ограбил Смоленск, захваченный в 1404 г.).

Окончание войн с Литвой и Золотой Ордой воспринималось как радостное событие: *«Остер меч, да некого сечь: татары в Крыму, а пан в Литве».*

К этому времени относится пословица *«Казаки в Запорогах, что пни при дорогах».* Здесь упоминается организация украинского казачества за Днепровскими порогами – Запорожская Сечь. Оно возникло в середине XVI в. в связи с наступлением на украинское крестьянство и казачество польских и литовских феодалов. Казаки колонизовали степные пространства к югу от днепровских порогов. Запорожская Сечь являлась оплотом украинского народа в борьбе против феодально-крепостнического и национального угнетения. С ней связаны все крупнейшие восстания на Украине: Косинского (1591–1593), Наливайко (1594–1596), восстание 1637–1638 гг. В Запорожской Сечи в 1648 г. началась и

освободительная война под руководством Б. Хмельницкого. После воссоединения Украины с Россией (1654 г.) за Запорожской Сечью были признаны те же права, которыми пользовались другие казачьи области. В 1709 г., рассматривая Запорожскую Сечь как центр антикрепостнической борьбы, Петр I разгромил Сечь.

Поговорки *«Шемякин суд», «Шемяка кривосуд»* связаны с личностью корыстного, своевольного феодального князя Галицкого Дмитрия Шемяки (1420–1453). Дмитрий Шемяка был человек необузданной энергии, неразборчивый в средствах для достижения намеченной цели. Он прославился упорной борьбой за московский престол с князем Василием Темным, своим двоюродным братом. Еще при жизни отца, добивавшегося великокняжеского стола, он принимал деятельное участие во всех походах против великого князя. Занятие Москвы и вероломный поступок Шемяки (в 1446 г. он ослепил князя Темного) возбудили ненависть к Шемяке. Поэтому его имя стало употребляться в значении «жестокий», «неправедный». Шемяка действительно отличался жестокостью: правых и неправых он приказывал бросать в Сухону, привязав им камень на шею. Жизнь Шемяки закончилась плачевно. После бесполезных попыток убедить Шемяку покориться великому князю его отравили.

Имя князя также попало в литературу, сатирическую «Повесть о Шемякином суде». Объект ее – судья Шемяка, взяточник и крючкотвор, который за богатый «посул» толкует законы, как хочет.

Осталось в народной памяти и время Ивана Грозного. В пословицах и поговорках сам царь не упоминается, зато имя его ближайшего сподвижника сохранилось в народном творчестве: *«Малюта Скуратов – злодей, мучитель».* Малюта Скуратов – думный дворянин, любимый опричник Ивана Грозного. Участвуя почти во всех злодеяниях опричнины, он имел отношение к убийствам многих видных людей, в том числе задушил в 1569 г. митрополита Филиппа, руководил казнями в Новгородском походе. Сам Скуратов был убит во время Ливонского похода, в 1572 г. Память о нем и его злодеяниях хранилась в народных песнях, и даже его имя стало нарицательным названием злодея.

Как уже говорилось, в пословицы и поговорки входят те имена исторических лиц, те события, которые близки народу, непосредственно касаются его жизни. Именно поэтому в народные выражения вошли имена знаменитых донских казаков.

Имя Ермака стало обозначать человека с трудной судьбой. Происхождение Ермака точно неизвестно: по одному преданию он был родом с берегов Камы, по другому – с Дона. Ермак был сначала атаманом одной из многочисленных казацких шаек, разбойничавших на Волге и грабивших русских купцов, персидских послов и царские суда. Спасаясь от московских воевод, дружина казаков (более 500 человек) пошла вверх по Каме и прибыла к братьям Строгановым, которым помогала защищать их городки. В 1581 г. дружина во

главе с Ермаком выступила в поход за Урал. Инициатива принадлежала самому Ермаку, участие Строгановых ограничилось вынужденным снабжением казаков припасами и оружием.

На берегу Тобола было разбито войско Маметкула, на Иртыше казаки также оказались победителями. В 1582 г. казаки вступили в покинутую ханом Сибирь (главный город ханства). Сам Ермак в награду был помилован Иваном Грозным, налаживал торговые связи с местным населением: *«Ходит Ермак, заломя колпак»*. Жизнь в покоренных землях оказалась нелегкой: хан Кучум регулярно наносил урон, местные князьки легко перебегали от одного лагеря к другому. 6 августа 1584 г. Ермак погиб. Он шел с небольшим отрядом по Иртышу. Кучум ночью напал на спавших казаков и истребил весь отряд: *«Пожилось Ермаку – по три чирья на боку»*. Ермак и его казаки стали символом мужества, храбрости и отваги: *«Семеро пойдем – Сибирь возьмем»*.

Не забыт и предводитель крестьянской войны 1670–1671 гг. Степан Разин. О жизни Разина до того момента, когда он выступил в Черкасске во главе удальцов, состоявших преимущественно из голытьбы, всегда во множестве собиравшейся на Дону, почти ничего не известно. В основу поговорок *«Стенька Разин на ковре летал и по воде плавал»*, *«Не Стенька: на ковре по Волге не поплывешь»* легли события 1667 г., когда Разин совершил знаменитый поход «за зипунами» по Волге на берега Каспийского моря в Персию, где взял богатую добычу. Обаяние личности молодого атамана было настолько большим, что в народной молве он превратился в чародея: *«Змеи оттого не кусаются, что Стенька Разин их заговорил»*. Весной 1670 г. Разин возглавил новый поход, который перерос в восстание. Ядром движения явилось донское и волжское казачество, среди которых были недовольные московским правительством. Восстание было подавлено, а Степан Разин казнен.

Отношение к другому предводителю крестьянской войны (1773–1775 гг.) несколько другое по сравнению с Ермаком и Степаном Разиным, так как в поговорке он назван фамильярно и, может быть, с долей пренебрежения: *«Ведь я не Пугач: хоть царем скажись, не поверят»*. Родина Емельяна Пугачева – станица в области Войска Донского. Уже в турецкой войне он участвовал в чине хорунжего. В 1772 г. Пугачев воспользовался слухом о человеке, который называет себя царем Петром Федоровичем, для осуществления заветной мечты – увести казаков за Кубань. Он объявляет себя царем среди яицких казаков. Происхождение и личность Пугачева для яицких казаков не имели никакого значения: им необходим был человек чужой среды, никому не известный в войске, который, воспользовавшись уверенностью русского народа, что Петр III жив, провозгласил бы себя государем и возвратил войску яицкому все его права. 17 сентября 1773 г. был прочитан манифест, по хуторам были разосланы гонцы собирать людей к государю. Так началась крестьянс-

кая война, в которой восставшие благодаря огромному количеству участников и военному таланту Пугачева добились вначале больших успехов.

Восстание было подавлено, Пугачев был выдан своими ближайшими помощниками и казнен 10 января 1775 г. Чтобы истребить всякую память о Емельяне Пугачеве, яицкие казаки были переименованы в уральские, а река Яик – в реку Урал. Интересно, что в пословицах сохранилось старое наименование реки: *«Не надо и на Яик идти»*.

Вернемся к событиям начала XVII в. Период истории после смерти царя Ивана Грозного, который назван Смутным временем, оставил свой след в народных выражениях. Имя одного из самых ярких деятелей этого времени стало нарицательным: *«Гришка Отрепьев – вор, самозванец, проклятый»*.

Григорий Отрепьев – настоящее имя Лжедмитрия I (1605–1606). Происхождение, история его появления и принятия на себя имени царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного, остаются весьма темными. Сохранились сведения, что Григорий Отрепьев, сын галицкого сына боярского, с детства жил в Москве в холопах у бояр Романовых и у князя Черкасского. Затем он постригся в монахи и, переходя из одного монастыря в другой, оказался в Чудовом монастыре. Похвальба Григория о возможности быть ему царем на Москве дошла до Бориса Годунова, и последний приказал сослать его в Кириллов монастырь. Предупрежденный, Григорий успел бежать. После скитаний он поступил на службу к польскому князю Вишневецкому, которому впервые и объявил о своем якобы царском происхождении. Польское правительство решило воспользоваться этим обстоятельством с целью достижения контроля над Россией.

В 1604 г. Лжедмитрий I открыл поход. Обаяние имени царевича Дмитрия и недовольство Годуновым сразу дали себя знать: русские люди неохотно сражались с человеком, которого многие считали истинным царем. После смерти Годунова Лжедмитрий торжественно въехал в Москву. Как правитель, он отличался недюжинной энергией, большими способностями, широкими реформаторскими замыслами. Определенные круги бояр были недовольны новым правителем, но народные массы относились к нему доброжелательно. Лжедмитрий погиб исключительно благодаря боярскому заговору во главе с В. И. Шуйским. Народу же объявили, что, по словам царицы Марфы, Лжедмитрий был самозванец.

В выражении *«Как Марина заварила, так и расхлебывай»* упоминается, по мнению В. И. Даля, имя жены Лжедмитрия I Марины Мнишек. Ее знакомство с Отрепьевым произошло около 1604 г., тогда же произошла их помолвка. Быть женой неизвестного и некрасивого холопа Марина согласилась, поддавшись желанию стать царицей и уговорам католического духовенства, избравшего ее орудием для введения католичества в Россию. В 1606 г. состоялось венчание с Лжедмитрием и коронование.

Ровно неделю царствовала в Москве новая царица. После смерти мужа у Мнишек началась бурная и полная лишений жизнь. По дороге в Польшу она была перехвачена и доставлена в Тушинский стан. Несмотря на отвращение к Тушинскому вору, Лжедмитрию II, Марина тайно обвенчалась с ним. В 1610 г. она вместе с мужем появляется под Москвой, а после убийства Лжедмитрия II живет с сыном в Калуге. Во время земского ополчения Марина бежала, но была настигнута и доставлена в Москву. Сын ее был повешен, а сама Марина Мнишек, по сообщениям русских послов, умерла с тоски по своей воле (по другим источникам, была повешена или утоплена). В памяти народа Мнишек осталась под именем «Маринки безбожницы», «еретицы» и «колдуньи».

Не могла не отразиться в народном творчестве и эпоха Петра I – время великих преобразований в России. В народной фразеологии информацию об этом периоде несут несколько имен собственных: *Мазепа, Полтава, Бекович.* Как видим, все они связаны с военной деятельностью Петра Великого.

Имя Александра Бековича-Черкасского малоизвестно современному человеку, однако пословица хранит память о нем: *«Пропал, как Бекович»*. Бекович (Девлет-Кизден-Мурза) печально известен по экспедиции в Хиву. Ни о происхождении Бековича, ни о времени поступления его на службу точных сведений нет. Предполагается, что он принадлежал к высшему сословию кабардинских владетелей.

В 1707 г. Петр I отправляет Бековича в Европу для изучения разных наук, а через семь лет назначает начальником экспедиции в Среднюю Азию с целью подчинения ханств Бухарского и Хивинского и для налаживания торговых отношений с Индией. В 1717 г. экспедиция отправилась в Хиву, а через некоторое время разнеслась весть, что Бекович погиб вместе со всем своим отрядом (около 5 тыс. чел.).

Когда экспедиция была от Хивы на расстоянии не более 120 верст, их встретил хивинский хан, не доверявший посольской миссии Бековича. После трехдневного боя войско хана было разбито. Тогда хан отправил к Бековичу послов с мирным предложением и приглашением самого Бековича в Хиву для переговоров. Последний явился туда с пятисотенным войском, но хан стал уверять в невозможности прокормить такое количество людей и в необходимости расставить их отрядами в пяти городах. Не подозревая злого умысла, Бекович согласился. Когда эти отряды были отведены от Хивы, на них напали отряды хана и перебили всех до одного. Так неудачно закончилась первая Хивинская экспедиция, и великой идее Петра I суждено было осуществиться только спустя более ста лет, да и то отчасти.

Имя современника Бековича и Петра I Мазепы стало олицетворением предательства: *«Мазепа предатель».* Иван Степанович Мазепа-Колединский родился в шляхетской семье, воспитывался при дворе польского короля Яна

Казимира. Любовная история с женой польского шляхтича заставила Мазепу покинуть двор и удалиться на Украину. Среди казаков он быстро выдвинулся, стал приближенным гетмана Дорошенко. Попав в Москву, Мазепа завоевал доверие бояр и действовал во вред Дорошенко. Перейдя на службу к Самуйловичу, интригами низверг его, а в 1687 г. сам был избран малороссийским гетманом. Во время пребывания в Москве он понравился Петру, затем принимал деятельное участие в походах Петра на Азов.

В начале Северной войны со Швецией за выход к Балтийскому морю (1700–1721) Мазепа активно помогал русскому царю, однако вскоре задумал измену, переход на сторону Карла XII и образование из Малороссии самостоятельного владения под верховенством Польши. Гетман рассчитывал, что большинство казаков изменят Петру, так как Украина, еще недавно присоединенная к России, была недовольна московским правительством.

Осенью 1708 г. Мазепа, опасаясь раскрытия измены, бежал к Карлу, а после Полтавской битвы он вместе со шведским королем укрылся в Бендерах.

В выражении *«Пропал, как швед под Полтавой»* получили отголосок также события Северной войны. Под Полтавой войска шведов потерпели сокрушительное поражение.

Весной 1709 г. Карл XII решился осадить Полтаву. Этим он намеревался принудить Петра I к бою или приобрести опорный пункт на Украине. Князь Меншиков, уведомленный о приближении шведов к Полтаве, двинулся к городу, но болотистая местность остановила движение отряда. Вскоре к Меншикову присоединились войска Шереметева, а 4 июня прибыл царь, решивший освободить Полтаву. Русская армия, переправившись через Ворсклу, готовилась к бою. Карл XII решил атаковать первый и 27 июня двинул армию против русских. В результате боя Полтава была освобождена, шведы везде опрокинуты, их армия представляла беспорядочно бегущую толпу. Последствием Полтавской победы было низведение Швеции до степени второклассной державы и поднятие России на небывалую дотоле высоту.

Относится к эпохе Петра I пословица *«Бог не Мануков, и без посула помилует»*. В. И. Даль указывает, что Мануков – вице-губернатор Санкт-Петербурга в начале XVIII в.

В сборник пословиц В. И. Даля вошло выражение, которое употреблялось в Белоруссии и Литве: *«За короля Саса (саксонского) было хлеба и мяса, а стал Понятовский – и хлеб не таковский (и все по-чертовски)»*. Эта поговорка относится ко времени существования Речи Посполитой, которая объединяла Польшу, Литву и часть юго-западных земель (в том числе – часть современной Смоленской области), отошедших впоследствии к России. В ней упоминаются имена последних польских королей.

Сас – Август III курфюст Саксонский (1733–1763) и король польский. После смерти своего отца он, несмотря на старания Людовика XV возвести на престол Польши Станислава Лещинского, был провозглашен королем частью польской шляхты, но официально признан им только на варшавском сейме в 1736 г. Во время войны с Пруссией Август был заперт с войском при Пирне Фридрихом II и после пленения своей армии бежал.

Станислав-Август Понятовский – последний польский король. На государственное поприще он выступил в 1752 г. Попав в Петербург, он заручился при дворе Екатерины II связями, предоставившими ему в скором времени польский престол. Ожидаемые Польшей реформы Понятовский проводить не стал: король боялся действовать против желаний России. Это вызвало полное охлаждение к королю, перешедшее в ненависть. К развалу Польши Понятовский отнесся апатично, а позже, в 1795 г., после третьего раздела Польши, по требованию России отрекся от престола и до смерти жил в роскоши в Петербурге.

Конечно, осталась в народном творчестве память об Отечественной войне 1812 г., которую по праву называют народной войной. Образ побежденного врага воплотился в имени Наполеона: *«Был неопалён Наполеон, а из Москвы вышел опалён»*. Наполеон Бонапарт (1769–1821) – французский государственный деятель и полководец, французский император. Родился на Корсике, в семье небогатого адвоката. Благодаря энергии, целеустремленности и таланту совершил головокружительную карьеру: в 1799 г. установил режим консульства, в 1804 г. был провозглашен императором. Победоносные войны, превращение Наполеона I в фактического повелителя всей Западной (кроме Англии) и Центральной Европы способствовали необычайной его славе.

Война с Россией не была для Наполеона необходимостью, а являлась следствием стремления установить над Европой свое господство. Для вторжения в Россию быласформирована «Великая армия» (640 тыс. человек). План Наполеона состоял в том, чтобы скрытно объединить свою армию, разгромить русские войска в приграничном сражении и вынудить Россию заключить позорный мир. 12 июня 1812 г. наполеоновская армия начала переправу через Неман.

Вторжение французских войск с первых же дней вызвало сопротивление населения, уходившего в леса и начинавшего партизанскую войну.

26 августа произошло Бородинское сражение, в результате которого армия Наполеона понесла огромные потери: *«От бородинской пушки под Москвой земля дрожала»*. В целях сохранения армии Кутузов оставил Москву, но и Наполеон в ней долго не задержался: его армия разлагалась, Москва горела. В результате инициатива перешла к русскому командованию, война была выиграна. Наполеон после поражения закончил свои дни на острове св. Елены.

На событиях войны 1812 г. основываются также поговорки *«Это сущая переправа через Березину»*, *«Отогрелся в Москве, да замерз на Березине»*.

Березина, левый приток Днепра, всемирно-историческую известность приобрела во время отступления французов из России. При переправе с боями через Березину 26–29 ноября наполеоновская армия (75–80 тыс. человек) потеряла около 50 тыс. человек, большую часть артиллерии и обозов и перестала существовать как организованная сила. Вот как вспоминает это событие А. П. Ермолов: « В Вязьме в последний раз мы видели неприятельские войска, победами своими вселявшие ужас повсюду и в самих нас уважение... На другой день не было войск, ни к чему не служила опытность и искусство генералов, исчезло повиновение солдат, отказали силы их, каждый из них более или менее был жертвою голода, истощения и жестокости погоды... Река покрыта была льдом прозрачным, как стекло; под ним видно было во всю ширину реки множество погибших... Не перешли Березину богатства разграбленной Москвы!» [Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2001].

Существуют также народные выражения, в которых имя собственное устарело, вышло из употребления. В таких случаях утрачивается смысл пословицы, так как, не зная информации о том или ином лице, невозможно понять значение всего выражения: *«Не всяк таков, как Иван Токмачев: сел на конь да и поехал в огонь», «Ведь это не при Пронском», «Окольничий Засекин свиным ухом подавился».*

Данный обзор показывает, что имя собственное обладает огромным ассоциативно-культурным фоном и, входя в состав пословиц и поговорок, значительно обогащает их семантику. Не зная сведений об исторических лицах, о местах исторических событий, невозможно в полной мере понять выражение, в котором они упоминаются. Пословицы и поговорки, в которые включены подобные собственные имена, имеют несколько особенностей. Во-первых, в них получают отражение важнейшие события истории. Во-вторых, в таких выражениях ярко проявляется народное отношение к той или иной эпохе, к тому или иному государственному деятелю. В-третьих, вхождение во фразеологизм имени собственного, отражающего реальные исторические события, говорит о времени появления этого фразеологизма. Наконец, имя конкретного исторического лица подчас сохраняется в народной памяти только потому, что вошло в пословицу или поговорку.

---

1. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. – М., 2001.
2. Борисова Е. Н. Лексика Смоленского края. – Смоленск, 1974.
3. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. – СПб., 1896.
4. Даль В. И.. Пословицы русского народа. – М., 1989.
5. Максимчук Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. – Смоленск, 2002
6. Мокиенко В. М. В глубь поговорки. – М., 1975.

7. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание: Сборник популярных лингвистических статей. – М., 1931.
8. Советская историческая энциклопедия. – М., 1966.
9. Суслова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. – Л.: Лениздат, 1991.

М. А. Астапенков

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ОБОБЩАЮЩЕГО ЭЛЕМЕНТА И СТРУКТУРНАЯ НЕПОЛНОТА КОМПОНЕНТОВ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ (по произведениям М.Е. Салтыкова-Щедрина)

При изучении сочинительных конструкций с обобщением часто возникают трудности, связанные с определением синтагматических границ обобщающего элемента. Это связано с тем, что многие аспекты сочинения еще недостаточно исследованы синтаксистами. Одной из разновидностей подобных затруднений является структурная неполнота сочинительной конструкции.

Понятие неполноты уже известно в современной лингвистике. О неполноте пишут чаще всего, касаясь предикативных единиц, а именно частей сложного предложения. Однако исследуемый материал показывает, что неполнота может характеризовать и единицы более низкого синтаксического статуса.

«Неполные предложения – это предложения с неполной реализацией структурных схем предложений и словосочетаний, высказывания с незамещёнными позициями членов предложения, необходимость которых обусловлена информативной семантикой и связью с теми членами, которые в предложении есть» [3, с. 13].

Еще А.М. Пешковский отмечал, что «...неполные предложения... в сознании нашем всегда равняются по полным» [5, с. 403]. Также и Т. И. Антонова говорит о том, что «повествовательные и вопросительные (соотносимые с суждением) неполные предложения, употребляющиеся в письменной форме современного русского языка, представляют собой те же самые структурные типы, что и соответствующие полные предложения» [1, с. 15]. Таким образом, мы практически всегда можем восстановить пропущенный член предложения.

Неполнота синтаксических конструкций с обобщением вызывает определённые затруднения при квалификации компонентов таких конструкций, в частности, при определении синтагматических границ обобщающего элемента.

Как справедливо замечает Г. В. Валимова, «следует различать внутреннюю и внешнюю синтагматику. К внутренней относятся отношения внутри компонентов данной единицы, например между компонентами сложносочиненного предложения. К внешней синтагматике – отношения между данной единицей и ее окружением» [4, с. 12]. Применительно к данному исследованию синтагматических границ обобщающего элемента внутреннюю синтагматику представляют все слова, имеющиеся в обобщающем элементе, а внешнюю – все слова, имеющиеся в других компонентах сочинительной конструкции. Следует сразу же заметить, что в данной статье речь будет идти о восполнении структурной неполноты из **внешней** синтагматики: неполнота обобщающего элемента восполняется за счет равноправных компонентов, а равноправного компонента – за счет обобщающего элемента или другого равноправного компонента.

В рамках сочинительной конструкции обобщающий элемент наиболее тесно связан с равноправными компонентами, поэтому ниже мы рассмотрим **три вида структурной неполноты сочинительной конструкции**:

1) неполнота собственно обобщающего элемента;

2) неполнота равноправных компонентов;

3) неполнота и обобщающего элемента, и равноправных компонентов.

1. Неполнота обобщающего элемента

Неполнота обобщающего элемента имеет некоторые особые черты, связанные со спецификой сочинения. Здесь принципиально различаются **два вида неполноты**. Первый ближе всего к известной неполноте предложений и словосочетаний: недостающее слово было использовано в предтексте и для восполнения неполноты оно просто повторяется с изменением формы или без.

Сравните:

– *Купи хлеба.*

– *Какого?*

– *Купи белого* V.

(Здесь и далее знаком V отмечен пропуск компонента).

Учитывая предтекст, нетрудно восстановить пропущенное слово:

*Купи белого **хлеба**.*

Неполнота такого типа наблюдается в тех случаях, когда для правильного понимания предложения необходимо добавить недостающее из предшествующего текста.

*Детские **игры** того времени были очень неразнообразны и притом совершенно чужды мысли о соединении забавного с полезным. Я помню только **следующие** V: в лошадки, фанты, жмурки и «сижу-посижу».*

Обширную группу составляют примеры, в которых обобщающий элемент выражается количественно-именными и им подобными сочетаниями, в которых либо пропущен именной компонент, либо он является семантически недостаточным.

Они предлагали уничтожить все нынешние министерства и заменить их только ***двумя*** *V: министерством оплодотворения и министерством отчаяния.*

Здесь с целью избежания лексического повтора, автор опускает слово *министерствами*, входящее в состав обобщающего элемента ***двумя министерствами***.

Сравните также:

Из наук преподавать ***три*** *V: а) арифметику...; б) науку о необходимости очищать улицы от навоза и в) науку о постепенности мероприятий.*

По соседству с головотяпами жило множество независимых племен, но только ***замечательнейшие из них*** *поименованы летописцем, а именно: моржееды, лукоеды, гущееды, клюковники, куралесы, вертячие бобы, лягушечники, лапотники, чернонебые... и рукосуи.*

Второй тип неполноты, видимо, специфический для сочинения. Дело в том, что обобщающий элемент в целом называет то, что расчлененно названо равноправными компонентами. И поэтому по равноправным компонентам мы восстанавливаем структурно необходимую часть обобщающего элемента.

Наиболее частым является пропуск глагола-сказуемого в составе обобщающего элемента.

Ну, само собой, окружили его друзья-приятели, пьют, едят, на рысаках по Москве гоняют, народ давят, – словом сказать, ***все удовольствия*** *V, что только можно вообразить!*

Так как равноправными компонентами, бесспорно, являются однородные члены предложения, то и обобщающий элемент должен быть членом предложения. Поэтому мы считаем, что ***удовольствия*** – это дополнение, а сказуемое, к которому оно относится, опущено. Его и нужно восстановить. Словом, семантически обобщающим слова *пьют*, *едят*, *гоняют*, *давят*, является глагол ***делают***. При восстановлении пропущенного сказуемого восстанавливается и структура обобщающего элемента, сравните:

Ну, само собой, окружили его друзья-приятели, пьют, едят, на рысаках по Москве гоняют, народ давят, – словом сказать, ***все удовольствия делают****, что только можно вообразить!*

Аналогично и в таком примере:

Нонче везде ***всё*** *V сам: и посмотри сам, и свесь сам, и съезди везде сам, и опять посмотри, и опять свесь!*

В этих и им подобных примерах, во-первых, трудно определить, что является обобщающим элементом, а во-вторых, затруднения вызывает синтаксическая функция местоимения *всё*. Это происходит потому, что формально обобщающего элемента в таких предложениях нет, но синтаксическая структура требует его восстановления, так как предложение неполное.

Нонче везде всё сделай сам: и посмотри сам, и свесь сам, и съезди везде сам, и опять посмотри, и опять свесь!

Подобное затруднение мы встречаем и на уровне сложного предложения. Часто при равноправных компонентах, выраженных двусоставными предложениями, обобщающий элемент – неполное предложение с пропущенным сказуемым.

Были, однако ж, и у меня иные времена, окружали меня иные люди – всё* V *иное!*

Долго ли, коротко ли, а стали на селе замечать, что управительский сын – и лёг и встал – всё V *у пономарицы.*

Так как равноправные компоненты – предложения, то и обобщающим элементом может быть только предложение. Как и в предыдущих случаях при восстановлении сказуемого синтагматические границы обобщающего элемента четко определяются.

От подобных конструкций нужно отличать предложения, сходные с ними по форме, но не содержащие обобщающего элемента.

Сколько раз я, на свою долю, принимался и уговаривать, и отклонять – и все напрасно.

Они толкались и подставляли друг другу ногу... и все из-за того, чтоб встать поближе к лакомому куску....

К мысли об обобщающем элементе нас склоняет наличие местоимения *все*. Однако перед ним стоит сочинительный союз *и*, который в типичных случаях не может стоять между обобщающим элементом и равноправными компонентами, так как ученые сходятся во мнении о наличии пояснительной связи в данном случае. Что же соединяет этот союз?

В данном случае обобщающего элемента нет, а союз соединяет части сложного предложения, первая из которых сама содержит сочиненный ряд. Но вторая часть – не обобщенное наименование того, что названо в первой части, а другое предложение.

Встречаются такие случаи, когда восстановление какого-либо слова для устранения неполноты имеет характер искусственности. Сравните с предыдущими примерами такой:

Много *V до того времени накопилось: и барщина, и общая экономическая неурядица, и всякие расхищения.*

Конечно, можно восстановить слово *дел* или *проблем*, и этот пример будет переходным между предыдущей и следующей группой.

Довольно часто в обобщающем элементе – количественно-именном сочетании с числительным *оба* – опускается именная часть, что связано с довольно четким лексическим значением слова *оба*. Эта определенность и делает употребление именной части излишней. Из содержания сочиненного ряда нам понятно, о чем идет речь.

*И теперь **оба**: и Иван Тимофеич и Прудентов, примирившись, живут где-то на огородах в Нарвской части, и состоят в оппозиции.*

Сравним полный вариант, имеющийся в нашем материале:

*И земля не бессудная, да и я, и сестра Ариша – **обе мы** отделенные.*

Таким образом, различные разновидности структурной неполноты обобщающего элемента затрудняют определение его синтагматических границ.

2. Неполнота равноправных компонентов

Наиболее многочисленна здесь группа примеров, в которых автор, избегая лексического повтора, опускает в каждом из равноправных компонентов часть, входящую в обобщающий элемент (как правило, именную часть количественно-именного сочетания).

*В прежние времена у нас обыкновенно свирепствовали **две партии**: V старого предводителя дворянства и V нового предводителя дворянства.*

В данном примере возникают затруднения при определении синтаксической функции равноправных компонентов, так как автор опускает подлежащее *партия*.

Сравним:

...свирепствовали две партии: партия старого предводителя дворянства и партия нового предводителя дворянства.

После восстановления структуры равноправных компонентов становится возможным заменить ими обобщающий элемент ***две партии***, чего в исходном варианте сделать нельзя.

Или подобные примеры:

*Оказалось, что точь-в-точь такие же корпорации было бы вполне удобно устроить **по ведомствам**: V финансов, V путей сообщения, V почт, V телеграфов и проч.*

*Дома мне все-таки казалось, ... что я **что-нибудь могу**: V наблюсти, V закричать караул, V ухватить похитителя за руку...*

Здесь из-за неполноты сочинительной конструкции не совпадает синтаксическая функция обобщающего элемента и равноправных компонентов.

Бывает, что и обобщающий элемент, и равноправные компоненты являются одними и теми же членами предложения, но в «невосстановленном виде» обозначают разные понятия.

*Это минуты, ... когда лучшие умы обуреваются **одним страстным желанием**: V бежать, V скрыться, V исчезнуть.*

Сравним «восстановленный вариант»:

*Это минуты, ... когда лучшие умы обуреваются **одним страстным желанием**: **желанием** бежать, **желанием** скрыться, **желанием** исчезнуть.*

При обобщающем элементе, выраженном количественно-именным сочетанием, имеет место пропуск повторяющейся именной части в равноправных компонентах.

*В один присест она связала **два кошелька**: один V для Балалайкина, другой V, с надписью золотым бисером «от русских дам» – отдала Редеде для передачи египетскому патриоту.*

В подобных случаях «налицо совмещение значений обобщающего элемента и общего элемента в одном отрезке текста» [6, с. 14], как и в конструкциях типа: *На столе лежат **два карандаша**: красный и синий.*

Подобного совмещения не наблюдается в таких конструкциях, как:

*О личности Двоекурова «Глуповский Летописец» упоминает **три раза**: в первый раз в «Краткой описи градоначальникам», во **второй** V – в конце отчета о смутном времени, и в **третий** V – при изложении истории глуповского либерализма...*

Это обусловлено спецификой семантики слова *раз*, которое не обозначает предмета объективной действительности и не может обладать специфическими признаками, т. е. не может существовать в природе трех разных «разов».

На уровне сложного предложения неполнота равноправных компонентов проявляется в конструкциях, подобных следующим:

Я люблю, чтоб у меня всё было в порядке...: завод так чтоб V завод, карета так V карета...

Как было отмечено выше, так как обобщающий элемент – предложение, то и равноправными компонентами могут быть только предложения. В данном случае мы видим пропуск глагола-связки прошедшего времени.

Сравним:

*...чтоб у меня **всё было в порядке**...: **завод** так чтоб **был завод**, **карета** так **была карета**...*

Или другой случай, где тоже пропущено сказуемое в одном из равноправных компонентов.

Иногда мы даже оба от души хохочем, когда случается что-нибудь совсем уж необыкновенное: ренонс V, *например, или дама червей вдруг покажется за короля.*

...случается что-нибудь совсем уж необыкновенное: ренонс случается, например, или дама червей вдруг покажется за короля.

Особенно хочется выделить следующий пример:

Отсюда изумления, раскаяния и раздоры – эти печальные, но вполне естественные последствия деятельности ...

Структурная неполнота первой части (отсутствие сказуемого) не позволяет нам однозначно определить, является ли словосочетание *последствия деятельности* обобщающим элементом или же сказуемым. Если, восполнив неполноту первой части, мы подставим сказуемое, например, *появляются*, то однородные подлежащие обобщаются обобщающим элементом – подлежащим.

Отсюда появляются изумления, раскаяния и раздоры – эти печальные, но вполне естественные последствия деятельности ...

Это же предложение можно трактовать и так:

Отсюда изумления, раскаяния и раздоры – эти печальные, но вполне естественные последствия деятельности ...

Однако наличие слова *отсюда* и форма *эти*, а не *это* подсказывает, что здесь все-таки предложение с обобщающим элементом.

3. Неполнота обобщающего элемента и равноправных компонентов

В языке встречаются и такие случаи, когда и обобщающий элемент, и равноправные компоненты являются структурно неполными. Очевидно, что в таких примерах выделение обобщающего элемента и определение его синтагматических границ дополнительно затруднено.

Потом стал каждый вечер ходить, спрашивать, какое на завтрашний день распоряжение будет (да еще целых ***два*** V *ему выложи: одно* V *на случай, коли ежели ведро, а другое* V *на случай, коли ежели Бог дожжичка пошлет)?*

В этом случае внешней синтагматикой являются не равноправные компоненты, а предшествующий текст, и недостающей компонент обобщающего элемента мы вынуждены брать из предшествующего текста. А неполнота равноправных компонентов обусловлена пропуском именной части обобщающего элемента ***распоряжения.***

Все V *ему достанется: и* V *после старика, и* V *после брата.*

В данном случае имеет место пропуск повторяющейся именной части (например, *наследство*) обобщающего элемента и в равноправных компонентах, и в обобщающем элементе.

Сравните:

Все наследство** ему достанется: **и наследство после старика, и наследство после брата.

Такие предложения несут оттенок и семантической неполноты, так как, не привлекая предтекст, мы не можем точно определить, какое слово автор пропустил.

Таковы в целом три типа структурной неполноты компонентов сочинительной конструкции и их наиболее распространенные разновидности, которые затрудняют выделение обобщающего элемента и определение его синтагматических границ.

---

* Здесь, принимая во внимание учение Н. Д. Арутюновой о предложениях «бытийного типа» [2, с. 33], необходимо заметить, что глагол *окружать* в данном контексте «реализовывает идею существования», соединяя в своем лексическом значении семы «существования» и «окружения». Поэтому, восстанавливая структуру обобщающего элемента, мы можем дополнить ее собственно бытийным глаголом *есть* в соответствующей форме прошедшего времени: *Были, однако ж, и у меня иные времена, окружали меня иные люди – всё было иное!*

1. Антонова Т. И. Неполные предложения в современном русском языке. Автореф. дис. … канд. филол. *наук.* – Магнитогорск, 1959.
2. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: Структура и значение. – М., 1983.
3. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: В 3 ч. – М., 1987. Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация.
4. Валимова Г. В. О синтагматических отношениях предложения // Синтагматика и парадигматика грамматических единиц в русском языке: Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д., 1981. С. 3–12.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.
6. Троицкий Е.Ф. Компоненты сочинительной конструкции и их отношения. – Смоленск, 1987.

О.В. Игнатенкова

ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ АНАФОРЫ В СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Анафорические отношения находятся в центре внимания в основном иностранных лингвистов (Corblin F., Kleiber G.(Клейбер), Reichler-Beguelin M.-J. (Реклер-Беглен), Перре М., Вильме М. и др.). Авторы, занимающиеся рассмотрением анафорических отношений, ограничиваются лишь констатацией факта существования анафоры. Белее детально ассоциативная анафора анализировалась французскими учеными М. Шароллем и Ж. Клейбером. Среди отечественных лингвистов анафорические отношения исследовали В.Г. Гак, В.В. Бекзенкова, Е.В. Падучева, Л.Н. Смирнова, А.С. Чехов, А.А. Кибрик, С.А. Шувалова и другие лингвисты на материале английского, французского, немецкого, русского и др. языков. Так, Бекзенкова Валерия Викторовна в своей кандидатской диссертации «Ассоциативная анафора в тексте на материале французского языка» (1999 год) исследует ассоциативную анафору и выделяет 6 типов – метонимическая, гиперонимическая, соподчинительная, синонимическая, антонимическая и особо выделяет синтагматическую анафору. С.А. Шувалова анализирует местоположение анафорического элемента и возможности его перемещения в составе второй части сложносочиненных предложений [1].

Анафора чаще всего находится во второй части ССП (сложносочиненного предложения), в первой части расположен антецедент. В большинстве случаев анафора выражена местоимением (личные: *я, ты, он, мы, вы, они*; указательные: *этот, тот (та)*; притяжательные: *ее, его, их, свой*; относительное – *сам*), а также существительными (иногда с зависимыми словами), наречиями (*там, тут, туда, оттуда*).

Как известно, местоимения не называют, а лишь указывают на что-то или кого-то. Поэтому если мы, например, читаем

*... длинные тени **от них** тянулись по лугу,*

то невольно задаемся вопросом, от чего? (кого?) *тянулись тени*. Ответ найдем в 1-ой части предложения.

*Везде стояли <u>копны</u>, и длинные тени **от них** тянулись по лугу.*

То есть анафора *от них* отсылает нас в первую часть предложения к антецеденту *копны*. Иногда анафора отсылает нас в предыдущее предложение или дальше – в другой абзац и дальнейший предтекст.

*Несмотря на жаркую погоду, <u>Федот</u> заявился в коричневой кожанке и сизой каракулевой папахе, молодцевато заломленной набекрень. На правом боку **его** болтался маузер в деревянной кобуре, на левом – весело позванивала о зубреное стремя серебряная офицерская шашка.*

Федота и его бойцов застал он в просторной кухне за завтраком.

Он подтянул седельные подпруги, взнуздал коня и стал выводить его из-под сарая.

*Хозяйке же фельдшер приказал поить больного малиновым отваром, а на ночь поставить **ему** горчичники.*

Таким образом, анафора связывает части сложного предложения, отдельные предложения между собой, части текста или однородные члены в простом предложении. Анафора необходима для связи суждений. Текст не может обойтись без ретроспекции и проекции в линейном развернутом тексте [5].

Мы задались вопросом, для чего нужна анафора? И провели эксперимент: что получится, если убрать анафору? Обязательно ли она нужна?

Оказалось, что в одних случаях анафора обязательна, в других – формально можно ее опустить, но все равно она несет определенную смысловую нагрузку или выполняет другие функции.

Анафора может быть самостоятельным членом предложения (как главным, так и второстепенным) или входить в его состав [1]. В соответствии с этим мы разбили все сложносочиненные предложения (ССП) на 2 группы.

Первую группу составляют сложносочиненные предложения, в которых анафора является подлежащим и соответственно убрать ее нельзя, так как в противном случае происходит изменение коммуникативной установки высказывания, структурные изменения предложения.

Часто в примерах, где анафора выражена местоимением ***это***, она отсылает нас ко всей первой части ССП:

*Кто-то распорядился вдобавок погасить электрические фонари, и **это** еще больше усилило общее смятение.*

Анафора, выполняющая роль подлежащего, может быть выражена **существительным + мест. *это*** *(этот)*. Здесь большую смысловую нагрузку несет именно местоимение ***это***. Без него предложение двусмысленно. Ср.:

*Впервые он узнал власть воспоминаний, и **открытие это** его поразило.*

*Впервые он узнал власть воспоминаний, и **открытие** его поразило.*

*Впервые он узнал власть воспоминаний, и **это** его поразило.*

Анафора может сочетаться с повтором:

*Целую треть своей жизни он провел вдали от нас, и **эта** треть была исполнена необыкновенного содержания.*

В некоторых случаях, если убрать анафору-подлежащее, то изменяется структурно-семантическое членение предложения. Ср.:

То, что они услыхали, было горькой правдой, и ***это*** *заставило их шевелить мозгами.*	*То, что они услыхали, было горькой правдой, и заставило их шевелить мозгами.*

Устранение анафоры делает второе предложение неполным:

У нас бы такую бабу никто замуж не взял, а у них ***она*** *на вес золота ценится.*	*У нас бы такую бабу никто замуж не взял, а у них на вес золота ценится.*

В некоторых случаях анафора **имплицитно выражена:**

*Он не торопясь вышел на кухню, но булочника (**там** – И.О.) уже не было.*

*Добрую половину нашей Родины враги поделят между собой, а на другой (**половине** нашей Родины – И.О.)посадят на спину народа помещиков и капиталистов.*

В некоторых предложениях убрать анафору нельзя, потому что нарушается структура предложения:

*Его ичиги взбивали серую пыль, и **она** оседала на свежую зелень обочины, на головки лесных цветов...*

*Я Ромке Улыбину по гроб жизни обязанный, а ведь **он**, так и знай, в красных.*

Вторую группу составляют предложения, в которых анафора не является подлежащим.

Учение о второстепенных членах предложения тесно связано с учением о словосочетании. Это разные синтаксические категории, но они пересекаются друг с другом. Компоненты словосочетания, становясь членами предложения, подчиняются его строю и его семантике.

В некоторых примерах нельзя убрать анафору, так как части сложного предложения получаются не связанными по смыслу:

В обмелевшей Москве-реке плескались маленькие дети, и голоса ***их*** *пронзительно грустно звучали в тишине ...*	*В обмелевшей Москве-реке плескались маленькие дети, и голоса пронзительно грустно звучали в тишине ...*
В это время подоспели телохранители, и женщина забилась у ***них*** *в руках.*	*В это время подоспели телохранители, и женщина забилась в руках.*

Часто анафора служит для конкретизации чего-то:

*Рука сидевшего направо была волосатой, и на пальцах **ее** кустились волосы.*
*Казаки такие же люди, как и все, и нечего **им** на особом положении быть.*

В некоторых предложениях нельзя убрать анафору, так как не будет насыщена валентность одного из слов предложения:

*Печорин в задумчивости не сводил с нее глаз, и она частенько исподлобья **на него** посматривала.*
*Это все богачи отличаются, а глядя **на них**, и остальные туда же лезут* (в деепричастном обороте).

В данных примерах анафора входит в состав словосочетаний как зависимое слово. Словосочетания используются в коммуникативной функции лишь в составе предложения и именно в составе предложения реализуют свои возможности; вступают в связи и отношения с другими словами и словосочетаниями. Конкретные словосочетания существуют только в предложении и строятся в процессе коммуникации. Их конкретное лексическое наполнение всегда привязано к предложению.

Объектные отношения свойственны, прежде всего, словосочетаниям с глаголом, требующим распространения, например, винительным падежом объекта:

*Ромку, может, только ранили, а ты **его** бросил.*

В этих словосочетаниях глагол обозначает действие, состояние, восприятие, чувствование, а зависимое слово – объект этого действия, восприятия, чувствования.

Объектные отношения возникают при сочетании глаголов разных семантических классов с зависимыми словами разных падежей (с предлогами и без них) [2], например, с дательным лица или предмета, к которым направлено действие:

*Мужика окружили, но подступиться **к нему** боялись.*

К третьей группе мы отнесли предложения, в которых благодаря анафоре первая часть ССП полностью включается во вторую часть:

Ты рядом со мной, Саня, и этого мне достаточно.

Под словом «этого» понимается содержание предложения «Ты рядом со мной, Саня».

В некоторых ССП без анафоры теряется какое-то значение (причины, следствия, времени и т.д.), т.е. анафоричное слово подчеркивает определенное значение в предложении:

*Голова его была острижена наголо, и **от этого** лицо казалось еще более скуластым.*

*Всадники умчались в степь, и **оттуда** вскоре послышались выстрелы.*

*У него слетела фуражка, и **в это время** дрезина нырнула во вторую выемку.*

Таким образом, анафорическая связь тесно связывает части ССП (синтаксической конструкции), она структурно и семантически необходима, позволяет избегать частых повторов. Невозможно заменить или опустить анафору, которая отсылает к целому простому предложению в составе сложносочиненного. Анафора конкретизирует. Анафора является неотъемлемой частью предложения.

Анафорическая связь играет важную роль в организации предложения. А там, где нет союза (в бессоюзных сложных предложениях) она является очень важным средством связи частей сложного предложения.

---

1. Шувалова С.А. О порядке слов с сложносочиненных предложениях (местоположение анафорических и вторых союзных элементов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М., 1978.
3. Бекзентеева В.В. Ассоциативная анафора в тексте на материале французского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999.
4. Страшнова Н.В. Сложносочиненные предложения с референтно тождественными подлежащими в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1988.
5. Варнаева А.Е. Значение и функции союза «не только ... но и» в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2000.

Л.Г. Каткова

СИСТЕМА ШКОЛЬНОЙ ОРФОГРАФИИ

Одной из важнейших целей обучения русскому языку в современной школе является формирование у учащихся прочных орфографических умений и навыков. Достижение этой практической цели зависит от решения кардинальных вопросов методики орфографии:

1) содержание работы по орфографии в школе;

2) лингвистические основы изучения правописания;

3) место орфографии в школьном курсе русского языка.

В школьном курсе русского языка орфографический материал размещён при изучении фонетики, лексики, словообразования и грамматики. Параллельное изучение орфографии с самостоятельными разделами языка считается наиболее целесообразным, поскольку обусловлено особенностями самого русского правописания. Однако при таком порядке построения орфографии школьники не осознают её закономерности, системности её понятий и правил, что тормозит развитие у учащихся орфографической зоркости.

Лингвисты (Н.М. Петерсон, А.Б. Шапиро, Д.Н. Ушаков, А.Н. Гвоздев, Д.Э. Розенталь и др.) и методисты (М.В. Ушаков, Н.С. Рождественский, Н.Н. Алгазина, М.Т. Баранов, М.М. Разумовская и др.) помогают школе в решении проблемы овладения учащимися системой орфографических знаний. Анализ учебников по русскому языку[1] и методических исследований[2] позволяет выделить следующие понятия в системе школьной орфографии: написание, орфограмма, неорфограмма, ошибка, тип орфограммы, вид орфограммы, проверяемая орфограмма, непроверяемая орфограмма, условия выбора написания, опознавательные признаки орфограмм, орфографическое правило, орфографический словарь.

Рассмотрим основные орфографические понятия.

1. Центральным понятием, определяющим сознательное усвоение правописания, является понятие об **орфограмме**. Существует методическое определение орфограммы. Орфограмма – это то или иное место в слове, которое может быть изображено разными способами, но для которого существует один правильный способ, соответствующий орфографической норме. Например, в слове *тянуть* возможны три варианта написания: *т(и,е,я)нуть*, в слове *мотор* – два варианта написания: *м(а,о)тор*. Правильный же способ написания только один: тянýть – тя́нет, мотóр. В слове *тянуть* – проверяемая орфограмма, в слове *мотор* – непроверяемая орфограмма.

Школьникам целесообразнее дать такое определение орфограммы. Орфограмма – это написание по правилу или по традиции. В словах, где отношения между звуками и буквами однозначны, орфограммы нет: *мир, дом, стол* и др.

2. Понятие «орфограмма» противопоставляется понятию **орфографическая ошибка,** эти понятия находятся в антонимических отношениях. Орфограмма – выбор правильного написания, ошибка – выбор ненормативного написания. Например, в слове *решённый* правильное написание – это норма; в слове *решённый* неправильное написание – это ошибка. Перед пишущим постоянно возникает проблема выбора – выбора между орфограммой и ошибкой.

3. В классификации типов орфограмм используются буквенные и небуквенные графические средства. Выделяются следующие **типы орфограмм**: орфограмма-буква (тяжёлый); орфограмма-дефис (из-за, по-прежнему, куда-нибудь); орфограмма-пробел используется при раздельном написании (на миг,

без устали, обыкновенно полезный); орфограмма-контакт – при слитном написании (впоследствии, межнациональный, стереомузыка, нездоровится); орфограмма-черточка – при переносе слов с одной строки на другую.

4. В программах и учебниках перечисляются **виды орфограмм**, т. е. названия отдельных орфограмм, в которых отражается правописная норма и её место в слове. Например, в словах *ткацкий* и *киргизский* буквы **к** и **ск** в суффиксах есть орфограммы. Называется эта орфограмма так: «Различение на письме суффиксов прилагательных **-к** и **-ск**». Названия видов орфограмм являются заглавиями орфографических правил. Всего в школе изучается 70 видов орфограмм: 25 – в V классе; 23 – в VI и 22 – в VII. Система изучаемых орфограмм представлена в учебниках (на форзацах), все орфограммы графически обозначены. Приведём пример:

Употребление **ь** на конце существительных после шипящих.

Рожь (III скл.); *грач, без туч* (не III скл.).

5. **Орфографическое правило** представляет собой особую инструкцию, в которой зафиксированы **условия выбора орфограмм**, связанные с языковыми особенностями слов: фонетическими, семантическими, структурными, морфологическими и синтаксическими. Не все перечисленные условия входят в конкретное орфографическое правило. Например, выбор букв **о** и **е** после шипящих в суффиксах существительных регулируется следующим правилом: «В суффиксах существительных после шипящих под ударением пишется **о**, без ударения – **е**». В это правило входят фонетические (ударение, положение гласных после шипящих), структурные (положение орфограммы в суффиксе), морфологические (часть речи) условия. Условия выбора орфограмм обозначаются графически, при этом они могут находиться в самом слове – *предполагать* или быть за пределами слова – *дышит (дышать) – II спр., искл.*

6. **Опознавательные признаки орфограмм** – это точки применения правил, приметы, по которым учащиеся опознают тип орфограмм. В учебниках русского языка представлена обобщающая таблица опознавательных признаков. Для орфограмм – гласных букв – приметами являются *безударность* гласной (поéхать, кóжаный) и *положение гласной после шипящих* и **ц** (жёлтый, волчóк, цирк); для орфограмм – согласных букв – *конец слова* (лёд, стриж); *стечение согласных* (местный, сказки); **н** *перед гласными в конце слова* (лебединый, лиственный) и т.д.

По сходству в опознавательных признаках орфограммы объединяются в группы. Например, гласные в разных частях слова после *шипящих*; употребление букв **ъ** и **ь**; **н** и **нн** во всех частях речи; **не** с разными частями речи и др. Знание учащимися опознавательных признаков орфограмм обеспечивает сознательное отношение к орфографии, понимание лингвистической природы написаний, выработку навыков грамотного письма.

Школьный **орфографический словарь** – пособие для учащихся, задача которого – приучить школьников пользоваться справочником и обучить их самостоятельно пополнять знания о русском языке.

В настоящее время в школе принят «Орфографический словарь» Д.Н. Ушакова и С.Е. Крючкова, в котором расположено свыше 11 тыс. слов без орфографических пояснений. Этот справочник отвечает на вопрос, **как** пишется то или иное слово, в нём зафиксированы нормы правописания.

В 1994 г. вышел «Школьный орфографический словарь русского языка» М.Т. Баранова. Это новый тип орфографического словаря, пояснительный, который отвечает на два вопроса: **как** пишется слово и **почему** оно так пишется. В словаре показаны условия выбора орфограмм, которые имеются в слове. Работа с пояснительным словарём развивает у школьников умение обосновывать правильное написание, что способствует формированию их грамотности.

Представленная **система орфографических понятий** составляет теоретическую основу обучения орфографии. Овладение учащимися орфографическими нормами находится в прямой зависимости от осознания ими системного характера русского правописания.

---

1. Русский язык: Учебник для V кл. общеобразоват. учреждений / Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л.А. Тростенцова и др. – 29-е изд. – М.: Просвещение, 2002; Русский язык: Учебник для VI кл. общеобразоват. учреждений / М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова и др. – 24-е изд. – М.: Просвещение, 2002; Русский язык: Учебник для VII кл. общеобразоват. учреждений / М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова и др. – 25-е изд. – М.: Просвещение, 2003.
2. Алгазина Н.Н. Предупреждение орфографических ошибок учащихся V-VIII классов. М.: Просвещение, 1965; Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Львов М.Р. и др. Методика преподавания русского языка. – М.: Просвещение, 1990; Баранов М.Т., Иваницкая Г.М. Обучение орфографии в IV-VIII классах. – Киев, 1987.

В.С. Ковалева

О СОЮЗНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ С ЭЛЕМЕНТОМ «ЕСЛИ» НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ

Приметой нашего времени являются довольно активные изменения, происходящие в публицистическом стиле. В связи с этим В.В. Колесов пишет: «Изменяется... материальная основа существования литературного языка: образцовым текстом становится не только художественный или деловой, как прежде, но и научный, *теперь – публицистический* (курсив наш. – В.К.) и т.п.» [1. С. 15].

Видимо, не будет преувеличением констатация того факта, что в ближайшем будущем именно публицистический стиль станет «законодателем моды». Именно здесь в настоящее время происходят существенные языковые изменения, здесь рождаются многочисленные варианты вследствие влияния других стилей, прежде всего разговорного, на публицистический стиль. Опираясь на анализ процессов, происходящих в этом стиле, языковедам еще предстоит сделать выводы о намечающихся тенденциях в развитии языковой нормы.

В последнее время в публицистическом стиле довольно активно используются конструкции, включающие в свой состав союзные образования, одним из элементов которых является звуковой комплекс «если».

Нам представляется, что частое обращение авторов к данным конструкциям связано с особым вниманием к аналитическим жанрам публицистики: различным прогнозам (от политических до погодных); шутливым и мистическим предсказаниям и т.п. Например, в «Российской газете» (18.10–25.10.2003) читаем:

«*Если* до этого все сводилось к срочной финансовой помощи терпящему бедствие региону, аварийной штопке труб спасателями МЧС, *то* с завершением последнего отопительного сезона стала вырисовываться другая позиция федеральной власти» («Ударим референдумом по холодным батареям»);

«Кстати, *если* кому-то взбредет в голову в этот день лезть на дерево, *то* не забудьте проверить зимние запасы белок. Обнаружив несметные залежи грецких или лесных орехов, начинайте готовиться через пару недель к морозам и снегу» («На севере снег, на юге солнце»).

Анализ конструкций, отобранных из публикаций центральных и региональных средств массовой информации, показывает, что самым употребительным из союзных образований, рассматриваемых нами, является союз **«если..., то»:**

«*Если* судить по вашим словам, *то* вы должны дневать и ночевать на работе?» («Российская газета». 18.10–25.10.2003);

«И *если* сделка состоится, *то* это будет самый крупный инвестиционный проект в истории нашей страны» («Комсомольская правда». 16.09.2003);

«И *если* регионы их (денег. – В.К.) не найдут, *то* будут не такими «белыми и пушистыми», как правительство, а крайними?» («Смоленские новости». 17.09.2003);

«*Если* диплома нет, *то* питомца могут забрать в приют» («Никольское кольцо». 14.10.2003);

«*Если* правила будут соблюдаться, *то* ущерба весенняя охота не приносит» («Возрождение». апрель 2003 года);

«И *если* на европейских, залитых солнцем полях иные сорта пшеницы способны давать урожай по десять тонн зерна с гектара, *то* не факт, что и на наших почвах заграничное зерно порадует земледельцев невиданным урожаем» («Тюменские известия». 18.10.2003).

Сделаем оговорку, что на этапе отбора языкового материала мы не ставили перед собой задачу анализа отношений в конструкциях с союзом «если…, то».

На втором месте по степени употребительности стоят конструкции с союзом **«если»**, например:

«*Если* изменения будут приняты, гражданин должен будет указать лишь сумму и источник дохода» («Никольское кольцо». 14.10.2003);

на третьем – конструкции с союзным образованием **«если…, значит»**. Как правило, данное союзное средство используется в предложениях, взятых из развлекательных материалов (анкеты, тесты, гороскопы), например:

«*Если* Вы сейчас читаете эту статью, *значит*, Вы пробовали разные новомодные диеты…» («Никольское кольцо». 14.10.2003).

«Русская грамматика» приводит перечень союзных образований с элементом «если», включающий 42 союзных средства [2. С. 682]. В отобранных нами примерах мы обнаружили следующие:

«*Если же* говорить о защите от остальных ОРВИ, *то* все эти меры являются хорошим и доступным способом профилактики» («Комсомольская правда». 3.10 – 10.10.2003);

«Частных предпринимателей сейчас пруд пруди, но *если* вы решили пополнить их ряды – *вот* вам руководство к действию» («Комсомольская правда». 3.10 – 10.10.2003);

«*Если бы* не она, я бы, возможно, в себя не поверила» («Комсомольская правда». 3.10 – 10.10.2003);

«Получается, *даже если* зреющее в сердцах рядовых партийцев несогласие со списочной линией КПРФ и не выльется в разгон капиталистов, *то все равно* приведет к грандиозному скандалу и серьезному расколу внутри партии» («Труд». 11.10.2003);

«А еще они спрашивали: *если* в городе нет серийных убийств, *тогда* почему то тут, то там появились женские трупы?» («Смоленские новости», 17.10.2003);

«Но *даже если* их и один процент, *так* кто-то активничал за режим, а кто-то – против режима» («Правое дело», 25.09.2003);

«*Хорошо, если* девчонки не ломаются, а пытаются найти себя в другой области, как это получилось у Маши» («Комсомольская правда», 3.10–10.10.2003).

Мы отдаем себе отчет в том, что более объективную картину способны представить не три сотни примеров, а материал, значительно превышающий этот объем. Однако и на основании наших наблюдений можно сделать вывод, что приведенный «Русской грамматикой» перечень можно дополнить такими союзными образованиями, как «если же…, то», «если…, вот», «даже если…, то все равно».

Встречаются в рассматриваемом иллюстративном материале примеры, типичные для рекламных материалов. В таких примерах элемент «если» может быть многократно повторен (сохраняем орфографию и пунктуацию рекламного материала. – В.К.), например:

«Теперь в течение всего лишь нескольких недель Вы сможете похудеть, *даже*:

– *Если* Вам нужно исправить фигуру на несколько килограммов;

– *Если* у Вас нет времени и средств на диеты и упражнения;

– *Если* ожирением Вы страдаете с детства;

– *Если* к ожирению у Вас есть генетическая предрасположенность и Ваш случай Вы считаете особенным;

– *Если* Вы набрали лишний вес после родов;

– *Если* Вам необходимо похудеть на 30 – 50 – 70 килограммов, и Вы уже ни во что не верите» («Никольское кольцо», 14.10.2003).

Сделаем оговорку, что как бы ни были интересны и показательны примеры отдельных построений, включающих союзные образования с элементом «если», все-таки нельзя обойтись без обращения к более широкому контексту, в котором интересующие нас конструкции представлены.

Так, в материале Е. Анисимова «Ворон ворону глаз не выклюет» («Комсомольская правда», 16.09.2003) используется семь предложений с союзным элементом «если». В начале заметки: «Напомню суть. Ранним-ранним майским утром или, *если* хотите, поздней-поздней ночью милицейский патруль увидел на улице возле ночного клуба троицу мужчин». Ближе к концу материала: «С другой стороны, возникает вопрос, а с чего бы это милиционеры так легко пошли на мировую, *если* они во всем правы? Какое, простите, может быть примирение сторон, *если* милицию избили при исполнении служебных обязанностей?!». И, наконец, последний абзац, заслуживающий осо-

бого внимания с точки зрения стилистики: «Примирение возможно, *если* у обеих сторон рыльце в пуху, во-первых. Во-вторых, *если* на одной из чашек весов у слепой Фемиды оказалась такая толстая пачка денег, что перевесила показания патрульных. Ведь *если*, как говорят, депутатский мандат стоит от полутора миллионов долларов, *то разве* можно позволить каким-то сержантам перечеркнуть такие инвестиции?! Вот *если бы* это были полковники...».

Мастерское владение пером позволило автору использовать элемент «если» и во вводной конструкции (см. приведенный нами первый отрывок материала), и в придаточных условных предложениях, которые подчеркивают синтаксический параллелизм рядом стоящих предложений – риторических вопросов (второй отрывок заметки), и в парцеллированной конструкции (начало последнего абзаца заметки), и при построении предложения в так называемом желательном наклонении (последнее предложение). Разнообразные стилистические приемы сделали «ненавязчивым» использование автором элемента «если»

Отметим также, что, с точки зрения стилистики, среди примеров союзных образований с элементом «если», приводимых «Русской грамматикой», есть и стилистически нейтральные, и имеющие книжную окраску, и разговорные.

В нашем материале абсолютное большинство примеров союзных образований с элементом «если» стилистически нейтрально, что подтверждает сделанные В.В. Колесовым предварительные выводы из наблюдений за языковыми процессами современности: «Зеркальным образом переменилось и соотношение между нормой и стилем: нормативным стал стилистически нейтральный элемент системы» [1. С. 20].

---

1. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999.
2. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. – М., 1980.

А.В. Королькова

АФОРИСТИКА ПОЭТОВ «СМОЛЕНСКОЙ ШКОЛЫ» (ИСАКОВСКИЙ, ТВАРДОВСКИЙ, РЫЛЕНКОВ)

Афоризмы принято рассматривать и как особый жанр литературы, и как лингвистическое явление.

По литературоведческой традиции поэтами «смоленской школы» именуются М.Исаковский, А.Твардовский, Н.Рыленков и некоторые современные поэты, продолжающие их традиции. Однако в данной работе представлены афоризмы только М.Исаковского, А.Твардовского, Н.Рыленкова.

Поэты «смоленской школы» не писали книг афоризмов, не было у них отдельных афоризмов и афористических высказываний, намеренно оформленных как таковые. Все представленные афоризмы извлечены из текстов художественных и публицистических произведений. По вопросу об извлечении из текстов афоризмов в современных литературоведческих и лингвистических исследованиях присутствует множество противоречивых суждений. Производя выборку для созданного нами (в авторском коллективе[1]) «Словаря афоризмов русских писателей», мы руководствовались следующим.

Во-первых, афоризмом мы считаем краткое изречение, в котором в лаконичной, художественно заостренной форме излагается обобщенная мысль. Афоризм выявляет общее и типическое в действительности, хотя зачастую строится по формуле «обманутого ожидания», оказываясь парадоксальным. В.И.Даль, предлагая в своем «Живом великорусском словаре» определение афоризмов, справедливо отмечал, что «афоризм – короткое и ясное изречение, правило, основанное на опыте и рассуждении; отрывочное, но полное по себе положение»[2]. В словаре М.И.Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» термин *афоризм* объясняется следующим образом: «краткие, отдельные изречения, отрывочные, без внутренней связи между собою»[3]. Действительно, отдельные неафоризмы не связаны между собою, однако, по наблюдениям авторов монографии «Афористика»[4], тематика афоризмов остается примерно одной и той же на протяжении столетий. В этом нет ничего удивительного, так как круг вопросов, волнующих человечество в глубоком прошлом и в современности, остается одним и тем же.

Во-вторых, афоризмы извлекались из текстов не произвольно, не по личным впечатлениям авторов словаря. Принципом вычленения афоризма из текста стало наличие так называемых ключевых слов. Ключевые слова, или слова-концепты – это своеобразная концептуальная основа, на которой строится все высказывание. Они являются основой афоризма. Мы можем утвер-

ждать, что ключевые слова в афоризмах являются действительно словами-концептами, так как они прямо соотносятся по тематике с основными словами фразеологических единиц русского языка. Данное утверждение основывается на проведенном исследовании, в ходе которого произвольно брались афоризмы любого автора из созданного словаря и подбирались фразеологические единицы, соотносительные с афоризмами по тематике. (Материалом для исследования послужил созданный нами в авторском коллективе «Словарь фразеологизмов современного русского литературного языка»[5]). Если сравнить семантические поля и тематические группы, образуемые и афоризмами, и фразеологизмами, они оказывается практически одинаковыми и охватывают самые важные для современного человека семантические поля. Оказалось, что в 90 % случаев ключевые слова афоризмов и темы афоризмов совпадают. Это наблюдение представляется нам весьма примечательным, так как все же существует большое различие в структуре афоризмов и фразеологических единиц. Ведь афоризм – это высказывание, суждение, представляющее собой одно или ряд предложений, а фразеологизм – понятие, являющееся по структуре чаще всего словосочетанием, в крайне редких случаях (фразеологизированные обороты) – предложением.

Афористика поэтов «смоленской школы» близка по тематике. Затрагиваются темы родины, любви, дружбы, малой родины, поэта и поэзии; своеобразно раскрываются темы старости и молодости, глупости и пр. В качестве примера представим выборку афоризмов М.Исаковского, Н.Рыленкова, А.Твардовского. Ключевые слова в афоризмах выделены курсивом.

Михаил Исаковский

И что положено кому –
Пусть каждый *совершит*.

* * *

Идея поэтического произведения – это основной замысел поэта, это то главное, что хочет сказать поэт своим произведением, ради чего он пишет.

* * *

Лучшими произведениями *поэзии* неизменно являются те, которые написаны простым и понятным *языком*.

* * *

Люби ж, покуда любится,
Встречай, пока встречается.

* * *

Материальные условия, среда, социальный строй – все это действительно имеет решающее значение при формировании *человеческого характера*...

* * *

Музыка – это то, что с помощью мелодии устанавливает особый контакт между человеческим сердцем и поэтическим словом.

* * *

Мы всегда должны помнить, что *песня* – это наиболее массовый, наиболее народный, наиболее действенный вид нашей поэзии...

* * *

Написать хорошее *произведение* случайно невозможно.

* * *

Народный – это очень большое *слово*, и надо подходить к нему с уважением...

* * *

О *кругозоре поэта* можно и нужно судить по глубине, по значимости его поэтической мысли, а отнюдь не по количеству тем...

* * *

Поэзия представляет собой явление общественного порядка. Она существовала и существует наряду со многими другими общественными явлениями. Она никак не изолирована от них. Наоборот, она тесно связана с ними.

* * *

Поэт – это носитель и творец духовной культуры народа...

* * *

Русская *поэзия*, как в наши дни, так и в те, что придут за ними следом, еще не один раз скажет свое могучее *слово* – слово, достойное нашего времени и нашего народа.

* * *

Только сам *народ* может определить судьбу той или иной песни.

* * *

У человека, плохо знающего язык, мысли неизбежно будут неясными, неглубокими, бедными. *Богатство языка* – это богатство мыслей.

* * *

Фольклор никогда не создается сразу, то есть никогда не создается как бы преднамеренно.

* * *

Николай Рыленков

Бессмертно –
творчество людей.

* * *

В ржаной ковриге скрыта
Всей доброты земной *душа*.

Святая *мудрость* землепашца
В ней навсегда воплощена.

* * *

В юности мы спрашивали часто:
На какой тропе искать нам счастья?
И постигли, побродив по свету,
Что особых троп у *счастья* нету.

* * *

Всю *жизнь* влечет вперед круговорот времен,
Зимою ждешь весны, весною просишь лета.
И говоришь всегда, часов заслыша звон,
Что песня лучшая твоя еще не спета.

* * *

И всегда, цела и невредима,
Сыновей бессмертьем наделя,
Ты вставала из огня и дыма,
Русская земля!

* * *

И я сказал: не так ли и *людей*
Мы оживляем теплотой своей,
Сокрытые в них силы умножаем,
Чтоб каждый мог принесть посильный плод
И мы средь человеческих забот
Могли своим гордиться урожаем?

* * *

Как жалко мне *людей*, про которых
Говорят, что угрюмый их глаз
Видит лишь водоемы в озерах,
А в лесу древесины запас.

* * *

Когда тебе в *беде* изменит друг,
Не говори: «Я в дружбе разуверен»,
Но оглянись внимательней вокруг
И всю *любовь* отдай тому, кто верен!

* * *

Мой друг, не надо опытом кичиться,
На нем всегда минувшего печать,
Мудрец не тот, кто любит поучать,
А тот, кто сам не устает учиться.

* * *

О, кто дорог твоих, *Россия*,
Найдет начала и концы!

* * *

Постоянство в *любви* – это зрелости первое правило,
Равновесье надежное замыслов наших и сил.

* * *

Смерть не страшна. *Безделье* хуже смерти,
С тоской не разлучается оно.

* * *

Счастье – непредвиденный заране
Огонек, мерцающий в тумане,
В знойный полдень родничок студеный,
Путь далекий, до конца пройденный.

* * *

Счастье юности самозабвенно,
Как биение двух сердец.

* * *

Угостить *друзей* – завидный жребий,
Без друзей и полный дом постыл.

* * *

Умей *слова* ценить, как семена,
Чтоб не посеять тощего зерна,
Чтоб васильки не заглушили злаков.

* * *

Что *тоска*? Ночная птица!
Отогнал – летит опять.

* * *

Александр Твардовский

А всего иного пуще
Не прожить наверняка –
Без чего? Без *правды* сущей.
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

* * *

Болтливость – старости сестра...

* * *

В *дружбе* есть святая проба,
Есть заветная статья:

Если мы друзья до гроба –
И за гробом мы друзья.

* * *

В жизни многих *людей* – отдают или не отдают они себе в этом отчет – бывает, особенно в молодости, такой шаг, поступок, сознательное проявление воли или просто душевного порыва, что как-то вдруг обнаруживает до времени скрытую даже для самих себя их определяющую нравственную черту. И на все остальные годы человека этот шаг или поступок становится горьким и постыдным знаком его слабости, либо знаком чести и мужества, освещающим дальнейший его путь и способным придать ему силы, укрепить чувство достоинства в любых испытаниях и превратностях судьбы.

* * *

Верю я в закон могучий,
Что на свете не избыт:
Друг мой, *смерть* нас не разлучит,
Если *жизнь* не пособит.

* * *

Во имя *счастья* всех людей
Полны мы воли непреклонной –
В годах, в веках сберечь наш день,
Наш мирный день, июнь зеленый.

* * *

Война – жесточе нету слова,
Война – печальней нету слова.
Война – святее нету слова
В тоске и славе этих лет.

* * *

Все есть *слова* – для каждой сути,
Все, что ведут на бой и труд,
Но, повторяемые всуе,
Теряют вес, как мухи мрут.

* * *

Все сущие народы,
Благословите светлый час!
Отгрохотали эти *годы*,
Что на земле застигли нас.

* * *

Все, что на свете сделано *руками*,
Рукам под силу обратить на слом.
Но дело в том,
Что сам собою камень, –

Он не бывает ни добром, ни злом.

* * *

Всех привычек *перемена*
Поначалу тяжела.

* * *

Гений – это, как говорится, и есть нормально развившийся разум, то есть то, что и должно быть, чему и удивляться не надо, а удивляться надо как раз не гению, то есть ненормально, неполно, однобоко развившемуся разуму.

* * *

Года обязывают строже,
О прежних вспышках не жалей.
Не шутка быть себя моложе,
Труднее быть себя зрелей.

* * *

Гори вовеки негасимо
Тот добрый *жар* у нас в груди –
И все нам в пору, все по силам,
Все по плечу, что впереди.

* * *

Города сдают *солдаты*,
Генералы их берут.

* * *

Да, есть *слова*, что жгут, как пламя,
Что светят вдаль и вглубь – до дна,
Но их подмена словесами
Измене может быть равна.

* * *

Духовная сила *народа* способна поэтически сказаться не только и, может быть, даже не столько в песне торжества и победы, но и в песне горя и скорбного гнева, в котором – бессмертие и непобедимость народа.

* * *

Есть *горе* души одинокой,
Есть горе друзей и родни.
Живет оно в сердце до срока
Хотя бы и долгие дни.

* * *

Есть *имена* и есть такие *даты*, –
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты, –
Не замолить по праздникам вины.

И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.

* * *

Жесткие *сроки* – отличные сроки,
Если иных нам уже не дано.

* * *

Живая душа *народа*, неотъемлемая часть нашего сознания, можно даже сказать, часть самой нашей действительности, он заполняет собою наше воображение.

* * *

За свое в ответе,
Я об одном при *жизни* хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

* * *

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой *отчизне*
С честью дальше служить.

* * *

И даром думают, что *память*
Не дорожит сама собой,
Что ряской времени затянет
Любую быль,
Любую боль...

* * *

И званье матушки носила
В пути своем не век, не два –
На то особые права –
Она,
Да *матушка-Россия*,
Да с ними *матушка-Москва*.

* * *

И *памятью* той, вероятно,
Душа моя будет больна,
Покамест бедой невозвратной
Не станет для мира война.

* * *

И *Россия* – мать родная –
Почесть всем отдаст сполна.

* * *

Иго *старости* опустошает душу и низводит человека до уровня биологического вида тогда, когда он переживает самого себя, то есть утрачивает интерес к безостановочному развитию жизни, к лучшим стремлениям новых поколений, не видит в них продолжения порывов своей наиболее деятельной поры.

* * *

Избыток *лет* бесповоротных
Не лечит слабостей иных...

* * *

Искусство мстительно. Оно жестоко расправляется с теми художниками, которые вольно или невольно изменяют его основным законам – законам правды и человечности.

* * *

Как бы ни был труден путь,
Боль и холод, дождь и ветер
И иное что-нибудь –
Вроде снега, вроде стужи, –
И тогда нельзя тужить.
Будь с веселой *шуткой* дружен,
С грустью незачем дружить!

* * *

Как дорог мне в родном *народе*
Тот молодеческий резон,
Что звал всегда его к свободе,
К мечте, живущей испокон.
Как дорог мне и люб до гроба
Тот дух, тот вызов удалой
В труде,
В страде,
В беде любой, –
Тот горделивый жар особый,
Что бить – так бей,
А петь – так пой!..

* * *

Как, обольщая нас окраской,
Слова-труха, слова-утиль
В иных устах до пошлой сказки
Низводят сказочную быль.

* * *

Контакт читателя с писателем, приобщение к некоему волнующему секрету, известному только им двоим, которые означают, что их встреча произошла при посредстве настоящего художественного *произведения*.

* * *

Кто прячет *прошлое* ревниво,
Тот вряд ли с *будущим* в ладу...

* * *

Куда ни взгляну, ни пойду я –
Жестокая *память* жива.

* * *

Литература призвана средствами художественного выражения подтверждать и закреплять в сознании людей все то новое, что входит в нашу действительность.

* * *

Любовь – причем любовь земная, телесная, человеческая, – может быть, единственное возмещение всех недостач, всей неполноты, обманчивости и горечи жизни.

* * *

Мертвым все равно.
Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна...

* * *

Мы знаем грядущему цену
И знаем, что *юность* права...

* * *

На всех языках и наречьях,
В родимой стране, без изъятья,
Понятны *любовь* и *сердечность*,
Как доброе рукопожатье.

* * *

Навечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность *забвения*, неизбывное ощущение как бы себя в них, а их в себе.

* * *

Науку мы оспаривать не будем,
Науке всякой –
По заслугам честь,
Но пусть она
Почтенным сельским *людям*
Не указует,
С чем им кашу есть.

* * *

Не всякая *задача* в равной степени может волновать, но всякая, самая скромная неукоснительно требует честности и хотя бы профессиональной безупречности выполнения.

* * *

Не просто случай славы тленной
С иными случаями в счет –
Ступить за тот порог Вселенной,
Что *вечность* глухо стережет...

* * *

Невнимание *писателя* к форме способно обернуться невниманием *читателя* к содержанию.

* * *

Недаром говорят, что на этом *свете* лучше недополучить, чем переполучить.

* * *

Нет *героев* от рожденья, – они рождаются в боях.

* * *

Никогда *смерть* не будет безразличной для человеческого сознания, ни при каком идеальном общественном устройстве и самой счастливой личной судьбе. Но нераздельность человека и человечества, между прочим, выражается и в том, что утверждено народной мудростью: на миру и смерть красна.

* * *

Но горе *народа* бессрочно,
И так велика его власть,
Что внукам оно правомочно
И правнукам на душу пасть.

* * *

Но ясное и мужественное сознание пределов, которых не миновать, вместе с *жизнелюбием* и *любовью* к людям, чувство ответственности перед обществом и судом собственной *совести* за все, что делаешь и должен еще успеть сделать на этом свете, – позиция более достойная, чем самообман и безумная трата скупо отпущенного на все про все времени.

* * *

О взаимоотношениях художника со *временем* можно сказать, что он никогда не бывает влюблен только в свое нынешнее время без некого идеального образца в прошлом. Художнику дороги те черты его времени, которые связывают это время с предшествующим, продолжают традиционную красоту его.

* * *

Общение с *книгой* – высшая и незаменимая форма интеллектуального развития человека.

* * *

Одна *неправда* нам в убыток,
И только *правда* ко двору!

* * *

Первый признак настоящей доброй *прозы* – это когда хочется ее прочесть вслух, как *стихи*.

* * *

Подлинная *поэзия* существует не только в книгах – она живет в *народе*.

* * *

Подобно музыке, ни одно из самых восхитительных и волнующих явлений *природы* не усваивается нами, не входит в нашу душу с первого раза, покамест не открывается нам повторно, не становится воспоминанием.

* * *

Потребность в таком *смехе* не только затухает в человечестве, идущем по пути к счастью, но еще более возрастает.

* * *

Поэзия по своей природе и назначению – самый демократический вид литературы. Все самое большое, самое значительное в мировой поэзии и поэзии нашей отечественной всегда находилось в поле зрения большого читателя, входило в обиход духовной жизни народа.

* * *

Природа высокой музыкальной организации *прозы* – в ритмической основе живой человеческой речи со всеми интонациями, соответствующими предмету ее и степени эмоционального наполнения.

* * *

Пускай сегодняшний вчерашним
День обернется трудовой.
Он на счету твоем всегдашнем,
Он – жизнь, и ты при нем живой.

* * *

С меня довольно было б чуда
И велика была бы честь
То *слово* вынуть из-под спуда,
Что нужно всем, как пить и есть.

* * *

С этой способности к таким мгновенным, но памятным переживаниям начинается *человек* с его способностью любви к жизни и к людям, к родной земле и самоотверженной готовностью сделать для них что-то нужное и хорошее.

* * *

Скудость *языка*, однообразие, боязнь соступить с проторенной стежки, самоограничение в пределах привычного ряда слов и построений формы –

все это не может не сказываться на смысловом наполнении произведения, то есть на его содержании.

* * *

Спорить с *читателем* – дело невыгодное, безнадежное, но объясниться с ним при нужде можно и должно.

* * *

Старость – не радость, но и ее должно переживать, не роняя достоинства, не впадая в жалобную растерянность, отчаянное озлобление, и даже уметь с удовлетворением воспользоваться некоторыми преимуществами этого возраста.

* * *

Так что – какой бы тропою
Ты по *земле* ни ступил,
Ведай, что перед тобою
Здесь уже кто-нибудь был.

* * *

Такая служба твоя, *поэт*,
И весь ты в ней без остатка,
– А страшно все же?
– Еще бы – нет!
И страшно порой.
Да – сладко!

* * *

Только в свете *поэзии* любовь приобретает свою подлинную сущность, становится чем-то неизмеримо более высоким, чем она может быть сама по себе.

* * *

У большинства людей чувство *родины* в обычном смысле – родной страны, отчизны – дополняется еще чувством родины малой, первоначальной, родины в смысле родных мест, отчих краев, района, города или деревушки.

* * *

Что нужно, чтобы *жить* с умом?
Понять свою планиду:
Найти себя в себе самом
И не терять из виду.

* * *

Я полагаю, что и мой уход,
Назначенный на завтра иль на старость,
Живых *друзей* участье призовет –
И я один со *смертью* не останусь.

* * *

Я полон веры несомненной,
Что *жизнь* – как быстро ни бежит, –
Она не так уже мгновенна
И мне вполне принадлежит.
Со всем ее живым и сущим
Отрадным светом и теплом,
С ее прошедшим и грядущим
Добром и горьким недобром.

* * *

Ясное и мужественное сознание пределов, которых не миновать, вместе с жизнелюбием и любовью к *людям*... позиция более достойная, чем самообман и бездумная трата скупо отпущенного на все про все времени.

* * *

Афористика поэтов «смоленской школы» отражает концептуальную и языковую картину мира, показывает глубину и разносторонность мысли, обобщает их жизненный опыт, позволяет еще раз осмыслить творческое наследие. Изречения поэтов «смоленской школы» как жемчужины мысли заставляют задуматься над многими проблемами современности и «вечными темами».

---

1. В авторский коллектив «Словаря афоризмов русских писателей XVII–XX вв.» входят проф. А.Н.Тихонов, проф. А.Г.Ломов, доц. А.В.Королькова.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978. С.30.
3. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. – М., 1994. Т. 1. С.34.
4. Федоренко Н.Т., Сидоренко Л.И. Афористика. – М., 1990.
5. В состав авторского коллектива «Словаря фразеологизмов современного русского литературного языка» входят проф. А.Н.Тихонов, проф. А.Г.Ломов и доц. А.В.Королькова.

Н.В. Кузьмина

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В языке отражаются взаимодействия действительности и человека в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный: объективный мир членится говорящим с точки зрения его целостного характера – добра и зла, пользы и вреда.

Оценка как целостный аспект значений присутствует в самых разных языковых выражениях. Об оценочной семантике говорят применительно к аффиксам (*рука – ручонка*), к словам (ср.: *мальчик – умница, событие – радость, машина – колымага)*. Имеются целые слои лексики, предназначенные для выражения оценки: прилагательные и наречия (*хорошо, плохо, прекрасный, ужасный*); наименования предметов и действий (*кляча, безобразничать*); глаголы (*радоваться, огорчаться*). Говорить об оценке можно применительно к целым высказываниям: *Он опытный учитель. Что ты наделал! Это не человек, а просто зверь!* Модальные высказывания: *Нельзя перебегать улицу.*

Оценка является универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствуют представления о хорошем и плохом.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой оценка определяется как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение, как одна из основных частей стилистической коннотации». Иными словами, оценка, исходя из этого определения, – это «отношение говорящего к предмету речи». В свою очередь, что следует понимать под отношением говорящего к тому, что заключено в высказывании? Этот вопрос является важным, так как определение оценки в словаре полностью совпадает с определением субъективной модальности в Академической Грамматике – 70: «Конкретное предложение может нести в себе то или иное субъективно-модальное значение, т. е. выражение отношения говорящего к тому, о чем он сообщает ». Таким образом, содержание двух категорий – оценки и субъективной модальности оказывается идентичным.

Кроме этого, довольно часто в лингвистической литературе оценка определяется как содержательный компонент эмоциональности и эти два понятия – оценка и эмоциональность рассматриваются как постоянно пересекающиеся, причем на первый план выводится эмоциональность. Например, на лексическом уровне исследователями выделяется лексика эмоционально-оценочная, с помощью которой говорящий оценивает окружающее со своей, субъективной точки зрения, и лексика оценочная, выражающая положительное или отрицательное отношение. На наш взгляд,

при таком подходе оценка искусственно разделяется, так как в обоих случаях выражается положительная или отрицательная оценка реальности, субъективное отношение говорящего, но в первом случае мы имеем дело с эмоциональной оценкой, т.е. таким отношением, которое осложнено чувством, эмоцией. Родовое (оценка) и видовое (эмоциональная оценка) уравниваются, сводятся к одному уровню.

Понятие оценки в языке является более широким, чем понятие эмоциональности, и соотносится с последним как общее с частным. Эмоциональная оценка, наряду с другими, составляет широкую категорию оценки, сущностью которой является отношение говорящего к содержанию высказывания в целом или его отдельным элементам, а отсюда – отношение к тем явлениям реальной действительности, о которых идет речь, в плане эмоциональном, этическом, нравственном и т.д.

Разные исследователи выделяют различные виды оценки и ее значений. Приведем классификацию Н.Д. Арутюновой, которая делит частнооценочные значения на 3 группы, включающие в себя 7 разрядов:

1. Сенсорные оценки:

а) сенсорно-вкусовые, гедонистические – то, что нравится: *приятно, вкусно, привлекательно, душистый*;

б) психологические:

– интеллектуальные: *интересно, увлекательно, банально*;

– эмоциональные: *радостно, желанно, приятно.*

2. Сублимированные или абсолютные оценки:

а) эстетические оценки, основанные на синтезе сенсорных и психологических: *красивый, прекрасный*,

б) этические оценки, подразумевающие нормы: *моральный, добрый.*

3. Рациональные оценки, связанные с практической деятельностью человека:

а) утилитарные: *полезно, вредно*;

б) нормативные: *правильный, нормальный;*

в) телологические : *эффектный, удачный.*

Оценочными называются предложения, в которых сообщается о том, что человек считает ценным, что он считает плохим и что безразличным, предложения, выражающие убеждения людей о том, что есть добро и что есть зло.

Оценочная модальность определяет высказывание в целом, а не отдельные его элементы и является компонентом высказывания.

Оценка характеризуется особой структурой. Эту структуру можно представить как модальную рамку, которая накладывается на высказывание и не совпадает ни с логико-семантическим, ни с синтаксическим построением.

Выделяют следующие компоненты оценки:

1. **Субъект** – лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки. Принято считать, что оценка всегда является чьей-то оценкой.

Виды субъектов оценки: а) индивид *По-моему, этот ребенок – умница.* б) «общее мнение» *Этот ребенок считается умницей.*

Индивидуальная оценка может выражаться при помощи: прямого указания на лицо: *по-моему, по его мнению*; фраз с глаголами: *полагать, считать, казаться*; аффективных прилагательных:: *потрясающе, ужасно, сногсшибательно.* Оценка «общее мнение» выражается с помощью неопределенно-личных конструкций.

2. **Объект** – то, чему приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются (лицо, предмет, явление, действие): *Удовольствие есть добро. Фильм хорош. Здоровье лучше болезни.*

3. **Основание**, критерии оценки, – стереотипные представления о данном положении вещей, существующем, принятом в данном обществе.

Оценочное высказывание может включать и факультативные элементы: мотивировки, классификаторы, признаки и т.д.

Таким образом, структура оценочной модальной рамки основана на отношениях между следующими ее компонентами: субъектом оценки, собственно оценкой и критерием оценки. Компоненты оценочной модальной рамки соответствуют компонентам оценки в логическом представлении (Ивин, 1970).

---

1. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. №3.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985.
3. Золотова Г.А. О категории оценки в русском языке // Русский язык в школе. 1980. №2.
4. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: МГУ, 1970.
5. Поройкова К.А. Проблемы эмоциональной лексики в советском языкознании: Материалы научной юбилейной сессии Ярославского пединститута. – Ярославль, 1968.

Н. А. Максимчук

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НОРМАТИВНО-НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ И СТРУКТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ

Общеобязательное научное знание, обеспечивающее необходимый уровень социализации русской языковой личности, может быть квалифицировано как ***нормативно-научная картина мира (ННКМ)*** [Максимчук 2002].

Базовыми единицами, аккумулирующими знание, содержащееся в ННКМ, являются термины и имена собственные, что обусловливает необходимость комплексного рассмотрения терминологической и ономастической составляющих ННКМ.

Описание ономастической составляющей ННКМ следует предварить установлением классификационных разрядов входящих в неё собственных имён. На основе существующих классификаций онимов (В. Бах, В. Д. Бондалетов, Н. В. Подольская, А. В. Суперанская и др.) может быть построена классификация, отвечающая целям данной работы. В неё войдут следующие разряды собственных имён: 1. *Антропонимы.* 2. *Религионимы,* включающие, помимо теонимов, все имена собственные религиозной сферы – религиотопонимы, религиохрематонимы и т. п.). 3. *Мифонимы* (имена мифологических персонажей, мифотопонимы, мифохрематонимы и др.). 4. *Зоонимы,* дополняемые так называемыми *зоопропонимами*, т. е. выступающими в качестве собственных имён названиями животных, птиц, рыб (*Лиса, Волк, Заяц, Медведь* и т. п.). К зоопропонимам может примыкать небольшое количество зооморфизмов – метафорических производных нарицательных наименований представителей животного мира, (*ворона, лиса, акула, ястреб* (о человеке) и т. д.). 5. *Топонимы,* в том числе *топонимы исторические,* т. е. названия исторических территорий, земель, государств и т. п. (например: *царство Урарту, Скифия, Киевская Русь, Бухарское ханство, СССР* и др.). 6. *Космонимы* и *астронимы*. 7. *Хрононимы*, объединяющие названия событий, войн, битв, восстаний, революций, съездов, конгрессов, конференций, а также праздников, дат, мероприятий. 8. *Политонимы* (названия органов власти, государственных учреждений, партий, движений, объединений, обществ, союзов, организаций и др.). 9. *Документонимы* (названия разного рода исторических и прочих документов: договоров, соглашений, пактов, резолюций и т. п.). 10. *Хрематонимы* (объединение широкого спектра названий предметов ма-

териальной и духовной культуры). 10. *Литературные имена* (имена литературных персонажей и названия литературных произведений).

Помимо перечисленных разрядов традиционно выделяемых собственных имён, в ономастическую составляющую ННКМ войдут и некоторые другие типы языковых единиц, опосредованно связанные с онимами. В их числе выделим: 1) возникшие в результате деонимизации семантические дериваты собственных имён (*маузер, бордо, панама, мерседес* и т. п.); 2) названия различных видов этнических общностей (наций, народов, народностей, племён, родов и т. п.) – этнонимы (*немцы, арабы, половцы, радимичи* и т. п.), а также лексические дериваты собственных наименований обширных регионов, крупных и малых поселений – *этнохоронимы, топоэтнонимы* (*африканцы, москвичи, волжане, сибиряки* и т. п.); 3) названия языков или диалектов, принадлежащих той или иной этнической общности, – *лингвонимы*. Следует отметить, что *этнонимы* в их разновидностях и *лингвонимы*, с одной стороны, соотносясь с именами собственными, с другой – выступают в качестве терминов (номенов), тем самым ещё раз подчёркивая существование тесной взаимосвязи между опорными единицами ННКМ.

Основные свойства имени собственного, как и термина, определяются двойственной природой ономастических единиц, т. е. совмещением в них двух достаточно самостоятельных сторон, которые можно обозначить как языковую и энциклопедическую, отражающую «дальнейшее значение слова» (по А. М. Потебне), которое, с точки зрения традиционной лексикографии, относится к компетенции энциклопедических словарей. Такое обозначение подчёркивает жанровые особенности комплексных учебных лингвоэнциклопедических словарей, совмещающих представление языковой и предметной информации, заключённой в содержании ННКМ.

Основные языковые свойства имён собственных, характеризующие онимы как единицы ННКМ и требующие отражения в соответствующих словарях, проявляются в следующем:

1. Собственные имена имеют, как правило, форму только единственного (*Пётр*, *Смоленск*, *Марс*) или только множественного (*Карпаты*, *Альпы*, *Близнецы*) числа. Употребление единичных имён собственных (фамилий) во множественном числе возможно при обозначении семьи, рода, клана (*Демидовы*, братья *Карамазовы*, господа *Головлёвы*) или при переходе их в нарицательные (ср.: ***Молчалины блаженствуют на свете***. А. С. Грибоедов).

Использование в форме множественного числа отдельных личных имён без перехода их в нарицательные может обозначать совокупное множество единичных носителей имени и быть средством усиления художественной выразительности*. Средством типизации, также обладающим выразитель-

ной функцией, является и форма множественного числа для топонимов, имеющих форму только единственного числа.

2. Собственные имена могут служить производящей базой для множества отымённых дериватов, образованных по типичным моделям русского словообразования. При этом можно указать типичные направления словопроизводства для конкретных групп имён: так, для топонимов продуктивно образование названий жителей определённых мест (*Москва – москвич, москвичка, москвичи, Волга – волгарь, волжанка, Англия – англичанка, англичанин, англичане*), личные мужские имена (прежде всего русские, но не только) регулярно образуют отчества и фамилии (*Антон – Антонович, Антоновна, Антонов, Готфрид – Готфридович, Готфридовна)* и т. д.

3. Имена собственные (прежде всего фамилии) могут становиться производящей основой для многих групп производных слов: названий химических элементов, минералов, политических течений, идеологий, движений и т. д. (*Менделеев – менделеевий, Курчатов – курчатовий, Ферсман – ферсманит, Маркс – марксизм, Деникин – деникинщина* и т. д.).

4. Для собственных имён достаточно характерна и семантическая деривация, которая прежде всего проявляется в образовании у них переносного, символического значения, сопровождаемого переходом имени в разряд нарицательных (*Плюшкин – плюшкин (скупой), Митрофанушка – митрофанушка (неуч), Ватерлоо – Ватерлоо (решающее событие), Ом – ом (физическая величина)* и т. д.

Деонимизация, т. е. переход онимов в апеллятивы без участия аффиксации, также происходит по нескольким типичным линиям: имя лица – единица измерения (*кулон, грэй*); личное имя – характеристика человека (*иуда, альфонс*); название населённого пункта – вещь, предмет (*бостон, каолин*); географическое название – предмет, животное (*сенбернар, ньюфаундленд*); населённый пункт – изделие (*панама, коньяк*); имя лица – действие (*бойкот*); имя лица – изобретение (*вальтер, мартен, кольт*); название реки – сорт рыбы (*амур*); имя лица – ёмкость (*чебурашка*) и т. п.

5. Как и нарицательные, собственные имена могут входить в состав устойчивых сочетаний слов, фразеологизмов, пословиц, поговорок, загадок и т. д. (*Пришли на Настю горе да напасти; Не мели Емеля, не твоя неделя),* в рамках которых они оказываются функционально тождественны. В другом типе фразеологических единиц онимы сохраняют индивидуальные признаки (*Пропал как швед под Полтавой*; *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*).

6. Наконец, к языковым свойствам имён собственных относится их написание с прописной буквы. Здесь, однако, необходимо уточнение, связанное с особенностями качественного состава единиц ономастического пространства ННКМ, выделяемых в соответствии с предложенной классифика-

цией. Так, написание со строчной буквы оттопонимических образований, собственных имён, подвергнувшихся деонимизации, и т. п. не является препятствием для включения их в число элементов ономастической составляющей ННКМ. С другой стороны, отсутствие последовательности в использовании строчной и прописной букв при написании немалого количества слов – ещё одно свидетельство непосредственной близости многих терминов (номенов) и имён собственных (ср., например, регулярные колебания в написании сочетания *гражданская война* и *Гражданская война* (о событиях в послереволюционной России) и др.).

Энциклопедическая сторона имени собственного характеризуется тем, что в нём пересекаются информационные потоки социального, национально-культурного, этнографического, социологического, политического и т. п. характера. Извлечение информации одного вида, как правило, влечёт за собой следующую информационную составляющую. Этот процесс имеет открытый характер, что позволяет моделировать огромное информационное (ономастическое) поле. Именно эта особенность имени собственного и лежит в основе формирования и структурирования ННКМ, предваряемого определением её количественного и качественного состава на основе разработанных применительно к данной цели критериев.

Исходным материалом при установлении ономастического наполнения ННКМ служат три группы источников: учебники по всем предметам программы общеобразовательной школы, общеобразовательные программы, словари, справочники и энциклопедии для школьников.

В основу процедуры выделения ономастических единиц ННКМ положены две группы принципов. Первую составляют объективные показатели значимости имени, одним из которых является включённость имени собственного в тексты программ или стабильных учебников. Этот принцип определяет общий состав ономастического пространства ННКМ. Следующий критерий – *частотность (употребительность)* – используется при установлении ядра и периферии ономастического наполнения ННКМ, при этом, как и для терминов, этот показатель может быть *абсолютным* и *относительным*. *Абсолютная употребительность* характеризует имя в рамках макротекста, охватывающего всё содержание нормативно-научных текстов данной научной области, представленных в основных программах и учебниках и дополнительных учебных и справочных материалах. *Относительная употребительность* имени – это показатель встречаемости имени в пределах отдельных текстов (учебника, программы).

Показатель *распространённости* для имени собственного оказывается ещё более существенным, чем для терминов в силу универсального характера многих групп собственных имён, в связи с чем для последних обычной

является ситуация вхождения одного и того же имени в нормативно-научные тексты многих предметных областей. Показатель *распространённости* имени говорит о значимости носителя имени и может быть приравнен по своей роли в процессе выделения ономастического ядра ННКМ к критерию наличия дефиниции для термина.

Таким образом, *статистический критерий* приобретает для имён собственных приоритетное значение, поскольку в данном случае наблюдается безусловный переход количества в качество. Так, имя собственное, не сопровождаемое подробными характеристиками в отдельных текстах, но повторяющееся неоднократно в различных источниках, постепенно приобретает статус базовой единицы, что, как правило, связано с местом обозначенного предмета (факта, явления, личности и т. д.) в реальной действительности.

Структурный критерий при определении ономастического наполнения ННКМ не имеет значения, поскольку когнитивный статус онима никак не связан с его морфемной или синтаксической организацией.

Вторую группу принципов отбора собственных имён – единиц ННКМ составляют ассоциативно-тематическое выравнивание и экспертная оценка.

Под ассоциативно-тематическим выравниванием понимается последовательное заполнение позиций структуры ономастического пространства, связанных с ключевым именем ассоциативно или тематически.

Экспертная оценка представляет собой критический комментарий к полученным с помощью предыдущих принципов спискам имён, который делается специалистами в предметных областях, включающих данные имена, и отражает представления о роли и месте данного имени (его носителя) в истории и культуре.

Информационное ономастическое пространство имеет иерархическую структуру, которую составляют: минимальная информационная единица – имя собственное; ономастическая структура, эксплицитно представляющая основные информационные излучения ключевого имени собственного; конфигурации ономастических структур, образуемые на основе ассоциативных связей между элементами различных структур; ономастическая составляющая ННКМ как системная иерархия всех элементов предыдущих уровней.

Рассмотрим последовательно основные направления структурирования фрагментов ННКМ внутри выделенных разрядов онимов.

В основе структурирования разряда **антропонимов** лежит сфера деятельности носителя имени. В данном случае к таковым относятся: власть, государственное управление; политика, военное дело, общественная и общественно-политическая деятельность; религиозная деятельность; наука, образование; производство, промышленность, строительство; культура, искусство, литература.

Зоонимы – самая малочисленная группа собственных имён. Её внутренняя классификация может быть представлена двумя основными позициями: *вид* (звери, птицы и т. д.) и *место обитания* (дикие, домашние).

Религионимы классифицируются в соответствии с направлениями мировой религии: библейские имена, имена ислама, имена буддизма и т. д.

Группа **мифонимов** включает имена древнегреческих и древнеримских мифологических персонажей, имена персонажей западноевропейского, восточнославянского, скандинавского и др. фольклора, названия мифических объектов и событий и др.

В разряде **астронимов и космонимов** выделяются названия звёзд, планет, созвездий, спутников, галактик, комет, метеоритов и др.

Топонимы – самый многочисленный, наряду с антропонимами, разряд имён собственных, включает названия всех видов географических объектов, классификация которых допускает множественность подходов. Предлагаемая классификация строится на основе отношения объекта а) к типу земной поверхности и б) к политико-административному устройству. Внутри выделенных групп возможен алфавитный или тематический принцип расположения видовых обозначений.

В рамках разряда **хрононимов** объединяются названия разного рода событий (войн, битв, военных операций, восстаний, революций, съездов, конгрессов, конференций и др.), а также праздников и дат.

В разряд **политонимов** включены названия органов власти, государственных и общественно-политических организаций, государственных и др. учреждений, партий, союзов, движений, объединений, обществ и т. п. Выделение этого разряда мотивировано большим количеством входящих в ННКМ имён такого плана и их достаточной однородностью, которую не нарушает объединение в числе политонимов не только собственно политических союзов, объединений, движений, но и спортивных, творческих и др. организаций.

Документонимы объединяют названия исторических документов и классифицируются по их типу (договор, пакт, мир, конституция и т. д.).

Разряд **хрематонимов** объединяет названия различных объектов материальной и духовной культуры в широком смысле (памятников архитектуры и искусства, культурных сооружений, транспортных средств, печатных изданий и т. д.). Внутривидовая классификация этих объектов зависит от конкретных характеристик имён данного типа.

В разряде **литературные имена** выделяются имена литературных персонажей и названия литературных произведений, общим для которых является указание принадлежности к национальной литературе, имени автора, времени написания произведения. Добавочной характеристикой для литературных произведений может быть указание литературного жанра и литературного течения (направления).

На основе описанной классификации строится ономастическое пространство ННКМ, формирующее соответствующие ономастические структуры (сети).

Антропонимические сети несут в себе информацию о времени, государственной принадлежности, сфере деятельности человека. **Зоонимические сети** сигнализируют о родовых и видовых характеристиках объекта и его отношениях с человеком. **Религионимические сети** дают представление об основных событиях, атрибутах и представителях мировых религий. **Мифонимические сети** раскрывают происхождение мифонимов, их роль в соответствующей мифологии. Дополнительной может быть информация о принадлежности данных персонажей к светлым или тёмным силам. **Астронимические и космонимические сети** в значительной степени представляют карту звёздного неба. **Топонимические сети,** аналогично астронимическим, складываются в географическую и административно-политическую карту мира. **Хрононимические сети** показывают временную прикреплённость важнейших исторических событий, отражают наиболее значимые в историческом и современном плане даты и праздники. **Документонимические сети** представляют основные этапы мировой истории, зафиксированные в разного рода документах. **Политонимические сети** отражают административно-политическую и общественную картину жизни различных стран и эпох. **Хрематонимические сети** дают представление о различных эпохах в разнообразии их материальных и духовных проявлений. **Ономастические сети литературных имён** относятся к двум основным типам. Названия литературных произведений указывают наиболее значимые, читаемые, известные произведения мировой литературы в совокупности их необходимых характеристик (автор, эпоха, жанр и т. д.). Имена литературных персонажей объединяют тех, кого принято считать типичными героями времени, знаковыми персонажами данной национальной или мировой литературы.

Вычленение исходных ономастических структур (сетей) демонстрирует основные культурно-исторические характеристики имени собственного и является исходным пунктом при формировании ономастических структур следующего уровня, в рамках которых и раскрывается в полной мере та культурно-историческая информация, носителем которой является имя собственное. Эти структуры формируются на основе ономастических сетей путём выявления и языкового отражения многообразных связей, которые объединяют имена собственные различных тематических групп. Объём и характер такой ономастической структуры определяются прежде всего статусом ключевого имени.

Ключевые имена ономастической картины мира характеризуются тем, что порождаемые ими ономастические структуры охватывают значительную часть всего ономастического пространства ННКМ.

Ономастическая картина мира (как, впрочем, и любая другая) не может считаться адекватной без отражения в ней эмоционально-ассоциативных и других системных связей онима, поскольку одной из важных составляющих информации, присущей имени собственному, являются сведения о месте данного имени как в языковой (ономастической) системе, так и в общекультурном пространстве, к которому «приписано» имя собственное в силу своего происхождения, языковых свойств и свойств объекта, называемого именем.

Сопутствующую имени собственному информацию, не входящую в непосредственное содержание имени собственного, будем называть **ассоциативно-культурным фоном**. Компонент **культурный** указывает на то, что фоновые знания, сопровождающие имя собственное, носят прежде всего культурологический характер (культура в данном случае понимается максимально широко). Компонент **ассоциативный** называет основной путь формирования, расширения и затем выявления фоновых знаний.

Как любое психическое явление, ассоциации представляют собой явление индивидуальное, но в то же время (и именно это делает их изучение и использование значимым при организации и структурировании содержания ННКМ) они отражают «не только общие психологические особенности людей, но и особенности структуры языка, на котором эти люди говорят» [Словарь ассоциативных норм...1977, с. 7], а также особенности структур знания, выражаемых языковыми средствами**.

Важность и продуктивность использования ассоциативного подхода при организации и структурировании ННКМ обусловлена, в первую очередь, тем, что, как указывает А. А. Залевская, «ассоциативная организация является аспектом многих, если не всех познавательных процессов, требующих использования субъективного лексикона» [Залевская 1990, с. 41].

Ассоциативные (в широком смысле) связи имени собственного распространяются по следующим основным направлениям:

1) производящее – производное (словообразовательные связи на уровне внешней деривации): *Омск – омский; омичи, -чей, омич, -а, омичка, -и, р. мн. -чек; омцы, -цев, омец, -а; омчане, -чан, омчанин, -а;*

2) мотивирующее – мотивированное (словообразовательные связи на уровне внутренней деривации, переход имени собственного в нарицательное, образование омонимов): *Ватт (физик) – ватт (физическая единица;*

3) имя собственное конкретного лица (объекта) – имя собственное – символ (метафора): *Печорин – герой романа М. Ю. Лермонтова, Печорин – «лишний» человек;*

4) имя собственное (один объект) – имя собственное (другой объект): *Венера – богиня любви в древнеримской мифологии, Венера – планета Солнечной системы;*

5) имя собственное – фразеологическая единица: *Авгий – Авгиевы конюшни – конюшни царя Авгия в древнегреческой мифологии, Авгиевы конюшни – трудоемкое дело, для решения которого требуется нетрадиционный подход;*

6) имя собственное – художественный образ, произведение искусства, связанное с ним: *Бородино (село, у которого произошло известное сражение во время Отечественной войны 1812 года) – «Бородино» (название стихотворения М. Ю. Лермонтова)*;

7) имя собственное – литературная цитата, крылатые слова: *Москва (столица России) – В Москву, в Москву, в Москву... (А. П. Чехов).*

Парадигматические ассоциации, вызываемые именем собственным, точнее, их распространённость, имеют особенности в сравнении с именами нарицательными. Если для последних (равно как и для прилагательных, глаголов, наречий) ассоциация по сходству (метафора) и ассоциация по смежности (метонимия) имеют приблизительно одинаковый индекс частотности с некоторым преобладанием метафоры, то в сфере собственных имён картина другая. Для них преобладающими оказываются ассоциации по смежности (Париж – *Эйфелева башня*, Москва – *Красная площадь*, Толстой – «*Война и мир*», Иван, Мария – *Иван-да-Марья* (цветок), Марс (древнеримский бог войны) – *Марс* (планета), Панама – *панама* (головной убор). Ассоциации по сходству можно встретить в случаях возникновения у имени символического, переносного значения: *Венера* (древнеримская богиня) – *Венера* (красавица), *Баба-Яга* (персонаж русского фольклора) – *Баба-Яга* (злая, некрасивая женщина), *Эйфелева башня – Останкинская башня* и др.

Вопрос о соотношении синтагматических ассоциаций у имён собственных и имён нарицательных не так очевиден. Во всяком случае, этот тип ассоциаций оказывается наиболее устойчивым для личных имен: Демьян – *демьянова уха*, Васька – *а Васька слушает да ест*, Варвара – *любопытная Варвара*, Тула – *в Тулу со своим самоваром, Иваново* – город невест и т. д.

Ассоциативно-культурный фон собственных имён будет представлен по-разному в зависимости от разряда онима, которому имя принадлежит.

Будучи опорной единицей нормативно-научной картины мира, имя собственное, подобно основному элементу ННКМ термину, как не раз отмечалось, принадлежит одновременно системе языка (языкового знания) и системе предметных знаний. Но если термин закреплён, как правило, за одной предметной сферой (речь не идёт об общенаучной терминологии, терминах-омонимах и терминах – многозначных словах), то имена собственные одновременно могут принадлежать нескольким областям знания, являясь своего рода связующим звеном между ними. Так, имя-антропоним может быть связано с географией (территориальная принадлежность носителя имени), с историей (историческая эпоха, государственная принадлежность, участие в ис-

торических событиях и т. д.), с конкретной наукой, видом искусства или литературы, с другой деятельностью, в которой известен носитель имени, и т. п. (разумеется, статус конкретного имени в нормативно-научных текстах разных предметных сфер будет различным). Очевидно, что многие из предметных связей такого рода будут осуществляться также через другие имена собственные (название страны, события, произведения и др.).

На основе таких связей у конкретного имени собственного формируется способность вызывать устойчивые ассоциации, актуализирующие отдельные компоненты его содержания. Эта актуализация может происходить по двум предметно-языковым линиям. Первый тип ассоциатов (речь идет об именах существительных) будут составлять апеллятивы. Особенностью этого типа оказывается то, что в его составе встречается большое количество терминологических реакций, появляющихся прежде всего у топонимов, астронимов / космонимов, части антропонимов, хрематонимов и др. Таким образом образуются зоны пересечения отдельных терминологических и ономастических структур, служащие одним из важнейших средств, скрепляющих структуру ННКМ в целом. Ассоциатами второго типа являются также имена собственные, при этом многие из них, в свою очередь, выполняют роль ключевых имён самостоятельных ономастических структур. При этом создаётся гибкая, но прочная конструкция ННКМ, делающая обоснованным вхождение в её состав каждого отдельного имени.

Совокупность всех ассоциаций, порождаемых именем собственным, и составляет его ассоциативно-культурный фон, исследуя который в пределах отдельной структуры, конфигураций структур, всей ННКМ, с большой степенью точности можно определить место отдельного онима не только в пределах конкретной именной парадигмы и ономастической составляющей ННКМ, но и во всём когнитивном пространстве ННКМ

Развёртывание ассоциативных связей отдельного имени собственного означает выявление и построение ономастических структур, особенности которых определяются, в первую очередь, когнитивно-культурологическим статусом имени в структуре ННКМ, а также классификационными характеристиками имени.

Выявление ассоциативно-культурного фона имени собственного и его лексикографическая интерпретация, ориентированная на конкретные цели, может служить важным средством формирования ономастического компонента нормативно-научной картины мира.

Предложенные принципы и способы выявления и структурирования наполнения ономастической составляющей ННКМ могут быть продуктивно использованы при анализе и описании ННКМ русской языковой личности.

* Ср.: «Сзади Нарвские были ворота, / Впереди была только смерть... / Так советская шла пехота/ Прямо в желтые жерла «берт». / Вот о вас и напишут книжки: / «Жизнь свою за други своя», / Незатейливые парнишки – / *Ваньки, Васьки, Алёшки, Гришки.* / Внуки, братики, сыновья» (А. Ахматова. «Победителям»).

** Выделение в ходе ассоциативных экспериментов достаточно обширной области стереотипного ассоциирования позволяет говорить о типичности для носителей языка определенных наборов ассоциаций, усвоение которых, если иметь в виду не только формально-языковой, но и содержательный их аспект, можно рассматривать как один из необходимых элементов социализации.

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983.
2. Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985.
3. Максимчук Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. – Смоленск: СГПУ, 2002. Ч. 1.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988.
5. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. Т. I-II.
6. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А.Леонтьева – М., 1977.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М., 1973.

А.Г. Рыжкова

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СЛОВОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД НЕПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

Анализ деривационной семантики субстантивных блоков предполагает выявление того, из производных каких словообразовательных значений они состоят, каков удельный вес каждого из значений в семантике блока, какова степень активности образования непроизводными глаголами различных ЛСГ существительных того или иного словообразовательного значения.

Известно, что все отглагольные существительные имеют значение отвлечённого процессуального признака (действия или состояния) и значение его носителя.

Самая большая группа существительных, мотивированных непроизводными глаголами (НГ), имеет процессуальную семантику: их, по нашим подсчетам, 1942, или 57% от 3380 суффиксальных производных.

Существительных со значением «носитель процессуального признака» на первой ступени словообразования несколько меньше: 1435 производных, или 43% от всех анализируемых субстантивов.

Считаем целесообразным показать, каков удельный вес каждого из словообразовательных значений отглагольных существительных в семантике субстантивных блоков СП НГ, поскольку это позволит определить некоторые закономерности формирования блоков в семантическом плане.

В зависимости от того, включают субстантивные блоки в себя существительные одного словообразовательного значения или разных, они подразделяются на гомогенные и гетерогенные.

Гомогенные состоят из производных одного общего словообразовательного значения или комбинации частных значений в пределах общего. По нашим наблюдениям, из 1899 субстантивных блоков, образуемых непроизводными глаголами, 780 блоков – гомогенные, состоящие из:

1) дериватов со значением процессуального признака. Наиболее последовательно реализуется это значение в субстантивных блоках НГ физического, физиологического и эмоционального состояния: бдеть – бдение; благоухать – благоухание, благоговеть – благоговение; деградировать – деградация; тяготеть I – тяготение I; глаголов мышления: дерзать – дерзание; заблуждаться – заблуждение; осенить – осенение; поведения: бравировать – бравирование, бравада, бравура; выместить – вымещение, измываться – измывательство; глаголов существования: бытовать – бытование; находить II – нахождение II; происходить – происхождение; фигурировать – фигурирование; глаголов социальных и эмоциональных отношений: взимать – взимание; возвратить – возвращение; обеспечить – обеспечение и т.п.

Как видно, у глаголов названных ЛСГ субстантивный блок развит слабо, в нем нет существительных, соответствующих объектной валентности (объектно-результативных субстантивов, производных со значением орудия, места действия). Однако имеются существительные со значением отвлеченного действия. Значительно меньше обнаружено гомогенных субстантивных блоков, состоящих из:

2) дериватов со значением «носитель процессуального признака»:

а) «производитель действия»: бедокурить – бедокур; блюсти – блюститель; воевать – вояка, воин, воитель; громить – громила, громитель; кудесить – кудесник; оборотить – оборотень; продолжать – продолжатель; рубать – рубака;

б) «орудие действия»: манить – манок; опереть – опора; подпереть – подпора, подпорка;

в) «объект действия»: кушать – кушанье; обуть – обутка; одеть – одеяние, одежда, одежа; распахнуть – распашонка;

г) «результат действия»: контузить – контузия; ляпать – ляп; морщить – морщина; нарвать I – нарыв; настоять I – настойка, настой, оглушить – оглушина; ссадить II – ссадина; трескать I – затрещина;

д) «место действия»: селить – селитьба. Обнаружен лишь один субстантивный блок со значением места действия.

Наконец, отметим гомогенные блоки, являющиеся

3) комбинацией дериватов частных значений общего словообразовательного значения «носитель процессуального признака»: волынить – волынщик I + волынка I; месить – месиво + месилка + месильщик; орать II – оратай + орало; репродуцировать – репродукция + репродуктор; реферировать – референт + реферат; стрекать – стрекун + стрекало; таить – тайна + тайник; удобрить II – удобрение + удобритель.

Итак, анализ однокоренных по семантике субстантивных блоков показал, что образуются они, как правило, либо от однозначных непроизводных глаголов типа бытовать, деградировать, кушать, купировать, повиноваться, тратить и др., либо от среднемногозначных (от двух до трех значений) – вообразить (3 знач.), забыть (3 знач.), таить (3 знач.) и под. Наиболее продуктивными являются гомогенные субстантивные блоки с производными отвлеченного действия или состояния, созданными преимущественно НГ физического, физиологического и эмоционального состояния, существования, мышления, восприятия, глаголами различного рода отношений, то есть непроизводными глаголами лексико-семантических полей состояния и отношений.

Гетерогенные субстантивные блоки содержат как производные со значением отвлечённого действия или состояния, так и со значением его носителя. Подобных блоков со смешанной семантикой в нашем материале значительно больше, нежели гомогенных, – 1119. Превосходят они предыдущие блоки по объему, то есть как по количеству представленных отглагольных существительных, так и по количеству реализованных в них словообразовательных значений. Так, субстантивными блоками, состоящими из дериватов двух словообразовательных значений, являются:

1) процессуально-агинтивные: брюзжать – брюзжание + брюзга; воспитать – воспитание + воспитатель; любить – любовь + любитель; работать – работа + работник, работяга;

2) процессуально-иструментальные: вибрировать – вибрирование, вибрация + вибратор; глядеть – глядение + гляделки; клевать – клевание, клев + клюв; кадить – каждение + кадило, кадильница;

3) процессуально-объектные: делегировать – делегирование + делегация, делегат; репатриировать – репатриация + репатриант; скопить II – скопление II + скопец;

4) процессуально-результативные: вопить – вопление + вопль; гнить – гниение + гной; капать – капель I , капание + кап I, капля;

5) процессуально-неодушевленно-объектные: блестеть – блеск + блесна, блестка; мигать – мигание + мигалка, мигач;

6) процессуально-локативные: инкубировать – инкубация, инкубирование + инкубатор; лежать – лежание, лежка + лежбище.

Как видим, наиболее продуктивны субстантивные блоки с процессуально-агентивным и процессуально-инструментальным значением.

Широко представлены в СП НГ субстантивные блоки, содержащие существительные трех словообразовательных значений:

1) процессуально-агитивно-инструментальных: зарядить I – заряжение, зарядка + зарядчик 2 + заряд; паять – паяние, пайка II + паяльщик + паяльник, паяло;

2) процессуально-агитивно-результативных: гравировать – гравирование, гравировка + гравировщик, гравировальщик; строгать – строгание + строгаль, строгальщик + стружка;

3) процессуально-агитивно-локативных: дубить – дубление, дубка + дубитель, дубильщик + дубильня; обитать – обитание + обитатель + обиталище; толковать – толкование + токовик + токовище;

4) процессуально-инструментально-результативные: рыть – рытье + рыло + ров, рытвина;

5) процессуально-агитивно-объектные: мучить – мучение, мука, мучительство I + мучитель + мученик; угостить – угощение I + угоститель + угощение II; пахать I – пахание I, пахота + пахарь + пашня, пахоть.

Нетрудно заметить, что наиболее активно реализуются процессуально-агитивно-инструментальные и процессуально-агитивно-результативные значения.

Субстантивные блоки, содержащие отглагольные существительные четырех и пяти словообразовательных значений, немногочисленны и представлены в виде следующих комбинаций:

1) процессуально-агитивно-инструментально-результативные: глотать – глотание + глот + глотка + глоток; грести – гребня + гребец + гребло + гребок; клепать – клепание, клёпка + клепальщик + клепало + клёпань; рубить – рубка I + рубильщик, рубщик + рубило + рубец II;

2) процессуально-агитивно-инструментально-локативные: лечить – лечение + лекарь + лечебник + лечебница; точить – точение I, точка I + точильщик, токарь + точило, точилка + токарня, точильня;

3) процессуально-агитивно-объектно-локативных: учить – учение, учеба, учительство I + учитель, ученый I + ученик + училище; читать – чтение, читка, читанье + читатель, чтец, читалка, читальщик, читчик, читарь + чтиво + читальня, читалка;

4) процессуально-агитивно-инструментально-результативно-локативные: плавить – плавление, плавка I + плавильщик + плавильник + плавь, плавка II + плавильня; сновать – снование, сновка I + сновальщик + сновалка + сновка II + сновальня;

5) процессуально-агитивно-объектно-инструментально-локативные: курить – курение + куритель, курилка I, куряка + курево + курильщица + курильня, курилка II.

Заметим, что возможность образования гетерогенных субстантивных блоков, состоящих из производных 4-5 словообразовательных значений, безусловно, находится в прямой зависимости от количества значений мотивирующих НГ. Как показывает фактический материал, многозначные глаголы склонны к образованию семантически сложных субстантивных блоков. См. указанные выше субстантивные блоки многозначных НГ делать (5 знач.), лежать (9 знач.), резать (12 знач.), писать (5 знач.), стоять (16 знач.), точить (5 знач.), читать (5 знач.) и др.

Итак, чем более многозначны непроизводные глаголы, тем более разнообразны по словообразовательным значениям порождаемые ими существительные. Причем у глаголов, имеющих свыше 5 значений, возрастает удельный вес производных конкретной семантики.

Определяя влияние принадлежности НГ к той или иной ЛСГ на структуру их субстантивных блоков, необходимо отметить, что разные ЛСГ обладают неодинаковыми возможностями в области образования процессуальных существительных и существительных конкретной семантики. Сравнение субстантивных блоков НГ разных ЛСГ позволило выявить зависимость субстантивопорождающей активности производящих глаголов от специфики их семантики. Поскольку глаголы всех ЛСГ обозначают действия реальной действительности, многое в реализации словообразовательных значений производных имен существительных диктуется прагматикой.

---

1. Русская грамматика. – М., 1980.
2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. – М., 1985.

Л.Г. Смирнова

ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ЭЛЕМЕНТ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Одной из важнейших функций языка является функция *аксиологическая*, функция оценивания того или иного понятия, предмета, той или иной реалии действительности. Сам язык как продукт развития некоей человеческой общности – национальности – заключает в себе отношение представителей этой национальности (носителей языка) к важнейшим для человека реалиям и понятиям. Отношение к ним зависит от принятой человеческой общностью системы *ценностей* и остается достаточно стабильным на протяжении жизни многих поколений, наследуется каждым следующим поколением вместе с языком, предопределяя особенности национального менталитета. Как отмечал известный этнограф Ю.В. Бромлей, с характером этноса неразрывно связана типичная для его членов система побуждений – совокупность их потребностей, интересов, ценностных ориентаций, установок, убеждений и т.п. Подобные компоненты психики, детерминированные конкретно-историческими (естественными и общественными) условиями существования этноса, в конечном счете и предопределяют характер его представителей[1].

Аксиологическая проблематика плодотворно изучается на стыке гуманитарных наук, прежде всего философии, логики, психологии, социологии, этнографии. Активный интерес к лингвистической аксиологии возник в языкознании (в частности, в русском и польском) сравнительно недавно, в 80-90-е годы двадцатого века. Значительный вклад в анализ лингвоаксиологических проблем внесли такие ученые, как Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Е.М. Вольф, Е.В. Бабаева, А.Ф. Журавлева, С.Е. Никитина, С.М. Толстая, Н.Б. Мечковская, Е. Бартминьский, Я. Пузынина. Аксиологическое направление рассматривает язык как отражение базовых этнических ценностей в вариантах, свойственных различным группам носителей языка. Отражение языком ценностной картины мира является важнейшим источником изучения особенностей национального менталитета. Успешно применяется аксиологический подход и к анализу языка отдельных произведений литературы, демонстрируя особенности мировоззрения автора, его восприятие и интерпретацию национальной системы ценностей.

Аксиологические исследования могут идти в *диахроническом* направлении, рассматривая этимологию и историю функционирования аксиологически маркированных лексем (например, историю таких слов, как **смрад,**

смерд, рухлядь, сволочь и др.), особенности их восприятия в отдельные периоды развития языка, народную этимологию и т.д. Другое направление лингвистической аксиологии *синхронично*, оно анализирует аксиологическую нагруженность языковых знаков в рамках одного временного среза системы языка, проводит исследование свободных ассоциативных связей отдельных лексем, анализ языковой манифестации ценностей в пределах одного текста.

В последнее время в отечественной и зарубежной лингвистике появилось большое количество работ, связанных со спецификой отражения действительности, «расчленения природы» различными языками. Наряду с универсальными представлениями человека о мире и о своем месте в нем, концептуальная картина мира, присущая каждому этносу, включает понятия, характерные лишь для представителей данного этноса, что последовательно отражается в языке. Овладевая языком, человек начинает видеть мир с точки зрения, как бы подсказанной его родным языком. В крайнем виде эта гипотеза нашла отражения в работах американских лингвистов Сепира и Уорфа. Так, Уорф писал в работе 1956 г.: «...мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании»[2].

Отражение ценностной ориентации этноса в мире с помощью языковых средств мы назовем *аксиологической языковой картиной мира*. В научной литературе существует большое количество работ, посвященное рассмотрению особенностей языковой картины мира, значительная научная литература посвящена природе языковой оценки. Однако, как справедливо отмечает В.Н. Телия, в лингвистических трудах «...недостаточно четко определена роль символов, получающих языковое воплощение, в организации культурно-национальной системы критериев оценки, задающих антропометрическую точку зрения на объект и точку его «размещения» на шкале оценок и создающих предпосылки для адекватного или, по крайней мере, понятного всем членам лингво-культурной общности вынесения «приговора» вещам и событиям»[3].

Языковая картина мира является отражением общего национального представления о мире, в том числе и о конфигурации *ценностей* – понятий, в наибольшей мере связанных с идеалами общества, *явлений внешнего, или ментального мира, получивших наиболее позитивную оценку членов общества*. Ценность можно определить как *предельное представление о норме*. Поскольку ценности должны быть обязательно *признаны* человеком в качестве таковых, они являются продуктом *культурных*, а не стихийных природных процессов. Поэтому всякая аксиологическая система является антропоцентричной, так как вне человеческого отношения любые ценности не име-

ют смысла. Например, как бы ни был красив марсианский пейзаж, до тех пор, пока эта красота не будет оценена человеком, она не станет ценностью.

Ценности являются базовой категорией при построении картины мира, причем набор ценностей, их иерархия во многом определяет культурный тип того или иного социума. С точки зрения содержания понятий можно выделить моральные (дружба, любовь, правда, справедливость) и утилитарные (здоровье, комфорт, чистота) ценности, среди утилитарных выделяются ценности абстрактные (сон, отдых) и материальные («сникерс», «баунти»).

С точки зрения субъекта, признающего некое понятие за ценность, можно разграничить индивидуальные, групповые, этнические (национальные) и общечеловеческие ценности. Те или иные социальные группы или коллективы (семья, дружеская компания, партия, сословие, интеллигенция в широком смысле слова, крестьянство, духовенство, люди городской или сельской культуры), субэтносы (по терминологии Л.Н. Гумилева, субэтнос – это достаточно представительная часть нации, связанная общими хозяйственными, культурными традициями – казаки, старообрядцы, поморы и т.д.)) могут обладать особенностями в конфигурации ценностей, однако существует определенная *базовая система ценностей*, характеризующая нацию и определяемая общностью исторической судьбы, географическим пространством обитания, преимущественным характером хозяйственной деятельности и многими другими факторами. Эта базовая система ценностей находит отражение в языке – как в его системе (прежде всего лексической), так и в текстах, причем она манифестируется в текстах, которые являются *авторитетными* для абсолютного большинства членов социума (например, в пословицах, произведениях классической литературы). Назовем здесь *авторитетными* тексты, в которых с наибольшей возможной полнотой воплощаются представления народа о мире, о природе человека, о добре и зле, т.е. тексты, отражающие особенности национального самосознания[4]. Собственно, сама этническая система ценностей как таковая не вербализируется обществом, не представляется в виде набора постулатов, она как бы «разлита» в языке, в авторитетных текстах и может быть реконструирована на основании *оценок*, которые дают тому или иному понятию члены социума.

Этнографы, этнопсихологи говорят об устойчивых особенностях национального поведения, не подверженных господствующим в тот или иной исторический период идеологии, политическому устройству. В основе *архетипов* – глубинных невербализируемых стереотипов поведения, которые реализуются прежде всего в критические, кризисные моменты существования нации, – лежат ядерные национальные ценности.

Представление о базовых национальных ценностях является важным компонентом передающегося по наследству *традиционного* знания каждого

представителя этноса (в отличие от знания *рационального*, обусловленного личным жизненным опытом). Основная масса этнокультурной информации (традиционного знания) усваивается (как осознанно, так и бессознательно) в раннем возрасте вместе с языком[5].

Ядро базовых ценностей остается стабильным постольку, поскольку стабильным является сам язык и корпус признаваемых в качестве авторитетных текстов (изучаемый, например, в рамках школьной программы), однако периферийные части общенациональной системы ценностей подвержены изменениям. Важной предпосылкой любой революции является конфликт ценностей.

Создание глобальных общественных идеалов базируется на тех или иных ценностях, проповедуемых авангардом национальной интеллигенции в определенный исторический период, например, «*Третий Рим*», «*коммунизм*», «*рынок*», «*демократия*». Социокультурная жизненность этих идеалов напрямую связана с тем, насколько они коррелируют с ядерными национальными ценностями, включают ли они концепты, которые являются этнически значимыми (например, для русских это концепты: «державность», «правда», «справедливость»).

Установление соответствия реалий действительности с *предельным представлением о норме – ценностью* – происходит в результате оценочной деятельности социума. *Оценка* – это акт человеческого сознания, который заключается в *сравнении предметов, явлений и соотнесении их свойств и качеств с нормой*. Результаты этого сравнения закрепляются в сознании и в языке в виде *позитивного* (одобрение), *негативного* (осуждение) или *нейтрального* отношения (безразличие): **добро – зло – природа**. Первые две лексемы включают в свою семантику оценочный элемент, третья лексема нейтральна с точки зрения оценки. Таким образом, выражение оценки в языке трехзначно: *хорошо-нейтрально-плохо*.

Важность ценностных ориентаций в жизни того или иного этноса обусловила их «кодирование» в системе национального языка (лексики по преимуществу). Такое «кодирование» осуществляется прежде всего включением оценочного компонента в значение слов. Как указывала В.Н. Телия, «...эмотивно-оценочное отношение детерминировано мировоззрением народа – носителя языка, его культурно-историческим опытом, системой существующих в данном социуме критериев оценки...»[6].

Национальное своеобразие языковой картины мира заключается прежде всего в характере «расчленения» действительности, в обозначении тех или иных участков картины мира с большими или меньшими подробностями. В каждой языковой системе слова, обозначающие те или иные концепты, получают маркированность в парадигме *значимый-незначимый*, которая коррелирует с собственно оценочной парадигмой *хороший-плохой*. В последнее время в лингвистике появился интерес к рассмотрению слов, связанных с ядер-

ными концептами национальной культуры. Так, в качестве «ключевых слов» (особенно важных и показательных для отдельно взятой культуры) лингвисты рассматривают русские слова *судьба*, *душа*, *тоска* (А. Вежбицкая), *стыд* и *совесть* (Н.Д. Арутюнова), *простор*, *удаль* (А.Д. Шмелев).

Сложным является вопрос о выражении лексической единицей той или иной оценки. В работах, посвященных этой проблеме (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Е.М. Вольф, Е.В.Бабаева, Н.Б. Мечковская и др.), отмечается, что всякая оценка антропоцентрична, она базируется на понятии *нормы*, предполагающей сравнение всех явлений и предметов с некоторой идеализированной картиной действительности, отвечающей всем требованиям человека. Оценка явлений, значимых для существования человека в обществе, требует наличия системы конвенциональных правил – этических, эстетических, этикетных.

Природа оценки эмоционально-интеллектуальная, т. е. она является как результатом рационального осмысления реалий действительности, так и отражением эмотивного отношения к этим реалиям. Очень часто экспрессивная коннотация совмещается в лексеме с оценочной: **чинуша, змееныш, убоина, блеск!**. Степень проявления положительного или отрицательного отношения говорящего, т.е. *модус оценки,* может быть различным: **положительный, хороший, прекрасный, великолепный; отрицательный, плохой, ужасный, отвратительный, омерзительный.**

Средства выражения оценки, составляющие аксиологический языковой потенциал, представлены прежде всего на лексическом уровне. Именно слово является главным носителем оценки, прочие языковые средства лишь дополняют или конкретизируют ее в конкретном речевом высказывании. Оценочный компонент значения содержится далеко не во всех лексемах языка, а лишь в тех, которые способны выражать *отношение* человека к тому или иному лицу, предмету, качеству, действию; способны *содержать сравнение с нормой*, с теми реалиями действительности, которые признаются носителями языка в качестве образцовых. Оценку могут включать слова не всех знаменательных частей речи, а лишь существительные (**молодец, негодяй, отрава**), прилагательные (**полезный, невыносимый**), наречия (**замечательно, прелестно, жутко**), глаголы (**поддерживать, помогать, грабить, разбойничать**). Числительные нейтральны с точки зрения выражения оценки. Что касается местоимений, то некоторые из них (например, **свой, иной, наш**) могут обладать *потенциальной оценочностью*, т.е. ассоциироваться с понятиями, оцениваемыми положительно или отрицательно, реализовывать ту или другую оценку в контексте.

Следует отметить, что *аксиологическую потенцию* имеют многие слова языка, нейтральные с точки зрения своей оценочной характеристики. Так,

слова, обозначающие понятия **семья, родина, правда, честь**, имеют имплицированную положительную оценку, которая утверждается в сознании носителей языка в процессе их социализации и реализуется в авторитетных для большей части общества текстах. Аксиологическая потенция слова отражается и в особенностях словообразования: в возможности образования имен, содержащих суффикс, придающий производному слову положительную оценку: **волюшка, землица, земелька, мамочка, маменька, мамуля** и т.д. Потенциальную оценку, содержащуюся в слове, демонстрируют устойчивые лексические ассоциативные связи со словом, типичная лексическая сочетаемость (например, **правда-матушка, царь-батюшка**), вхождение слова в тот или иной синонимический или антонимический ряд, члены которого содержат в своем значении оценочную коннотацию.

Способы сочетания оценочного компонента с другими компонентами значения слова достаточно сложны. В лингвистической литературе используется различная терминология для описания способов комбинации в слове оценочных, дескриптивных (описательных) и экспрессивных компонентов значения. Так, оценка может составлять собственно денотативное значение слов (**хороший, плохой**), причем в семантике этих слов отсутствует эмотивный компонент. Н.Б. Мечковская называет подобные значения слов *общеоценочными неэкспрессивными*[7]. Оценочное денотативное значение слов может осложняться экспрессивным отношением (**гаденыш, мерзость, прелесть, великолепный**), в этом случае Н.Б. Мечковская использует термин *общеоценочные экспрессивные* значения слов, Н.Д. Арутюнова определяет подобные значения как *общеоценочные* или *итоговые*. Оценка может входить в денотативное значение вместе с другими компонентами (**полезный, добрый, протухший, злобный**). В таком случае, по Н.Б. Мечковской, речь идет об *оценочно-дескриптивном неэкспрессивном* значении. Подобное значение слов может осложняться эмотивной коннотацией (**вкуснотища, ворюга, брехня**), в этом случае значение слов является *оценочно-дескриптивным экспрессивным*. Н.Д. Арутюнова называет подобные значения слов *частнооценочными*. В некоторых словах оценочная коннотация, противоположная по знаку денотативной оценке, является иронической, смягчающей или эвфемистической (**грязнулька, поганенький, чертеночек**). Н.Б. Мечковская пишет о том, что «оценочность денотативных оценочных значений устойчива, общепринята и поэтому представляется говорящим объективной. Это сфера аксиологических пресуппозиций: оценки, заключенные в денотативных значениях слов, как бы «сами собой разумеются». Они бесспорны, но и тривиальны. Поэтому людям мало денотативных оценочных значений. Они используют оценочную экспрессию, заключенную в узуальной, но не денотативной семантике некоторых слов, – дополнительные (коннотативные)

экспрессивно-оценочные семы»[8]. Оценочная экспрессивная коннотация проявляется на фоне нейтрального в экспрессивном отношении слова, денотативное значение которого может быть связано или не связано с оценкой: хороший-**блестящий, великолепный**; приверженец-**прихлебатель**, консерватор-**рутинер.**

Лексика с оценочным значением, таким образом, составляет ядро языковой оценочной экспликации, однако средства выражения оценки представлены и на других уровнях системы языка, причем набор их достаточно разнообразен: это ***интонация***, различные ***аффиксы*** (словообразовательные элементы), а также ***синтаксические конструкции.***

На фонетическом уровне это прежде всего интонация, которая может менять оценку, заключенную в семантике слова, на противоположную: «Волосы всклокочены, щеки замурзаны. **Красавица**!». Лексемы в подобных контекстах употребляются иронически, возможность подобного употребления отмечается в словарях с помощью специальной пометы. Или: «Поднять такую махину! Силен **черт**!» Среди семи основных типов интонационных конструкций, используемых в русском языке, две интонационные конструкции используются преимущественно для выражения оценки: ИК-5 используется в экспрессивных предложениях, в которых дается высокая оценка, выражается восхищение: **Какой учитель Иван Сергеевич! Прекрасное лето!** ИК имеет два центра, в первом идет повышение тона, во втором – понижение. ИК-7 используется при выражении экспрессивного отрицания, усиления оценки: **Какой он учитель!** (Он плохой учитель). **Какая она отличница!** (Она вовсе не отличница). На гласном центра при этом отмечается восходящее движение тона.

Богатые средства выражения оценки представлены на уровне словообразования. Это прежде всего суффиксы субъективной оценки: **сынуля, мамочка, мягонький, уродина, пошлятина, скучища**. Суффикс может менять или смягчать оценку, заключенную в лексическом значении слова: **глупышка, обормотик, чертеночек**. Оценка может выражаться также с помощью приставок, которые при этом присоединяются к словам, нейтральным с точки зрения оценочности: **супермашина, супердевочка, псевдолитература, псевдогерой.** Чаще приставка усиливает оценку, которая содержится в слове: **премилый, препротивный, архиделовой, суперподлец**.

На уровне синтаксиса представлены конструкции, которые при соответствующем лексическом наполнении и интонационной оформленности выражают оценку. Например, это номинативные односоставные предложения, восклицательные по эмоциональной окрашенности, оформленные с помощью ИК-5: **Красота! Благодать! Шляпа! Ворона!** Для выражения отрицательной оценки в подобных предложениях часто используются слова с пере-

носным значением. Кроме того, особую синтаксическую структуру имеют предложения, используемые для выражения оценки и оформленные с помощью уже отмеченных выше ИК-5 и ИК-7. Это двусоставные предложения, в состав именного сказуемого которых входит вопросительно-относительное местоимение *какой*: **Какой он спортсмен!** (в зависимости от интонации – он *хороший* спортсмен или он *плохой* спортсмен).

Разнообразные языковые средства выражения оценки объединяются в тексте при «вынесении приговора» тому или иному лицу, предмету, явлению действительности. Сам акт оценивания заключается прежде всего в характеристике лица или предмета через оценочный семантический (часто совпадающий с синтаксическим) предикат. Как указывала Н.Д. Арутюнова в своей работе «Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт», оценочные предикаты условно можно разделить на два класса: *аксиологические (хороший-плохой) и деонтические (должный-недолжный)*. Четкого разграничения между ними нет. Оценка может опираться на ощущения, тогда это оценка гедонистическая или сенсорная, а также может проистекать из других принципов (нормативность, утилитарность и т.д.), тогда оценка имеет рациональный характер[9].

Предикат высказывания может быть общеоценочным, т.е. включать в денотативное лексическое значение только оценочный компонент, осложненный или не осложненный экспрессией: «*Бог* **не убог:** У Бога милости много.» (посл.); «Если мальчик любит труд, тычет в книжку пальчик, про такого пишут тут: *он* **хороший мальчик**» (Маяк.). Чаще всего в реальном высказывании предикат является частнооценочным, т.е. субъект характеризуется через какой-либо признак, включающий в лексическое значение оценочный компонент или ассоциирующийся с понятиями «хороший» или «плохой», «должный» или «недолжный»: «*Баба* **не квашня**: встала да и пошла» (посл.); «**Смирен** *топор*, да *веретено* **бодливо**» (посл).

При создании высказывания оценка, заложенная в семантике слова, вступает в сложное взаимодействие с другими средствами выражения оценки, реализуемыми в данном конкретном тексте. Как пишет Н.Б. Мечковская, «во всем здании оценочного суждения оценочные средства лексики – это только его «кирпичики» (готовые или на ходу создаваемые находчивым говорящим). Между тем на иллокутивно-синтаксическом уровне соединяются все оценочные возможности языка и речевого творчества говорящих: в речевых актах с оценочной иллокуцией создаются (а не воспроизводятся) сложные оценочные значения, формируемые в результате соединения-взаимодействия семантики структурной схемы предложения с оценочной семантикой ее лексического наполнения, а также благодаря оценочным возможностям интонации и паралингвистических средств»[10].

Аксиологическая картина мира, представленная в языке, ориентирует человека в системе ценностей, дает общее направление его стремлениям и жизненным целям. Так, понятия «правда», «красота», «справедливость» в соответствии с общенациональными установками маркируются в сознании представителя русского этноса положительной оценкой; понятия «ложь», «уродство», «несправедливость» – отрицательной. Эта аксиологическая проекция «наивной» картины мира дополняется программированием той информацией (наставления родителей и знакомых, литература, произведения искусства, воздействие СМИ и т.д.), которая проходит сквозь жизнь человека, особенно в период формирования его мировоззренческих установок – в детстве и юности.

Основываясь на своем «аксиологическом видении мира», человек формулирует оценочные суждения по отношению к тем реалиям, которые появляются в его жизни. Эти оценочные суждения можно отнести к категории ***когнитивных процессов***, или ***процессов переработки информации***. Психологи говорят о том, что вынесение оценки основано на сочетании рационального и эмоционального аспектов восприятия действительности, часто оценочными суждениями завершается процесс подготовки действия, на их основании развертываются так называемые регулятивные процессы: принимаются решения, осуществляется целеполагание и планируется поведение.

Рассмотрим отражение языком национальной ценностной ориентации на примере слов, называющих человека и содержащих в своей семантике оценочный компонент[11]. Данная группа слов, как представляется, в наибольшей степени ориентируется на базовые этнические представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо», поскольку «выносит приговор» главному объекту оценки в антропоцентрической ценностной картине мира – самому человеку. Отметим прежде всего многочисленность лексем, называющих человека и содержащих оценочный компонент (их около 1400). По значению их можно разделить на более чем 60 лексико-семантических групп, включающих названия лиц по характерным признакам: по свойству, состоянию, действию, функции, внешнему облику, отношению к кому-либо или чему-либо.

Перечислим самые большие по составу лексико-семантические группы: названия лиц по такому качеству, как хитрость, ловкачество, беспринципность, склонность к обману (**авантюрист, аферист, бестия, выжига, вьюн, гусь, делец, жох, жук, каналья, ловкач, махинатор, плут, пройдоха, пронырa, прохиндей, хитрюга, шельмец, шулер** и др. – около 100 лексических единиц); названия лиц по такому качеству, как бесчувственность, жестокость, злобность (**аспид, гад, ехидна, живоглот, живодер, зверь, изверг, кровопийца, людоед** и др. – более 50 лексических единиц); названия лиц по такому качеству, как невоспитанность, неразвитость, грубость (**бесстыдник, варвар, вахлак, грубиян, деревенщина, невежа, нахал, пакостник, пошляк, свинтус,**

срамник, хам и др. – около 50 лексических единиц); названия лиц по определенной манере речи, говорения (**балабол, балагур, болтун, ворчун, говорун, краснобай, молчун, сквернослов, пискля, спорщик, трепач** и др. – около 50 лексических единиц); названия лиц по таким качествам характера, как непоседливость, бойкость, веселость (**баловень, бедокур, бесенок, заводила, затейник, непоседа, оголец, стрекоза, проказник, сорванец, шалун, шкода** и др. – около 50 лексических единиц); названия лиц по таким особенностям поведения, как оригинальничанье, чудачество, манерничанье, легкомыслие (**вертихвостка, вертопрах, жеманник, кривляка, ломака, оригинал, паяц, позер, скоморох, стиляга, фат, чудак, шут** и др. – более 40 лексических единиц); названия лиц по таким качествам, как неаккуратность, медлительность, нерасторопность, неловкость (**ворона, грязнуля, квашня, клуша, мямля, недотепа, неряха, раззява, разиня, размазня** и др. – более 40 лексических единиц); названия лиц по таким особенностям поведения, как леность, праздность, тунеядство (**байбак, барич, бездельник, белоручка, лодырь, паразит, сачок, сибарит, трутень** и др. – около 40 лексических единиц); названия лиц по такому качеству, как отсутствие ума, способностей (**балбес, балда, бестолочь, дуб, дубина, дурак, примитив, тупица, чурбан** и др. – более 40 лексических единиц); названия лиц по таким качествам, как жадность, стяжательство, торгашество (**барахольщик, жадюга, крохобор, куркуль, обдирала, потребитель, рвач, скопидом, скряга** и др. – более 30 лексических единиц); названия лиц по таким особенностям поведения, как развратность, мотовство, беспутство (**бабник, блудник, волокита, греховодник, донжуан, мот, распутник, самец, сластолюбец** и др. – более 30 только цензурных лексических единиц, включая просторечные); названия лиц по таким особенностям поведения, как насмешничанье, вздорность, драчливость (**баламут, безобразник, бузотер, буян, дебошир, драчун, забияка, петух, скандалист, шпана** и др. – более 30 лексических единиц); названия лиц по таким особенностям поведения, как мелочность, надоедливость, привередливость (**зануда, зуда, капризуля, ломака, мымра, пила, привереда, ржа, смола** и др. – более 20 лексических единиц); названия лиц по таким особенностям поведения, как бахвальство, заносчивость, эгоизм (**бахвал, воображала, выскочка, гордец, зазнайка, индивидуалист, себялюб, сноб, эгоист** и др. – более 20 лексических единиц).

Как показывают приведенные примеры, самыми большими по количеству входящих в них слов являются группы, содержащие лексемы с компонентом отрицательной оценки. Из лексико-семантических групп, содержащих слова с преимущественно положительной оценкой, назовем следующие: названия лиц по таким качествам, как одаренность, обладание способностями, умом, талантом (**башка, вундеркинд, гений, гигант, голова, дарова-**

ние, златоуст, кудесник, мыслитель, острослов, талант, умник и др. – более 40 лексических единиц); названия лиц, связанные с обладанием знаниями, умом, опытом (**ас, виртуоз, дока, знаток, профессионал, умелец универсал, художник** и др. – около 20 лексических единиц); названия лиц по таким чертам характера, как героизм, удальство, стойкость, приверженность правде, свободе (**вольнолюбец, герой, кремень, орел, правдолюб, рыцарь, смельчак, удалец, храбрец** и др. – около 20 лексических единиц); названия лиц по таким качествам, как доброта, доброжелательность, бескорыстие (**альтруист, бессребреник, добряк, хлебосол, душа-человек** и др. – более 10 лексических единиц).

Лексемы с отрицательным оценочным компонентом представлены в данной группе слов и в русском языке вообще гораздо шире, чем слова с положительной оценочностью. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «...аномальные явления представлены несравненно более богато и разнообразно, чем нормативные. Язык склонен скорее обвинять человека, чем подчеркивать его соответствие норме»[12] . Причем, по наблюдению А. Вежбицкой, русская культура (в отличие, например, от англосаксонской) поощряет резкие, безоговорочные оценочные суждения. Такой вывод делает исследователь на основании сравнения частотности употребления в русском и английском языках слов **глупый, дурак, идиот**[13].

Более широкая экспликация отрицательной языковой оценки подтверждается и сравнением лексем с общеоценочным значением, которые могут употребляться в качестве обращений и содержать, с одной стороны, похвалу, одобрение, ласку, с другой – брань, хулу. Если одобрение, похвалу (включая ласковое сочувствие) содержат более 40 лексем, употребляемых в качестве обращений (**молодец, молоток, умница, бродяга, голубка, душенька, лапочка, орел, сокровище, ягодка, глупыш, глупышка, дуреха** и др.), то в качестве бранных наименований лиц используется более 110 лексем, включая просторечные (**субчик, фрукт, хмырь, цаца, ведьма, выродок, гадина, дьявол, зараза, карга, змей, кляча, мерзавец, скотина, черт** и др.).

Как важную характеристику лексики с оценочным компонентом отметим ее преимущественную стилистическую окрашенность. Сравнительно небольшое количество лексем из анализируемой нами группы являются стилистически нейтральными: **друг, враг, противник, гений, дарование, талант** и некоторые другие. В основном слова, содержащие оценочный компонент значения, стилистически окрашены. Подавляющее их большинство разговорные и даже просторечные, что наглядно демонстрируют приведенные выше примеры. Однако есть лексико-семантические группы, которые включают наряду с разговорными книжные слова: **неумеха, неуч, профан; безбожник, вероотступник; лопух, наивняк, провинциал**. Некоторые группы

состоят исключительно из стилистически окрашенных книжных слов, в этом случае сама характеристика лица по определенному признаку находится в сфере компетенции не «народного», а «интеллигентского» сознания. Например, названия лиц в соответствии со способом мышления, рассуждения: **демагог, догматик, доктринер, казуист, метафизик, начетчик, резонер, софист**; характеристика лица по умонастроению, мировосприятию: **идеалист, коллективист, максималист, меланхолик, утопист, циник**; характеристика лица по отношению к направлению, течению в науке, искусстве: **формалист, эклектик, эпигон, эстет** и др. Отметим, что аксиологически маркированная книжная лексика также преимущественно содержит негативную оценочность.

Таким образом, оценка находится преимущественно в сфере функционирования «высокого» (художественная литература, публицистика) и «низкого» (бытовая речь) стилей речи, тогда как «средний» стиль избегает резких оценочных суждений. Содержат оценочный компонент практически все просторечные слова-названия, поскольку включают в свое значение экспрессивную коннотацию, а, по словам В.Н. Телии, «любой вид эмотивного отношения к обозначаемому – это отношение оценочное...»[14]. Особенно богата стилистическая гамма отрицательной оценки, регистр негативной экспрессии может включать различные тона – от бранного, порицательно-неодобрительного до насмешливо-иронического.

Названия лиц включают оценочный компонент в свою семантику различным образом. В описываемой лексической группе практически отсутствуют слова с общеоценочным неэкспрессивным значением. Если собственно оценка составляет денотативное содержание слова, то оно обязательно осложнено экспрессией: **молодец, прелесть, гадина, зараза**. Оценочно-дескриптивное неэкспрессивное значение чаще всего присуще книжной лексике или словам, нейтральным с точки зрения стилистической окраски: **недоброжелатель, мудрец, утопист, прагматик, консерватор, схоласт**. Обычно отсутствует экспрессия при наличии оценки в прямом значении слов, характеризующих лиц по производимому ими действию: **вор, убийца, грабитель, вымогатель, рэкетир, предатель** и т.д.

Большинство слов-названий лиц обладают оценочно-дескриптивным экспрессивным значением, т.е. оценка входит в денотативное значение вместе с другим компонентом и осложнена экспрессивным отношением: **простофиля, тихоня, рубаха-парень, дьяволенок, егоза**. Экспрессивный характер названий лиц во многих случаях определен использованием в этой функции слов с переносным значением: **лиса, зверь, ишак, гадюка**. Кроме того, экспрессивными являются все слова общего рода: **зануда, растяпа, лапка, юла**. Эмотивное отношение к обозначаемому лицу выражают очень часто словообразовательные элементы: суффиксы, части сложносоставных слов: верт**ун**, востр**уха**, бодря**чок**, горл**ан**, сласт**ена**, писк**ля**, пустола**йка**, не**улыба (нулевой

суффикс), трепа**ч**, твар**юга**, стервоз**ина**, пошл**як**, звер**еныш**, злыд**ень**, **бой**-баба и т.д. Как показывают примеры, в основном аффиксы как показатели оценочной характеристики используются в разговорных и просторечных словах. Еще более обширным является набор суффиксов, который является показателем экспрессивно-оценочной окраски слова в диалекте[15].

Неоднородным является наполнение лексико-семантических групп с точки зрения оценочной характеристики лексем. В некоторых группах объединены слова только с положительной или (чаще) отрицательной оценочностью: например, названия лиц по такому качеству жизни, как умеренность, подвижничество (**аскет, подвижник, праведник, пуританин, спартанец, стоик** – положительная оценка); названия лиц по такому качеству, как педантичность, щепетильность, формализм (**буквоед, крючкотвор, педант, перестраховщик, формалист, чиновник, чинодрал, чопорник, щепетильник** – отрицательная оценка). Отдельные лексико-семантические группы могут включать слова, неоднородные с точки зрения содержащихся в них оценок, например, группа названий лиц, характеризуемых через их отношение к труду, включает как слова с положительной оценочностью (**труженик, трудяга, зверь – в работе зверь**), так и слова с отрицательной оценкой (**ишак, негр, службист**).

Отдельные нейтральные слова обладают аксиологической потенцией, которая чаще всего реализуется в текстах. Например, слово **человек** нейтрально с точки зрения выражения оценки, однако в конкретном высказывании оно может получать позитивную оценку: «Будь **человеком!**». Реализуемая оценка чаще всего вполне определенна. Так, лексемы **поклонник, почитатель, реалист, философ** содержат потенциальную положительную оценку; лексемы **остряк, законник, политик, денди** чаще характеризуют лицо с отрицательной стороны.

Сложнее обстоит дело с реализацией в тексте потенциальной оценки у некоторых семантически нагруженных лексем, ассоциирующихся с важными историко-культурными символами. Чаще всего это слова терминологического характера, связанные с деятелями различных исторических эпох, представителями партий: **якобинец, либерал, демократ, коммунист, диссидент** и др. Оценка понятий, заключенных в лексеме, у представителей отдельных социальных групп неразрывно связана с теми ассоциациями, которые вызывает слово. В публицистическом узусе оценка часто эксплицируется в производных существительных: **коммуняка, дерьмократ** и др.

Таким образом, заключенная в лексеме оценочная характеристика в контексте может быть положительной или отрицательной в зависимости от точки зрения говорящего: «С ним приятно общаться: он настоящий **интеллигент**»; «Разве может он понять простого человека, одно слово – **интеллигент**». Подобной оценочной амбивалентностью могут обладать целые группы лексики, например, названия лиц на основании таких качеств, как непо-

седливость, ловкость, бойкость, веселость, озорство. В одних контекстах слова типа **вертушка, непоседа, озорник, пострел, проказник** могут иметь отрицательную оценку, в других – положительную, в частности, если они называют детей и в качестве эмоционального отношения говорящего содержат ласку. В русском языке возможны высказывания типа «Мой Миша такой **озорник (шалун, пострел** и другие слова из той же лексико-семантической группы)!» с выражением ласки и даже гордости при невозможности аналогичного эмоционально окрашенного высказывания «Мой Миша такой **грязнуля!»**.

Некоторые слова с положительной оценкой меняют ее при добавлении суффикса (**добрячок, бодрячок, талантик**) или при ироническом использовании лексемы (**скромник, смиренник, доброхот, мыслитель, голова**). Ирония вообще является очень частотным и ярким средством экспликации оценки в тексте. Причем с помощью иронии в подавляющем большинстве случаев положительная оценка, заключенная в слове, меняется на отрицательную, и лишь в некоторых случаях (в основном в разговорной речи) ирония может смягчать или снимать негативную оценку в значении лексемы: «Украл у мамы пять копеек? Ну ты **бандит**!» (по отношению к ребенку).

В основном наименования лиц даются в словарях в форме мужского или общего рода, однако есть слова, приведенные, в частности, в Русском семантическом словаре в начальной форме женского рода. Чаще это слова с отрицательной оценочностью, которые содержат в денотативном значении представление о чисто женском «пороке»: **вертушка, простушка, вострушка, вертихвостка, кокетка, кумушка, салопница** (устар. сплетница), **фурия, чертова перечница, тараторка**.

Особый случай выражения оценки – наименование лица именем собственным, перешедшим в разряд нарицательного. Это чаще всего имена литературных героев или исторических деятелей, которые приобрели в национальном культурном контексте символический смысл. Имена персонажей, ставших воплощением определенных человеческих свойств, содержат оценку, однозначную для всех представителей социума – **Чичиков, Иудушка Головлев, Данко**. Сложнее обстоит дело со ставшими нарицательными именами исторических деятелей. В некоторых случаях закодированная в них оценка, которая базируется на денотативном значении слова и возникающих с ним ассоциациях, определенна для подавляющего большинства носителей языка (**Пушкин, Жуков, Мамай**). Однако подобного рода лексемы, являясь символами, очень тесно связаны с определенной системой взглядов, поэтому в разделенном идеологически обществе для разных носителей языка оценочная характеристика их будет противоположной (**Столыпин, Ленин, Сталин**).

Все вышесказанное связано с аксиологическим наполнением наименований лиц в литературном языке, однако в других разновидностях национального языка (жаргонах, диалектах) оценочная характеристика лексем данной семанти-

ки представлена еще ярче. Например, наблюдения над использованием лексики со значением лица показывают, что в диалекте используются более обширные, чем в литературном языке, ряды синонимических слов-названий лиц по характерному качеству или действию. Такое значительное количество лексем с ярко выраженной (в основном отрицательной) экспрессией обусловлено большей непосредственностью носителей говора в выражении отношения к тому или иному человеческому пороку, отсутствием конвенциональных запретов на выражение отрицательных эмоций, которые негласно соблюдаются носителями литературного языка при создании, например, текстов кодифицированной разновидности языка. Как уже было отмечено выше, в общенациональном языке отрицательная экспрессия эксплицируется в основном в просторечии.

Семантическая группировка лексических единиц в диалекте в общем соотносима с лексико-семантическими группами слов в литературном языке. Л.В. Граве называет, например, в качестве самых обширных групп лексики со значением лица в смоленских говорах названия лодырей, бездельников (**латрыга, тягарик, гультяй, дендюря, банцуй, лында** и др.); названия пьяниц, дебоширов, бродяг, хулиганов (**запивака, шеряла, накольник, буйник, опущенник, шелоброд** и др.); названия наивных, простодушных, не приспособленных к жизни людей (**халтома, лохмяк, нехлюй, недоступок** и др.); названия легкомысленных, беззаботных людей (**шаборша, гойда, нажиганка, халамындра, лотра, пустыня** и др.); названия лгунов, сплетников, пустословов (**жуда, халахол, лухта, барабошка, балабон, рега** и др.); названия злых, сварливых, упрямых, хитрых людей (**съедуга, поедуха, настыра, упротень, убоина, злыдень** и др.); названия нерях и грязнуль (**мазепа, мурза, мурзопа, чумазей, немытька** и др.) и некоторые другие лексико-семантические группы[16]. Показателями отрицательной экспрессивной окрашенности слов в говоре исследователь считает их соотнесенность с понятием негативного плана, контекстуальные условия их употребления и специфическую интонацию, использование слов в переносном значении, наличие суффиксов субъективной оценки, отчасти морфологический облик слова. Как показывают наблюдения, аналогичные факторы обусловливают наличие оценочных экспрессивных коннотаций и у слов литературного языка.

Анализ слов со значением лица в современном русском литературном языке с точки зрения заключенной в них оценки демонстрирует важность этой группы лексики для выявления особенностей конфигурации русской национальной системы ценностей, для построения аксиологической языковой картины мира. Состав лексико-семантических групп, количество входящих в них слов, т.е. «плотность» заполнения семантического пространства, свидетельствует о значимости того или иного человеческого качества для носителей языка. Экспрессивно-оценочная характеристика слов говорит об определенном отношении к качествам характера, особенностям поведения,

причем это отношение может быть национально специфичным. Например, наибольшее количество русских слов с отрицательной экспрессией характеризует людей по таким качествам, как хитрость, ловкачество, беспринципность. В другой этической системе такое качество, как ловкачество – другими словами, предприимчивость – может получить скорее положительную оценку.

Для полноты представления о значимости того или иного понятия в языковой картине мира семантический анализ слов, воплощающих эти понятия в названиях лиц, должен быть подкреплен данными о частотности употребления лексем, об их фразеологической и словообразовательной активности, об обозначении аналогичных понятий словами иных лексико-семантических групп: абстрактными существительными, качественными прилагательными и наречиями.

---

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983. С. 152.
2. Цитируется по книге: Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001. С. 22.
3. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. С. 39-40.
4. См. об этом: Смирнова Л.Г. Авторитетные тексты в национальном самосознании // Четвертые Поливановские чтения: Сборник научных статей. – Смоленск: СГПУ, 1988. С. 18-23.
5. Бромлей Ю.В. Указ. соч. С. 110.
6. Телия В.Н. Указ. соч. С. 39.
7. Мечковская Н.Б. К характеристике аксиологических потенций слова: концепты «круг», «колесо» и их оценочно-экспрессивные дериваты // Логический анализ языка: языки пространств / РАН, Ин-т языкознания. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 300.
8. Там же. С. 302.
9. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт . – М., 1988. С. 201-210.
10. Мечковская Н.Б. Указ. соч. С. 304.
11. Языковой материал для статьи извлечен прежде всего из Русского семантического словаря: Русский семантический словарь. – М., 1998. Т. 1.
12. Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: языки этикн. – М., 2000. С. 70.
13. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001. С. 32.
14. Телия В.Н. Указ. соч. С. 42.
15. См., например, об этом: Щебникова В.А. Суффиксальное словообразование существительных мужского рода со значением лица (на материале смоленских говоров) // Принципы и методы лексико-грамматических исследований: 1-ый межкафедральный семинар аспирантов-языковедов: В 2 ч. – Л., 1972. Ч. 2.
16. Граве Л.В Экспрессивная лексика со значением лица в смоленских говорах // Вопросы теории и методики изучения русского языка: Ученые записки Смоленского государственного педагогического института им. К. Маркса. Вып. XXII. – Смоленск, 1970. С. 181-196.

М.И. Тарасов

АНАЛИЗ ИСХОДНОГО ТЕКСТА И НАПИСАНИЕ ТЕКСТА СОЧИНЕНИЯ-РЕЦЕНЗИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИТОГАХ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В Смоленской области, как и других регионах России, в 2003г. проводился Единый государственный экзамен по русскому языку. В его состав было включено следующее задание: «Напишите сочинение-рассуждение (отзыв, рецензию, эссе) по прочитанному тексту, выскажите свое мнение о содержании текста: считаете ли вы актуальными мысли автора. Разделяете ли его точку зрения. Аргументируйте своё мнение.

Отметьте не менее двух языковых средств, характерных для данного текста; объясните их роль и приведите примеры использования в тексте...»

Формулировка тестового задания могла быть различной в варианте, предложенном для экзамена, и в тестовых заданиях, предлагаемых для подготовки к экзамену, однако эти различия непринципиальны и могут не учитываться. Требования к сочинению, заложенные в задании, были развиты и с оптимальной степенью подробности оформлены в рекомендациях проверяющим написанное школьниками сочинение. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на содержании критериев оценки сочинений, хотелось бы высказаться о другом: каковы навыки и умения учащихся, проявленные ими при написании сочинения-рассуждения, и каковы могли бы быть рекомендации готовящим их к экзамену учителям. Разумеется, наши замечания носят предварительный характер и являются лишь приглашением к обсуждению важной и интересной темы, обозначенной в заглавии нашей статьи.

Первая из оценок за сочинение выставляется за «понимание содержания исходного текста». Чтобы осознать, насколько глубоким может быть такое понимание, следовало хотя бы на одном примере познакомиться с исходными текстами. Приведем наиболее интересный, на наш взгляд, текст полностью:

«Даже самые развитые люди, я заметил, глубоко убеждены в том, что жить духовной жизнью – значит ходить в театры, читать книги, спорить о смысле жизни. Но вот в «Пророке»:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился...

Чего же не хватало пушкинскому герою – споров, театров и выставок? Что значит – духовная жажда?

Духовность не то, что культура поведения или образованность. Огромное количество людей, не имея образования, обладает высочайшей силой духа.

Интеллигентность – не образованность, а духовность. Отчего самые тонкие ценители искусства бывают порой негодными людьми? Да потому, что само по себе чтение книг, посещение театров и музеев не есть духовная жизнь. Духовная жизнь человека – это его собственное стремление к высокому, и тогда книга или театр волнуют его, потому что отвечают его стремлениям. В произведениях искусства духовный человек ищет собеседника, союзника – ему искусство нужно для поддержания собственного духа, для укрепления собственной веры в добро, правду, красоту. Когда же дух человека низок, то в театре и кино он лишь развлекается, убивает время, даже если он является ценителем искусства. Точно так же может быть бездуховным и само искусство – все признаки таланта налицо, но нет стремления к правде и добру и, значит, нет искусства, потому что искусство всегда духоподъемно, в этом его назначение. Бывает и обратное: есть добрые, способные любить и надеяться люди, которые не знали в детстве и в юности высших духовных стремлений, не встречались с ними. Такие люди не нарушают моральных законов, но бездуховнось их сразу видна. Добрый и работящий человек, но не мучается его душа, не может, не хочет он выйти за круг бытовых забот. Чего жаждет человек, когда у него духовное томление? (18) Обычно желания делят на высокие и низкие, добрые и дурные. Но разделим их по иному принципу: на конечные и бесконечные. Конечные желания могут быть осуществлены к какому-то числу; это желания приобрести, получить, достичь, стать… Но никогда не исполнятся полностью, не исчерпают себя желания бесконечные – назовем их стремлениями: «священный сердца жар, к высокому стремленье» (Пушкин). Бесконечно стремление к добру, неутолима жажда правды, ненасытен голод по красоте…»

(С. Соловейчик)

Как видим, текст, несмотря на относительную простоту выражения, сложен концептуальностью своего содержания. Далеко не все испытуемые смогли правильно его понять. Читая некоторые работы, можно было заметить, что отдельные мысли автора удивили школьников, пошли вразрез с их собственными представлениями о «хороших» и «плохих» человеческих качествах. В частности, непонятно им было, как же это «добрые, способные любить», законопослушные люди вдруг оказываются бездуховными. Другие так и не смогли определить, к чему же приравнивает С. Соловейчик духовность, с помощью каких же терминов, нагроможденных им самим (образование, культура, искусство, интеллигентность и т.д.), он объясняет это понятие.

Понимание того, что такое культура и интеллигентность, духовность и прочее того же рода, достигается на всех школьных уроках и в процессе так называемой внеурочной воспитательной работы. Однако нельзя не видеть, что постижение смысла фундаментальных концептов (культура, интеллигентность, духовность и т.д.) непременно должно быть предметом филологи-

ческих занятий в школе и может быть оформлено в виде соответствующих лингводидактических комплексов на уроках русского языка. То же самое можно сказать и о других экзаменационных текстах: в них затрагиваются некие базовые понятия, осознание которых должно опираться на специальную лексикологическую и лингво-когнитивную работу. Каковы же конкретные параметры этой работы? Это серьезная и актуальная лингводидактическая проблема, требующая отдельного обсуждения. В данном случае мы не будем её касаться.

Текст С. Соловейчика показал ещё одну проблему, связанную с предыдущей, а именно задачу формальной организации того лингво-когнитивного содержания, которое вызывается в нашей памяти произнесением слов «культура», «образованность» и подобными. Как бы ни были сложны и малодоступны для школьного изучения проблемы когнитивной лингвистики (а может быть, мы эту сложность несколько преувеличиваем), существует давняя традиция представления любого содержания в виде определенного и ограниченного круга моделей.

Прежде чем сказать об этих моделях, отметим ещё одну сложность, с которой столкнулись экзаменуемые в попытках осмыслить предложенный им текст. Мало того, что рассуждение С.Соловейчика перенасыщено абстрактными словами, так они еще и выстраиваются в довольно прихотливые отношения между собой. Назовем некоторые такие конфигурации: духовность – это не культура поведения и образованность; интеллигентность – это не образованность, а духовность; простые, хорошие, законопослушные люди оказываются бездуховными, таковыми же оказываются и ценители искусства и т.д. Разбирая всё это, сам черт ногу сломит! Не говоря уже о среднестатистическом старшекласснике.

Существует ли метод, позволяющий если не научить школьников создавать в уме сложные конструкции из абстрактных понятий, то хотя бы вооружить их достаточно качественным инструментарием, пригодным для выполнения этой задачи? Такой метод давно известен и описан в классической риторике, в её особом каноне, называемом инвенцией. Речь прежде всего идет о таком разделе риторики, как учение об «общих местах риторических», или топосах (топах). Учение о топосах было долгое время предано забвению, но в настоящее время возрождается прежде всего как дидактический объект. Существует замечательное пособие, в котором топосы разобраны подробно, это «Основы риторики» – учебник для 10 и 11 классов, написанный А.К. Михальской (М., 2001). Для ознакомления учащихся с риторикой, её канонами и, в частности, учением о топосах можно рекомендовать также фундаментальную по охвату материала книгу Л.К. Граудиной и Г.И. Кочетковой «Русская риторика» (М., 2001).

«Общие места риторические», или топосы, представляют собой формы мышления самого широкого обобщения. Возможны разные способы их представления в виде учебного материала. Одним из них может быть следование

классификации, выдвинутой М.В. Ломоносовым. Ломоносов описал 16 топосов, из которых в рассматриваемом нами тексте реализованы следующие: род и вид, целое и части, свойства «жизненные», действия и страдания, подобия, противоположные и несходные вещи; этот список, очевидно, может быть продолжен. Топосы удобны именно как основа создания семантической структуры речи, или, в данном случае, написанного текста. Следующим этапом формирования содержания текста должно стать заимствованное из риторики построение семантического каркаса текста, элементы которого связаны друг с другом ассоциативными связями. Способы построения опорных смысловых конструкций также хорошо и подробно описаны в учебнике Михальской.

Здесь хотелось бы коснуться очень важного момента: способы создания содержания текста должны быть начальным этапом работы над текстом, прежде всего нужно создать смысловой каркас сообщения, затем подумать о расположении частей, далее найти соответствующие содержанию слова – в общем, всё так, как диктуется последовательностью классических риторических канонов. Если перед нами ставится задача написания рецензии на уже готовый текст, то подготовительная работа к ней, очевидно, должна быть такой же, как и при написании любого другого текста, в частности того, который послужил исходным для ученической рецензии.

На наш взгляд, вообще необходимо абсолютно четко разграничить, каковы этапы работы над текстом при подготовке к его написанию и каковы этапы его анализа в жанре рецензии. Как это ни странно, они различны прежде всего потому, что имеют принципиально разные цели. При подготовке к написанию текста ставится задача максимально адекватно отразить избранное содержание в языковых формулах. Если мы хотим описать именно этот процесс, то наш текст по поводу текста, или метатектст, будет представлять собой лингвистический анализ текста, а не рецензию на него. Иначе говоря, при написании рецензии на текст требуется не описать механизмы превращения некоего содержания в текст, а высказаться о содержании текста, отвлекаясь от структурной организации его смысла. К сожалению, эта, казалось бы, очевидная мысль не кажется таковой многим педагогам.

В значительном количестве экзаменационных сочинений содержались констатации такого рода: основная тема текста содержится в первом предложении, абзаце и т.д., подтемы содержатся в следующих предложениях...; текст представляет собой рассуждение, так как тезис содержится в первом предложении или абзаце, доказательство тезиса в следующих предложениях; перед нами текст, так как составляющие его предложения связаны по смыслу и грамматически. Все эти констатации важны и необходимы. Но только когда? По-видимому, в тех случаях, когда требуется дать лингвистический анализ текста. Повторим, что эта задача и написание рецензии – вещи разные.

Именно так, вероятно, понимают задачу испытуемого составители тестов, поскольку, говоря об отражении содержания исходного текста в экзаменационном сочинении, считают нужным, чтобы экзаменуемый «в той или иной форме отразил и прокомментировал основные мысли автора: духовность – качество, которое многие хотели бы в себе развить, зачастую не зная, в чем оно проявляется, путая его с образованностью, воспитанностью; духовность – это сила духа, активное стремление к добру, правде, красоте, поиски, возможно, недостижимого идеала».

Параметры анализа текста, которые были упомянуты выше: выделение тем и подтем, квалификация текста по его отнесенности к тем или иным типам речи-текста – могут, разумеется, использоваться на занятиях по русскому языку, посвященных обучению навыкам построения связного текста. Вместе с тем мы остаемся при своем мнении, что работа с общими риторическими местами продуктивнее других способов представления концептуального содержания текста.

В любом случае, в рамках школьной подготовки к написанию сочинения-рецензии должны использоваться разные методы описания структуры текста и структурного анализа его содержания. По-видимому, ни один из них не может быть самодостаточным и единственно возможным. Организующим началом в работе учителя над сочинением-рецензией способен стать, как нам кажется, такой подход к тексту, который можно назвать содержательно-коммуникативным. Смысловое наполнение абзацев текста должно рассматриваться в пределах параметров, задаваемых такими категориями, как диктум и модус: о чем говорит автор? зачем он это говорит, с какой целью? кому? и т.д. Ответы на эти и им подобные вопросы и должны стать подготовительными материалами для рецензии экзаменуемого.

Позволим себе ещё раз процитировать модель ответа, предложенного составителями, в той части, которая касается языкового анализа исходного текста. «Желательно, чтобы в сочинении экзаменуемый назвал не менее двух языковых средств выразительности, характерных для данного текста (риторические вопросы, сопоставление и противопоставление, градация, цитирование, экспрессивная книжная и разговорная лексика и фразеология и др.), объяснил их роль в тексте в соответствии с задачей речи и замыслом автора, привел примеры». Рекомендации посвящены собственно формальным особенностям текста, вместе с тем нельзя здесь не воспользоваться неожиданно представившимся поводом и не вернуться ненадолго к уже сказанному об организации содержательной стороны текста. В приведенной цитате как об одном из выразительных сретств языка говорится о «сопоставлении и противопоставлении», т.е. фактически об одном из вышеупомянутых топосов – противоположные и несходные вещи. Понятно, что содержание формально, а

форма содержательна, однако, наверное, всё-таки следует различать их и тем более это следует делать в процессе преподавания.

Вряд ли возможно предугадать все реакции пишущих сочинение школьников, вот и в данном случае мы находим неожиданные, и в месте с тем крайне симтоматичные замечания одного из экзаменуемых по поводу формальной организации этого текста. Суть их в сдедующем: один из испытуемых посчитал, что данный текст написан ребенком или, по крайней мере, так, как пишут дети. На каком же основании было сделано такое замечание? На основании того, что текст содержит много вопросов и ответов, которые чаще всего выражаются простыми по структуре предложениями. Очевидно, автор приведенного замечания интуитивно почувствовал, что одной из самых ярких формальных сторон этого текста является его сегментированный характер. Сегментация, или квантование, напомним, являются одним из в высшей степени продуктивных способов организации устного и, как видим, письменного текста. Он заключается в том, что сложная информация дробится на элементарные составляющие, которые передаются в тексте в виде предложений, имитирующих диалог автора с самим собой. Несколько странно, что авторы тестов не сочли возможным включить сегментирование в перечень средств выразительности, использованных в данном тексте. Проблема здесь, однако, глубже, чем забвение даже такого важного приема организации текста, как сегментирование, или квантование. Рекомендация отметить «не менее двух языковых средств выразительности» в рецензируемом тексте слишком отдает школярством, слишком формальна и несущностна. Речь, очевидно, должна вестись о типических особенностях языка автора, о его синтаксических, лексических и стилистических особенностях, об излюбленных им средствах выразительности. Мы понимаем, однако, что задача сказать об этом в краткой рецензии так, чтобы сделанные замечания были адекватны тексту, слишком сложна и слишком немногим под силу. Вместе с тем это нисколько не отменяет необходимости учить школьников оценивать язык писателя в целом, в комплексе, как бы примеривая его к собственной письменной и устной речи. Пока же наиболее хитроумные школьники, как это явствует из их оценок собственных трудов, сознательно включали в свои работы клишированные фразы типа «автор использует богатый арсенал выразительных средств», «обращает на себя внимание широкое применение автором такого средства художественной выразительности, как... » и т.д. Впрочем, негативное ли это явление – умение пользоваться стандартными формулами в стандартном тексте? Такое умение, очевидно, должно входить в минимальный набор языковых навыков всякого образованного человека. Но если это так, то об этом нужно говорить честно и учить в школе, кроме всего прочего, умению оперировать стандартными, ситуативно и стилистически дифференцированными речевыми формулами.

Следует также сказать о собственно языковом оформлении экзаменационных сочинений и, прежде всего, об их синтаксисе. Разумеется, можно было найти целый ряд работ, написанных если не блестяще, то, по крайней мере, приемлемо. Однако обращали на себя внимание работы, язык которых вызывающе неправилен. Эта неправильность заключается в отсутствии элементарных навыков построения сложных предложений. Отметим здесь два типичных и показательных синтаксических недочета. Довольно часто школьники начинали предложение со слова «ведь»: «Ведь писатель хочет сказать, что…» и тому подобное. Это предложение придаточное, но выступает в качестве самостоятельного. Такой тип предложений допустим в разговорной речи и экспрессивном книжном синтаксисе, но вряд ли оправданно его массовое использование в экзаменационном сочинении. За этим речевым недочетом стоит более важная проблема. Почему школьники начинают предложения с подчинительного союза с причинным значением? Очевидно, потому, что тип текста, составляемого ими, – это рассуждение, а в рассуждении после тезиса должны следовать аргументы, которые естественно присоединить к тезису с помощью причинного союза. С другой стороны, аргументов много и нельзя же при каждом из них повторять доказываемый тезис. И вот здесь обнаруживается то, что довольно плохо умеют делать школьники, а именно варьировать некую основную мысль, для того чтобы при вариативных её повторениях добавлять к ней новую необходимую информацию. Докажем свою мысль на более простом примере. Если оснастить основу предложения «он идет» всеми возможными обстоятельствами, отвечающими на вопросы где?, куда?, откуда?, когда?, зачем?, почему?, как?, с кем? и т.д., то получится предложение чрезмерно длинное и невразумительное. Чтобы этого избежать, но при этом не потерять нужной информации, следует составить несколько предложений, в которых общая часть «он идет» была бы подана вариативно. Вторая проблема является зеркальным отражением первой. Школьники в целом ряде случаев не могут правильно построить сложное предложение, у них получаются длинные конструкции, в которых немотивированно соседствуют паратаксис и гипотаксис. Можно ли этого избежать? По крайней мере, следует попытаться. Сделать это можно, на наш взгляд, акцентировав внимание при изучении синтаксиса не на обязательном заучивании типов придаточных и тому подобной информации, а на том, что любое сложное предложение с сочинительной, подчинительной или бессоюзной связью тяготеет к бинарной конструкции, где один элемент основной, а второй подчиненный. Следовательно, научить нужно прежде всего составлению таких бинарных конструкций, а затем уже можно показывать пути их усложнения.

Таким образом, необходимость написать сочинение на экзамене, проводимом по-новому, высветила множество актуальных для современного пре-

подавания русского языка проблем. И если быть очень кратким, то можно сказать следующее: современное преподавание русского языка нуждается в привлечении двух неожиданно сомкнувшихся, кажущихся крайними проявлениями развития филологических наук, но внутренне единых дисциплин: риторики и когнитивистики. Конкретные пути совершенствования содержания школьного курса русского языка – предмет дальнейшего, актуального и интересного обсуждения.

Е. Ф. Троицкий

ТЕРМИНЫ ДЛЯ ОПИСАНИЯ РАВНОПРАВНЫХ КОМПОНЕНТОВ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Настоящая работа представляет собой продолжение комментирования терминов, которые используются в исследованиях сочинительных конструкций.

В предыдущих статьях были кратко рассмотрены такие термины*.

Термины, касающиеся сочинительной конструкции в целом: *сочинительная конструкция; сочинительный треугольник; двойное выражение сочинительного треугольника; оксюмороны (в сочинительной конструкции); список слов, способных выступать в функции того или другого компонента сочинительной конструкции; описываемая ситуация; ситуация речи (или ситуация общения).*

Термины для описания сочинительных союзов: *сочинительный союз; значение сочинительных союзов; лексическое значение сочинительных союзов; частные значения сочинительных союзов; значение сочинительных союзов и четыре аспекта предложения; функции сочинительных союзов; собственно соединительная функция сочинительных союзов; замыкающая функция сочинительных союзов; перечислительная функция сочинительных союзов; классификация сочинительных союзов; классификация сочинительных союзов по отношению к общему третьему; классификация сочинительных союзов по отношению между равноправными компонентами.*

Термины для описания общего третьего; для описания общего элемента: *общий член; общий элемент; неповторяющийся общий элемент; повторяющийся общий элемент; нераспространенный общий элемент; распространенный общий элемент;* для описания обобщающего элемента: *обобщающие слова; обобщающий элемент; нераспространенный обобщающий эле-*

мент; распространенный обобщающий элемент; для описания общей картины: *общая картина; типы и разновидности общих картин.*

Термины для описания сочиненных рядов: *сочиненный (сочинительный) ряд; границы сочиненного ряда; однородные члены; тождественные члены; однородность (в смысле «однородность-одинаковость»);* для описания равноправных компонентов: *равноправные компоненты; сочиненный (сочинительный) элемент; конкретизаторы; тантум; цетера; элемент множества; значение множественности (в сочинительной конструкции); значение подобия в сочинительной конструкции; значение местоименности (в сочинительной конструкции).*

Для описания сочиненных рядов и равноправных компонентов используются также и другие термины.

Способы указания на конец ряда равноправных компонентов бывают различными. Наиболее известен способ замыкания ряда сочинительным союзом: союз стоит перед последним из однородных членов или, шире, перед последним из равноправных компонентов. При этом равноправными компонентами могут быть однородные члены: *Климент, Орест и Илларион не выехали за границу. Афиноген заявил, что ему здесь недостает материала, что он не может работать в таких условиях, и что он должен сменить место жительства.*

Ограничивают количество равноправных компонентов противительные союзы, например, союз *но.*

На конец сочиненного ряда в самом его начале указывают двойные союзы. Они показывают, что в сочиненном ряду более двух равноправных компонентов быть не может.

Перед сочиненным рядом может быть точное указание на количество равноправных компонентов: *Нас было трое: Таня Сережа и я.*

Конец сочиненного ряда заранее может быть известен благодаря другому сочиненному ряду, например: *Он читал с раскаянием, радостью и тревогой. С раскаянием, что так непоправимо поздно узнавал ее. С горделивой радостью, что она такая, и оказывается, сбываются, сбываются надежды юности. Ничто не исчезает, как дым, и все лучшее, что оставалось, а иногда и едва брезжило в душе под завалом времени и ошибок, так или иначе отразилось в ней. С тревогой, что так горит ее сердце. Оно уже изнемогает (А. Калинин).*

Однако из-за наличия распространенных сочиненных элементов правую границу сочиненного ряда с точностью до одного слова предварительно установить не удается.

О конце ряда мы догадываемся иногда по содержанию последнего равноправного компонента. Например, последним в перечислении обычно автор называет себя (*я*).

На последний равноправный компонент указывают конкретизаторы, например, *наконец, сначала – потом.*

На конец ряда равноправных компонентов указывают цетера и тантум (см.: *цетера, тантум*).

Есть и другие способы указания на конец ряда равноправных компонентов.

Количество одноименных сочиненных рядов бывает различным. Например, несколько однородных подлежащих есть в предложении: *Не только Ангелина, но и Аверкий и Авдий досрочно справились с заданием.* Здесь один сочиненный ряд оформлен союзом *не только...но и,* а второй – союзом *и.*

Разделение одноименных членов на два и более рядов диктуется не только использованными в предложении союзами, но и соотношением содержаний равноправных компонентов, конкретизаторами, обобщающими элементами и общими элементами.

Морфологическая однородность сочиненных элементов представляет собой одинаковые морфологические признаки для всех членов ряда: одна и та же часть речи, одна и та же грамматическая форма и т.д.

Нарушения морфологической однородности довольно часты в современном русском языке. Например: *Аристарх был художником и прославился своими портретами. Аггей был с тросточкой и в шляпе.*

К числу регулярных нарушений морфологической однородности следует отнести применение тантума и почти всех употреблений цетеры. Например: *Арсений читал и только.* См.: *цетера, тантум.*

Морфологической однородности нет во вторичной связи, например: *Медленно, но крепнет экономика.*

Ее нет в соединении разнофункциональных членов, например: *Кто и когда об этом говорил?*

Синтаксическая ассимиляция представляет собой соединение в одном ряду предикативной единицы с членом предложения, например: *Вавила знал правило и как его нужно применять на практике.*

Структурная однородность членов ряда равноправных компонентов обнаруживается в случаях, когда все члены ряда являются распространенными или в тех случаях, когда все члены ряда являются нераспространенными. См.: распространенные равноправные компоненты; нераспространенные равноправные компоненты.

Примеры структурно неоднородных равноправных компонентов: *Василиса принесла красный карандаш и ручку. Василия решала уравнение с двумя неизвестными, а Васса читала роман, потому что она очень быстро справилась с домашним заданием.*

Распространенный сочиненный элемент представляет собой словосочетание простое или сложное, а также слово с зависимой от него предика-

тивной частью. Говоря вообще, распространенный сочиненный элемент – это слово, называющее элемент какого-то множества, со всеми словами и предикативными единицами, которые к нему относятся. Например: *Венедикта чистила морковь и резала салат, который она только что купила.*

Нераспространенный сочиненный элемент – это сочиненный элемент, представляющий собой слово, фразеологическую единицу или предикативную единицу, которые не имеют при себе зависимых слов. Например: *Вигилий писал и рисовал. Викентий опоздал и был не в своей тарелке. Светило солнце и цвели цветы.*

Нераспространенная цетера – цетера, не имеющая при себе поясняющих слов: *Викториан принес бумагу и другие письменные принадлежности.*

Распространенная цетера – цетера, имеющая при себе поясняющие слова, например: *Кассиопеи и ей подобных созвездий тогда еще не знали.*

Синтаксическая однородность – явление, характеризующееся одним и тем же синтаксическим статусом всех равноправных компонентов. При связи членов предложения все однородные члены являются, например, подлежащими. При связи предикативных единиц все они характеризуются одинаково с грамматической точки зрения. Например, сочинительный союз связывает несколько придаточных изъяснительных: *Кира думала, что опоздает на поезд и что не сумеет передать документы директору завода.*

Синтаксическая неоднородность – явление довольно обычное. Присоединительный оттенок (или присоединительное значение) при этом вовсе не обязателен. Например, соединение в одном ряду дополнения и обстоятельства: *Читать то некому, то некогда.* Наличие повторяющегося союза здесь подчеркивает, что говорящий сразу планировал оба однородных члена.

Пример синтаксической неоднородности предикативных частей в сложном предложении: *Вонифатий рассказал нам, кто первый поднялся на Эльбрус и почему так долго об этом многие не знали.*

Регулярное нарушение синтаксической неоднородности наблюдается при употреблении тантума и, часто, при употреблении цетеры. Тантум *только* или *все,* представляющий собой частицу, членом предложения не является, в то время как перед ним всегда стоит один или несколько сочиненных элементов. Сочиненный элемент является членом предложения, частью члена предложения или членом предложения с зависящими от него другими членами предложения.

Цетера *так далее* тоже не является членом предложения.

Логическая неоднородность упоминается в работах об однородных членах, однако четко не отделяется от семантической неоднородности. Однородные члены в примерах типа *Она дышала на меня луком и страстью. У меня были длинные волосы и дерзкие мысли* расценивают как семантически неоднородные.

Однако здесь налицо, видимо, и логическая неоднородность. Если семантической стороной предложения считать отражение им описываемой ситуации, а логической стороной – мышление о ней, то намечается и граница между двумя указанными аспектами предложения. Ср.: *Крыши сырые, потому что шел дождь. – Шел дождь, потому что крыши сырые.*

В первом предложении причинный союз стоит в предикативной единице, называющей причину явления «крыши сырые». Союз выражает семантическую сторону предложения: указывает на причину в окружающей действительности.

Во втором же предложении причинный союз стоит в той его части, где говорится о следствии (*Шел дождь, так что крыши сырые*). Союз *потому что* выполняет уже не семантическую, а логическую функцию: он указывает на логическое основание для утверждения «крыши сырые».

Что касается сочинительной конструкции, то логическую однородность, видимо, надо видеть там, где равноправные компоненты имеют в виду (то есть называют – в случае с сочиненными элементами; или указывают – в случае с цетерой и тантумом) одно множество. Например, *деревья: клены, вязы, липы; Наступила весна: прилетели птицы и зажурчали ручьи.*

Что же касается пар *луком и страстью,* а также *длинные волосы и дерзкие мысли,* то они принадлежат к разным множествам, поэтому логически неоднородны.

Семантическая неоднородность, конечно, может быть обнаружена в тех же случаях, где есть логическая неоднородность (см.: *логическая неоднородность*). Однако здесь уже имеется в виду сама реальная действительность, а не мышление о ней.

Есть случаи, когда семантическая и логическая однородности не сопровождают друг друга. Например, в предложении *Галактион взял не ручку, а карандаш* однородные члены логически однородны, потому что включены в одно множество «письменные принадлежности». Однако они семантически неоднородны, потому что в реальности действие Галактиона распространилось на одно действие и не распространилось на другое. См.: *Общая картина.*

В предложении *Галактион взял ручку и карандаш* однородные члены однородны и семантически, и логически. То есть налицо и семантическая, и логическая однородность однородных членов.

Коммуникативная однородность имеет разные проявления.

В соответствии с коммуникативной целью высказывания различаются повествовательные, вопросительные и побудительные предложения. В лингвистике специально исследовались различные типы сложных предложений с коммуникативной неоднородностью. Например, в предложении *Галатий рано*

вернулся домой, а кто за него будет копать грядки? Первая часть сложного предложения повествовательная, в то время как вторая – вопросительная.

В актуальном членении предложения равноправные компоненты тоже чаще всего бывают однородными. Однако не редки и такие конструкции, когда один из равноправных компонентов называет данное, а другой – новое. Это характерно для конструкций, оформленных отрицательно-утвердительными и градационными союзами. Например: *Геласий не только прочитал, но и выучил наизусть стихотворение.*

В случаях присоединительной связи коммуникативно неоднородны запланированные и прежде не запланированные равноправные компоненты, как в приводимых в лингвистике примерах типа *Он вернулся, чтобы взять полотенце. И щетку для сапог.*

---

* См. работы Е.Ф.Троицкого:

1. Термины, используемые для описания сочинительных конструкций // Семантика языковых единиц в современном русском языке. – Смоленск, 1994. С. 4-14.
2. Сочинительная конструкция: термины для описания общего третьего // Шестые Поливановские чтения. – Смоленск, 2003. Ч. II. С. 9-16.
3. Сочинительный союз: термины для его описания (в печати).

М.С. Ефременков

ПОЭТИКА СВАДЕБНЫХ КОРИЛЬНЫХ ПЕСЕН В СМОЛЕНСКОЙ ЧАСТУШКЕ

Образно-тематический диапазон частушек, создаваемых для публичного исполнения и утрачивающих свой настоящий смысл вне его, поистине безграничен и включает в себя свод всего того, что экспромтом вырывается, выплескивается при тех или иных условиях из человеческой души. Являясь «своеобразным и крупным жанром народной лирической поэзии» (6, 266), частушка имеет ряд типов, отмеченных специфическими особенностями строения поэтики, своего бытового назначения.

Сходное можно видеть и в свадебных корильных песнях, вносивших в народное гулянье на различных этапах крестьянской свадьбы заряд бодрости и оптимизма. Как и частушка, этот жанр русского устно-поэтического творчества в своей основе восходит к импровизационному искусству скоморохов с его жизнелюбием и острой социальной направленностью. Общая атмосфера «веселья, радости и торжественности» свадебного обряда органически включала в себя художественные увеселения, порой не имевшие никакого отношения к обрядовой стороне свадьбы, но «усиливавшие ее праздничный характер» (7, 75).

Публичность исполнения произведений этого малого фольклорного жанра, наличие «зрителей» сближает корильную песню с частушкой, которая также включает в себя элементы театрализованного представления. Близки эти жанры и по своей форме – двух-, шестистрочные куплеты, а чаще – катрен. Можно сказать, что это – единая «песенная семья», в которой нетрудно обнаружить непрерывные процессы взаимодействия и взаимовлияния.

Нередко эти в общем-то различные жанры «коротеньких песенок» идут рядом – записи фольклорных экспедиций указывают на то, что свадебное «представление» на различных этапах, особенно на его заключительной части – на пиру, могло включать в себя и корильные песни, и частушки, тематически близкие им. Они «художественно иллюстрировали то, что происходило на свадьбе» – «спектакле», который с интересом смотрели все желающие» (Там же).

В смоленской свадьбе на всех ее этапах, включая запоины, девичник, поездку под венец, встречу молодых в доме жениха, свадебный пир, второй

день свадьбы, звучали корильные песни. В них нашло отражение обращение к сватам и родителям молодых, к дружке и подружкам невесты, подженишнику и подневестнице, гостям свадьбы, к жениху и невесте. Они отличались многообразием художественных средств, включая эпитеты и символику, гиперболизацию и параллелизм, художественное описание. В этой своеобразной форме народного стиха появлялись варианты со строфическим строением и рифмой. Синтаксический строй стиха и его ритм влияли на характер и ритм напева песни, на что указывает большое количество старых напевов с новыми подтекстовками. В свою очередь, импровизационное варьирование эмоциональной окраски слова в значительной степени способствовало образно-поэтическому отражению богатейшей палитры чувств, мыслей и настроений участников одного из главных событий человеческой жизни – свадьбы.

Все это в полной мере можно отнести и к частушке, в ряде тематических блоков которой, звучавших и на свадьбе, и на молодежных увеселениях, нетрудно обнаружить темы, идеи и образы, близкие, а нередко в той или иной степени и родственные корильным песням.

Так, на запоинах сватам была адресована корильная песенка в форме своеобразного напоминания об угощении «зрителей» этого театрализованного действа: «А сват свата просит, в руках шапку носит: «А, сваточек, побывай в моей хате, погляди майго дива, попей майго пива!» – «От пива – дремливо, от горелки – скакливо. Горелочка моя – белочка: ножки поднимает, гулять посылает!» (9, № I).

Смоленская частушка по-своему откликается на эту ситуацию, используя ключевые слова корильной песенки, вводя в свои тексты и новообразования: «Пойду плясать, хоть и доски тонки! Ничего не веселит, кроме самогонки»; «Мой миленок на работу не имеет бодрости, а в пивную забегает на четвертой скорости» (10, № 731; 776).

Эта же тема могла получить свое освещение и в корильных песнях девичника, направленных в адрес жениха: «Пьянюга, Васечка, пьянюга, пропил коника вороного; поехал жениться на собачке, серые коты – в корени, белы кошки – в пристежке!» (9, 112).

Частушка подхватывает и развивает мотив нескрываемого осуждения неумеренному пристрастию некоторых «потенциальных женихов» к «горячительным напиткам»: «Милый мой залеточка, сгубила тебя водочка! Эта – русско-горькая!.. Такого парня бойкого!»; «А мне милый говорил, что он водочку не пьет. Посмотрела в воскресенье: ухом землю достает»; «Девочки, в любови я сделала ошибочку: полюбила пьяницу за его улыбочку» (10, 725; 732; 736).

Нередко в частушках данной тематической группы можно было услышать и мотивы свадебных причитаний невесты: «Маменька, родимая, пожалей, не выдавай!.. Не выдавай бедняжечку за пьяницу-гуляшечку!» (753).

Собирателями и исследователями отмечено, что свадебный обряд в целом представлял собой «сложный праздничный комплекс», в котором в причудливой форме могли смешиваться «черты реальной жизни, обрядового ритуала, лирических эмоций, напряженного драматизма, величественности и почти шутовского «скоморошества» (7, 75).

На запоинах звучали присловья, шутки и прибаутки сватов. В ответ они могли услышать в свой адрес песенки забавной комической, а то и фарсовой формы: «Дурны, сваты, дурны: заехали в гумны, соху обнимали, свинью целовали, думали, что – девка, а то – свинья Белка; думали – панята, а то – поросята» (9, 3).

Частушка же называет и причину подобной «рассеянности» не только у представителей почтенного возраста, но и у молодежи: «Мой миленок дорогой не был трезвым никогда. Называл меня Марусей, и Наташей иногда» (10, 3599).

Зафиксированы тексты частушек, образно-поэтическая система которых явно заимствована из поэтики корильных песен. Изменены лишь «адресаты», которым направлено юмористическое обращение: «Приехал к нам сват на кошке, привез горелки три ложки» – «Я сидела на окошке, ехал милый мой на кошке; стал к окошку подъезжать – не смог кошку удержать» (9, 18 – 10, 2162). Двустрочная попевка обрела форму катрена, сохранив при этом точную рифму, «формулы и мотивы скоморошьего типа» (4, 123).

Нередко частушка включает в себя и почти дословное цитирование корильной песни: «Приехали к Марьечке сваты на буланой кобыле; приданое забрали, а Марью – забыли» – «Приезжали ко мне сваты на гнедой кобыле; все приданое забрали, а меня – забыли» (9, 12 – 10, 2468). Сохраняя неизменным запев, частушка разрабатывает новые варианты и даже версии сюжета: «Приезжали ко мне сваты с позолоченной дугой; пока пудрилась, румянилась, уехали к другой» (№ 2467). Приданое уже мало волнует ее создателей – новое поколение смолян.

Инвариантность художественных приемов, фактор новизны и оригинальности в поэтике, соотношение инноваций и традиций можно видеть в этих двух жанрах, импровизационно возникавших на запоинах: «Ты, сваточек, не шатрись, – в чужом добре не бодрись. Придешь домой – скинь долой, тяни лоскутья из подкутья» – «Ах, сват, ты мой сват, очень ты богатый: восемь сумок наперед, подсумок девятый!» (9, 29 – 10, 2470).

Вечер прощания невесты с «девичьей волей», «красной красотой» – девичьей косой, с родительским домом, с подружками, девичник, – один из самых значительных, наиболее окрашенных задушевностью, проникновенным лиризмом этапов как общерусской, так и смоленской свадьбы. На нем звучало большое количество свадебных песен различной тематической направленности. Записи В.Н. Добровольского указывают на то, что в конце

XIX века этот обряд стал распадаться. На девичнике мог уже присутствовать и дружка, в чей адрес стали звучать далеко не лестные слова: «Немытька, дружка, не умылся – по селу ехал – запылился! Помойте его киселем, утрите его помелом, положите его под столом! Накройте его корытом – вон тем – немытым!» (9, 87).

В 20-30-е годы XX столетия эту тему подхватит и разовьет частушка: «Тракториста полюбить – надо подготовиться: тонну мыла закупить, а потом знакомиться»; «Тракториста полюбила, да придется забывать: не хватает воды в речке бедолагу отмывать» (10, 347; 348). На остроумную, задиристую частушку, как и на корильную песенку, не обижались. Их озорной характер вносил и в молодежные увеселения, и в торжественный свадебный ритуал «ту иронию и насмешку, которые так прочно связаны со здравым смыслом и веселым нравом нашего народа» (1, 119).

На девичнике дружке могли спеть и о его мнимом или реальном стремлении к хорошему угощению: «Обжора, дружка, обжора: по скибке хлеба кусает, по половнику хлебает!..» (9, 90).

Частушка не оставляет без внимания и эту ситуацию. Ее «уколы» могут быть направлены и в адрес избранника: «Я иду, иду, иду по колено в лебеду. Я любить тебя не буду – ты здоровый на еду!», и – в собственный: «По огороду я ходила, собирала корни. Милый замуж не берет, боится – не прокормит» (10, 2158; 2361).

Тексты корильных песен указывают на то, что в рассматриваемый период на девичнике могли присутствовать и односельчане невесты, ее подружек. Звучали песенки, «прославляющие» поведение некоторых девушек в досвадебный период: «Козюльки, девки, козюльки – повесили все по люльке. Вам – не свадебку играть, а только люлечки качать» (9, 92).

Частушка в форме самоиронии как бы «соглашается» с этими упреками: «Я гулять не нагуляла, только начудесила: у окошка под сиренью люлечку повесила» (10, 1005).

Корильная песня была важным художественным средством музыкально-поэтического сопровождения свадьбы на всех ее этапах. Функционально в этом театрализованном действе она была обозначена устоявшейся народной традицией обрядового пения представлять брак «как вынужденное дело»; семья невесты боялась, не хотела «потерять расположение мифических сил» (1, 118), покровительствовавших и берегших ее до этого времени. Все это требовало показать жениха (а позднее, «в отместку», – и невесту) с неприглядной стороны, посылать ему «мнимые проклятия рода-племени» как «чужаку», идущему против воли «мифических покровителей семьи» (с. 119).

На девичнике ему пели: «Недоросток, жених, недоросток! С изгороди на коня садился – на огородке штаны забылся» (9, 110).

Об этом и частушка: «По деревне я прошла, Ванюшку увидела: под кустом сидел и плакал – курица обидела!»; «На ветру шуршит колосьем немолоченный овес. Моего залетку коршун вместо курицы унес»; «Полюбила я его, только вот росточком мал. Не поверите, девчонки, – ветер дунул, он упал!» (10, 863; 2050; 2143).

Подобное можно было услышать от героини частушки и в собственный адрес: «Ой, сапожки – не по ножке, и костюм – не по кости! Отобрали ухажера и сказали: «Подрасти!..» (2212).

Обобщить данную «подростковую» ситуацию могли и парни: «Дует, дует ветерок, дует ветер с севера. Здешние девчоночки – чуть пониже клевера» (2103).

Семья на микроуровне воспроизводит все проблемы общества, и корильные песни в юмористической иносказательной форме отражают их, используя различные приемы гиперболизации. Данные тексты подтверждают верность наблюдений и точность вывода Ф.И. Буслаева о том, что «замечательное русское выражение «играть песню» ясно указывает – поэзия есть игра жизни» (2, 45).

На свадебном пиру звучало большое количество величальных песен, прославлявших жениха и невесту, их родителей, сватов, дружку жениха, подружку невесты, гостей свадьбы.

И в их же адрес могли прозвучать «песни укорительные». Смех, заключавший в себе «разрушительное и созидательное начала одновременно», приобретал «ритуальную функцию» – был призван обеспечить семейное счастье молодых; разрушая нелепое, безобразное, он творил новый мир, «свободный и радостный» (5, 9-10), помогал преодолевать неизбежность предстоящих трудностей в новой семье, способствовал присутствующим на пиру хотя бы на короткое время забыть о собственных житейских проблемах и неурядицах.

Балагурные песенки, песенные прибаутки, восходящие к «песенкам малой формы XII-XV веков», «припевам» и «малым припевам» под музыку на пирах Древней Руси», тексты которых в большом количестве импровизационно возникали на свадьбах, гуляньях, пирушках и «при других формах народных массовых праздников», входили в особую группу народной лирики, призванную «позабавить слушателей нарочитой нелепостью» (6, 271).

На свадебном пиру в адрес подженишника могла прозвучать корильная песенка, тематически сходная с упреками в адрес сватов на запоннах: «Подженишничек наш богат, возле девочек тороват! А он девочкам поднесет – что у нищеньких отберет» (9, 209).

В частушке идет непрерывный процесс субварьирования этой темы – один вариант накладывается на другой, давая повод к последующему развитию праварианта, нередко восходящего к поэтике корильной песни: «Что ты, милый, редко ходишь, видно, речка глубока? Ты гостинцы мне не носишь,

видно, в доме пустота»; «Не ходите, девки, замуж, бабья жизнь холодная! Бабья жизнь холодная – девятый день голодная» (10, 50; 3571).

Но не только сфера материального привлекает внимание создателей корильных песен. Далеко не безразличны им и проблемы духовного мира участников свадьбы, этой «оперы в миниатюре» (7, 75), ее эстетического обрамления, важную роль в котором играло музыкальное сопровождение.

И здесь нетрудно обнаружить следы творчества скоморохов, репертуар которых «народ запоминал, заучивал», и потому это наследие, исчезая, «растворилось в общем фольклорном репертуаре, оставив на поверхности лишь отдельные сюжеты, мотивы, фрагменты, относящиеся уже к позднему этапу существования скоморохов» (3, 45; 50).

Мотив нескрываемого сожаления звучит в корильной песне-воспоминании о ярком, надолго запомнившемся праздничном увеселении: «Сказала: «Здесь свадьба была!..» Остались же – смык да дуда. Повешу смычок на сучок, повешу дуду на дубу, повешу скрипку на липку...» (9, 264).

В частушке – сходные, но несколько иные мотивы, другие музыкальные инструменты: «Нет гармошки, нет дуды – ходят ноги не туды»; «Что за праздник?- хуже буден: две гармошки, один бубен!» (10, 2727; 3028).

Пели корильные песни и на второй день свадьбы: «Ай, глуха, теща, не чует: под кроватью зять ночует!» (9, 284).

Частушка разовьет и эту тему: «Ай, теща моя, теща ласковая, из бочоночка селедочку потаскивала!..»; «Ох, теща моя хуже лихорадки: щи варила, пролила, обварила пятки!»; «Песни петь – ноги кривые, плясать – голос мой ревет; я пошел бы к теще в гости, да не знаю, где живет» (10, 2540; 2543; 2544).

Сравнительный анализ поэтики различных по временным параметрам и условиям бытования фольклорных жанров – корильных песен и частушек указывает на их функциональное единство – привнесение в молодежные увеселения и в народное гулянье на различных этапах крестьянской свадьбы заряда бодрости и оптимизма. Различные приемы художественного решения этой морально-эстетической установки во многом перекликаются в данных жанрах.

Актуальным остается удивительно точное, эмоционально окрашенное раздумье-признание М.М.Пришвина, алексинский период пребывания которого в нашем крае не мог не оставить глубокого впечатления на его становление как художника слова: «Добраться бы до такой формы, которая останавливает мгновенье пролетающей жизни и превращает его в маленькую поэму, как это делается в народной частушке» (8, 10).

---

1. Аникин В.П. Календарная и свадебная поэзия. – М., 1970.
2. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – СПб., 1861. Т. 1.

3. Власова З.И. Скоморохи и фольклор // Русский фольклор. – Л., 1987. Т. 24.
4. Власова З.И. Следы творчества скоморохов в традиционном песенном фольклоре // Русская литература. 1985. № 2.
5. Зырянов И.В. Скоморошины. – Пермь, 1983.
6. Колпакова Н.П. Типы народной частушки // Русский фольклор. – М.-Л., 1966. Т. 10.
7. Новикова А.М. Свадебный обряд и его песни // Русское народное поэтическое творчество. – М., 1978.
8. Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. – М.-Л., 1983. Т. 4.
9. Свадебные корильные песни Смоленского края / Сост., вст. ст. и комм. наш. – Смоленск, 1999.
10. Частушки Смоленского края / Сост., вст. ст. и комм. наш. – Арх. Литературного музея СГПУ. Ф. 19. Оп. 4.

В.В. Ильин

Н.А. НЕКРАСОВ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО

В раскрытый настежь детский мир А. Твардовского Некрасов вошел, как только загорьевский поэт осознал себя. В письме к известному некрасоведу, В.Е. Евгеньеву- Максимову, от 18 мая 1939 года он отметил, что знал и любил великого русского поэта с детства. В статье «Заветная книга» он признавался, что, «сочиняя свои беспомощные, детские стихи», он «собирался в мечтах стать Некрасовым и даже купить себе впоследствии точно такую же шубу и шапку»[1]. Позднее он поймет, что такая мечта никогда не могла осуществиться по той причине, что Некрасов «уже есть, другого быть не может» (V, 14).

Мечты юного поэта подогревались тем, что Некрасов как «народный заступник» был широко известен в России – стране преимущественно крестьянской, которая и в первые десятилетия XX века оставалась по-прежнему деревенской, – словом, как потом отметит он, некрасовскую «музу мести и печали» знали в стране повсюду, в отличие от музы Ф.И. Тютчева, которая была известна лишь узкому кругу русской интеллигенции. К тому же лично для Твардовского Некрасов был еще и памятью «родного дома» и той «невозвратимой поры», когда он впервые с некрасовских страниц воспринял «глубоко взволновавшее его слово великого поэта» (V, 14).

Дело в том, что слово это он услышал, еще не зная грамоты, слушал и запоминал стихи из уст старших в доме, прежде всего от отца, Трифона Гор-

деевича, который цитировал Некрасова по памяти и который, будучи в Смоленске, привез с базара первый том из полного собрания стихотворений поэта. С этих пор стало традицией читать книгу вслух по вечерам. Когда Александр покинул родной дом, он увез с собой эту бесценную для себя книгу, боясь, что без него ее зачитают до дыр. Эту книгу он затем будет возить с собой повсюду. На просьбу директора Дома-усадьбы Н.А. Некрасова в Карабихе, А.Ф. Тарасова, прислать эту книгу с его пометками, он откликнется сразу, однако вместо нее пошлет другую книгу Некрасова – настолько дорожил он той, что привез когда-то из Смоленска отец, ибо не в силах был расстаться с этой потертой и потрепанной «заветной книгой» своего детства. Некрасов завоевал навсегда симпатии Твардовского еще и потому, что с ним связана дружба его с М.В. Исаковским, которого он считал русским поэтом нового поколения, талантливо продолжившим крестьянскую тему в русской поэзии, так блистательно развернутую в творчестве Некрасова. Стихи своего «старшего друга» он воспринимал как непрерываемую некрасовскую поэтическую линию. Отдельные произведения Исаковского, – такие, как «Детство» и пр., он считал написанными «некрасовским размером».

Известный литературовед, П.С. Выходцев, в книге «А.Т. Твардовский. Семинарий» (1960) отметил, что «Твардовский – Некрасов – постоянная, за редким исключением, тема критики 30-х годов, начиная с первых рецензий на «Страну Муравию»»[2]. Это действительно так. Уже при обсуждении поэмы в Москве в 1935 году М. Голодный объяснял ее поэтическую «свежесть» тем, что Твардовский использовал в ней литературные традиции Некрасова, обогатив их «современным фольклором» и «новым советским языком»[3]. В своем убийственном отзыве А.М. Горький указал как на самый существенный недостаток – на подражание автора Некрасову (VI, 596).

Сопоставление Твардовского с Некрасовым составляет сердцевину всех довоенных печатных выступлений по поводу творчества Твардовского. Так, Н.Л. Степанов в статье «Некрасов-художник» (1938) сравнил поэму «Страна Муравия» и «Кому на Руси жить хорошо» и сделал вывод о некоторой литературной зависимости Твардовского от Некрасова. Твардовский несколько раз выражал недовольство в связи с тем, что его стихи так прямолинейно сопоставлялись со стихами Некрасова. Неудовлетворение по этому поводу он выразил в письме к В.Е. Евгеньеву-Максимову. Однако «заморозить» этот стереотип он не смог. Сопоставительная методика по-прежнему находила свое продолжение и развитие. Тот же Н.Л. Степанов в статье «Некрасов и советская поэзия», опубликованной в журнале «Октябрь»[4], продолжал сближать творчество двух русских поэтов разных эпох без учета того, что их разъединяло. Эта же сопоставительная тенденция выражена и в статье Т.А. Бесединой «О некрасовских традициях в творчестве М. Исаковского и А. Твардовс-

кого»[5]. По совету К.И. Чуковского, эта статья была направлена Твардовскому, ответившему на нее письмом, в коем положительно отозвался о ней. Выпускница Ленинградского университета, ученица В.Е. Евгеньева-Максимова, она вложила в статью и защищенную затем кандидатскую диссертацию все свои знания и энергию. Письмо Твардовского к ней впоследствии было опубликовано в журнале «Русская литература» в 1977 году – после смерти поэта[6]. О некрасовских традициях в творчестве Твардовского писал и М. Сурпин в статье «Некрасов и современная советская поэзия», помещенной в книге «Н.А. Некрасов и Ярославский край» (1953), а также И.Ю. Твердохлебов в предисловии к отдельному выпуску поэмы «Кому на Руси жить хорошо»; автор сопоставил некрасовскую поэму не только со «Страной Муравией», но и с «Василием Теркиным» Твардовского.

Каждый, кто писал тогда о Твардовском, считал своим долгом непременно упомянуть Некрасова среди учителей поэта, что подчас становилось навязчивым и вызывало резкий протест со стороны Твардовского, считавшего, что ученический период у него давно закончился и не следует его искусственно продлевать. И потом сама по себе учеба не должна быть слепым следованием по стопам учителя: преемственность предполагает преумножение поэтического опыта, в противном случае она лишена всякого здравого смысла. «Бери, но преумножай» – таким был его совет начинающим поэтам.

Так, после выхода в свет поэмы «Страна Муравия» в литературной критике получила доминирующее значение концепция, согласно которой творческие истоки Твардовского-поэта оказались в русле некрасовских традиций. Эту точку зрения подкрепили затем своими ретроспективными воспоминаниями мемуаристы и некоторые ученые-литературоведы. Так, Л. Озеров в своих воспоминаниях «Ифлийские годы» подробно рассказывает об увлечениях Твардовского Некрасовым.

В 1938 году, когда страна отмечала 60-летие со дня смерти поэта-демократа, Твардовский подготовил и сделал в семинаре доклад о поэме «Кому на Руси жить хорошо». По словам мемуариста, «это был серьезный, самостоятельный доклад о поэте, которого он любил и знал. Чувствовалось, что выбор темы не случаен, что она прошла через всю жизнь Твардовского»[7].

То, что доклад был подготовлен тщательно и на высоком научном уровне (руководитель семинара, в котором состоял Твардовский, профессор А.М. Еголин, считал, что он выполнен на уровне аспирантском), еще не дает основания для заключения, будто докладчик увлекался только Некрасовым, потому что и другие студенческие работы, как теперь установлено, выполнялись им с такой же тщательностью, как и доклад в спецсеминаре по творчеству Некрасова. На вопрос В.Е. Евгеньева-Максимова, как он относится к Некрасову и какое влияние он оказал на него, Твардовский ответил: «Не гово-

рю о Пушкине, которого так же с детства знал и любил, но Некрасов мне был как-то лично близок, я знал его биографию, знал о его голодной юности и т.д.» (VI, 11).

Это письмо и ответ на него Твардовского еще ничего не объясняют относительно его увлечения только Некрасовым. В письме фигурирует и Пушкин, которому отдается предпочтение. Укажем и на другие факты. Несмотря на настойчивые уговоры А.М. Еголина напечатать доклад, Твардовский отвечал молчанием. При жизни поэта он не был опубликован. Только через несколько лет, когда уже не было в живых ни бывшего студента ИФЛИ, ни его научного руководителя, в сокращенном виде доклад появился на страницах сборника научных статей «О Некрасове», вышедшего в Ярославле.

В 1977 году в журнале «Вопросы литературы» (№ 8) А. Дементьев выступил со статьей «На всю жизнь (Твардовский о Некрасове)». В основе ее оказался студенческий доклад Твардовского. Еще в 1969 году по просьбе А. Тарасова автор послал его в музей-усадьбу Карабиху для ознакомления и музейной надобности, но не для публикации, оставив этот вопрос «на потом», ибо свою студенческую работу он считал «вполне ребяческой», «школярской», не представляющей научного интереса. Директор музея, в письмах к которому Твардовский высказал свои сомнения относительно публикации, придерживался иного мнения, полагая, что в учебно-исследовательской работе студента ИФЛИ «проступают интересные наблюдения за мастерством Некрасова»[8]. Эту точку зрения разделял и А. Дементьев, специально исследовавший данный вопрос.

В своем студенческом докладе Твардовский сосредоточил внимание на художественной структуре «Кому на Руси жить хорошо», в частности, на ее зачине. «Гениальный по лаконичности и предельной сдержанности зачин этот, – отметил он, – сразу дает и время, и место действия, и действующих лиц, и задачу, стоящую перед ними, и интегрирующее обещание множества путей ее разрешения. Он с первой страницы книги активизирует читателя, заставляет его задуматься над поставленной проблемой. Это – филигранно законченная формула, заключающая в себе сюжетный, композиционный и ритмический остов поэмы»[9]. Удачно найденный зачин, по убеждению Твардовского, определил в поэме «не только характер и тон повествования», но и внутреннюю пружину его, которая «должна была последовательно раскрыться в этом повествовании». Будучи подчиненной такому исходному положению, некрасовская поэма должна была получиться «стройной и законченной в себе». Действие в ней представлялось студенту-исследователю развивающимся по строгой схеме условного сюжета, который мог оборваться только в результате нарушения странниками предостережений птички-пеночки. «Странники, – отмечает Твардовский, – не выполняют условия, требуют лишнее ведро

водки – и вслед за этим что-то происходит. Скорее всего скатерть-самобранка теряет свою чудодейственную силу и – обрывается фантастическая основа путешествия»[10].

Концепция Твардовского отличается от концепций, предложенных известными некрасововедами – В. Евгеньевым-Максимовым и К. Чуковским, поставивших во главу угла социальный фактор и рассмотревших поэму не как художественное, а как некое пропагандистское сочинение, как разоблачение, по словам Чуковского, «бесплодности либерального их реформизма». Поэтому исследователи не придали особого значения зачину поэмы и другим ее литературным особенностям. В отличие от них Твардовский подошел к анализу поэмы с художественной стороны, и ему по-иному представились не только сюжет, но и предполагаемая развязка произведения – когда мужики, не найдя счастливого человека, возвращаются каждый в свою деревню и идут в кабак, где за чаркой узнают, «кому жить хорошо». Твардовский считал инородными сцены, связанные с Гришей Добросклоновым, как не соответствовавшие первоначальному замыслу поэмы. Такой финал великого произведения русской поэзии указан был докладчиком со ссылкой на Г. Успенского и В. Гиппиуса, точка зрения которых показалась ему убедительной. Следует иметь в виду, что студент ИФЛИ, готовясь к докладу, не имел перед собой капитальных исследований, появившихся значительно позднее. Может быть, поэтому он не хотел, чтобы его студенческое сочинение появилось в печати. Много интересных замечаний было высказано в докладе и о стихе поэмы. В этой области Твардовский чувствовал себя как дома. С этой стороны он представил поэму как «новое слово в русской поэзии», так как стих в ней «непринужденно струится легким и торопливым говорком», «он своеобразен и прост, его ритмы запоминаются с первого раза», он хорошо приспособлен для передачи живой народной речи.

В упомянутой статье А. Дементьева приводятся и другие факты увлечения Твардовского Некрасовым. Кроме воспоминаний Л. Озерова «Годы учения» (Звезда. 1976. № 8), В. Лакшина «Ненаписанная книга» (Дружба народов. 1974. № 7), А. Кондратовича «Дело жизни» (Звезда. 1976. № 8), автор приводит текст телеграммы Твардовского из Ялты по случаю 80-летия со дня смерти поэта следующего содержания: «День памяти Николая Алексеевича Некрасова застает меня в Ялте, где в 1876 году смертельно больной поэт работал над своей гениальной поэмой «Кому на Руси...». Вместе с собратьями по перу и всеми почитателями Некрасова приношу памяти славнейшего после Пушкина поэта родной земли дань глубочайшего уважения, любви, благодарности. Советская поэзия в своих лучших образцах более, чем кому другому из предшественников и учителей, обязана Некрасову. Лично для меня это имя – в ряду самых дорогих имен родной русской литературы»[11].

Телеграмма была отправлена Твардовским 8 января 1958 года и отражала воззрения поэта последних лет жизни. В ней на первое месте поставлен Пушкин. От студенческого доклада о «Кому на Руси жить хорошо» ее отделяло двадцать лет. За эти годы, конечно, многое переменилось и сам создатель «Страны Муравии» изменился.

В послевоенные годы, когда Твардовский уже далеко ушел в своем творчестве от узкокрестьянской темы («Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью – даль», «Теркин на том свете», «По праву памяти», послевоенные стихотворения), он по-прежнему продолжал преклоняться перед мощью и силой некрасовской музы. В телеграмме он поставил имя поэта-демократа в ряду самых дорогих ему имен, назвав его «славнейшим после Пушкина поэтом родной земли».

---

1. Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6 т. – М., 1976-1983. Т.6. С.14. Далее – ссылки на это издание см. в тексте с указанием тома и страницы.
2. Твардовский А.Т. Семинарий. – Л., 1960. С.26-28, 161-162.
3. См.: Литературная газета. 1935. 24 января.
4. См.: Литературный современник. 1938. № 1.Октябрь. 1946. № 12.
5. Ученые записки Вологодского пединститута. – Вологда,1950. Т. VII.
6. Русская литература. 1977. № 4.
7. Воспоминания об А. Твардовском. – М., 1978. С. 76.
8. О Некрасове. Статьи и материалы. – Ярославль,1975. Вып. IV . С. 299.
10. Там же. С. 303.
11. Цит. по ст.: Дементьев А. На всю жизнь (Твардовский о Некрасове) // Вопросы литературы. 1977. № 8.

В. В. Ильин

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ КАК ПЕРЕВОДЧИК «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Поэтический перевод «Слова о полку Игореве» Николая Заболоцкого впервые появился на страницах журнала «Октябрь» в конце 1946 года[1]. Невольно возникает вопрос: что побудило поэта XX века обратиться к литературному памятнику XII столетия, какие внутренние поэтические импульсы и творческие ресурсы были использованы и воплощены им в переводе?

Н. Заболоцкий считается поэтом особой стати: его поэтический мир настолько оригинален, своеобразен и сложен, что с большим трудом поддается какой-либо научной оранжировке. По времени своей творческой деятельности (1926-1958) он полностью укладывается в хронологические рам-

ки советской поэзии, но считать его поэтом социалистического реализма вряд ли имеет какой-либо резон.

В поэме «Безумный волк» (1931) серый матерый зверь, обуреваемый жаждой знания, пытается встать с четверенек, вытянуть и вывернуть свою шею так, чтобы видеть всю ширь распростершегося перед ним многокрасочного и меняющегося на глазах мира, чтобы иметь возможность «глядеть, откуда льется свет», и сказать потом:

Меж тем вверху звезда сияет –
Чигирь, волшебная звезда!
Она мне душу вынимает,
Сжимает судоргой уста. (281)

«Лирический герой» Н. Заболоцкого внутренне, психологически перевоплощается в волка, сливается с ним настолько, что получает возможность разговаривать на своем языке с кукушкой, «дает деревьям имена».

Поэт чувствует себя раскованным и свободным только в знакомом и душевно близком ему мире природы, причем в ее естественном первозданном обрамлении.

Тому, кто видел, как сияют звезды,
Тому, кто мог с растеньем говорить,
Кто понял страшное соединенье мысли –
Смерть не страшна и не страшна земля.

Смерть как вечное продолжение жизни души человеческой, только в иных условиях ее существования, перевоплощение в тех или иных конкретных животных или растения составляет, согласно ведическому учению, основу мифологического сознания, что Н. Заболоцкий как поэт всегда имел в виду в своей художественной практике, выделяясь этим среди других творцов поэтического цеха, своих современников. В поэме «Торжество земледелия» речь идет о блуждающей душе человеческой, которая

...пресветлой ручкой
Машет нам издалека.
Вся она как будто тучка,
Платье вроде как река. (261)

Это сакральное, ведическое, что народ хранит в памяти своей в течение тысячелетий и передает по цепочке знаний, питало поэзию Н.Заболоцкого, наполняя ее загадочными образами – почти на грани мистического и парадоксального. В стихотворении 1946 года «Гроза» есть строки:

Так из темной воды появляется в мир светлоокая дева,
И стекает по телу, замирая в восторге, вода,
Травы падают в обморок, и направо бегут и налево
Увидавшие небо стада. (88)

Люди древнего мира, как свидетельствуют те же Веды, представляли небо и землю как мужа и жену, рождающих новые жизни, дающих всему живому энергию для существования: тучи с неба оплодотворяют землю-матушку, а она после этого рождает растительный мир, поддерживающий существование всего животного царства. В стихотворении 1953 года «Дождь» поэт снова возвращается к ведическому миропониманию:

Зародыш, выкормленный тучей,
Он волновался, он кипел...
И вся земля могучим лоном
Его пила, затрепетав. (131)

В поэме «Деревья» предметом описания является корова, которая, по Ведам, – матерь Вселенной, питающая своим молоком, льющимся с неба, все живое на земле. В поэтическом творчестве Н. Заболоцкого она фигурирует неоднократно.

Кто, мать она? Быть может, в этом теле
Мы, как детеныши, когда-нибудь сидели?
Быть может, к вымени горячему прильнув,
Лежали, щеки шариком надув?

В стихотворении «Осень» (1932) совершенно неожиданно употреблены выражения: «коровьи сапоги», или: «многовековый дуб мою живую душу/ корнями обовьет, печален и суров». Даже живущая в зоопарке лебедь наделена какой-то таинственной, ведической красотой:

Красавица, дева, дикарка,
Высокая лебедь плывет. (117)

Из предельно мелких биографических крупиц мы узнаем, что на будущего поэта большое влияние в детстве оказал отец, Алексей Агафонович, выходец из Вятской земли, которая, как известно из исторических источников, долгое время пребывала в язычестве; вятичи при крещении Руси даже оказали сопротивление христианским проповедникам. Владимир Мономах в XI веке, через сто лет после принятия христианства, проезжая с малой дружиной по этим местам, утверждал, что они были заселены язычниками, а стало быть, здесь дольше, чем в других землях, сохранялись старые представления о мироздании, что поэт подтверждает в стихотворении «Голубиная книга» (1937):

В младенчестве я слышал много раз
Полузабытый прадедов рассказ
О книге сокровенной...
И в ней написана рукой судеб могучей
Вся правда сокровенная земли. (81)

В ряде других произведений поэт развивает эту же ведическую тему:

Так вот она, страна уныний,
Гиперборейский интернат,
В котором видел древний Плиний
Жерло, простершееся в ад! (81)

Второй источник ведических знаний в поэтической системе Н. Заболоцкого связан с фольклором, к которому поэт обращался многократно, проникая через него в седую старину народного сознания: «сказка, миф, темное поверье» представляли в его глазах большой интерес как «рабочая гипотеза» «малолетнего человечества». Такова его былина «Исцеление Ильи Муромца», составленная по мотивам устного поэтического творчества.

Можно отметить особое отношение Н. Заболоцкого к произведениям живописи и к их великим создателям: «дуб бушевал, как Рембрандт в Эрмитаже, а клен, как Мурильо на крыльях парил» (Стихотворение «Гамборский лес»). С этой стороны «Слово о полку Игореве» с его пиршеством красок, глубиной содержания, патриотическим пафосом привлекало и манило его как художественное совершенство.

Среди исследователей и комментаторов Н. Заболоцкого по какому-то недоумению установилась версия, что поэт всем существом своего таланта был устремлен в современность и поэтому не имел «никаких связей со старым миром». Но вряд ли это так: история интересовала его в ее «крупномасштабных» политических и военных проявлениях. Так, его поэма «Рубрук в Монголии» повествует о великом всенародном бедствии, постигшем Русь в связи с нашествием татаро-монголов. На эти трагические события автор взглянул глазами человека из «вражеского» лагеря:

А он сквозь Русь спешил упрямо,
Через пожарища и тьму,
И перед ним вставала драма
Народа, чуждого ему.
В те дни по милости Батыев,
Ладони выев до костей,
Еще дымился древний Киев
У ног непрошенных гостей. (179)

В стихотворении «Стирка белья» поэт обронил фразу о последствиях татарского нашествия:

Здесь с монгольского ига висела
Этих русских одежд пестрота.

И Кавказ, поэтическому осмыслению которого Н. Заболоцкий отдал столько сил, привлекал его прежде всего своими древними памятниками, сказами и другими остатками прошлой могучей культуры. Отметим в связи с этим, что он был переводчиком грузинского героического эпоса – поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

При выяснении причин, побудивших Н. Заболоцкого к поэтическому переводу древнерусского литературного памятника XII века, надо иметь в виду также пристрастие русской литературы 1920-1930-х годов к историческому прошлому своего народа. В это время появились переводы на современный язык произведений изначальной художественной культуры.

Такими представляются главные «подъездные» пути к «Слову о полку Игореве». Все, кто прикасался к творчеству поэта-переводчика, отмечали, что он обращался только к тем произведениям, которые были созвучны и близки ему.

В 1937 году, отвечая на анкету «Литературной газеты», Н. Заболоцкий впервые заявил: «Попробую дать стихотворную обработку «Слова о полку Игореве»»[2]. Однако по причине ареста 19 марта 1938 года он тогда не осуществил своего замысла, хотя и продолжал думать о нем в процессе вынужденных «хождений» на Дальний Восток и обратно на Алтай и в Казахстан. В мае 1946 года ему разрешили проживать в столице. В Москву он прибыл с готовым поэтическим переводом. Чтобы точнее определить его качественную сторону, необходимо принять во внимание требования, которые выдвинул сам поэт к переводческой литературной продукции, – тем более, что он не был незрелым новичком, а успел перевести произведения с сербского, немецкого, итальянского, венгерского, грузинского, украинского языков, из восточной поэзии. По его убеждению, «успех перевода зависит от того, насколько точно переводчик сочетал меру точности с мерой естественности»[3]. Творческую деятельность поэта-переводчика Н. Заболоцкий сравнивал с деятельностью жука, который «ползет по тексту и рассматривает каждое слово в огромную лупу»[4]. Если это метафорическое сравнение перевести на обычный язык силлогизмов, то смысл его в том, что все внимание переводчика должно быть приковано прежде всего к каждому конкретному слову оригинала; далее он должен сохранить его художественную систему и жанровую природу. Неслучайно оставшаяся в посмертных бумагах поэта статья касалась проблемы жанра «Слова о полку Игореве». Он полагал, что это произведение в свое время не только читалось, но и исполнялось под музыкальный аккомпанемент.

По свидетельству сына поэта, Н.Н. Заболоцкого, существовало три редакции перевода: первая, ленинградская, конца 1937 – начала 1938 годов; вторая, карагандинская, апрель-июнь 1945 года; и третья, московская, 1946-1958 годов[5].

В своей окончательной редакции перевод «Слова о полку Игореве» состоит из Вступления и трех частей.

Вступление, как и в оригинале, раскрывает авторскую позицию и художественную манеру его письма, славит «вещего Бояна» – «старинного соловья»: оно почти не связано с последующими событиями произведения.

В первой повествовательной части перевода воспроизводятся все перипетии Игорева похода против половцев, две битвы с ними, разгром русских

дружин и пленение главных организаторов «плъка»; композиционная структура этой части имеет двадцать художественно-осмысленных единиц, оформленных как микроновеллы.

Во второй части переводчик представляет Киев-град с его великим князем Святославом: разгадывается его «смутный сон», цитируется в широком плане «золотое слово», обращенное к русским князьям: в семнадцати микроновеллах раскрывается печальная история княжеских междоусобиц.

Третья часть открывается плачем-молитвой Ярославны, жены князя Игоря: как бы в ответ на ее обращение высшие языческие Божества помогают Игорю бежать из половецкого плена, и он возвращается в родную землю. В заключительной, восьмой микроновелле, введенной в эту часть перевода, звучит здравица в честь организаторов похода, хвала старым и молодым князьям.

Важно установить, насколько логически и художественно оправдана такая композиционная структура, предложенная переводчиком, ибо оригинал древнерусского литературного памятника не разделен на части, или главы, или микроновеллы: он представлен единым текстом; переводчику в данном случае принадлежит полная инициатива деления на части.

Посвященная всецело походу Игоря против половцев, первая часть перевода раскрывает весь драматизм происшедших событий сепаративного, необдуманного военного похода, начиная с внезапно наступившего солнечного затмения и кончая второй, главной битвой, в результате которой Игорь и его дружина, по словам переводчика,

Бились день, рубились день, другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстались с братом брат родной
На реке кровавой, на Каяле. (335)

Вслед за автором «Слова...» переводчик оплакивает поражение как великое национальное бедствие: «степь поникла, жалости полна, и деревья ветви приклонили». Эти приспустившие свои ветви деревья выражают, кроме всеобщего уныния и горя, личную печаль переводчика, которому, как и автору, знаком был язык природы, через своеобразное мифическое поведение которой он сумел ярко высветить трагическую картину поражения русских дружин на поле «незнаемом», половецком. Дело в том, что Н.Заболоцкий, как это было подчеркнуто ранее на основе анализа его лирики, по-особому воспринимал в своем поэтическом творчестве природу, наделяя ее сверхчеловеческими качествами. Даже в ссылке он боготворил ее. Рассказывая в письмах к жене о своей работе в зоне на лесоповале, в районе Комсомольска-на-Амуре, он со щемящей сердечной болью писал о повальном уничтожении любимых им с детства берез; 23 апреля 1944 года из села Михайловское Алтайского края он, наряду с другими фактами из своей жизни, приписал и

этот: «По дороге на работу и обратно стараюсь ходить один, наблюдаю природу, и это доставляет мне величайшее наслаждение»[6].

Главную причину поражения Игорева войска переводчик, как и автор, видели в прошлых политических просчетах русских князей. Чтобы обнажить корни их вражды, они обращаются к глубокой истории, к Трояновым временам, что вполне логично, потому что это был один из важных периодов в жизни языческой Руси, когда она была едина и сильна духовно. Она жила по законам Вед, поклоняясь своим Божествам. Эту часть произведения переводчик заселил сверхъестественными, высшими существами, в силу которых верили люди этих славных времен. Теперь же –

Поднялась обида от курганов
И вступила девой в край Троянов,
Крыльями лебяжьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом. (335)

Обида, выступившая в одно и то же время в облике девы и лебеди, перевоплощается далее в языческие образы-символы Карны и Жели, олицетворявшие, по верованию наших далеких предков, кручину и печаль. Следует отметить, что переводчик, в духе ведических знаний, представил их как силы, связанные с поминальными обрядами древних славян, сопровождаемыми плачами и «голошением».

И явилась Карна, и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искрометным рогом. (335)

Вполне обоснованно в переводе за языческими божествами Карны и Жели Н. Заболоцкий ввел плач русских жен:

«Уже не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром и златом!» (335-336)

Плачем русских жен, исполненным в духе народных традиций, завершается первая часть перевода «Слова о полку Игореве». Чтобы еще более усилить его звучание, переводчик противопоставляет ему ликование недругов Руси: «венецианцев, греков и моравы», торжествующих по случаю того, что

Игорь-князь в Каяле половецкой
Русское богатство утопил. (337)

Переводчик, как и автор «Слова...», понимали, что необходимо во что бы то ни стало нейтрализовать грустное настроение слушателей и читателей («Братии») в связи с рассказанными трагическими событиями похода, поэтому, в строгом соответствии с оригиналом произведения, они поспешно перенесли действие с кровавых берегов Каялы в Киев.

«Смутный сон» и «златое слово» великого Киевского князя Святослава, составляющие вторую часть перевода, загадочны и полны тревоги: здесь и «черное покрывало», и «синее вино», и «жемчуг», и «златоверхний терем», стоящий без конька, и кричащие вражеские вороны, – все это необычно и неясно, – как во сне. Разгадывающие княжеский сон бояре отвечают ему тоже неясными символами, речь ведут о двух соколах, поднявшихся над «полем незнакомым».

И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились. (338)

В этой сумятице «закрылось небо», «погас белый свет над Русской землею» и «прянул Див». Воспроизводя в «златом слове» Святослава былое могущество Руси, Н. Заболоцкий, вслед за автором, вспоминает о «громе прадедовской славы». И в рассказе его появляется образ «старого сокола», который «никому не даст гнезда в обиду». После этой символики в своей речи, со «слезами смешанной», Святослав обращается поименно к русским князьям, прося, умоляя и, наконец, требуя от них защиты Русской земли, отмщения за раны Игоря. И опять в стихотворной ткани перевода мелькают языческие божества, символы, сложные метафоры, перевоплощения: люди сравниваются с рыкающими, умирающими турами, с соколами, ширяющими сквозь туман, с деревьями, уронившими свои листья:

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла. (342)

«Жемчужные души» через «златые ожерелья» уходят из тела, чтобы найти себе новый приют в другом месте. Такова общая картина бедствия. И в прошлом такое нередко случалось. Полоцкий князь Всеслав в свое время тоже метался по Руси, как зверь: «до Немиги волком проскакивал». Берега той «проклятой Немиги» почернели тогда от «кровавых трав»; теперь здесь так же «веют души от кровавых тел»:

Не добром засеял их оратай,
Но костями русскими – Всеслав. (343)

И погиб этот Полоцкий князь, «местью дыша», оставив о себе дурную славу: не только людям зло творил, но даже всесильному языческому божеству, Хорсу, часто путь преграждал («бег пересягнул»):

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние годины вспоминая
И князей давно минувших лет!

– таков вывод переводчика, завершающего этой мыслью вторую часть своего поэтического труда. Отвлекшись от тяжелых впечатлений Игорева похода, уйдя в седую старину, он и там не нашел ничего утешительного ни для себя, ни для «братии», ибо вся история тоже оказалась начиненной междоусобицами, войнами русских князей между собой.

Третья часть перевода обращена к современности и начинается плачем Ярославны, которая продолжает как бы на углубленной основе плач русских жен. Почти вся поэтическая ткань здесь – мифологическая; и сам развернутый плач, точнее, языческая молитва, выполнен в духе народных «голошений» – и по своему содержанию и по форме. Воспитанная на старинных дедовских традициях славянских Вед, княгиня искренне верит в могучие силы высших существ, выделяя самые древние из них, еще персонально не оформившиеся в сознании далеких предков. Это – ветер, солнце и Днепр (воздух, солнце и вода). Одних она умоляет, других, наряду с просьбой, упрекает. Разговаривает она с ними как с равными, не видя от них никакой угрозы для себя за непочтительность или неудачно сказанное слово. Для нее они добрые силы, ее друзья, поэтому в любую минуту придут на помощь – ведь ее мужу и всей дружине его грозит смертельная опасность.

Мольба молодой княгини дошла до высших небесных сил: они откликнулись на ее просьбу, помогли Игорю вырваться из половецкого плена. Путь Игоря в родные края передан в переводе Н. Заболоцкого яркими, магическими красками, с сохранением его мифологического содержания. Высшие силы превращают его в горностая, белку, гоголя, волка, сокола и т.п.

Без дорог летит он, без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей. (347)

Устранены все препятствия на его пути к милой Ярославне:

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там,
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы, Игоря встречая,
Стуком кажут путь к реке,
И, рассвет веселый возвещая,
Соловьи ликуют вдалеке. (347)

Вся живая и неживая природа мобилизована высшими силами, чтобы беспрепятственно сопровождать русского князя домой. И поэтому вполне логично ее ликование по случаю его возвращения на Русь: «И страны рады, / И веселы грады» (349).

Перевод «Слова о полку Игореве», блестяще осуществленный Н. Заболоцким, являет собой глубоко продуманное, композиционно выверенное, завершенное поэтическое произведение. Созданное им по законам жанра современной лиро-эпической поэмы, оно, чтобы сочетать «меру точности с мерой естественности», должно было учесть не только жанровую и композиционную структуру древнерусского памятника XII века, созданного в художественных формах своего времени, но и другие его художественные компоненты, в частности, его словарную и стилистическую фактуру.

Сравнительный анализ словарного состава, фразеологии и стиля «Слова о полку Игореве» и его перевода дает возможность установить, насколько идентичны они и насколько точно поэтический перевод Н. Заболоцкого сохранил дух и лад произведения. Для такого анализа, очевидно, лучше использовать первую часть перевода, ибо в ней более, чем в других его частях, по утверждению сына поэта, осуществлялась переработка уже сделанного текста со стороны переводчика, который на первых порах решил дать лишь «воспроизведение древнего памятника средствами современной поэтической речи», не претендуя на «научную точность строгого перевода» и без учета «новых текстологических изысканий»[7].

Во второй редакции переводчик поставил несколько иную задачу – сохранить древнерусский памятник в «максимально целостном виде». Большую роль здесь сыграл академик Д. С. Лихачев как консультант, сделавший в письме к Н. Заболоцкому от 2 февраля 1950 года 26 замечаний по содержанию перевода. Все они, как и замечания научного редактора В. П. Адриановой-Перетц, были учтены переводчиком в третьей редакции своего труда.

Первую часть перевода «Слова и полку Игореве» Н. Заболоцкий открывает сценой встречи князя Игоря с братом Всеволодом. В оригинале она начинается словами: «Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буи туръ Всеволодъ: «Один брат, одинъ светъ светлый ты, Игорю, оба есве Святъславличи! Седлаи, брате, своя борзыя комони, а мои ти готови, оседлали у Курска на переди»»[8].

В переводе Н. Заболоцкого это выглядит так:

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй-тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои, давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят». (329)

Переводчик, как можно убедиться, сравнивая оригинал с переводом, максимально сохранил лексику старинного словесного памятника, заменив

лишь одно неупотребляемое ныне слово «комони» современным словом «кони», оставив при нем тот же эпитет «борзые», как он звучал и звучит обычно в произведениях устного народного творчества; в слове «коней» по-старинному поставлено переводчиком ударение. К слову «Игорь» в переводе прибавлено приложение «князь», отсутствующее в подлиннике, вся фраза дополнена словами «с могучею дружиной». Изменения и дополнения такого рода, очевидно, диктовались тем, что каждая часть перевода (микроновелла) имела свой завершенный вид.

Характеристика воинской доблести «курян», сделанная Всеволодом, воспроизведена переводчиком дословно, почти без изменений: рифмовка достигается здесь с помощью лишь перестановки слов, что лишний раз убеждает в том, что древнерусский памятник создан в стихотворных формах «старого времени».

Чтобы «выровнять» сюжетную канву своего произведения, переводчик иногда переставлял местами отдельные его части, формируя в определенном порядке его поэтическую структуру. Это, безусловно, придавало ему стройность, но в то же время являлось явным отступлением от канонического текста, который, как известно, не имеет сюжетной основы в строгом понимании этого слова, часто его сюжетная линия прерывается лирическими отступлениями или воспроизведением красочных картин природы, создающих соответствующее лирическое настроение.

Инверсии сюжетного плана, используемые Н. Заболоцким в качестве приема при переводе, не всегда достигают своей цели; здесь оказывались и потери. Так, изъяв речь князя Игоря, произнесенную в самом начале похода, и поместив ее в первой части перевода, Н.Заболоцкий усилил, конечно, сюжетную основу своего повествования, но вместе с тем заметно ослабил его лирический мотив. Слова Всеволода: «Один брат, один светъ светлый ты, Игорю...» – в переводе явно проигрывают: «Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!». Если их сравнить, то можно воочию убедиться, что фраза в подлиннике звучит задушевнее, теплее, лиричнее, чем в переводе, где даже в смысле информационном она обеднена – читатель и без того знает, что Игорь – брат Всеволода.

Снижение лирической тональности ощущается и в других звеньях перевода. Однако следует отметить, что по мере развития повествовательного сюжетного начала в самом «Слове о полку Игореве» заметно усиливается и точность в его переводе. В третьей части переводчик с виртуозностью настоящего мастера словесного искусства создает четкий ритмический рисунок своего поэтического повествования. Его задачу в данном случае значительно облегчает сам оригинал произведения с его событийной насыщенностью, с быстро движущимися сюжетными «кадрами». По своей сути эта часть произведения и его перевода напоминает русскую волшебную сказку, а сказки, как известно, всегда остросюжетны. Словом, быстротекущее, сказочное, сю-

жетное лучше укладывается в переводе, нежели описательное или лирическое. Тут, очевидно, существует некая закономерность: каждый творец любит больше «свое», лично им сочиненное, и поэтому более близкое ему, дорогое и любимое. По этой причине любой переводчик не может адекватно выразить «чужое» как «свое». В этом и состоит сложность и трудность переводческого искусства, связанная с переключением произведения в другой «регистр». Здесь следует иметь в виду, что в оригинальных художественных произведениях один авторский центр, а в переводных их два – авторский и переводческий, которые надо во что бы то ни стало совместить. Четкий, звучный, стройный перевод Н. Заболоцкого, конечно, вполне достигает своей цели, хотя и нарушает в какой-то мере «лирический беспорядок» оригинала.

Что касается фразеологического абриса, то, «модернизируя» старинный текст, переводчик в основном сохранил его идиомы, например: «растекался мыслию по древу»; «вещие персты он (Боян) подымал и на струны возлагал живые»; «за Сулою кони ржут, слава в Киеве звенит» и другие. Совсем без изменения оставлен рефрен: «О Русская земля! Ты уже за холмом». С незначительными изменениями трижды, как и в подлинном тексте, употреблен призывный клич в «золотом слове» Святослава:

«За Русскую землю,
За Игоревы раны –
Удалого сына Святославича!» (340, 341, 342)

(В подлиннике: «...за землю Русьскую, за раны Игоревы, буего Святъславличя!»)

Близко к подлинному тексту переведены и некоторые другие идиоматические выражения древнерусского литературного памятника, например:

Копие хочу я преломить
В половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить,
Либо Дону зачерпнуть шеломом! (330)

Или: «Ночь грозою птиц перебудила» («Ночь стонущи ему грозою птичь убуди»); «Спит гнездо бесстрашное Олега» («Дремлет вь поле Ольгово хороброе гнездо»);

Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду... (334)

(«...а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие»);

Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кащеево седло... (337)

(«Игорь князь выседе изъ седла злата, а въ седло кощеево»);

Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу

И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу... (345)

(«Полечю, – рече, – зигзицею по Дунаеви, омочю бебрян рукав в Каяле реце...»).

Известное изречение Бояна «Тяжько ти голове кроме плечю, зло ти телу кроме головы», Н. Заболоцкий перевел на современный русский язык, почти не ломая фразы:

Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглавно. (348)

Устойчивые обороты речи, существующие в языке тысячелетия, коими предельно насыщено «Слово о полку Игореве», создают, безусловно, своеобразный колорит старинной речи, как бы остановленной и законсервированной. Эти «старые словесы» проявляют свою особую стать при описании древних языческих божеств как в самом оригинале, так и в его переводе.

Боян в «Слове» назван внуком Велеса – скотьего бога, или бога, дающего богатства людям, покровительствующего и искусству, и военному делу. Стрибожьими внуками поименованы в «Слове о полку Игореве» ветры: «Се ветри, Стрибожи внуци, сеют съ моря стрелами на храбрые пълкы Игоревы». Н. Заболоцкий перевел этот текст так:

Вот Стрибожьи вылетели внуки –
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучи стрел на русские полки. (332)

Переводчик разделил троицу, поставив впереди языческое божество, повелевающее ветрами, на второе место – непосредственных исполнителей его воли, на третье – половцев, воспользовавшихся попутным ветром, чтобы «взметнуть» тучи стрел на русские полки. Стрибог, по славянскому словарю, («струга», вода, поток) повелевал не только ветрами, но имел власть над водой, вызывая бури на море или другие неприятные природные явления. Однако это был справедливый славянский бог, поэтому он не должен был выступать как сила, враждебная воинам Игоря. Об этом и напомнила ему Ярославна, хорошо знавшая повадки этого божества, упрекнув его в том, что он разыгрался не вовремя и не к месту: «Чему насильно веяши, чему мычаши хиновськие стрелкы на свою нетрудную крыльцю на моея лады вой?». Вместо того, чтобы разрушать враждебные злоумышления половцев, совершенно чуждых ему по духу, он неожиданно вдруг подыграл им, что и отметила, обращаясь к нему, княгиня.

И еще одно языческое божество попало в поле зрения автора «Слова о полку Игореве» – это Дождьбог; внуками его названы простые люди – землепашцы, охотники, скотоводы, приумножающие силу и богатства Русской земли. При Олеге Гориславиче, который приходился Игорю дедом, процветали междоусобицы. Не хлеба сеял этот князь на Руси, а войны и смерть; при нем «погибашеть жизнь Даждьбожа внука»:

Век людской в крамоле стал недолог.
И не стало жизни там богатой,
Редко в поле выходил оратай... (334)

Судя по переводу, Н. Заболоцкий знал повадки каждого из языческих божеств и поэтому сумел в полном соответствии с ведическими знаниями отразить их деятельность в своей лиро-эпической поэме, опираясь на современные поэтические требования. Оценивая свой труд, он заметил, что в процессе работы не смог учесть «новых текстологических изысканий». Но упрекнуть его в данном случае не в чем: перевод его выполнен на уровне всех тех наработок, которые накопила отечественная и зарубежная наука. Можно, конечно, отметить ряд неучтенных переводчиком новых изысканий. Так, теперь считается, что обращение к русским князьям принадлежит не Святославу, как это представлено в переводе Н. Заболоцкого, а самому создателю гениального древнерусского литературного памятника. «Бебрян рукав» Ярославны в переводе дан как бобровый рукав, в то время как, скорее и точнее всего, это – мягкая шелковая ткань, потому что бобровым мехом вряд ли можно было утереть «крьвавыя раны на жестоцемь теле» князя Игоря.

Можно приводить другие примеры подобного рода, но даже при всей их совокупности они не могут снизить высокого качества перевода Н. Заболоцкого, который по праву считается одним из лучших среди поэтических переложений «Слова о полку Игореве». Древнерусский литературный шедевр, без всякого сомнения, глубоко затронул сердце поэта XX века силой своего патриотического чувства, созвучного общему высокому духовному настрою огромной страны, только что победившей в смертельной борьбе немецкий фашизм. Под пером переводчика гениальный памятник русской словесности в его современном художественном обрамлении предстал выдающимся произведением, сохранившим старинный смысл и звучание, поскольку переводчик вложил в свой труд «нерукотворный» весь свой недюжинный талант.

---

1. Октябрь. 1946. № 10-11. Цитируется по книге: Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы / Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. М. Туркова. – М.-Л.,1965. («Библиотека поэта»). Ссылки см. в тексте, с указанием страницы.
2. Литературная газета. 1937. 31 декабря.
3. Молодая гвардия. 1956. № 9.С.197-198.
4. Там же.
5. Заболоцкий Н. Н. Путь к «Слову» //Московский комсомолец. 1985. 11 октября.
6. Заболоцкий Николай. История моего заключения. – М., 1991. С. 41. (Библиотека «Огонька»)
7. См.: Октябрь. 1946. № 10-11. С. 84.
8. Слово о полку Игореве. – Л., 1985. С. 23. В статье использовался текст древнерусского памятника из этого издания.

Э.Л. Котова

МАТЕРИАЛЫ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ А.В. МАКЕДОНОВА:
Из истории литературной жизни смоленской писательской организации 1930-х годов

Адриан Владимирович Македонов – литературный критик и историк литературы, известный прежде всего как исследователь творчества А. Твардовского, Н. Заболоцкого, О. Мандельштама и как автор гипотезы о смоленской поэтической школе – начинал свой творческий путь в Смоленске в конце 1920-х–1930-е гг.

Еще школьником он серьезно увлекся изучением литературы. Вместе со своим другом Александром Гитовичем, ставшим впоследствии крупным советским поэтом, Македонов посещал различные творческие вечера, в том числе литературного объединения «Арена» (1921–1925 гг.). В него входили писатели самых разных творческих направлений: от авторов, увлекающихся футуризмом и имажинизмом, до крестьянских поэтов. «Арена» была своеобразным прообразом будущего Смоленского отделения ССП [1]. Поступив в 1927 г. на первый курс отделения русского языка и литературы педагогического факультета Смоленского университета, Македонов сразу стал одним из активных участников литературных кружков, созданных при СГУ и при Доме работников просвещения. «Кружки эти, – вспоминал Македонов, – формально кем-то контролировались, но по существу были вполне самостоятельными организациями просветительского характера. Программы работ кружков (как и литературных групп при газетах) ни с кем обычно не согласовывались; на собрания приходили кто хотел и выступали с чем и как хотели <…>. Тем не менее не помню каких-либо злоупотреблений литературного или тем более политического характера этими свободами. Посещаемость некоторых кружков была очень хорошей (до 80-100 человек); главную массу посетителей составляли и люди, просто интересовавшиеся литературой, и люди, сами пытающиеся писать и выступать как поэты, прозаики и критики. Обсуждение имело вполне демократический и откровенный характер, и происходил естественный отсев случайных и бездарных элементов и отбор наиболее способных, активно любящих литературное дело <…>. Так формировалась широкая среда, благодатная почва возникновения и роста новых литературных, журналистских или хотя бы активно-читательских сил» [2]. Поиск единомышленников, творческих людей привел его также в литературную группу «Комсомолия», созданную при газете Смоленского обкома ВЛКСМ «Юный товарищ» (выходила с 1920 г. по 1929 г., позже была реорганизована в газету

«Большевистский молодняк»), «ежевечернее пристанище и первый литературный институт» [3] многих смоленских писателей. Здесь он познакомился с Е.М. Марьенковым, В.В. Смолиным, С.А. Фиксиным и другими начинающими смоленскими литераторами. На заседаниях молодые писатели «учились анализировать произведения своих товарищей, изучали произведения современной и дореволюционной русской литературы, теорию словесности, стремились овладеть мастерством художественного слова» [4].

В декабре 1926 г. в Смоленске произошло организационное оформление городской ассоциации пролетарских писателей (САПП), ядром которой и стали участники группы «Комсомолия» – тогда ее членами было всего 17 человек. 4 декабря 1927 г. в трехэтажном здании губернской совпартшколы, рядом с городским садом Блонье, состоялась первая губернская конференция пролетарских писателей, на которой присутствовало уже 39 человек, одним из них был Македонов. После конференции все литературные группы губернии стали работать под эгидой новой творческой организации. Писатели были нацелены на преодоление «схематичности и голой агитационности» в своем творчестве [5]. Это тем более было актуально, поскольку в эти годы в литературу хлынул поток малообразованных стихотворцев и прозаиков: «По самым скромным подсчетам, в одной только Смоленской губернии насчитывается до 500 человек, пытающихся стать литераторами, т.е. пишущих стихи и рассказы. Но среди них едва ли наберется один десяток, который пишет более или менее хорошо» [6].

Ответственным секретарем правления ассоциации был избран М.В. Исаковский, который, по всеобщему признанию, являлся бесспорным авторитетом в литературных кругах Смоленска. Он сразу выдвинул перед литераторами «задачи исключительно творческого характера» [7].

В конце 1929 г. после того, как была организована Западная область с центром в Смоленске, возникла областная АПП (ЗОАПП), первая конференция которой состоялась 1-3 марта 1930 г. На ней с основным докладом «О задачах пролетлитературы в реконструктивный период» выступил один из секретарей РАПП В. Ермилов. Содоклад сделал Л. Авербах – генеральный секретарь РАПП. В своем выступлении он призывал собравшихся к созданию истинно революционной литературы, художественное качество которой его мало волновало: «Мы не участвуем в создании «изящной литературы». Мы говорим на грубом языке классовой борьбы»; «Наши кадры мало культурны, но мы не печалимся» [8]. Руководители РАПП и ЗОАПП порой ставили перед писателями разные задачи: то ли приспосабливаться к потребностям массового читателя, то ли стараться совершенствовать свое художественное мастерство.

Вспоминая те годы, в своей автобиографии Македонов писал: «С 1927 г. я активно участвовал в работе смоленских литературных организа-

ций, с конца 1927 по апрель 1932 г. был членом смоленской городской, а затем областной западной ассоциации пролетарских писателей» [9]. Выбор Македоновым литературного объединения пролетарских писателей был не случаен. Во-первых, он, как и миллионы людей той эпохи, искренне верил, что именно пролетариату суждено создать новую истинно народную культуру. Во-вторых, в те годы «в Смоленске не было других литературных организаций, которые могли бы сравниться с РАПП – не только по политическим причинам того времени, но и по стремлению лучших начинающих писателей глубже разобраться в окружающем» [10]. После самороспуска «Арены» в Смоленске делались попытки создания отделений «Кузницы», ЛЕФа и «Перевала», но все они просуществовали недолго. В марте 1926 г. было создано «литобъединение» смоленских писателей, но и оно оказалось недолговечным.

В Смоленской писательской организации жесткая рапповская литературная политика «сочеталась со стремлением к подлинной литературной учебе, творчеству. В АПП могли участвовать и молодые люди, весьма далекие от специфических рапповских критериев, хотя и отдававшие им дань в той или иной мере» [11]. Так, например, Македонов в анкете для поступавших в РАПП на вопрос о том, кто ваши любимые поэт и прозаик, ответил – Осип Мандельштам и Анатоль Франс. Председатель Московского правления РАПП В. Ермилов, приведя эти ответы в своем заключительном выступлении на первой губернской конференции пролетарских писателей, заметил: «нам и такие нужны». Македонов предполагал, что столь мягкой оценке его ответов способствовало заступничество М. Исаковского – ответственного секретаря правления ассоциации, человека широких взглядов, умеющего уважать подлинное искусство, даже если оно было ему не близко [12].

Сближаясь с творческими кругами города, Македонов подружился прежде всего с А.Т. Твардовским, который переехал в Смоленск в начале 1928 г., Е.М. Марьенковым и В.И. Муравьевым, принадлежавшими к порядочным и наиболее одаренным членам РАПП. Несмотря на юный возраст, эрудированный и целеустремленный Македонов стал настоящим «университетом» для своих товарищей. «В наших разговорах, – вспоминал он, – конечно, обсуждался со всем юношеским запалом «весь» опыт мировой поэзии. И делался, главным образом, один вывод – учиться надо у классиков, а писать надо стихи совершенно нового типа, как в первый раз на свете. Были и попытки теоретически наметить, обосновать пути поэзии новой действительности, поэзии, основанной на предельно прямом воспроизведении ее углубленной конкретности и духовного богатства» [13].

Мы жили замыслом заветным
Дорваться вдруг
До всех наук –

Со всем запасом их несметным –
И уж не выпустить из рук [14].

Твардовский утверждал, что обязан Македонову многим в своем творческом развитии [15]. В. Муравьев тоже признавал сильное влияние Македонова: «В то время моими литературными «учителями», с мнением которых я более всего считался, были поэт Александр Гитович <...> и А. Македонов» [16].

Знакомство в 1930 г. с Н.И. Рыленковым привело к возникновению теплых приятельских отношений, которые, однако, позднее осложнились литературными разногласиями, в частности, по поводу произведений Твардовского и Исаковского. Рыленков признавался: «Я пытался критиковать отдельные ошибочные стихи А. Твардовского, Македонов их защищал. Я резко оценивал первый вариант поэмы «Страна Муравия», в которой неверно была представлена коллективизация, Македонов защищал и тот вариант. Кроме этого, у меня вызывало подозрение отношение Македонова к творчеству Михаила Исаковского, которое он прежде третировал, как частушечное, а потом вдруг стал превозносить <...>» [17].

Отношения с М. Исаковским, по воспоминаниям Македонова, у него «всегда были хорошими, даже более или менее дружескими», хотя «непосредственные личные контакты, встречи, разговоры никогда не были частыми» [18]. Их знакомство произошло в конце 1927 г., когда Македонов вступил в РАПП, а товарищеские встречи и беседы начались несколько позже – в 1929 г. Македонов всегда с признательностью вспоминал об Исаковском, чью зримую и незримую поддержку и доброжелательность он ощущал в годы своей молодости.

В конце 1920-х и первой половине 1930-х гг. литературная жизнь Смоленска была очень бурной. Смоленские литераторы часто устраивали «декадники» поэзии и прозы. На этих заседаниях делались доклады, читались, а затем обсуждались художественные произведения. Македонов был одним из самых активных участников. Регулярно выходили периодические издания, публикующие литературные материалы: журналы «Западная область» (редактором которого с ноября 1930 г. по сентябрь 1932 г. был Твардовский), «Наступление», «На культурном посту», газеты «Рабочий путь», «Большевистский молодняк», «Смоленская деревня» и др. Эпизодически печаталась «Литературная газета», однодневные выпуски которой были приурочены к каким-либо знаменательным событиям, а с 1 апреля 1934 г. она выходила как декадная. В связи с созданием Западной области в Смоленске было организовано областное отделение Государственного издательства (ЗапГиз), что способствовало увеличению тиража периодических изданий. Все это давало возможность публиковаться широкому кругу писателей, в том числе и начинающим авторам. ЗапГиз стало единственным издательством области, где выпускалась вся книжная и журнальная продукция. В Доме работников просве-

щения и в центральной библиотеке постоянно собирались писатели, устраивались литературные вечера. В. Муравьев вспоминал: «В 1929-30 гг. я часто встречался с Твардовским и его ближайшим «литературным советником» Македоновым в доме раб<отников> просвещения, клуб которого был местом постоянного пребывания большинства писателей» [19]. После того, как в декабре 1934 г. был открыт Дом искусств (с библиотекой, творческими кабинетами, бильярдной, буфетом), писатели получили еще одно место постоянных встреч. Интересы молодых авторов-смолян отличались широтой и разнообразием: «На литературных вечерах, во время встреч в Доме искусств, в дружеских сходках дома А. Гитович увлеченно читал Гумилева, Киплинга, «Стихи о поэте и романтике» Багрицкого. А. Македонов читал и толковал Пастернака и Мандельштама. В. Муравьев переводил Киплинга на русский язык. Дважды с выступлениями, имевшими сильный резонанс, приезжал в Смоленск Маяковский» [20].

Еще в студенческие годы Македонов заявил о себе как талантливый и самобытный литературный критик, необыкновенно эрудированный, стремящийся к глубокому и объективному анализу художественных произведений. В центре его внимания была поэзия. Статьи Македонова сразу стали публиковаться в центральных изданиях. Его первые критические работы появились в 1928 г. в московском журнале «На литературном посту», который являлся основным печатным органом РАПП.

Македонов часто бывал в Москве, где посещал творческие вечера московских писателей. Так, он неоднократно бывал на заседаниях литературного кружка «Удар», который входил в состав МАПП. В октябре 1929 г. в «Ударе» состоялся первый творческий вечер Твардовского в Москве. «<...> я делал вступительное слово и, вероятно, – вспоминал Македонов, – в какой-то мере выдвигал его стихи как новое направление и новые возможности развития пролетарской поэзии», что вызвало «раздражение присутствующего Уткина, с которым А.Т. *(Александр Твардовский – Э.К.)* и я, возможно, общались на этом вечере не вполне почтительно, с юношеским задором тех лет» [21]. На одном из литературных вечеров «Удара» Македонов познакомился с московским критиком Анатолием Кузьмичом Тарасенковым, с которым «одно время даже дружился, и познакомил его со стихами А.Т. *(Александра Твардовского – Э.К.)*, что в дальнейшем способствовало появлению первой доброжелательной статьи Тарасенкова о нем в московской печати <...>» [22]. Так Твардовский приобрел в лице Тарасенкова «полезного московского защитника» [23].

Заканчивая второй курс университета, летом 1929 г. Македонов решил перевестись на литературное отделение МГУ. Одной из причин такого решения было стремление посвятить свою жизнь не педагогической, а научной работе. О его переводе в Московский университет перед руководством СГУ

ходатайствовал секретариат РАПП. Однако, несмотря на то, что руководство Смоленского университета не возражало против перевода Македонова, по невыясненным обстоятельствам он все-таки остался учиться и работать в Смоленске.

По утверждению Рыленкова, Македонов являлся одним из ведущих критиков смоленской писательской организации [24]. Он был избран организационным секретарем ЗОАПП (18 ноября 1930 г. – 7 января 1932 г.), некоторое время работал секретарем областного отделения Госиздата (лето 1930 г.), а затем стал ответственным секретарем и членом редколлегии журнала «Наступление» (1930–1932 гг.), вокруг которого объединился писательский актив Западной области. Македонов опубликовал в журнале «Наступление» более трех десятков статей [25].

В своих печатных работах и в выступлениях на писательских собраниях, производственных совещаниях критиков Македонов, анализируя творчество поэтов Западной области, отстаивал художественные принципы «налитпостовства» (так после раскола РАПП в начале 1926 г. стали называть руководство этой организации – Л.Л. Авербаха, Ю.Н. Либединского, В.В. Ермилова, А.П. Селивановского, А.А. Фадеева и др., которое объединилось вокруг журнала «На литературном посту»), вследствие чего порой он оказывался под влиянием вульгарного социологизма. Однако в отличие от большинства «неистовых ревнителей», Македонов не стремился навязать писателям какие-либо идейно-эстетические требования («показ живого человека», «срывание всех и всяческих масок» и т.п.), а старался объяснить, насколько это было возможно, их целесообразность. Хотя в художественном творчестве для Македонова первостепенным был мировоззренческий принцип, он неоднократно подчеркивал, что основной вопрос, который должен ставить перед собой критик, это *КАК* сделано произведение, а не *ЧТО* в нем выражено. Дело в том, что большинство пролетарских и крестьянских писателей уже научилось правильно выбирать темы для своих произведений, но не умеет их художественно обработать, им не хватает «технического мастерства». Следовательно, рассуждал Македонов, критик должен помогать писателям овладевать стилистическими приемами.

Возрастающий авторитет Македонова, внимание к нему и поддержка рапповского руководства вызвали у части смоленских литераторов зависть и недоброжелательное к нему отношение. Но основной причиной недовольства стала принципиальная оценка Македоновым их произведений. «<...> Многообразие и легкость опубликования, – вспоминал Македонов, – приводили и к выдвижению на литературное поприще людей бездарных или малоодаренных, но претендовавших на постоянное место в литературе, а также часто пролезавших в руководящие органы печати и руководство ЗОАПП.

Именно эти люди были главными источниками групповщины, завистничества, конъюнктурщины, вульгаризаторства, скверного политиканства» [26]. Молодому незаурядному и преуспевавшему критику не просто было отстаивать свои творческие позиции. Так, например, в самом начале своей работы в САПП (зима 1928 г.) Македонов на какое-то время был из нее исключен по обвинению в антисоветчине – за, якобы, издевательство над международным пролетарским гимном «Интернационал». «Издевательство, – вспоминал Македонов, – состояло в том, что весьма юный парень *(Македонов пишет о себе в третьем лице – Э.К.)*, воодушевленный стремлением бороться за художественное качество, но лишенный элементарного политического опыта и такта, в качестве одного из примеров художественно слабых стихов привел некоторые строки из текста «Интернационала», при этом в довольно развязной форме. Присутствующий на этом собрании другой член САПП, один из неистовых ревнителей, пользующийся к тому же доверием как опытный рабкор, член партии, член правления Смоленской АПП, немедленно настрочил возмущенное заявление и требование исключения. Требование было удовлетворено, а исключенный даже не счел нужным возражать» [27]. Македонова даже не вызвали на заседание правления ассоциации для дачи объяснений. Тогда же об этом факте было доложено в НКВД. Справедливость была восстановлена благодаря письму М.И. Гореловой (будущей жены Твардовского), в котором она просила Исаковского, возглавлявшего в те годы областную и городскую писательские организации, выступить в защиту талантливого критика.

Македонов был далеко не единственным, кто периодически или систематически подвергался травле. Так, весной 1930 г. в столичном журнале «Рост» было напечатано стихотворение Твардовского «Пчёлы», которое сопровождалось статьей с ярким названием «Барчук или пролетарский поэт?», автором которой был один из видных рапповских критиков А. Селивановский [28]. Эта статья, обвинявшая поэта в «верхоглядстве», «барстве» и «эстетстве», стала примером «рапповской дубинки». В Смоленске такая критика была подхвачена Ф.Х. Власовым в статье «Богемствующие «пролетпоэты». Об успехах и непреодолимых препятствиях в работе СмолАПП» [29], в которой наравне с Твардовским в «эстетстве» и «буржуазном загнивании» обвинялся В. Муравьев. Руководство писательской организации не замедлило откликнуться на данную публикацию исключением их из своих рядов за расхождение с генеральной линией РАПП. На таком решении настаивал Л. Авербах. В защиту Твардовского выступили Македонов, И. Зиборов, Е. Марьенков, благодаря чему его исключение оказалось временным – сроком на полгода. Поскольку Твардовского обвиняли, прежде всего, в антипролетарских настроениях, Македонов настойчиво подчеркивал, что Твардовский «выдержал политический экзамен». Однако поток негативных критичес-

ких статей в отношении Твардовского продолжался. Поэт всеми силами стремился защитить свою репутацию и восстановиться в РАПП. Для этого Твардовскому необходимо было продолжать публиковать свои произведения. Македонов старался ему в этом помочь. Так, по его настоянию в «Первом альманахе ЗОАПП», вышедшем в августе 1930 г., были напечатаны стихотворения Твардовского «Зеленый город», «Одна зима», «Тракторный выезд» (отрывок из поэмы «Путь к социализму»), а также эпиграммы. Для того, чтобы это произошло, Македонову пришлось сражаться с Авербахом – главным редактором альманаха.

Гонения на Македонова, известного сторонника и пропагандиста программы РАПП, еще более усилились после известного постановления ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», которое предусматривало роспуск всех литературных группировок и создание единого Союза советских писателей. Тем самым партийное руководство страны, обеспокоенное претензиями РАПП на лидерство в литературном процессе, брало бразды правления литературой в свои руки (к началу 1930-х гг. ассоциация насчитывала свыше 4.000 членов, была самым массовым, к тому же воинственным, литературным движением). Натерпевшись от «рапповской дубинки», писатели других литературных групп, прежде всего «попутчики», встретили решение ЦК восторженно, не представляя себе всех трагических последствий происходящих перемен: «Возник большой литературный колхоз. Всем писателям было предписано придерживаться единого, социалистического мировоззрения. Для всех обязательным был объявлен «метод социалистического реализма» <…>» [30].

28 мая 1932 г. в Смоленске состоялось собрание актива писателей Западной области по обсуждению постановления ЦК партии о ликвидации литературных группировок, на котором с докладом выступил М.С. Завьялов, критиковавший прежние творческие лозунги РАПП. В это переломное время Македонов вполне мог избежать публичных покаяний и признаний ошибок рапповского периода, поскольку проходил службу в рядах Красной Армии (весна 1932 г. – начало 1933 г.). Однако полностью отстраниться от сложившейся литературной ситуации не посчитал для себя возможным: он опубликовал в смоленских и центральных изданиях 8 статей, в одной из которых признал несостоятельность собственных представлений о «творческом методе» пролетарской литературы – тех, которые теперь были осуждены партией [31].

В смоленской писательской организации, как и в рапповские времена, продолжалась борьба с «идейными противниками на литературном фронте», которых «неистовые ревнители» находили и внутри областного отделения ССП. Несколько беспринципных политиканов, к тому же малоодаренных литераторов (В. Горбатенков, Д. Осин, И. Кац, В. Смолин и др.) всячески добивались руководящей роли в общественно-литературной жизни области,

стремясь оттеснить в тень талантливых писателей. «Не будучи в силах добиться этого своим творчеством, работой, – вспоминал В. Муравьев, – они пускали в ход интриги, подсиживание, клевету, пытаясь «устранить с дороги» мешавших им действительно творчески работающих людей: А. Твардовского, А. Македонова, Е. Марьенкова, к этим людям был близок по личным отношениям и по работе и я» [32]. Главной мишенью травли оказался Твардовский – самый талантливый, но еще не признанный поэт, сын несправедливо раскулаченного крестьянина. Яростную кампанию против него, пик которой пришелся на 1932–1934 гг. – время учебы Твардовского в СГПИ, организовал и возглавил Горбатенков, участие в ней приняли многие смоленские литераторы. Поддерживать молодого поэта, «кулацкого подголоска», осмеливались единицы, прежде всего Македонов и будущая жена Твардовского Горелова. «<...> это было просто моим долгом, как критика и человека», – позже напишет Македонов [33]. Он стал основным оппонентом Горбатенкова в защите Твардовского, чем навлек на себя постоянные упреки в необъективной критике.

Особенно ожесточенно столкновения в среде смоленских литераторов проявились на Первом съезде Союза писателей Западной области, проходившем в Смоленске 23-25 апреля 1934 г. Он был приурочен ко второй годовщине роспуска РАПП и являлся этапом подготовки к Всесоюзному писательскому съезду. Сделать доклад о поэзии Западной области было поручено Македонову как наиболее авторитетному критику. Анализируя творчество самых значительных поэтов, он назвал «наиболее оригинальным, наиболее самостоятельно работающим» [34] Твардовского. Доклад вызвал резкую критику со стороны представителя оргкомитета ССП СССР К.Л. Зелинского и В.Е. Горбатенкова. Зелинского возмутило то, что Македонов в своем обзоре охарактеризовал поэзию Западной области как «развитую, богатую, глубокую, сильную литературу», что казалось оппоненту чрезмерным и безапелляционным восхвалением [35]. Горбатенков прямо заявил об «идейных шатаниях» критика. Но главное, что ставили в вину Македонову его противники, это высокая оценка творчества Твардовского, поэзию которого они воспринимали как идеологически чуждую и художественно слабую.

Несмотря на недоброжелательное отношение к Македонову и Твардовскому, столь ярко продемонстрированное на областном съезде, Всесоюзный оргкомитет по приему в ССП СССР на заседании выездной комиссии (27 июня 1934 г.) избрал их членами Союза писателей. Кроме них такой чести удостоились М.С. Завьялов, Н.И. Рыленков и К.А. Долгоненков, тогда как большинству смоленских литераторов в этом было отказано. Очевидно, признание заслуг Македонова и Твардовского разожгло зависть их оппонентов, и травля усилилась. 25-26 июля 1934 г., через месяц после принятия в ССП, состоялся поэтический «декадник» Твардовского. Ему предшествовала пуб-

ликация статьи Горбатенкова «Кулацкий подголосок. О стихах А. Твардовского» [36]. Автор обвинял не только поэта, но и критиков, его защищавших – Тарасенкова и Македонова, в том, что они скрывали от читателей его идеологические и художественные недостатки. На поэтическом «декаднике» с докладом о творчестве Твардовского выступил Македонов, который дал решительный отпор автору провокационной статьи. Македонов категорически отверг наличие кулацких тенденций в творчестве поэта, призвав оставаться в рамках анализа художественного мастерства. Эта позиция обернулась против самого Македонова. Заместитель заведующего культпропом обкома партии Черлов заявил, что Твардовский, хотя и является в силу своего социального происхождения «кулацким подголоском», все же способен «выправить» свои промахи, «но это возможно только при помощи правильной критики, а последняя до сих пор приносила вред поэту тем, что чрезмерно захваливала его произведения, не вскрывала ошибки» [37]. Только В. Муравьев осмелился открыто поддержать Македонова и Твардовского. Несмотря на мнение большинства смоленских писателей, Македонов продолжал защищать талант Твардовского от нападок его противников. Так, осенью 1934 г. вышла в свет его статья «Как не надо критиковать» [38], развивающая основные положения вышеупомянутого доклада. Борьба приобретала еще большие масштабы.

Разгоревшиеся на июльском «декаднике» споры вокруг достоинств и недостатков поэзии Твардовского вылились и в центральную прессу. А. Тарасенков опубликовал в Москве статью «О загибах по-смоленски», в которой также осудил выступление Горбатенкова и других критиков за показную «бдительность», напоминающую «критическую порку поэта» [39].

Надежду найти поддержку в столичных литературных кругах вселяло участие в Первом Всесоюзном съезде советских писателей, который проходил в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г. Македонов и Твардовский были одними из самых молодых делегатов, причем Македонов имел решающий голос. Общая атмосфера на съезде оказалась оптимистичной и доброжелательной, укрепилась вера в возможность активного участия художника в построении нового общества. Македонов вспоминал: «Это был съезд молодости и надежд <...>. Сейчас могу сказать: обманутых надежд. И самый съезд назвать «съездом обманутых». Но дело в том, что надежды-то были. «Ты рядом, даль социализма», – писал тогдашний Пастернак. И самый факт создания единого творческого союза, ныне однозначно расцениваемый как формирование «командной», «министерской» структуры в литературе, тогда воспринимался иначе. Многие видели в нем как раз демократический, либеральный жест власти. <...> Казалось, под крышей новорожденного союза станет хорошо всем – независимо от литературных пристрастий, происхождения, национальности. <...>» [40]. Некоторая конфронтация среди писателей на-

метилась уже во время работы съезда, главным образом, при обсуждении двух вопросов: о гуманизме в литературе и творческой индивидуальности художника.

Надежды на то, что выполнение решений Первого Всесоюзного съезда, сплотит литераторов, не оправдались. Вначале казалось, что после съезда атмосфера враждебности в среде смоленской писательской организации несколько разрядилась. На съезде сторонники таланта Твардовского, в том числе и Македонов, организовали коллективное письмо на имя секретаря областного комитета ВКП (б) И.П. Румянцева в защиту поэта, которое подписали А.И. Безыменский, В.А. Луговской, А.К. Тарасенков и др. Противники Твардовского, зная об этом, на некоторое время заняли выжидательную позицию. Однако уже весной 1935 г. кампания против Твардовского и Македонова возобновилась в еще более открытой и резкой форме. 14 апреля 1935 г., готовясь к поэтическому совещанию писателей Западной области, Горбатенков вместе с Кацем и Рыленковым опубликовал скандальную статью «Стих – это бомба и знамя: К областному поэтическому совещанию», в которой «разоблачались» не только «техническое несовершенство», но и «кулацкие тенденции» в поэзии Твардовского. Ответственность за «идеологические» промахи Твардовского возлагалась на его «литературного советчика» – Македонова [41]. Подобные обвинения чрезвычайно осложняли и жизнь Твардовского, который в 1934 г. был вынужден оставить Смоленский пединститут и продолжить учебу в Москве, и жизнь Македонова. На областном совещании поэтов, состоявшемся 14-16 апреля 1935 г., эта статья была подвергнута резкой критике не только со стороны прежних сторонников Твардовского, но и московских критиков С. Кирьянова и М. Серебрянского [42].

И все же вопреки сложившимся обстоятельствам и усилиям недоброжелателей, Македонов, обладая волевыми качествами, знаниями, организаторскими способностями, вошел в состав президиума областного отделения ССП; вместе с Рыленковым был избран заместителем председателя областной писательской организации М.С. Завьялова.

Одновременно Македонов учился в аспирантуре, работая над диссертацией по теме «Проблема героя в эстетике Белинского». С 1933 г. по 1937 г. он опубликовал 52 работы по вопросам истории литературы и литературной критики; в том числе отдельной брошюрой вышли в свет тезисы для докладчиков о жизни и творчестве А.С. Пушкина. В 1937 г. страна готовилась отметить столетие со дня гибели Пушкина. Македонов как один из самых ярких среди смоленских литераторов – исследователей наследия поэта, стал членом юбилейного пушкинского комитета.

Нарастающая волна сталинских репрессий 1930-х гг. создала предпосылки для усиления политических преследований в Смоленской писательской организации. Как и прежде, большую роль в этом играл Горбатенков. По

его предложению в газете «Большевистский молодняк», в редакции которой он работал, в сентябре 1936 г. опубликовали статью «В Союзе писателей неблагополучно». Это был открытый донос о политической неблагонадежности Македонова, Муравьева, Марьенкова и некоторых других литераторов.

Горбатенков продолжил борьбу с теми, кого считал «врагами народа», уже не только своими статьями и публичными выступлениями, но и доносами, с которыми неоднократно обращался то в ЦК ВЛКСМ, то в Управление НКВД СССР по Западной области. Конфронтация, бесконечные распри в областном ССП оказались благодатной почвой для того, чтобы в 1937 г. без значительных усилий со стороны НКВД было сфабриковано так называемое «Дело смоленских писателей», центральной фигурой которого оказался Македонов. 21 августа 1937 г. он был арестован органами по обвинению в участии «в контрреволюционной группе», которой на самом деле не существовало. Арест был для него совершенной неожиданностью… Из смоленских писателей только А. Твардовский и М. Исаковский, рискуя собственным благополучием, пытались встать на защиту «врага народа» Македонова и добиться его оправдания. Остальные почти в единый голос призывали искоренить «македоновщину». Несмотря на то, что виновным Македонов себя не признал, он был осужден на восемь лет исправительно-трудовых лагерей.

На долгие десятилетия талантливый литератор был отлучен от научной работы. Только в конце 1950-х гг. Македонов вновь вернулся к исследованию советской поэзии. И первыми авторами, о которых он стал писать, были Рыленков и Исаковский – его земляки. Творчество Твардовского, как и в 1930-е гг., до конца жизни оставалось одной из магистральных тем его изучения. Гипотеза Македонова о смоленской поэтической школе, сформулированная в 1960 г. [43], вобрала в себя наблюдения и выводы 1930-х гг., что позволяет говорить о преемственности его литературно-критических взглядов.

Македонов – человек сложной судьбы, но в любых ситуациях всегда остававшийся человеком принципиально честным и искренним. Возможно, в силу своего таланта он и смог преодолеть все жизненные испытания, которые выпали на его долю (предательство товарищей по перу, травлю, заключение), и, освободившись от пут идеологических канонов, стать одним из наиболее ярких и самобытных исследователей 1960-1990-х гг.

---

1. Македонов А.В. Михвас // Воспоминания о М. Исаковском. – М.: Советский писатель, 1986. С. 82-83.
2. Македонов А. Михвас [Неопубликованная часть статьи] // ГАСО. Ф. 2436. Оп. 1. Ед.хр. 2. Л. 177-178.
3. Фиксин С.А. Первая даль поэта // Воспоминания об А. Твардовском. – М.: Советский писатель, 1978. С. 16.

4. Шурыгина Л.В. Литературный Смоленск второй половины 20-х годов // Ученые записки. Вопросы русской литературы XIX–XX вв. Вып. XXVII. – Смоленск: СГПИ, 1971. С. 144.
5. Сегодня открывается первая смоленская губернская конференция пролетарских писателей // Рабочий путь, 1927, 4 декабря. С. 2.
6. М.И. Как надо и как не надо писать стихи // Рабочий путь, 1927, 4 декабря.
7. Исаковский М.В. Внедряясь в массы, углубляя творческую работу, выдвигая кадры писателей и поэтов // Рабочий путь, 1928, 9 декабря.
8. Авербах Л.Л. Экзамен пролетарской литературы: Выступление на первой областной конференции // Рабочий путь, 1930, 4 марта.
9. Македонов А.В. Автобиография // ГАСО. Ф. 2436. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1-2.
10. Македонов А.В. Эпохи Твардовского // Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова. – Смоленск: Траст-Имаком, 1996. С. 112. В конце 1920-х гг. в Смоленске из литературных организаций, кроме САПП, был филиал «Кузницы», тоже организации пролетарских писателей, в который вошел литературный клуб «Арена». См.: Смоленск. Краткая энциклопедия / Отв. ред. Г.С. Меркин. – Смоленск: Траст-Имаком, 1994. С. 64, 424.
11. Македонов А.В. Творческий путь Твардовского: Дома и дороги. – М.: Художественная литература, 1981. С. 104.
12. Македонов А. Михвас [Неопубликованная часть статьи] ... Л. 188.
13. Македонов А.В. Будущий Твардовский // Воспоминания об А.Т. Твардовском. – М.: Советский писатель, 1978. С. 52.
14. Твардовский А.Т. По праву памяти // Реквием. Стихи русских советских поэтов. – М.: Современник, 1989. С. 152.
15. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова // Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова. – Смоленск: Траст-Имаком, 1996. С. 349.
16. Илькевич Н.Н. «Какою мерой горе мерить, кому предъявишь горький счет...» // Муравьев В.И. Пасынок судьбы. Стихотворения. – Москва: Скрин, 1996. С. 9.
17. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова... С. 324-325.
18. Македонов А.В. Михвас... С. 80.
19. Илькевич Н.Н. «Какою мерой горе мерить, кому предъявишь горький счет...»... С. 10.
20. Баевский В.С. Павлова Л.В. Поэты земли Смоленской: Маленькая антология. – Смоленск, 2001. С. 14.
21. Македонов А.В. Письмо к А. Палшкову от 19.11.75. // Архив литературного музея СГПУ. Ф. 10. Л. 36.
22. Там же... Македонов имеет в виду статью А. Тарасенкова «Среди стихов», напечатанную в журнале «Печать и революция» (1930, № 1).
23. Материалы к творческой биографии А.Т. Твардовского. Смоленский период. 1925-1936 / Сост. Р.М. Романова // Литературное наследство: Из истории советской литературы 1920-30 годов. Новые материалы и исследования. Т. 93. – М.: Наука, 1983. С. 405.
24. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова...С. 376.

25. Котова Э.Л. Материалы для библиографии трудов А.В. Македонова. 1928-1937 гг. // Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного педагогического университета. 1997 г. / Сост. и ред. Л.В. Павлова. – Смоленск: СГПУ, 1997. С. 281-294; Илькевич Н.Н. Некоторые размышления над интересной публикацией // Годы, 1999, № 2(6). С. 124-125.
26. Стеклов М.Е. Только правда ко двору [Беседа с А.В. Македоновым] // Рабочий путь, 1988, 7 октября. С. 3.
27. Македонов А.В. Михвас [Неопубликованная часть статьи] (ГАСО)… Л. 189-190.
28. Селивановский А.П. Барчук или пролетарский поэт? // Рост, 1930, № 4.
29. Власов Ф.Х. Богемствующие «пролетпоэты»: Об успехах и непреодолимых препятствиях в работе СмолАПП // Большевистский молодняк, 1930, 31 мая (№ 122).
30. Баевский В.С. История русской литературы XX века. Компендиум. – М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 163.
31. Македонов А.В. Письмо в редакцию // Наступление, 1932, № 5. С. 94.
32. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова… С. 357.
33. Баевский В.С. Смоленский Сократ // Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова. – Смоленск: Траст-Имаком, 1996. С. 190.
34. Македонов А.В. Поэтический участок областной литературы // Наступление, 1934, № 5-6. С. 111.
35. Зелинский К.Л. Держать экзамен на большое мастерство // Наступление, 1934, № 5-6. С. 88.
36. Горбатенков В.Е. Кулацкий подголосок. О стихах А. Твардовского // Большевистский молодняк, 1934, 17 июля (№ 165).
37. К<ац>. Суровая большевистская самокритика – могучий рычаг преодоления ошибок (С литературного декадника, посвященного творчеству А. Твардовского) // Большевистский молодняк, 1934, 30 июля (№ 177). С. 4.
38. Македонов А.В. Как не надо критиковать // Наступление, 1934, № 9-10. С. 190-197.
39. Тарасенков А.К. О загибах по-смоленски // Литературная газета, 1934, 18 августа.
40. Фоняков И.О. И снова пора надежд?. // Литературная газета, 1991, 12 июня. С. 9.
41. Горбатенков В.Е., Кац И.И., Рыленков Н.И. Стих – это бомба и знамя: К областному поэтическому совещанию // Большевистский молодняк, 1935, 14 апреля (№ 74). С. 3.
42. Кирьянов С. Творчество поэтов Западной области // Наступление, 1935, № 6. С. 91; Серебрянский М.И. Заметки о поэзии // Знамя, 1935, № 6. С. 224-240.
43. Македонов А.В. О «смоленской» поэтической школе, о ее месте в развитии советской поэзии и о трех юбилеях // Македонов А.В. Очерки советской поэзии. – Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1960. С. 3-33.

Я. Р. Кошелев

НЕБЫЛИЦЫ В ФОЛЬКЛОРЕ

Небылицы – воспроизведение того или иного явления как несообразного, невозможного, не соответствующего нормативным представлениям.

Например:

Сидит медведь на колоде.
Боты подшивает;
А заинька-работничек
В скрипочку играет;
А ворона-сторожона,
Она припевает;
А сорока-белобока
Пошла танцевать;
А лисица-молодица
Пошла в поле жать;
Летит сокол с красным оком
Колос подбирать. (1)

* * *

Сапоги сшил из рубашки,
А рубашку из сапог;
Дом построил из опилок,
Вышел славненький домок!
... Слава Богу! – Понемногу
Стал я заживаться:
Продал дом, купил ворота –
Стал я закрываться! (2)

В небылицах на дубу может сидеть ворон в красных сапогах, играть в точеную трубу, Фома ехать на курице, Тимошка – «на кошке туда же по дорожке», деревня ехать мимо мужика, а из-под собаки лаять ворота; корова в них сидит на заборе, клюкву-ягодку берет, заяц – на березе листья мерит на аршин, таракан дрова рубит, комар по воду ходит и т.д. Повсюду – события, невероятные с точки зрения здравого смысла.

В исследованиях небылицы осмыслены по преимуществу в связи с творчеством «веселых людей», скоморохов как один из жанров, предназначенных для выражения комического. Однако их роль изначально, по-видимому, не сводилась к этому назначению. Не исключено высказанное Д. М. Молдавским предположение, что небылицы, как и сказки такого типа, «связаны с

заговорами-оберегами, имевшими в далеком прошлом магические функции», что их задачей было «угождать всевозможным лесным духам, воспринимающим мир с отрицанием» (3). И не на сходной ли основе возникли в более поздний период короткие песенки, именуемые корильными, призванные также угодить мифологическим силам? В них также все наоборот: например, свадебные чины, родственники жениха и сам жених и невеста осмыслены с отрицанием, как правило, в карикатурном виде.

Вот как пишет об их функции исследователь: «За существованием «уничтожающих» мотивов в свадебных песнопениях проглядывало обрядовое требование представить брак как действие, совершаемое против воли невесты. Ее семья боялась потерять расположение магических сил, которые покровительствовали семье и берегли ее до этого времени. Чтобы не лишиться этого расположения, надо было представить уход невесты в чужую семью как проявление насилия со стороны жениха. Негативные темы корильных песен прямо соотносимы с этими обрядовыми представлениями <...> Корильные песни включались в обряд на правах мнимого проклятия тем, кто идет против воли мифических покровителей семьи, всего рода-племени: эти представители стояли на страже родового закона, оберегали цельность и незыблемость родственных устоев, защищали каждого члена родового коллектива против чужаков». Более поздние изменения, считает исследователь, «преобразовали вид и форму древних корильных мотивов. Они стали шуточными песнями с элементами осуждения и осмеивания скупости, чванства, заносчивости и других недостатков людей» (4).

Некоторые корильные песенки, как, например, следующая, направленная в адрес тысяцкого, и по содержанию, и по своему ритму стоят на грани с небылицей:

Поехал Иван воевати
На добром коне, на собаке;
Шубенка жеребячья,
А ожерельице поросячье.
Шубенка взоржала,
А ожерельице захрючило.
А что у тебя, Иван,
Голова-то копылом,
А рожа-то прялицею. (5)

Не ставя вопроса об истоках и времени возникновения песен-небылиц, В. П. Адрианова-Перетц высказывает предположение, что они, видимо, в свое время прошли «через обработку скоморохов» и в XIX веке «потеряли первоначальную сатирическую направленность и бытовали уже в виде детских

шуточных песен» (6). Это мнение оспаривается Л. М. Ивлевой, считающей, что «шуточный характер небылиц должен быть отнесен к одной из их изначальных особенностей, а не рассматриваться как следствие деградации жанра» (7).

Как видно, все затронутые здесь вопросы требуют дальнейшего изучения. Дело осложняется, однако, тем, что небылицы записывались от случая к случаю, без особого к ним интереса со стороны собирателей, смотревших на них как на произведения несерьезные, легковесные, не заслуживающие особого внимания. Такой взгляд на них сказался, в частности, и в «Смоленском этнографическом сборнике», составитель которого все стихотворные небылицы отнес к фольклору детей, хотя многие из них явно не согласуются с возрастным уровнем восприятия ребенка (8).

Несомненным является то, что предметы и события в небылицах, в то время, когда они были записаны, воспринимались как признаки реальной действительности, хотя и поданные «наоборот», как предметы, связанные с устоявшимися представлениями и даже ставшие будничными в житейском опыте. И верно сказано, что достоянием небылиц стала определенная сфера действительности: «эти песни строятся на художественном использовании опыта жизни в довольно тесных социальных рамках: это быт крестьянина, который отразился здесь не прямо и непосредственно, а косвенно, напоминая о себе рядом возникающих в песне образов – овина, жерновов, пашни и т.д. Однако этот будничный материал своеобразно переосмыслен небылицей: использование обычных явлений в целях комического эффекта создает совсем новый мир» (9).

Бытование небылиц в той или иной местности связано с пребыванием в ней скоморохов. О них и характере их творчества существует уже немало исследований. Освещена их роль в создании специфических фольклорных произведений – скоморошин, в первую очередь сатирической направленности. Среди населения они пользовались неизменным успехом и уважением. Они были древнейшими представителями светской музыки, народной сцены (10). Как пишут современные исследователи, скоморохи были выразителями интересов народа (11). И в фольклоре «нет песен с отрицательной оценкой скоморохов или негативным к ним отношением. Песни и шуточные сказки об их воровстве – это продукт их собственного сочинения. Тот факт, что такие произведения сохранила народная память, указывает скорее на добродушное, чем на неприязненное отношение» (12). Значителен и объем созданных скоморохами произведений. В своих содержательных статьях А. А. Горелов доказал, что знаменитый сборник Кирши Данилова, уральский по месту создания, всецело состоит из произведений скоморошьего искусства (13). Большим признанием творчество скоморохов пользовалось в северных районах страны. Там скоморохи вольготно себя чувствовали долгое время и когда на них начались гонения. В какой-то своей части их произведения вошли в

книгу А. Д. Григорьева «Архангельские былины и исторические песни» (Т. 1. М., 1904). Из центральных районов России, как нам представляется, наиболее подходящим местом для проявления своего творчества у скоморохов оказалась Смоленская губерния. Объяснение – в социальной напряженности, какая сложилась в смоленской деревне. Как это уже надежно доказано, «Смоленская губерния до 1861 года была одной из самых крепостнических губерний России <…> По процентному отношению крепостных ко всему населению Смоленская губерния занимала первое место в России, здесь насчитывалось 5308 помещиков» (14). И надо думать, появление «веселых людей», в репертуаре творчества которых была и сатирическая поэзия, направленная против притеснителей и обирателей, было событием всегда желательным. Об уважительном отношении к скоморохам говорит и песня (записана в двух вариантах), в которой девушке предстоит сделать выбор, за кого пойти замуж: сватаются с «синего моря» купец, у которого полутораста «кобалей», а «если мало, еще сотенку куплю», – «Я за этого не иду!»; «сановитый сенатор», у него «полтораста душ крестьян», а «если мало, еще сотенку куплю», – «Я за этого не иду»; «сватался с деревни скоморох» – все имущество его «скрипочка и дуда»:

Думаю, подумаю
Пойду замуж за тебя!
Сыта-голоднешенька
Скоморохова жена,
выйду я на улицу,
Завсегда я весела!
Заиграет мой миленький,
Я с горя плясать пойду! (15)

– в полном соответствии с пословицами: «Скоморох голос на дудке настроить умеет, а житья своего не устроит», «Скоморошья жена всегда весела».

«Скоморохи – дорогие гости на свадьбах, бабы то и дело просят их, чтобы они играли», – пишет В. Н. Добровольский. Не обходилась просьба и без шуточной песенки:

Поиграй, скоморошик, поиграй,
Поиграй, любочка, поиграй:
Я ж тебе заплачу,
Чем сама хочу:
Вот тебе заплата –
Гороху лопата;
вот тебе причины –
Семь возов лучины!... (16)

На Смоленщине записаны скоморошины: «Усы», «Терентий гость», «Скоморох», «О скоморохе с товарищами», «Смерть и похороны комара» (четыре варианта), «А ты, бысинька бычок», «Один Дон, другой Дон», «Пошла коза в орехи», «А дуду, дуду, сидит боров на дубу», «Меня мати пляшучи родила», «Похождения дурня», «Птичья свадьба» (три варианта), «Как я жил у барина первые лета», «Сегодняшний день – суббота», «Небылица». Не обошлось без участия скоморохов и в создании юмористических песен о теще и зяте (шесть вариантов). Приведенный перечень нельзя признать полным. Сказывается отсутствие сводного указателя, созданного на общерусском материале, где бы были выявлены все скоморошины юмористического и сатирического характера, на что уже указано в исследованиях (18). Они были известны в тех районах, где была развита эпическая традиция, и скоморошины, естественно, достигали своей цели, когда она была в активном сознании населения. На Смоленщине в почете были скоморошины, содержащие явно неприязненное отношение к людям, которые «не жнут, не сеют, а денежки имеют», как та же скоморошина «Усы», записанная в пяти вариантах, причем в местах, значительно отдаленных одно от другого, что говорит о ее популярности. В сравнении со скоморошиной из сборника Кирши Данилова, где она впервые была опубликована, в смоленском варианте видны некоторые потери в тексте. Исчезло имя «Большого Усища Гришки Мурышки, дворянского сына», сокращено описание одежды скоморохов – красочной, богатой, соответствующей их «сану». Сохранилось, однако, главное – обоснование причины, побудившей ограбить «богатого мужика»: «он сам денежки кует, чисту рожь продает», у него «медные ворота, железная вирия, дубовая замета» (19). В сборнике Кирши Данилова о богатстве мужика сказано еще более выразительно: «Хлеба он не пашет, да рожь продает, Он деньги берет, да в кубышку кладет» (20).

Скоморохи, несомненно, участвовали в создании сатирического антигосударственного и антиклерикального фольклора. В сказках паны представлены недалекими, а то и прямо глупыми, верящими нарочито издевательским советам мужиков, верящими в разного рода нелепости (барин высиживает из тыквы лошадей и др.). Довольно значительно число антиклерикальных сказок: из 19 номеров, помещенных Добровольским в раздел «бытовые сказки», 11 произведений – о попах, дьяконах, попадьях и их любовниках (21).

Приведем редкое антиклерикальное произведение, в котором особенно видна скоморошья обработка, под названием «Ераст Ерастович и Хворост Хворостович». Рассказ построен в форме диалога двух героев:

– Здравствуй, Ераст Ерастович!.. Был ты на ярмарке?

– Был.

– Велика армарка?

– Не мерил.

– Что там продается?

– Капуста по горшкам, табак по рожкам, а сахар по мешкам.

– Что ж ты купил?

– А я купил себе горошку трошки, да и рассыпал.

– А подобрал?

– Слава Богу: мерочку.

– Хороши твои дела.

– Хороши, да не дуже.

– А как же?

– Да так же. Посеял я тот горох, да вредил.

– Худо, брат, твое дело.

– Худо, да не дуже.

– А что ж? Да как же?

– Да так же взошел мой горох, хоть редок, да стручист и перчист.

– Хорошо, брат, твое дело!

– Хорошо, да не дуже.

– А что ж?

– А то ж. Да как повадились в тот горох да поповы свиньи.

– Худо, брат, твое дело.

– Худо, да не дуже.

– А что ж?

– А то ж: я этих свиней бить, лупить, кадушку сала насолил.

– Хорошо, брат, твое дело!

– Хорошо, да не дуже.

– А что?

– А то: как повадились в тое сало да поповы кошки: я тех кошек лупить, да сшил женке шубу.

– Хорошо, брат, твое дело.

– Хорошо, да не дуже.

– А что?

– А то, как пошла жонка в той шубе к обедне, вот поп вылупился, дьякон вытаращился, а дьячки взяли да сняли.

– Худо, брат, твое дело!.. (22)

Известны и сатирические скоморошины, осуждающие отрицательные явления в семейной жизни. Таковы «Терентий гость» и «Скоморох». Записанные уже в позднее время, они представляют собой сокращенные варианты обширной скоморошины «Гость Терентище», в полном виде вошедшей в сборник Кирши Данилова. В вариантах сохранилась главная ситуация – вероломное поведение героини, ее притворство больной, ради любовных утех

посылающей мужа «доктуров добывать». Скоморохи раскрывают истинную ее «хворобу». В смоленских вариантах имеется, однако, существенная особенность: неудачливым мужем является не несметный богатый «гость Терентище», а простой мужик, которому и высказывается сочувствие.

Небылицы не обладают такой обстоятельностью, как сатирические сказки или прозаические скоморошины. Они не имеют сюжета в принятом его понимании. По определению Л. М. Ивлевой, с которой нельзя не согласиться, «сюжетного повествования как способа художественного развития событийного плана во временном аспекте они не знают» (23). Или, как пишет В. И. Власова, «это песенки, плясовые по ритму, шутливые по содержанию, где есть набор мотивов, но нет сюжета» (24).

Сказанное не исключает одно из известных различий в форме произведений. В некоторых небылицах видны отдельные признаки усложнения композиции. Отдельные небылицы начинаются призывом ко вниманию, чтобы послушали рассказ, что говорит, видимо, в пользу продолжительной активности бытования произведений.

Пример небылицы из сборника В. Н. Добровольского:

Позвольте-ка, братцы, небылицу спеть,
Небылицу, блицу, небывальщину.
Чего не было, того не будет.
На навети куры сено косят
И гребут, и в стоги кладут.
А все это, братцы, небыльница,
блица и небывальница;
Чего не было, того и не будет.

Позвольте-ка, братцы, небыльницу спеть,
Небылицу, блицу, небывальщину.
Чего не было, того не будет.
На печи овца гнездечко свила, яички снесла
Тупоносые, кривоносые...
А все это, братцы, небыльница,
блица и небывальница;
Чего не было, того и не будет.

Позвольте-ка, братцы, небылицу спеть,
Небылицу, блицу, небывальщину.
Чего не было, того не будет.
На дубе свинья поросилася,
Пятьдесят поросят,

Да все свиночки, да все Химички;
Один вопрючок, и тот Павлючек.
А все это, братцы, небыльница,
блица и небывальница;
Чего не было, того и не будет.

Позвольте-ка, братцы, небылицу спеть,
Небылицу, блицу, небывальщину.
Чего не было, того не будет.
Как идет медведь по поднебесью,
Он идет, идет, он несет, несет
Он коровицу, он буреницу,
Большая и голова, чорта-дьявола.
А все это, братцы, небыльница,
блица и небывальница;
Чего не было, того и не будет.

Позвольте-ка, братцы, небылицу спеть,
Небылицу, блицу, небывальщину.
Чего не было, того не будет.
Поехал Хрем в торги на хмель,
Не купил хмелю, купил ячменю с целую жменю,
С того ячменю наварил солода, напек пирогов.
А все это, братцы, небыльница,
блица и небывальница;
Чего не было, того и не будет.

Позвольте-ка, братцы, небылицу спеть,
Небылицу, блицу, небывальщину.
Чего не было, того не будет.
Зазвал тещу к себе в гости,
Посадил тещу к стене глазами, в избу плечами;
– Считай, теща, ти все клопы, ти все прусаки!
А все это, братцы, небыльница,
блица и небывальница;
Чего не было, того и не будет. (25)

Приведенная небылица построена по принципу цепочной связи, что является одной из особенностей жанра. Но видно в ней и определенное единство в подаче материала. Оно создается через сцепление однородных по содержанию компонентов, взятых всецело из крестьянского быта, хотя и открепленных от своих привычных предметов. Придает известную слаженность

произведению и повторяющееся перед каждой новой ситуацией своеобразное ее предварение, пусть и указывающее на ее нереалистичность («чего не было, того и не будет»).

Конечно, приведенным примером не решается затронутый вопрос, предстоит дальнейшее изучение с привлечением материала во всем его объеме, опубликованного как в центральных, так и региональных изданиях.

Даже если признать за небылицами только способность ответить на потребность человека посмеяться, то и в таком случае их роль довольно значительна: они давали простор творческой фантазии, «возможность развернуться остроумию, находчивости, словесной ловкости и отзывались на естественное стремление народа найти пути для ухода от мелочей жизни, прервать ее течение, обычно унылое и тягостное, веселым и жизнерадостным смехом» (26).

---

1. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. – М., 1903. Ч. IV. С. 484.
2. Из неопубликованного сборника смоленских песен, составленного доцентом М. С. Ефременковым и хранящегося в архиве Литературного музея СГПУ.
3. Молдавский Д. М. Русская народная сатира. – Л., 1967. С. 141.
4. Аникин В. П. Русский фольклор. Учебное пособие для вузов. – М., 1987. С. 237.
5. Там же. С. 238. Подобного рода песенки широко представлены в так называемом «Свадебном указе»: Лихачев Д.С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. – Л., 1984. С. 271-276.
6. Адрианова-Перетц В. П. Социально-бытовая народная поэзия XVII века // Русское народное поэтическое творчество. – М.-Л., 1953. С. 463.
7. Ивлева Л. М. Скоморошины (Общие проблемы изучения) // Славянский фольклор. – М., 1972. С. 120.
8. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник… С. 472-498.
9. Ивлева Л. М. Скоморошины… С. 123.
10. Скоморохи на Руси. Исследование А. С. Фаминцина. – СПб., 1889. С. 86.
11. Молдавский Д. М. Русская народная сатира… С. 132.
12. Власова В. И. Скоморохи и фольклор. – СПб., 2001. С. 353.
13. Горелов А. А. Трилогия о Ермаке из сборника Кирши Данилова (полемические заметки» // Русский фольклор. материалы и исследования. – М.-Л., 1961. В. VI; Диффузия элементов устнопоэтической техники в сборнике Кирши Данилова (в изд. того же названия. В. XIV, 1974) и др. статьи.
14. Будаев Д. И. Смоленская деревня в конце XIX – начале XX века. – Смоленск, 1966. С. 112.
15. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник… С. 505. То, что сватается «скоморох из деревни» – деталь характерная, говорящая о позднем периоде в судьбе «веселых людей». Это уже не «походный» скоморох, а «оседлый». Об этом: Белкин А. А. Русские скоморохи. – М., 1975.
16. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник… 1894. Ч. II. С. 79.

17. Л. М. Ивлева выявила 31 скоморошину, хотя это еще далеко не предел. См.: Ивлева Л. М. Кказ. соч. С. 119.
18. Приведены в книге: Былины // Вступ. статья, сост., подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. – Л., 1986. («Библиотека поэта»)
19. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник.,. 1903. Ч. IV. С. 612.
20. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 3-е изд. – М., 1878. С. 287.
21. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник... 1897. Ч. I. С. 675-707.
22. Там же. С. 658-659.
23. Ивлева Л. М. Скоморошины... С. 122.
24. Власова В. И. Скоморохи и фольклор...С. 385. Скоморошинами типа небылиц начинаются отдельные сказки, такой зачин сразу же придает им шуточный характер: «Мы жили богато, имели сорок кошек дойных, – молока в отвал: люди едят, а мы глядим, да поплевываем»; «Ты – мальчик, ты – малокосос! – Нет, я жил еще с дедом, матка была в девках. Мы жили богато: семь было кошек дойных, да два кота убойных, масла собирали много – по целому пристену, лошадьми топтали. У нас кобыла была жеребна, жеребенка не увидали, в масле затоптали; стали ковырять масло и нашли жеребенка...»: Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник... 1891. Ч. 1. С. 655-661.
25. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник... 1903. Ч. IV. С. 489.
26. Ивлева Л. М. Скоморошины... С. 124.

Н. В. Кузина

О ТРАНСФОРМАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ БИБЛЕЙСКОГО ПОДТЕКСТА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: А.Т.ТВАРДОВСКИЙ (40-60-е гг.)

Твардовский – поэт, воспитывавшийся в детстве на традиционной крестьянской культуре, важное место в ней занимала вера. Позднее в его сознании переплелись положения новой идеологии, мифопоэтические образы и некоторые трансформированные, видоизмененные христианские идеи[1].

Христианская образность присуща раннему творчеству поэта (конец 20-х – 30-е годы, изредка с отрицательной коннотацией) и, в большей степени, творчеству послевоенному.

Отрицательную коннотацию, как правило, имеют образы, темы, мотивы, связанные с канонической церковью. С положительной коннотацией выступает библейская символика, неожиданно возникающая в том числе и в

текстах, описывающих реалии жизни советского общества. Описание строительства электростанции на Ангаре вполне может, например, соединяться с аллюзиями на Ветхий и Новый завет – книгу «Бытия» и «Откровения Иоанна Богослова» («Порог Падун»); описание строительства линии электропередач в Предуралье – с аллюзиями на известное историософское выражение «Ex oriente lux» и одноименное стихотворение В.Соловьева, а также цикл Б.Пастернака «Петербург» («Свет всему свету!»); воспоминания о смерти Ленина (цикл «Памяти Ленина») – с глухими намеками на христианскую образность; описание освоения Сибири и строительства железной дороги – с аллюзиями на «Песнь песней» Соломона («Дорога дорог»); рассуждение о смысле творчества – с аллюзиями на Евангелия от Матфея и Иоанна («Вся суть – в одном-единственном завете», «Слово о словах»); рассказ о молоденькой девушке-партизанке или о собственной «непроявленной» еще юности – с воспроизведением богородичной и троичной символики («Костя», «Погубленных березок вялый лист...»); разговор об атомной угрозе, новом Апокалипсисе – с аллюзиями на стихотворение А.Блока «Вербочки», описывающее вербное воскресенье [2].

Все это объясняется своеобразным эклектизмом, присущим творческому сознанию Твардовского. Для автора актуальной оказывается идея о гармоничном соединении старого (в том числе и религиозной идеи, а также традиций серебряного века в ее осмыслении) и нового (советской идеологии), выражающаяся, например, через мотив соединения в одной постройке старых и новых бревен («Гость», «Страна Муравия и др.), например:

...И черные – с построек старых – бревна
Меж новых хорошо легли в забор (1, 63)[3].

Символом гармоничного соединения старого и нового является также у Твардовского образ древнего города, совместившего в своем облике разные исторические эпохи, советское и религиозное начала, например: «Какая это тяжелая, сложная и многослойная громада – старинный город. Медленный, непрерывный, необозримый в своем объеме труд многих поколений людей! Время, обнимающее собой и первый камень, заложенный на месте Свирской церкви, одного из древнейших памятников русского зодчества, и нынешнюю кирпичную кладку...» (4, 405).

В описании Смоленска у Твардовского соседствуют христианские постройки и улицы с коммунистическими названиями, городской пейзаж приобретает символическое значение: «Новый мост, сооруженный саперами на месте взорванного, ведет прямо в пролом Стены, и его настил смыкается с мостовой главной улицы города – Советской. Она поднимается вверх, к центру, огибая подножие Соборной горы. Изношенные ступени лестницы, ведущей к главному входу в собор, начинаются от самого тротуара. Потемневшие плиты белого камня, обозначенные прорастающей в щелях между ними трав-

кой, – они не постарели, они все те же, что были, – старые, неровно вытоптанные, по форме напоминающие какие-то каменные чаши» (4, 403).

Таков же и образ Москвы как города-текста («Песнь о Москве», «В свеченье славы самобытной...» и др.), характерной чертой которого является эклектика, который соединяет в себе несоединимое, противоположное, однако обладает при этом целостностью, является уникальным.

Не только в поэзии и прозе, но даже и в выступлениях на разного рода съездах Твардовский в послевоенные годы использует библейскую образность (речь на Всероссийском съезде учителей 1960 г. «Преподавание литературы – творческое дело» (5, 336); речь на XXII съезде КПСС (1961) (5, 358) и др.), активно вводит в текст писем середины 50-х – конца 60-х годов, прежде всего адресованных С.Я.Маршаку, И.С.Соколову-Микитову, В.В.Овечкину, традиционные христианские формулы: «Давай вам бог!» (1956, 1969 (6, 380, 284)), «бог с ней», «бог с ними» (1961, 1965 (6, 440, 448)), «свят, свят, рассыпься» (1960 (6, 405)), в письмах к И.С.Соколову-Микитову использует традиционное христианское обращение «батюшка» по отношению к другу (1963, 1966 (6, 414, 416)) и др.

В письме от 13 апреля 1967 г., рассуждая о смысле творчества, Твардовский противопоставляет «ремесленность», «высокоразвитую, изящную, оснащенную «современными» средствами выражения», «художеству, как его понимали Л.Толстой, И.Гете, даже Т.Манн, называвший русскую литературу *святой*» (6, 254). В тексте письма слово «святая» выделено автором.

Можно отметить, что для Твардовского, безусловно, приемлемо использование христианской образности и стиля. В письме А.М.Туркову от 5 июля 1970 г. он восхищается архаическим стилем: «... Какие были прекрасные обороты письменной речи в старину!» (6, 294) Особый интерес представляет стилизованное в христианском духе письмо к Соколову-Микитову от 25 декабря 1968 г. – поздравление с атеистическим Новым годом в день католического Рождества (завуалированное поздравление с Рождеством?):

Отец Сергий!

Позвольте поздравить Вас с матушкой Лидией Ивановной по случаю наступающего Нового года. Пусть он будет по всем показателям лучше старого.

Не гневайтесь, отче, что никак не соберусь навестить Вас в Вашей келье <..>

Благословите.

Ваш смиренный *А.Твардовский*» (6, 420)

Неожиданно положительно Твардовский, по крайней мере однажды, отнесся к трансформации в духе эклектики в современном искусстве традиционного библейского сюжета, причем совершенно свободно принял в своем сознании ситуацию увязывания библейского сюжета с новой, «просоветской» трактовкой. В «Речи на конгрессе европейского сообщества писателей»

в 1965 г. он называет событием, «значительно» обогатившим встречу, демонстрацию фильма Пазолини «Евангелие от Матфея» (5, 383), предлагает свой краткий анализ фильма: «Если бы мне наперед сказали, что вот поди посмотри фильм Пазолини, в котором древняя и отработанная во всех видах и родах искусства легенда, мифологический материал предстанет вперемежку с русской песней «Ах, ты степь широкая» и еще иными странностями, то я, пожалуй, подумал бы, что бог весть что это такое, наверно, это какие-то фокусы, а я предпочитаю искусство без фокусов. Но я пошел посмотреть, и вместе с моими друзьями мы не могли в течение двух дней перейти на другую тему: мы говорили об этом фильме. Он достаточно причудлив, своенравен по форме, он дерзок, он идет в нарушение всяких традиций, он до крайности «авангардистский». Но дело в том, что он воодушевлен благородной идеей, высокочеловечной идеей добра и правды, идеей единства слова и дела, страстным, яростным осуждением того мира, который обрекает человечество на крестные муки. Там нет пафоса страдания, там нет любования страданием. Там нет идеи страдания как искупления, там есть протест против тех страданий, которые сулит человечеству несовершенный, несправедливый мир» (5, 387).

Жанр законченной в 1963 г. поэмы самого Твардовского – «Теркин на том свете» – неожиданно напоминает рождественский миракль или моралите (3, 375).

В послевоенной лирике и прозе Твардовского, как было отмечено, причудливо совмещаются христианское начало, миф и новая советская атеистическая идеология.

Остановимся только на двух из ряда многочисленных примеров.

1. *Рассказ «Костя» (1944-1946).* Использование фольклорных и христианских образов и мотивов в структуре этого текста оказывается неявным, имплицитным. На первый взгляд, излагается непритязательная история юной героической девушки, встретившейся на пути автора-повествователя, о первом боевом задании и первом в ее жизни поцелуе. Текст приближается к документальному жанру – очерку и, одновременно, к пронизанной лиризмом, почти лишенной фабулы, дорожной зарисовке. Первое наблюдение подчеркивает одно из фигурировавших в газетных публикациях названий «Поцелуй», второе – другие варианты названий: «Из фронтовых записей», «Дорога: Из фронтового блокнота»[4]. Две основные темы рассказа – описание местности, где оказался автор, и передача ночного разговора с девушкой. Этим темам аккомпанирует мысль о том, что в ходе войны наметился перелом, появилась надежда на будущее. Ткань текста как бы прошита скрепами, которые едва актуализируются в сознании читателя. Эти скрепы – образы и мотивы, связанные с летними народными обрядами и центральными символами христианской метафизики. Этот прием Твардовский использует в луч-

ших образцах своей прозы, в частности, в цикле «Родина и чужбина», к которому примыкает рассматриваемый рассказ.

Через весь рассказ проходит несколько повторяющихся и варьирующихся образов:

1) символ умирающего и возрождающегося Бога, отголосок образности вегетативного мифа, имеющий тесную связь также и с религиозной традицией: образ молодой наливающейся, погибшей под гусеницами и колесами, но и преодолевающей смерть ржи и свежеиспеченного хлеба;

2) имеющий связь с богородичной символикой образ девушки, обладающей идеальными качествами, примирительницы и защитницы одновременно, *«совсем девчонки»* и *«героини дня»*; в девушке повествователя поражает, с одной стороны, что-то нездешнее, с другой – *«приятная знакомость обличья»*; несмотря на юность, ей оказывают почтение;

3) травестированная «Троица»: образ троих, с которыми встречается автор-повествователь (девушка и два раненых) или о которых слышит (три партизана-подрывника; депутат Белорусского Верховного совета, известный человек, девушка).

Связанными с фольклорной и отчасти христианской образностью оказываются хронотоп, складывающийся в рассказе, и центральные события текста:

1) время действия – ощутимый перелом в войне, *«летнее наступление»*, июль, имеющий в художественном мире Твардовского особую коннотацию, связанный с моментом установления в мире кратковременной гармонии; здесь идет речь об *«особенно растянувшемся»* долгом дне *«раннеиюльской поры»*, присутствуют намеки на день Ивана Купалы;

2) место действия – окраина *«западнобелорусского городка»*, на удивление безлюдное место, а для автора это еще и чудесный, *«особый мир»*, о существовании которого он знал, но никогда там не был;

3) конкретные локусы: *«не то школьный, не то больничный дом» с дверью, «забитой крест-накрест»* и обращенной к дороге (в трансформированном виде воспроизведение сакрального локуса храма), на крыльце которого сидит девушка; затем – также обладающий сакральными свойствами локус полевой *хлебопекарни*;

4) для девушки центральное событие – первое боевое задание и завершающая его секундная встреча, целомудренный поцелуй незнакомца с «добрыми глазами»; для автора-повествователя – случайная встреча и ночной разговор с девушкой и последующее посещение пекарни.

Пространство и время рассказа – кризисное, порожное, чудесное. Действие происходит в кульминационно важный в художественном мире Твардовского момент года – в июле. Время с начала лета до его перелома – особый момент для поэта: июнь-июль фигурирует в его текстах как миг, когда

только и может установиться в мире краткая гармония. Одна из ярких реализаций этой мифологемы – стихотворения «Июль – макушка лета...», «Чуть зацветет иван-чай...» и др. Эта мифологема связана у Твардовского и в целом в славянской культуре с отголосками фольклорных и христианских традиций, с летними праздниками, входящими в семицко-троицкий и купальский циклы, с днем летнего солнцестояния.

С одной стороны, в тексте присутствуют намеки на обрядность семицко-троицкого и купальского цикла («зеленых святок»), с другой стороны, имплицитно представлена христианская символика.

Трижды идет речь о своеобразной «троице» персонажей; кроме того, трое персонажей-подрывников отправляются на задание и возвращаются с него на санях, запряженных тройкой лошадей. В этих же санях с нераспряженными лошадьми остается Костя перед тем, как происходит эпизод с поцелуем. Отчасти подражая христианской символике, разделенности единосущной Троицы на Бога-отца, Бога-сына и Святого духа[5], Твардовский наделяет каждого участника «троицы» в рассказе своей функцией: один из них обязательно главенствует (связь с Богом-отцом); второй из членов «троицы» имеет некую неполноту качеств (связь с Богом-сыном[6]); третий чаще всего остается малоизвестным, у него может не быть имени (связь со Святым духом). Первый раз «троицу» видит персонаж-повествователь: это *«кадровый»* Прохоров (этот эпитет по отношению к нему Костя произносит особенно благоговейно, говорит, что он *«душу отдаст»*, рассказывает, что спас ее); девушка, еще неизвестная повествователю по имени, раненная в ногу; некто, о ком Костя говорит: *«а того почти не знаю. Может он, правда, сперва был полицаем»*(4, 382). Второй раз «троица» показана в рассказе Кости о выполнении задания: это Прохоров, кашляющий Олег и сама Костя, выделенная из числа спутников. В третий раз намек на «троицу» возникает, когда Костя, после случившегося в санях, ищет незнакомца. Возникает даже отдаленная параллель с «Троицей» Рублева[7], трансформированной в советском духе: за столом в хате *«сидит один, видимо прибывший «сверху», как говорят, сидит в гимнастерке без знаков различия, но с депутатским значком Белорусского Верховного Совета»* (советский вариант аналогичной ипостаси Троицы); второй, располагающийся напротив, – *«знаменитый человек», «молодой парень», «красавец, но с одной рукой»*, имени которого, однако, девушка не помнит (намек на Бога-сына); третьей оказывается она сама («меня встретили все хорошо, даже приподнялись, потеснились, усадили и стали угощать как героиню дня, что ли» (4, 390) (связь уже не только с образом Святого духа, но, скорее, с Пресвятой девой[8]).

Символика троичности оказывается эксплицирована и в других текстах Твардовского, например, в стихотворении 1966 года:

Погубленных березок вялый лист,
Еще сырой, еще живой и клейкий,
Как сено из-под дождика, душист.
И Духов день. Собрание в ячейке,
А в церкви служба. Первый гармонист
У школы восседает на скамейке,
С ним рядом я, суровый атеист
И член бюро. Но миру не раскрытый –
В душе поет под музыку секрет,
Что скоро мне семнадцать полных лет
И я, помимо прочего, поэт, –
Какой хочу, такой и знаменитый. (3, 169)

Назван Духов день – праздник явления Святого духа апостолам, восстановления Троицы. Центральный мотив стихотворения, находящийся в соответствии с названным в тексте христианским праздником, – мотив проявления, раскрытия лирического героя. Юность осознается как время только еще осуществляющегося выбора, «непроявленности». Возникает параллелизм трех ситуаций: служба в церкви во время праздника явления миру Святого духа VS собрание в ячейке в этот же день VS игра гармониста у школы на скамейке рядом с лирическим героем, думающем о творческом даре в себе. Говорится о третьей, скрытой от мира, составляющей души героя: он *«суровый атеист»*, *«член бюро»*, а третья составляющая связана с творчеством: «...скоро мне семнадцать полных лет И я, помимо прочего, поэт». Можно говорить о раздвоенности лирического героя.

Те же черты связаны в рассказе с героиней. Она не имеет имени, мы вслед за повествователем узнаем только прозвище, образ оказывается двойственным: в нем сочетаются женская сущность и мужское имя, подчеркивающее своеобразную безотносительность к полу. Повествователь не понимает вначале, кого называют Костей (4, 382); сама она откликается на имя, но отмечает как бы изменения в себе после рассказа о поцелуе: «... я была не среди чужих людей, люди были все свои, но ведь меня все это время никто и по имени не знал, все «Костя», «Костя», а какой же я Костя?» (4, 389). Подчеркивается целомудрие девушки. Когда Костя рассуждает о том, кто же мог ее поцеловать, трижды повторяется фраза *«я бы не позволила»*, *«не позволил»* (4, 389). Подобная двойственность, бесполость и чистота присуща в иконописной традиции и изображениям, например, Приснодевы-Богородицы[9].

О девушке известно также следующее: она помогает раненым, является заступницей, одинаково относится и к герою, и к своему спасителю, «кадровому» Прохорову, и к человеку, которого считают бывшим полицаем; заставляет Прохорова отказаться от попыток убить второго раненого (4, 382); она

герой, уже переживший ранение, чудом уцелела однажды зимой (4, 383), за два года войны она испытала много *«чудесного и страшного»* (4, 387). Но она выступает и в образе ребенка (подчеркивается ее детскость: «Она как будто вернулась в свою Тулу, стала опять девчонкой, дочкой своей мамы...» (4, 387)), и в образе матери (наделена руководящей ролью по отношению к двум подрывникам: «И они просят: «Разреши нам еще из фляги потянуть», – как дети, право. А я – нет и нет» (4, 387)).

Контраст в рассказе составляет восприятие персонажем-повествователем незнакомки как чем-то знакомой, а самой девушкой героя ее зимней ночи, явно ей знакомого, но *«не сказавшегося»*, как незнакомца. Фактически, целует ее человек, оставшийся для нее невидимым. Важным является указание на то, что девушка – не местная; это повествователь угадывает по ее облику, в западнобелорусский городок она попала необычным способом: «Я заброшенная, – добавила она, помолчав, и вздохнула, как будто слово это означало именно покинутость ее, а не просто способ, каким она очутилась здесь, в недавнем глубоком тылу немцев» (4, 381). Образ девушки-девочки, возникшей неожиданно и непонятно откуда (возможно сверху), а в данном рассказе – *«заброшенной»*, обязательно связанный с темой воспоминания о чем-то смутно знакомом, неоднократно появляется в текстах Твардовского. Из прозаических произведений он присутствует, например, в очерке «Заметки с Ангары» (1959). Описание такого персонажа дано в тексте в скобках, как внутренняя речь, и напоминает в трансформированном виде явление Богородицы: «(Я точно вновь видел перед собой эту картину более чем двухлетней давности. Там, внизу, у подножия отвесной диабазовой стены Пурсея, где едва можно было пройти у самой воды, мы с товарищем вдруг оказались лицом к лицу с маленькой девочкой, лет двенадцати, державшей в обнимку огромный, как сноп, букет длинных и крупных лесных цветов. «Откуда ты, прелестное дитя?» – обратился к ней мой спутник, журналист и в меру начитанный человек. Она улыбнулась, кивнув головой вверх, и просто ответила: «Оттуда». Мы увидели только страшную крутизну за выступом скалы и не могли поверить, что девочка спустилась оттуда. Но больше ей откуда же было взяться? Я и теперь как бы раздумывал об этом...)»(4, 498).

Возможно, в рассказе «Костя» имеется глухой намек на связь героини с богородичной образностью. Эпизод с поцелуем неузнанного персонажа (или вовсе ирреального, так как девушка его не находит) в этой ситуации может выглядеть как ассоциативно связанный с мотивом непорочного зачатия, вполне вписывающимся в общую идею будущего возрождения природы и мира, пронизывающую рассказ.

2. *Стихотворение «Дорога дорог» (1959)* Твардовский считал одной из своих безусловных удач. Именно его, как звучащее «в полную силу поэзии»,

он прежде всего рекомендует И.В.Исакович в письме от 9 марта 1967 года для включения в сборник стихотворений советских поэтов (6, 249).

Мотив соединения противоположных начал – девственной природы и цивилизации – в осваиваемой Сибири оказывается связанным у Твардовского с образом брака, решенным через архетипические образы и отсылающим в том числе к ветхозаветному тексту.

Стихотворение, как это ни парадоксально, можно воспринимать как ориентированное на «Песнь песней» Соломона. Название текста воспроизводит распространенную в Библии грамматическую конструкцию (именительный единственного числа – родительный множественного/единственного числа одного и того же слова: например *«песнь песней», «соль соли» земли* и т.д.). Присутствует в нем и ключевое слово – упоминаются некие прославляющие *«поэмы и песни»*.

И у Твардовского, и в «Песни песней» воспроизводится мотив брака. В «Песни песней» речь идет о Соломоне и Суламите, у Твардовского фигурируют Сибирь, предстающая в женском облике, и народ-богатырь.

В основании стихотворения лежит образ: *железная дорога, окруженная строительными площадками, – некий обновляемый подлинный текст, написанный в дореволюционной орфографии*: в начале стихотворения упомянуты *подъемные краны → «советского века глаголи»*, присутствует «каллиграфический» образ *подъемные краны-«глаголи» → «многотонное кружево»* (3; 130); в финале с *подлинным словом*, старым текстом и дорогой, автор пытается сравнить собственное поэтическое слово:

> …А где мое слово, что было бы подлинным,
> Тем самым, которое временем спросится?
>
> Пускай оно будет не самое громкое,
> Но только бы правдой бестрепетной емкое.
>
> Пускай не из стали оно, не навечное,
> Но только бы слово от сердца, сердечное.
>
> Простое, земное – пускай не надзвездное,
> Веселое к месту и к месту серьезное.
>
> Но только бы даль в нем была богатырская,
> Как русское это раздолье сибирское;
>
> Как эта моя, осененная кранами,
> Дорога дорог меж двумя океанами. (3, 131)

Возникает параллель: «новый» текст (строительство и дорога) – некий старый, известный прежде текст – текст носителя авторского «я», стремящийся быть подобным старому и «новому» тексту.

Можно с большой долей осторожности предположить, какой процесс происходил в «затексте». В момент путешествия по Сибири в дороге у автора, очевидно, возникло воспоминание о прочитанном когда-то тексте, написанном в старой орфографии. Соотнесение советских строек или предприятий, особенно расположенных на грани Европы и Азии, с детскими впечатлениями у Твардовского – факт устойчивый. Подобное соотнесение возникает, например, в поэме «За далью – даль» в главе «Две кузницы», где сопоставлен Урал и кузница отца (3, 227-231).

В стихотворении выделяются три части. Первая – гимн Сибири и дороге; вторая – гимн русскому народу-богатырю; третья часть – гимн «подлинному» слову, «которое временем спросится», и рассуждение о природе поэтического слова – носителя авторского «я».

Сибирь в первой части описана как женщина, присутствуют неоднократные ее наименования в женском роде: *«земля», «Сибирь», «краина»,* дважды местоимение *«она».* А в «Песне песней» подчеркивается восточный облик женщины («Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня...» (1.5))[10]. Как в «Песне песней» восхваляется красота женщины, подробно перечисляются ее достоинства, так и в «Дороге дорог» говорится о красоте Сибири, подробно перечисляются составляющие ее пейзажа, новостройки. Особое внимание уделено ее просторности (*«поместительная», «края привольные»*) – характеристике, значимой в мифологии при описании женского начала, символизирующей сущность хтонического божества, земли, например:

Краина, что многих держав поместительней,
Ты вся, осененная этими кранами,
Видна мне единой площадкой строительной,
Размеченной грубо карьерами рваными;
Вразброс, котлованами и эстакадами... (3, 130)

Гиперболизацию, преувеличение и одновременно строительные образы (стена, башня и т.д.) находим и в «Песни песней» (например – 8. 10). Не только у Твардовского, но и в «Песне песней» женский облик соотносится с постройками, например: «Дщери Иерусалимские! черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы» (1.4).

В других текстах Твардовского подобный образ *Сибирь → женщина* также сохраняется, причем оказывается имплицитно связанным с христианской традицией. С топосом Сибири у Твардовского, как отмечалось при анализе рассказа «Костя», и в поэтических текстах («От Иркутска до Братска»), и в прозе этих лет («Заметки с Ангары») устойчиво связан образ девушки с цветком/зеленой веткой или предметом, напоминающим дитя, или девочки, явля-

ющейся с высоты с цветами в руке. Не исключено, что данный образ возникает у Твардовского под влиянием распространенного в советскую эпоху оборота «девственная Сибирь», «девственная природа».

Во второй трети текста восхваляется русский народ, освоитель Сибири и строитель дороги. Трижды возникает тема *богатыря*: народ – *«богатырь небалованный»*, его дела – *«дела богатырские»*, его сила – *«сила богатырская»*. Повторяются другие слова мужского рода, характеризующие народ: *«он»* – четырежды, *«народ»* – дважды, *«солдат», «хозяин»*.

«Песнь песней», воспевавшую «брак», заменяет «дорога дорог», становящаяся его символом. Присутствующую у Твардовского связь образа железной дороги и возможного брака или его подобия в русской литературе, прежде всего XX века, можно назвать устойчивой. Многочисленные примеры можно найти, начиная с романа «Анна Каренина» Л.Толстого. Ярко эта связь реализована в прозе и стихах Б.Пастернака («Вокзал» и др., «Лейтенант Шмидт», «Доктор Живаго»), стихотворениях А.Блока, О.Мандельштама и т.д. Везде в этих случаях есть составляющая, присущая мифологеме пути в целом: дорога – место пересечения взаимопротивопоставленных миров (мира живых и мертвых, географически противопоставленных частей пространства). У Твардовского дорога соединяет «два океана», а также русский Запад и Восток.

Использование образа брака в таком контексте не является новаторством. Образ брака при характеристике взаимоотношений Запада и Востока был востребован в русской историософии. Общераспространенной в послевоенные годы была лозунговая формулировка типа «освоение девственных пространств Сибири». Мотив соединения передан, например, в следующих строках:

В места, по прозванью, не столь отдаленные,
Хотя бы лежали за дальними далями,
И нынче еще не весьма утепленные
Своими таежными теплоцентралями, –
В места, что под завтрашний день застолбованы,
Вступает народ, богатырь небалованный… (3, 130)
<…>
Какие угрюмые горы с ущельями
В снегах прогревая бивачными дымами,
Прошел он навылет стволами-тоннелями,
Мостами сцепив берега нелюдимые!
В какие студеные дебри суровые
Врубаясь дорог протяженными клиньями,
Он ввез города – на колесах готовые,
К столицам своим подключив их на линии! (3, 131)

С «Песнью песней» текст связывает также мотив прекращения сна. В «Песни песней» в разных вариациях повторяются предостережения не будить возлюбленную (2.7; 3.5; 8.4) и одновременно попытки ее разбудить, например: «Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!» (2.10,13 и др.). Возлюбленная в «Песне песней» только проснулась, Сибирь у Твардовского названа *«вчера разбуженной»*. С мотивом брака связана в мифологии (и в данном тексте) военная символика, идея творения и т.д.

В стихотворении присутствует обилие повторов, что напоминает богатый повторами текст «Песни песней»; само оно имеет кольцевую композицию. Можно сказать, что и размер, четырехстопный амфибрахий с дактилическими окончаниями, до некоторой степени воспроизводит интонацию «Песни песней». Нарочитое использование дактилической рифмы позволяет говорить, что стихотворение напоминает стилизацию. Возможно, что для описания освоения Сибири наиболее соответствующим действительно показался Твардовскому библейский текст, трансформированный в духе советской идеологии.

---

1. Например: Смирнова Л.Г. Творчество А.Т.Твардовского и христианство // Идеи христианской культуры в истории славянской письменности. – Смоленск, 2000. С. 101-108.
2. Например: Кузина Н.В. А.Твардовский и серебряный век: К вопросу об интертекстуальных связях // Поиски и находки: Сборник работ, посвященных 70-летию доцента кафедры литературы и фольклора СГПУ И.Н. Антюфеевой. – Смоленск, 2000. С. 70-84.
3. Тексты воспроизводятся с указанием тома и страницы по изданию: Твардовский А.Т. Собрание сочинений: В 6-ти т. – М., 1978.
4. Примечания // Твардовский А.Т. Собрание сочинений: В 6 т. – М., 1978. Т. 4. С.556
5. Например: Троица // Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. – М., 1995. Т. 3 С. 389-394.
6. Бог Сын трактуется в христианской традиции как божество воплотившееся, рожденное, а потому причастное несовершенной человеческой природе, в протестантизме – и как утратившее часть божественных свойств или обладающее ими в ограниченном виде. Например: Христианство... – М., 1995. Т. 3. С.369-371.
7. Сходство с иконой дает положение за столом. Кроме того, у Рублева левая рука левого ангела при общем обзоре полотна не видна, возникает ощущение «однорукости». Чтобы рассмотреть вторую руку, в изданиях по русской иконе обычно дают репродукцию увеличенной левой части «Троицы». Однако существенны и различия: на иконе Рублева ипостаси Троицы – ветхозаветной, единоначальной – не выделены.
8. Связь ипостаси Святого духа с женским образом имеет в истории христианства, особенно на Руси, глубочайшие корни, проявляется, например, в праздновании Троицы: «Почитание Духа Утешителя, Надежды Божественной как духовного начала женственности сплетается с циклом представлений Софийных и переносится

на последующий за Троицею день – День Святого Духа». Озолин Н. «Троица» или «Пятидесятница»? // Философия русского религиозного искусства ... С. 375.

9. О муже-женском в иконописном облике Богородицы, например: Успенский Л. На путях к единству? // Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. – М., 1993. С. 364-365.
10. Текст «Песни песней» цитируется по изданию: Библия. – М., 1991.

М. А. Малолетова

О НЕСКОЛЬКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ А. Т. ТВАРДОВСКОГО 1930-1941 гг.[1]

Рассматриваемые стихотворения относятся к разных этапам раннего творчества Твардовского. Первое из них датировано 1930 г., последнее – 1941 г. 1930-й год Твардовский считал началом своей серьезной поэтической деятельности[2]. Следующий большой период его творчества с изменением тематики, стилистических особенностей текстов – годы Великой Отечественной войны[3]. В приводимых четырех стихотворениях проявляются и характерные черты лирики поэта в целом, и, вместе с тем, отражаются происходящие изменения. Во всех текстах, но в разной степени, представлены элементы фабулы. Она едва намечена в «пейзажном» стихотворении «Садик в поле открытом...», достаточно полно реализована в «Случае в кино» (присутствуют завязка, перипетии, кульминация, развязка), в двух других текстах описание меняющихся ситуаций сопровождается агитационными призывами.

* * *

Стихотворение «Случай в кино» («Он купил себе билет...») впервые опубликовано в газете «Рабочий путь» 16 января 1930 г. (№13). Тема стихотворения – посещение киносеанса крестьянином-единоличником и его впечатления. Описание ситуации носит сатирический характер. Произведение отвечает настроениям эпохи (противопоставление единоличника и «массы», коллективизация, переход к социалистической собственности в сельском хозяйстве) и имеет агитационную общественно-политическую направленность.

Композиция текста четырехчастная, структурные блоки выделены графически, противопоставлены с позиции наррации (различные точки зрения). Первая часть – завязка (первая строфа), объективное описание ситуации (герой покупает билет и приходит на киносеанс). Во второй части ситуация представлена с точки зрения персонажа-крестьянина (вторая – середина предпоследней строфы).

В третьем блоке ощущается присутствие и оценка автора (два стиха с отточием после них, разрывающем строфу). В отдельный блок выделены два последние стиха:

Только деньги за билет
Не дали обратно.

Они напоминают традиционную басенную мораль.

Последняя строфа в целом, особенно если учитывать фигуру умолчания, приобретает зловещую окраску, слова автора-«комментатора» звучат как угроза:

Не задерживали, нет –
Выход есть бесплатный.

Можно сказать, что каждое слово здесь иронично и обретает второй, более глубокий смысл. Отрицание «не задерживали, нет», констатация возможности «бесплатного выхода» (в данном случае значение прилагательного иронически трансформировано до противоположного: «деньги <…> не дали обратно»), которые относятся факту ухода крестьянина из зрительного зала, трансформируют затекст, социально-политические реалии (отношения государства к единоличникам). Формируется оппозиция «не задерживали» VS принуждение к вступлению в колхозы, «бесплатный выход» VS факт изъятия собственности. «Выход» обретает смысл «выхода» из колхоза или из общества. Конструкцию, подобную «не задерживали, нет», Твардовский позднее использовал в поэме «Страна Муравия», описывая эпизод раскулачивания (в описании также фигурируют глаголы с отрицанием «не», ситуация «выхода» (здесь – насильственного вывода) – в данном случае из избы:

Их не били, не вязали,
Не пытали пытками,
Их везли, везли возами
С детьми и пожитками.
А кто сам не шел из хаты,
Кто кидался в обмороки, –
Милицейские ребята
Выводили под руки...

На второй, иносказательный смысл текста указывает и начало стихотворения. Вместе с массой (другими крестьянами) герой приходит в кино, надеясь на реализацию своих представлений о благополучии:

Он купил себе билет,
Улыбнувшись в кассу,

И прошел, как был одет,
Сел на место с массой.

В зале зрительном полно.
Начинается кино.
В полушубке тяжело,
Словно в печке, жарко

…Начинается!..
    Пошло!..
Замелькало ярко.

Стихотворение, если саму ситуацию просмотра фильма понимать как метафору, приобретает не сугубо агитационный, а трагический смысл: крестьянину, поверившему в пропагандирующуюся новую «богатую» жизнь (в данном случае она реализуется в фильме), в качестве идеального будущего показали не личное хозяйство (собственная пашня, новая усадьба, сад, личный трактор), а колхоз:

Те же самые места,
Только видимость не та.
По спине прошел мороз
Буквы яркие «Колхоз»…

Что-то признаки не те,
Что-то стало лихо.
Чертыхаясь в темноте,
Отыскал он выход.

Для Твардовского важно в развлекательной иронической форме показать, что персонаж может дистанцироваться от «кино/реальности», но это все равно принесет ему потери, ущерб.

Можно сказать, что мотивы, разработанные Твардовским в этом стихотворении, впоследствии отразятся во многих его текстах, в частности – поэме «Страна Муравия» и «Теркин на том свете».

* * *

«Слово о земле» («С покосом, со всем урожаем…»)[4] впервые появилось в газете «Правда» в 1939 году (2 окт.).Произведение состоит из двух композиционных частей: в первых пяти катренах описано положение крестьян при власти «пана», в следующих строфах – ликование по поводу исполнения мечты о земле. До переломного момента ситуация была «неестественной», земля принадлежала «пану», а трудились на ней крестьяне, показанные одновременно как нищие:

На пана ее мы орали,
Ворочали из года в год.
А хлеба с нее христа-ради
Просили у панских ворот.

С приходом «красных частей» произошло установление естественного порядка вещей:

Батрацкие бедные семьи,
Голодный народ горевой,
Все те, что мечтали про землю,
Отныне владейте землей!

Правомерно говорить о том, что центральный мотив стихотворения – восстановление справедливости. Субъектом этого действия являются сами крестьяне, а не «красные части», их приход является скорее показателем времени или условием изменения:

Неправой и проклятой власти
Настал долгожданный конец:
Мы встретили красные части
И панский зарыли копец.

Пускай *мы* не ленту стальную,
Что возит с собой межевой, –
Простую веревку тянули,
Народ наделяя землей.

Последовательно показана трансформация статуса земли в сознании крестьянина: «родная земля, что чужая» в первом катрене, «родная земля, не чужая» в четвертом, «своя земля» в восьмом, т. е. нарастает степень ее «слитности» с личностью крестьянина.

Характерно для эпохи противопоставление «индивидуальности» *Я* (отрицательная характеристика) «сообществу» ***Мы*** (положительная характеристика): «неправая и проклятая власть» принадлежит ***пану*** (всегда в единственном числе, причем само его наименование – чужеродно), а о «мужиках-землеробах» говорится всегда не только от первого лица, но и во множественном числе. В последних стихах поэт использует анафору, синтаксический параллелизм и игру со словами «жито» и «житье», схожими по семантике и звучанию:

Чтоб славное выросло жито,
Чтоб славное было житье!

Язык стихотворения близок фольклорной традиции: присутствуют, например, характерные отрицательные конструкции типа:

Не пан поднимал ее в поле,
Не пан ее рыл и копал,
Не пан ее издавна холил,
...То мы – мужики – землеробы –
Бессменно трудились на ней.

Используется также и специфическая лексика: например, обращение «добрые люди», «орали» (в значении земледельческой работы), «копец», «чураться».

Агитационное по своей природе стихотворение, характеризующееся ярко выраженной политической тенденцией, наделяется автором чертами стилизации под фольклорный текст.

* * *

Стихотворение «Садик в поле открытом...»[5] датировано 1940 годом. Оно свидетельствует о наступлении в творчестве Твардовского нового периода. Это проявляется в плане изображения отношений природного и социального мира. До 1939 года преимущественно для Твардовского природа и мир человека не противопоставлены, точно так же, как и изменения в социальном мире не уничтожают, а лишь плавно трансформируют прошлое (например, образ старых и новых бревен, сочетающихся в одной постройке («Гость», «Страна Муравия»)). В 1939 году это соотношение меняется. Твардовский приступает к созданию стихотворений несобранного «загорьевского» цикла (в него входит и рассматриваемый текст), где пишет о разрушенной крестьянской идиллии, ушедшем детстве, утраченном ощущении единства с родом, конфликте поколений. А. В. Македонов указывал, что этот год – начало нового периода творчества поэта[6].

В центре стихотворения – пространственно-временная оппозиция *существующего VS утраченного*, вносящая элементы, присущие жанру идиллии (описание сельского пейзажа и быта[7]) и элегии (мотив сожаления об утраченном прошлом). Это имплицитно существующий старый дом (сказано, что от него не осталось «ни избы, ни трубы»), сад на его месте и эксплицированный «новый мир» (новый сад, новые стены, даже земля «новая» – имеется в виду, очевидно, новая часть участка, где построен дом, или новый земельный участок):

Садик в поле открытом,
Ни избы, ни трубы.
В землю новую врыты
В новом месте столбы.

Лексема «новый» нагнетается (четыре употребления в стихотворении из 3 строф – «новыми» являются земля, место, стены, сад).

Противостоят не только прошлое и настоящее, но и «открытое» ***поле*** VS ***дом*** (***открытое, незащищенное*** VS ***замкнутое пространство***). Два локуса соотносятся как ***непригодный для обитания человека*** VS ***обустроенный.***

Временная дистанция между прошлым и настоящим подчеркнута и тем, что

Стены новые выше,
И не первый им год.
И под самую крышу
Новый сад достает…

Изменения произошли давно. «Новым стенам» уже не первый год, значит, они сами не столь новые, им тоже предстоит когда-нибудь исчезнуть. Философский мотив приятия естественной «сменяемости» предметов в вещественном мире в последних строках:

Все другое на свете,
Все – куда ни пойдешь

трансформируется в мотив безвозвратности перемен (как правило, происходящих в жизни человека или в целом в социальном мире). Этот мотив особенно ярко представлен у поэта в 1940-1950-е гг. (например, в стихотворении «Все сроки кратки в этом мире…»). Но между «новым» и «старым» мирами существует природа, которая неизменна:

Клонит яблоньки ветер,
Гонит по полю рожь.

В контексте произведения «ветер» – вектор пространственного перемещения, – возможно, является метафорой движения времени, которое управляет заменами «старого» «новым». Можно сказать, что, как и почти все стихотворения Твардовского о природе, это также приобретает философский смысл, развивает мысль о неизбежности перемен с одной стороны, с другой – о вечности «надчеловеческого» мира.

***

«Слово ненависти» («Горят города на пути этих полчищ…»)[8] впервые опубликовано в газете «Красная Армия» 31 августа 1941 года.

Текст относится к патриотической лирике, имеет агитационный характер, формирует образ врага. Выделяются две композиционные части (12 первых катренов – о ненависти к врагу, 2 последних – о любви к родной земле). Организующим для текста является противопоставление «адресант – адресат высказывания». Выделяются следующие блоки:

1) «мы» – «они» (катрены 1–3) с элементами «мы» – «мы» в третьем катрене, продолженными в четвертой строфе:

У них и повадка совсем не людская.
Скажите, способен ли кто из людей
Пытать старика, на веревке таская,
Насиловать мать на глазах у детей?

Закапывать жителей мирных живыми…

2) «мы» – «вы» (катрены 4–7, 12), например:

Узнали мы вас за недолгие сроки
И поняли, что вас на битву ведет…

3) «я» – «ты» (8–10) с элементами «я» – «вы» в 9-м катрене:

Мне видится женщин с ребятами лица,
Когда вы стреляли на площади в них.
Их кровь – на оборванных в спешке петлицах,
На бледных и потных ладонях твоих.

4) «мы» – «ты» (11):

Ты, серый от пепла сожженных селений,
Над жизнью навесивший тень своих крыл,
Ты, ждавший, что мы поползем на коленях, –
Не ужас, но ярость ты в нас пробудил.

5) «я» – «мы» (13–14):

Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

Это деление текста позволяет показать противоборствующие силы: больше всего внимания уделено войне между народами, которая затем конкретизирована в противостоянии отдельных персонажей (автор– повествователь– «русский солдат»– фашист), причем каждый фашист – враг для всего русского народа, который включает в себя отдельные образы, в том числе – авторский[9].

Образ врага существует, таким образом, на двух уровнях: обобщенном (фашистская армия – «полчища» (устойчивая негативная коннотация слова), «одетое в мундиры зверье» (зооморфная метафора), «холодные, довольные, тупые и жестокие» (создание негативного обобщенного образа посредством прилагательных)) и персонифицированном, индивидуальном («сидишь без ремня предо мною», «серый от пепла сожженных селений»). На обоих уровнях образ врага наделяется чертами волка, мифопоэтического враждебного

начала («по-волчьи», «одетое в мундиры зверье», «парную свинину глотая сырьем», «повадка совсем не людская», «*бледные* ладони» – соотносится с серым цветом, «*серый* от пепла сожженных селений»).

Семантически значима разностопность стихов последней строфы:

Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

Создается впечатление ритмического «обрыва» последней строки, но в ней нет недосказанности, а ее укороченная длина и мужская рифма – «ударная позиция» – указывают на ее значимость.

---

1. Предлагаемые наблюдения являются переработанными словарными статьями для энциклопедии «А. Т. Твардовский».
2. Например: Твардовский А. Т. Автобиография // Твардовский А. Т. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Художественная литература, 1976–1983. Т. 1. С. 23.
3. А. В. Македонов рассматривает время с 1930 по 1941 год как три периода: Македонов А. В. Творческий путь Твардовского: Дома и дороги. – М.: Художественная литература, 1985. С. 56.
4. Опубликовано и цитируется по: Твардовский А. Т. Книга лирики: 1934-1949. – М.: Советский писатель, 1949. С. 154.
5. Опубликовано в: Твардовский А. Т. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. С. 226. В шеститомном собрании сочинений Твардовского это стихотворение отсутствует.
6. Македонов А. В. Творческий путь Твардовского... С. 56.
7. Об идиллическом хронотопе («вековая прикрепленность жизни поколений к одному месту, от которого эта жизнь во всех ее проявлениях не отделена», «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма» и т.д.), например: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. С. 374-375.
8. Опубликовано и цитируется по: Твардовский А.Т. Книга лирики: 1934-1949. – М.: Советский писатель, 1949. С. 196. В шеститомном собрании сочинений Твардовского это стихотворение отсутствует.
9. О соотношении индивидуального и обобщенного в поэзии Твардовского см., например: Акаткин В. М. Александр Твардовский: Стих и проза. – Воронеж, 1977. С. 110-112

О.А. Новикова

ЛИРОЭПИЧЕСКАЯ ЗАРИСОВКА КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ «ПОСЛЕДНЕЙ КНИГИ» А.Т. ТВАРДОВСКОГО

В 1989 году М. И. Твардовская опубликовала выборки «Из рабочих тетрадей (1953-1960)» А.Т. Твардовского, которые назвала «последней книгой художника»*. В большей степени она состоит из очерковых зарисовок (миниатюр, этюдов) различной тематики: портретных и литературно-критических, пейзажных, путевых. Рассмотрим группу лироэпических этюдов, которые, в свою очередь, подразделяются на лирические, лирико-публицистические, лирико-философские заметки.

Авторское «я», пронизывающее все повествование и тем самым объединяющее в целое части прозы Твардовского, подразумевает наличие *лирических зарисовок*, составленных из ассоциаций, воспоминаний, чувств субъекта повествования. При условии насыщения произведения данными элементами оно может быть причислено к разряду так называемой «лирической прозы».

Книга «Из рабочих тетрадей...», безусловно, содержит заметки интимного характера, но они в большинстве своем касаются не семейно-бытовой сферы, а области психологии творчества. В этой связи признания Твардовского о том, как рождались те или иные строки, погружение читателя в тонкости собственного мастерства ценны для понимания его художественного мира.

В записи, датированной 19 марта 1955 года, поэт приходит к выводу, что важно писать «для себя», «для потомства», отбросив свою прежнюю убежденность в том, что все написанное должно быть пригодным для печати (№ 7, с. 159). Эти слова в какой-то степени объясняют малое количество чисто лирических заметок в «последней книге». Так, например, весьма скуп «слой» воспоминаний (имеющиеся обширные записи об отце мы расцениваем не как мемуарный материал, а как черновые наброски художественного произведения «Пан Твардовский»), не играют большой роли и сны, часто выступающие в качестве приема введения в текст сцен из прошлого. На этом основании данное произведение Твардовского мы не можем безоговорочно отнести к области «лирической прозы», считаем его далеко выходящим за рамки данного обозначения.

Обратимся теперь непосредственно к этюдам, которые мы, с большей или меньшей степенью уверенности, считаем лирическими. Это прежде всего зарисовки, в основе которых лежат уже упоминавшиеся сны. В них отразились страхи, переживания автора, навеянные чувствами, испытанными им в прежние годы. Записанный сон тут же кратко комментируется Твардовс-

ким, что и вносит лирическую ноту в эти зарисовки. Таковы записи от 28 декабря 1957 года, 19 января 1958 года, 13 октября 1959 года.

Иногда автор вспоминает о тяжелых минутах в своей жизни. Отголоски потрясения, связанного со смертью маленького сына Саши в 1938 году, слышны и в автобиографической прозе поэта. Он мысленно возвращается к тем годам, когда размышляет о произошедшем замужестве дочери (№ 7, с. 153), работает над первым томом своих сочинений (№ 9, с. 156). Набрасывая стихи для «Записной книжки», посвященные новоселам в Казахстане, Твардовский использует личный опыт, когда рассказывает о спящем малыше «в открытом чемодане» (№ 7, с. 157).

В тех случаях, когда лирические «отступления» сопровождаются размышлениями повествователя на «вечные» темы, мы вправе говорить о наличии в «тетрадях» *лирико-философских этюдов.*

Стержневой проблемой, проходящей через все повествование, выступает проблема «кризиса среднего возраста». Намечается она буквально с первой записи, датируемой 29 декабря 1953 года: «Вообще я в том еще не очень горьком возрасте, когда так ли сяк уже понимаешь, пожалуй, больше, чем можешь, впрочем, надеюсь, что это еще временное» (№ 7, с. 126). Переживая состояние, свойственное всем людям, Твардовский расценивает его как новый этап в своей биографии, пытается осмыслить его. Так, в записи от 19 ноября 1954 года он с горечью констатирует, что «постарел душевно», так как даже воспоминания детства, привычные мечты о «главной книге» (романе «Пан Твардовский») перестали играть для него свою спасительную роль. Слышны в этих заметках и опасения того, что из-за возраста, который «суживает горизонты», можно замкнуться на «малом мире возрастных оглядок и воздыханий» (№ 7, с. 146). Поводом для продолжения данной темы становится и семейное событие – рождение внука: «Вот и дед Твардовский. Странно, но меня это беспокоит меньше, чем когда-то предстоявшее раннее отцовство. Видно и без этих внешних примет – дело все более всерьез к старости (№ 7, с. 176). Автор как бы приучает себя к мысли об изменившемся статусе, например, подчеркивает, что занимается «стариковскими хлопотами на дровосеке» (№ 7, с. 176). Но он не хочет мириться с тем, чтобы происходящее отражалось на его писательских делах, о чем говорит следующее признание: «Сил мало, желания короткие – не в самом ли деле старость. Но – вздор» (№ 7, с. 177). «Дума о предмете» Твардовского ощущается и в замечаниях, посвященных близким людям: супруге, дочерям (№ 7, с. 182; № 8, с. 168, 180; № 9, с. 165). Готовя к печати первое свое Собрание сочинений, в частности, отбирая для него ранние произведения, писатель констатирует: «<...> нельзя не понимать, что кой-чего уже не скажешь лучше того, как сказал в лучшие годы жизни, – их напор, их щедрость позволяли и без нынешнего «понимания» говорить то, что нужно» (№ 8, с. 179).

Размышления о возрасте и творческом потенциале художника содержит и запись от 4 марта 1959 года. Приведенная в ней фраза поэта о том, что счастливым будет тот писатель, которому удастся быть «ровесником всех поколений» (№ 9, с. 145), стала расхожей благодаря тому, что А. И. Кондратович озаглавил ею свою книгу, построенную на собственных воспоминаниях и дневниковых записях Твардовского.

Текст «Из рабочих тетрадей...» показывает, что поэт обращался к теме возрастных изменений на протяжении многих лет. Особенно насыщенны мыслями о грядущей старости заметки юбилейного, 1960-го года (№ 9, с. 179, 185, 197, 199, 204). В самой обьемной из них автор, отталкиваясь от высказывания И. С. Тургенева, сравнившего жизнь после 50-ти лет с осажденной крепостью, сдача которой в недалеком будущем неизбежна, дает собственную трактовку этому образному сравнению. Он аргументированно доказывает, что «крепость» можно удерживать упорной обороной, при этом не забывая наносить урон противнику отдельными «вылазками». Замечая, что вообще не существует «такого времени, когда крепость не осаждена», Твардовский видит выход в экономии «огневых средств», «продовольствия и воды», а главное в том, чтобы «держать гарнизон в дисциплине, не давать ему разлагаться» (№ 9, с. 186). В такой интересной аллегорической форме поэт утверждает тактику собственного поведения в борьбе с возрастом. На то, что она уже выработана, что многолетние философские размышления вылились в определенную концепцию, указывает заключение автора о преодолении «трудного переживания старости» (№ 9, с. 197, 199).

С темой уходящей молодости тесно связана тема смерти. Твардовский рассматривает ее как в личном, так и в общественном плане. Он спрашивает и определенно убеждает себя: «<...> как ты смеешь недоумевать и протестовать против нее, когда она не обошла ни Толстого, ни Пушкина, ни Ленина, ни Маркса с Энгельсом, ничьей силы, величия власти и страсти!» (№ 8, с. 131). Но, по его мнению, мысль отдельного человека о неизбежности личной смерти несопоставима с мыслью о ядерной угрозе, несущей гибель всем (№ 7, с. 154). И еще одно высказывание Твардовского привлекает к себе внимание. Удивительна запись от 20 октября 1959 года, где поэт высказывает парадоксальную идею о том, что постоянная мысль о смерти « <...> сопутствует состоянию внешнего удовлетворения и подъема...» (№ 9, с. 160).

В таких лирико-философских рассуждениях о ценности устойчивых и простых вещей, о соотношении реального мира и мира иллюзий (№ 9, с. 180), об ответственности человека перед временем, о необходимости оставить в жизни «след» (№ 8, с. 126) со всей полнотой раскрывается Твардовский-мыслитель. Отзвуки этих размышлений можно заметить в его статье «О Бунине», в которой тема смерти занимает значительное место в лирике Твардовского последних лет.

В некоторых заметках автор касается актуальных проблем. Не стремясь ответить прямо на поставленные вопросы, он как бы приглашает воображаемого читателя поразмышлять вместе с собой. Такого рода заметки, обращенные к болевым точкам современного общества, мы причислили к разряду *лирико-публицистических зарисовок*.

«Сколько такого, что не принято замечать»(№ 7, с. 158), – пишет в своей «летописи» Твардовский. Эти слова можно отнести ко многим ее эпизодам. Как личный укор в том числе, воспринимает он повсеместно встречаемую «неженскую трудную работу». Особенно возмущен автор тем, что этот труд используется не где-нибудь на целине, где он как-то был бы оправдан, а на строительстве канализации для министерских дач (№ 7, с. 158). Заметим, что об этой проблеме с горечью напишет в своем лучшем произведении «Белый Бим Черное Ухо» (посвященном Твардовскому) Г. Н. Троепольский.

Разрушают привычное представление о Твардовском, как об убежденном атеисте, его миниатюры, рассказывающие о заброшенных или переоборудованных для других целей церквях. В какой-то степени они для поэта являются олицетворением старинных сел и маленьких городов, утративших былую гармонию и пришедших в упадок (№ 7, с. 161, 166; № 8, с. 148). Справедливости ради отметим, что иное отношение у него к действующим храмам, нередко превращенным в туристическую достопримечательность (№ 9, с. 143-144).

Таким образом, анализ лироэпических этюдов показал широту охвата действительности и многообразие очерковых форм, проникнутых авторским «я», в повествовании Твардовского.

---

* Твардовский А. Т. Из рабочих тетрадей (1953-1960) // Знамя. 1989. № 9. С. 124. Далее ссылки на это издание – в тексте, с указанием номера журнала и страницы.

** Мы опираемся на классификацию очерка, предложенную в книге: Глушков Н.И. Очерковая проза. – Ростов-на-Дону, 1979.

Л.В. Павлова

ТЕМА «СЛОВО» В ПОЭЗИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА
Статья первая: *Слово на престоле*
(интерпретация темы в русле христианской традиции)

Для того чтобы ответить на вопрос, как представлена в поэзии Вячеслава Иванова тематическая группа «Слово», мы проанализировали все случаи словоупотребления лексемы *слово* и варианта-синонима *глагол* в четырех прижизненных книгах его лирики: «Кормчие Звезды» (1903), «Прозрачность» (1904), «Cor Ardens» (1911), «Нежная тайна. – Λεπτα» (1912). Выявленный корпус поэтических текстов Иванова, содержащих лексему *слово* (*глагол*), включает 28 произведений (41 словоупотребление).

Контекстуальный анализ каждого конкретного случая показал, что *слово* (*глагол*) в большинстве текстов Иванова – это слово небесное, высшее, знаменующее собой некую абсолютную истину. Это небесное слово не однородно по своей природе: оно может принадлежать как языческому Аполлону, так и Богу христианскому, и Богородице. Сохраняя неизменным значение *слова* как просветляющего начала, Иванов разграничивает функции языческого слова небесного и христианского Слова, а также их адресную направленность.

	Слово Аполлона	**Божье Слово**	**Слово Божьей Матери**
Адресат	поэт	любой человек, пророк, влюбленные, праведники	любой человек, праведники
Природа слова	музыкальная	огненная	сердечная (слово Ее кроткое, ласковое, нежное)
Сопутствующая тематическая группа	творчество	жизнь, единство, любовь, смерть	немощь человеческая, делание во славу Божию, чудо
Функции	дарование вдохновения	откровение, изложение воли Божьей, приобщение к истинной Любви, воскресение	соединение земного и небесного, утешение, защита

Слово Аполлона в лирике Иванова обращено только к поэтам, Слово Божье слышат влюбленные, пророки и праведники, а обращено оно к каждому, как и Слово Божьей Матери. Аполлон пробуждает вдохновение и творческое волнение, Бог – открывает волю Свою, указывает путь к спасению и жизни вечной, Божья Матерь утешает и ободряет в трудностях и бедах житейских. Слово Аполлона неясно, как неуловимая мелодия, мучительно подбирает поэт земное слово, подобное услышанному от предводителя Муз. Слово Божие внятно и отчетливо, Он вкладывает Слово Свое в уста и души избранных.

В данной статье, названием для которой послужил образ из стихотворения Вячеслава Иванова «Взыскующие Града» – *Слово на престоле*, изложены основные наблюдения и выводы, связанные с христианской, важнейшей в лирике поэта, интерпретацией темы «Слово».

1. Слово, властно взывающее. Истолкование *слова* в русле христианской традиции как Слова Божия предполагается в ряде стихотворений Вячеслава Иванова. В «Fio, ergo non sum» из книги лирики «Прозрачность» поэт пишет:

Погребенного восстанье
Кто содеет
Ясным зовом?
Кто владеет
Властным словом? [1; 741]

Властное слово, воскрешающее мертвых, согласно Евангелию, принадлежит Иисусу Христу: «<...> Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами <...>» (Иоан. 11: 43, 44). Душа человеческая, отягченная пороками, подобна четырехдневному, смердящему покойнику, но если откликнется она на Слово Божье, то очистится, обретет жизнь вечную.

Упоминание притчи о воскресении Лазаря находим в эпилоге романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», где обращение Раскольникова к Евангелию знаменует возрождение души героя и «начинается новая история, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью» [2; 422]. Достоевского Иванов почитал как одного из самых близких себе авторов: «<...> я себя абсолютно чувствую духовным сыном Достоевского, настолько во мне его наследство» [3; 32].

Образ Лазаря, комбинация мотивов «зов» и «отзыв» (в целом весьма частотных в лирике Иванова; в данном случае прочитываемых с учетом значения в евангельском контексте как «пришедшие ко Господу спасены будут») связывают стихотворение «Fio, ergo non sum» с дистихом из первой книги «Кормчие Звезды», названием которому послужили слова-обращение Христа – «Лазаре, гряди вон!»:

Кличь себя сам, и немолчно зови, доколе, далекий
Из заповедных глубин: «Вот я» – послышишь ответ. [1; 641]

Авторское изложение евангельской притчи существенно отличается от исходного библейского текста.

В Библии Господь воззвал к умершему человеку (Слово Бога Ю к человеку), у Иванова – человеку надлежит непрестанно взывать к погребенному в *заповедных глубинах* души «Лазарю» – забытому, т.е. мертвому Богу (слово человека Ю к Богу). Вспомнить о Боге в себе – значит вспомнить свое истинное Я (Бог = Человек). Однажды Иванов сказал: ««Я» – царская печать, Его перстень, которым я, не имея на то права, запечатываю свои письма. <...> Только в подобии Отцу я – я, во всех остальных случаях это подделка» [3; 22]. В мелопее «Человек» данная мысль выражена в поэтической форме:

*Кто **«Есмь»** изрек, нарекшись **«Аз»**, –*
Свой, с начертанием глагола
И тайной Имени, алмаз
Судил наследнику престола.

А сам сокрылся в глубь небес. <...>

*Почто **«Отец и я одно»***
Ты не сказал, украв, надменный,
Сей луч, расплавивший звено
И цепь рассыпавший вселенной? [4; 202]

Множество самозванных «я» – это осколки разрушенного единства «*Отец и я*». В этом ключе интерпретируются Ивановым, как правило, образы зеркала, двойника, отражения и т.п., весьма популярные в символизме в целом. В «Fio, ergo non sum» после вопроса *Кто владеет властным словом?* следует:

Где я? где я?
По себе я
Возалкал!
Я – на дне своих зеркал.
Я пред ликом чародея
Ряд встающих двойников <...> [1; 741]

Аналогия Микрокосма (Человека) и Макрокосма (вселенной, мира Божьего), то есть равенство Бог = Человек, предполагает целый ряд производных равенств: познать себя = познать Бога, воззвать к Богу = воззвать к себе, отрицать Бога = отрицать себя:

«Тайный!» – звала моя сила: «Откликнись, если ты сущий!»
Некто: «Откликнись, коль ты – сущий!» – ответствовал мне.

И повторил мне: «Ты – сущий!..» И звал я, радостный: «Вот я!»
Радостный, кто-то воззвал: «Вот я! – и смолкнул. Я ждал.

Гнев мой вскричал: «Тебя нет!» – «Тебя нет!» – прогремел мне незримый
И презреньем отзыв запечатлел: «Тебя нет!...» <...> [1; 742]

– так выражена мысль о божественно-человеческом тождестве в «Отзывах» из книги «Прозрачность».

Властным словом взывает Бог к человеку в мире и человек к Богу в своей душе.

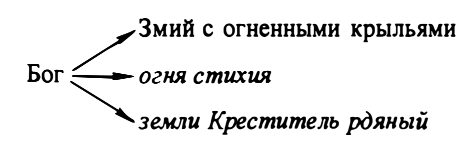
Есть Млечный Путь в душе и в небесах;
Есть множество в обеих сих вселенных:
Один глагол двух книг запечатленных, –

И вес один на двойственных весах,
Есть некий Он в огнях глубин явленных;
Есть некий Я в глубинных чудесах.
(«Мистический триптих» [5; 267])

2. Приявшие Слово Божие: пророки и влюбленные. В Евангелии Лазарь идет на Слово Божье безмолвно, у Иванова на призыв «Лазаре, гряди вон!» следует ответ *Вот я.* В тексте Библии отзыв *Вот я* встречается, но не в новозаветной притче, а в Ветхом Завете – на Синайской горе увидел Моисей терновый куст, охваченный пламенем, однако не сгорающий, и «воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я!» (Ис. 3:4). Привлечение ветхозаветного подтекста для поисков значений *слова* у Иванова вполне оправдано, поскольку с ним напрямую связано одно из самых непростых и емких словоупотреблений *глагола* в текстах поэта. Речь идет о XIII сонете «Себе самим мы Сфинкс единый оба...» в «Венке сонетов» из «Cor Ardens»:

Впервые мы крылаты и едины,
Как огнь-глагол синайского куста;
Мы две руки единого креста. [5; 418]

Глагол входит в образ сопоставления «огнь-глагол», относящийся к основанию «Бог». На «божественное» основание указывают, помимо подтекста, эпитеты *крылаты*, *едины*, а также контекст цикла, где представлен еще ряд парадигм с основанием «Бог» и «огненно-крылатыми» образами сопоставления:



Парадигму «Бог → огнь-глагол» Иванов создает, синтезируя образы сопоставления двух традиционных парадигм – «Бог → огонь» и «Бог → Слово». Мотивация этого синтеза содержится в самой библейской ситуации: Моисей Бога видел (визуальный образ Божьего присутствия – пламенеющий куст) и слышал (акустический образ – голос Божий). В окказиональном сложном слове *огнь-глагол* обе части равноценны, поскольку и *огненный глагол,* и *глаголющий огонь* как варианты развертывания данного новообразования в троп соответствуют библейскому пониманию. Но, напомним, в тексте сонета *огнь-глагол* выступает в качестве сравнения и относится к центральному образу «Венка сонетов», выраженному местоимением «мы», – те, кто любит: *Впервые мы крылаты и едины, / Как огнь-глагол синайского куста* <...>. Данные строки – очередная иллюстрация принципиального для Иванова тождества «Бог = Человек»: два утверждения – «мы → огнь-глагол» и «Бог → огнь-глагол» – логично завершаются умозаключением «мы → Бог».

Излюбленная Ивановым мысль о том, что путь к Единому лежит через преодоление граней собственного «я» и опытом такого преодоления становится любовь [6], все в тех же божественно-огненных образах выражена в следующем XIV сонете:

Как темная скрижаль была проста!
Дар тесных двух колец – ах, не в морские
Пурпурные струи! – огня стихия,
Бог-Дух, в Твои мы бросили уста! –

Да золото заветное расплавит
И сплавит вновь – Любовь <...> [5; 419]

Огнь-глагол изменяет не только человеческое мировоззрение (несведущий обрел знание) или социальный статус (пастух стал вождем), но и саму человеческую природу. Так, любящий забывает о себе, утрачивая сознание индивидуальной ценности во имя признания ценности другого. Так, Моисей, человек не речистый, косноязычный (Ис. 4:10), становится пророком, вещающим от имени Бога: «<...> Я буду при устах твоих, и научу тебя, что тебе говорить» (Ис. 4:12). Пророк – не творец или искатель слов, он – проводник Слова Божьего. И в этом, по мнению Иванова, заключена существенная разница между поэтом и пророком. Анализируя стихотворение А.С. Пушкина «Пророк» в статье «Два маяка», Иванов писал о двух видах божествен-

ного посланничества: «Между посвящением пророка и высшим духовным пробуждением поэта, несомненно, есть черты общие; но преобладает различие <...>». Пророк – «безличный носитель вложенной в него единой мысли и воли», вместо того, чтобы «двигать сердца благотворными чарами песни и сновидения, он бы жег их глаголом» [7; 255]. Влюбленный – также «безличный носитель» единого великого чувства. Как пророк понуждаем говорить (Моисей, как известно, пытался отказаться от миссии, возлагаемой на него), так и чувства влюбленного с неистовой силой рвутся наружу, воплощаясь в слова:

Ты требуешь, Любовь: «Доверь глаголу
Печать моей небесной полноты».
(цикл «Мирты» [5; 437])

О Любви, дарующей *небесную полноту,* говорит Светомир-Серафим в споре с искушающим его вопросами и иронией бесом в «Повести о Светомире-царевиче», над которой Иванов работал последние пятнадцать лет жизни, считая ее своим завещанием: «Любовь наша друг ко другу истекает из Источника Любви, из любви Отца и Сына к нам. Иисус сказал: «Да вси едины будут: такоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут». И бывает чудесно: когда мы в любви единодушно вместе, внезапно делается «шум с неба как бы от несущегося сильного ветра», и дышит Дух. И чувствуем мы, что живем, и что в нас живет Слово, «Которое в начале было»» [1; 508].

И любовь, и пророческий дар – тот *огнь-глагол*, который дает человеку непосредственное ощущение и осознание существования Бога не только извне, но и внутри себя: <...> *огнем огонь зачат* <...> («Слоки» [1;744]).

Неизбежная при этом смерть индивидуального «я» оказывается началом истинного бытия. Иванов в стихах, статьях, частных разговорах не раз возвращался к мысли, что путь к вечной жизни – любовь: «Любовь требует воскресения, мертвых реальная любовь не приемлет. Но это воскресение не есть результат наших устремлений <...>, а выполнение того, что уже в любви (реальной) как его основание заложено» [3; 94].

Ты любящим, объятым смертной сенью,
Сам, Господи, благовестил обет:
Все приобщимся в теле воскресенью.
(«Феофил и Мария» [5; 521])

3. Ищущие Слова Божия: святые и праведники. Влюбленным и пророкам даровано Слово Небесное, они *безвольно* откликаются на него. Другие – праведники и святые – добывают это право трудом, духовным подвижничеством и молитвой.

Духовному в духовном вертограде
Зачатие от Слова суждено;
Но перстный да не мыслит о награде. [5; 520]

– так в поэме (автор определил жанр как «повесть в терцинах») «Феофил и Мария» мудрый старец наставлял жениха и невесту, которые желали в предстоящем браке сохранить девственную чистоту и целомудрие, *дабы во славе многой Грядущему последовать Христу*. За советом и благословением пришли они в горный скит, поскольку уже ведомы им влечения страсти и нет сил справится самостоятельно с *огненными жалами тела*:

Псалмы лепечут... Прелестию плена
Греховного их мысль обольщена;
И тают словеса, как в море пена,

А помыслы, как темная волна,
Стремятся вдаль, мятежась и тоскуя,
И грудь унылой смутой стеснена. [5; 518]

Для душ, охваченных плотским желанием, священные тексты псалмов Давидовых, в которых «излилось из сердца <...> слово благое» (Пс. 44:2), лишь *словеса*. Но после пророческого сна, увиденного в обители святого отшельника, жизнь Феофила и Марии (сначала в супружестве, а после смерти Марии в монашестве Феофила) становится путем от этих *тающих*, ничего не стоящих *словес* к Богу-Слову (отметим, что изменчивые и ускользающие от сути своей *словеса* входят в «водную» парадигму «словеса → пена», тогда как Слово истинное имеет пламенную природу – *огнь-глагол*).

Традиционная парадигма «Бог → Слово» представлена и в стихотворении «Взыскующие града» из «Cor Ardens». *Слово на престоле* узрит тот, кто Граду Земному предпочел Град Небесный (Св. Августин), кто не уклонился от битвы с князем мира сего. По словам апостола Павла, «брань наша не против плоти и крови, но против <...> мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6:12). В опасной этой битве воин Христов должен быть хорошо вооружен: пояс его – истина, броня – праведность, щит – вера, а меч – «меч духовный, который есть слово Божие» (Еф. 6:17). У Иванова:

Кто Твоей послушен воле,
Агнец! – миром нелюбимый,
Князя мира ненавидит.
Жаром пламенным знобимый,

В облаках он силы видит,
Видит меч, о меч дробимый,
Видит Слово на престоле.
(«Взыскующие града» [5; 509])

Влюбленным и пророкам Слово Божье даровано, а праведники в брани духовной и созидании, в молитвенном делании и посте идут к постижению этого Слова, обретение которого – цель и смысл их жизни.

4. Святое Слово Божьей Матери. *Слово святое*, явленное тем, кто жизнь свою отдает во славу Божию, представлено в книге «Кормчие Звезды» в «Стихе о Святой Горе». Это *Слово* Божьей Матери обращено к создателям *церкви невидимой* (парадигма «вера → церковь невидимая») – безымянным, *Богу присным угодникам, верным подвижникам*, коих великое множество на Руси. Долго и тяжко трудятся они (эпиграфом к стихотворению стали глубоко тронувшие Иванова слова Вл. Соловьева на смертном одре – «Трудна работа Господня»): *камение тешут, стены кладут, столпы ставят опорные, своды сводят светлосенные, главы кроют червонные, пишут образы со писания*, но, не видя результатов своего труда, унывать начали, *возроптали, восплакали*. Матерь Пречистая ободрила *умильных печальников о Святой Руси*, предрекла наступление сроков заповедных, когда

Просветится гора поднебесная,
И явится на ней церковь созданная,
Вам в обрадование и во оправдание,
А Руси великой во освящение,
И всему миру Божьему во осияние. [1; 558]

Возрадовались *Божии угодники* и Божьей Матери поклонились: *Ин по слову Твоему святому да сбудется!* [1; 558]. *Святое слово* Ее сбудется непременно, и незримая церковь, став видимой, утвердится на Земле Святорусской, и родится в душах ответное *крылатое слово* – Имя Господне. Данная комбинация мотивов и образов, завершающая ситуацию, описанную в «Стихе о Святой Горе» из первой книги лирики Иванова, появляется в третьей книге «Cor Ardens» в стихотворении «Покров»:

Еще окрылится робело
Души несказанное слово, –
А юным очам голубела
Радость Покрова.

И долго незримого храма
Дымилось явленное чудо,

И застила синь фимиама
Блеск изумруда. [2; 280]

Слово Божьей Матери, удостоверившее правильность делания во славу Божию и укрепившее дух человеческий, – награда за подвижнический труд. Как все, связанное в поэзии Иванова с Богородицей, *Слово* Ее – ласковое и милостивое, ***покрывающее*** любовью своей.

Образ Богородицы, Девы-Матери, Заступницы и Утешительницы – один из центральных в поэзии Иванова [8; 41–52] – венчает собой целый ряд образов (Изида, Гея, Деметра и др.), восходящих к архетипу богини-праматери. По свидетельству О. Дешарт, поэт часто повторял: «Бог создал мир, чтобы создать Божью Матерь, через нее Земля дала свое свободное согласие на великое приятие и страдание» [1; 50]. Подобное отождествление Богородицы с Землей присутствует и в богослужебных текстах: ***Радуйся, земле непосеянная,*** – звучит под сводами храмов накануне праздника Благовещения.

Смиренные слова Девы Марии, произнесенные в ответ на благую весть Ангела Господня (<...> Ты обрела благодать у Бога; И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; Он будет велик и наречется Сыном всевышнего <...> Лук. 1: 30-32,) – «Се, раба Господня» (*Ecce Ancilla Domini)* – это ответ человеческий пред Богом ***за все творенье***. Мир, грехопадением предавший своего Творца, прощен будет Ее покорностью воле Божьей:

<...> *Помирила Небо с долом*
Благодатная глаголом:
Ecce Ancilla Domini. [4; 609]

Помимо всего прочего уникальность образа Богородицы в поэзии Иванова заключена в том, что Она наделена и словом человеческим, и Словом небесным. *Глагол* из «Римского дневника (1944 г.)» изречен смиренной Девой Мария, кротко принявшей не только высокую долю Божьей Матери, но и ***рок мечей, и жребий жертвенный, и вышней воли цепи***, как сказано в другом стихотворении – ««Magnificat». Боттичелли» из «Кормчих Звезд». ***Слово*** из «Стиха о Святой Горе» принадлежит Царице Небесной, оно, *святое*, с божественных высот нисходящее к людям.

Образ Богородицы – это некое средоточие вселенского диалога. К Ней, богоизбранной, но земной деве, нисходит Слово Божье – Она дает согласие словом земным; к ней, Царице Небесной, обращены мольбы и просьбы человеческие – Она, *длань Разящего смягчающая Дева* («Сикстинская капелла» [1; 622]), святым словом утешает и помогает людям, заступается за род человеческий пред Сыном своим.

Как показал проведенный анализ христианского аспекта темы «Слово», в поэзии Вячеслава Иванова актуализирована основная миссия *Слова* – осуществление единства: человека и Бога, человека и человека, небесного и земного, *Слово* здесь предстает как «общевразумительный символ соборного единомыслия» [4; 75].

---

1. Иванов В.И. Собрание сочинений. – Брюссель, 1971. Т. 1.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1973. Т. 6.
3. Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. – СПб.: Инапресс, 1995.
4. Иванов В.И. Собрание сочинений. – Брюссель, 1979. Т. 3.
5. Иванов В.И. Собрание сочинений. – Брюссель, 1974. Т. 2.
6. Концепция любви в творчестве Иванова чрезвычайно близка к пониманию этой темы Вл. Соловьевым (см., например, работу В.С. Соловьева «Смысл любви»).
7. Пушкин в русской философской критике. – М.: Книга, 1990. – С.249-262.
8. Dudek A. Поэтическая мариология Вячеслава Иванова // Studia litteraria polono-slavica. 1. – Warszawa, 1993.

И.В. Романова

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОМ СТАТУСЕ ЛИРИКИ

Проблему коммуникативного статуса лирического стихотворения поставил Ю.И. Левин в работе «Лирика с коммуникативной точки зрения»[1]. Он выделил два типа лирического текста, которые, в свою очередь, имеют разновидности. Во-первых, это *эготивный* текст. Он написан от первого лица. Во-вторых – *апеллятивный*. Он организован как единое обращение к тому или иному эксплицитному адресату. Кроме того, текст может быть одновременно эготивным и апеллятивным или ни тем, ни другим.

Важным нам представляется тот факт, что Левин связывает разные типы коммуникативной связи стихотворения с определенной семантикой и жанровой системой.

Материалом нашего исследования стала лирика Пастернака, составившая все девять книг его стихов от «Поверх барьеров» до «Когда разгуляется»[2] (общее количество стихотворений – 331), а также лирика И. Бродского 1957 – 1965 годов[3]. Общее количество стихотворений этого периода – 216.

Во-первых, выделяется группа **безлично-безадресных** стихотворений. В них автор и лирический субъект максимально скрыты. На первом месте –

какое-то событие, явление, ситуация, описываемые, как правило, от третьего лица. При отсутствии четко эксплицитного субъекта речи отсутствует и эксплицитный адресат в лице читателя или кого-либо другого.

На протяжении всего творчества Пастернака наблюдается тенденция к преобладанию текстов этого типа (29 %). Наибольшее количество таких стихотворений встречается в книгах «Поверх барьеров», «Темы и варьяции» и «Когда разгуляется», наименьшее – в «Близнеце в тучах».

В творчестве Бродского указанного периода такой тип текстов составляет всего 16 %.

Стихотворения Пастернака с невыраженными в тексте субъектом речи и адресатом весьма разнообразны по своей тематике. В них выделяются доминантные темы: природа и творчество, культура, а также (по мере убывания): город, люди, война, обряды, празднества и т.д.

В аналогичных стихотворениях Бродского преобладают темы смерти и природы, в меньшей степени – темы Бога, быта и творчества.

Тексты такого типа относятся у Пастернака преимущественно к описательной лирике, у Бродского – к повествовательной и описательной.

Только для стихотворений Пастернака безлично-безадресного типа характерны следующие индивидуальные особенности: олицетворение природы, природных объектов; наличие мифопоэтического подтекста; философских, мировоззренческих концепций. Две последние особенности придают текстам двуплановость, универсальный, обобщающий характер, философичность, а следовательно, и скрытую полемичность, при которой подтекст, второй план как бы полемизирует с внешним планом стихотворения.

Рассмотрим пример. Стихотворение «Бабье лето», на первый взгляд, о неизбежном наступлении осени и домашних хозяйских хлопотах. Движение жизни в нем направлено к смерти в силу наступления осени («приходит всему свой конец»). В доме занимаются соленьями, маринадами, консервацией, то есть манипуляциями с уже созревшими, сорванными, обработанными («мертвыми») овощами. Живая природа вообще представлена не цветущей, а засохшей, спаленной, обедневшей, жалкой («Здесь и высохших старых коряг, И лоскутницы осени жалко, Все сметающей в этот овраг»; «как в воду опущена роща»; «все пред тобой сожжено»).

Все же стихотворение насквозь пронизано усиленным возрождающим пафосом. С точки зрения мифопоэтики, стихотворение основано на женском начале. Прежде всего на это указывает название – «Бабье лето». Представления о женщине в народном сознании связаны с репродуктивной функцией. Хозяйственные заготовки на год, описанные в стихотворении, можно рассматривать не только как манипуляции с «неживыми» овощами, но и как работы, обещающие им (растениям, продуктам) жизнь и после «смерти» (кон-

сервация). При этом важно отметить, что все эти работы сопровождаются «гомоном», «смехом», «хохотом», что во многих обычаях и обрядах носит ритуальный возрождающий характер. Дом окружает сад, который также является женским атрибутом и символом сознания[4]. «Ход из сада в заборе проломан И теряется в березняке», именуемом в тексте и как «лес». Сложная символика леса связана на всех уровнях с символикой женского начала[5]. Лес назван в стихотворении «насмешником», который разносит раздающийся в доме женский хохот повсюду. Поэтому всеобщее осеннее сожжение в природе можно воспринимать амбивалентно: не только как наказание, как окончательный смертный приговор, но и как обещание жизни после смерти.

Яркий признак бабьего лета – летящая по воздуху паутина уподобляется в стихотворении Пастернака белой копоти, «тянущейся» из леса и сада через окно в дом. В народном восприятии паутина (благодаря своей спиралевидной форме) несет в себе идею творения и развития. А копоть, дым, полагают, обладают способностью предотвращать несчастья, нависшие над людьми, животными, растениями, и связывать землю с небом, указывая путь к спасению[6]. Так что если смех, раздающийся в доме, разносится по всей округе, предотвращая осеннее увядание и смерть, то и окружающая дом природа возвращает в него дух жизни. Эта обоюдная связь еще раз подчеркивается в финале стихотворения, подкрепляя центральную для всего романа «Доктор Живаго» идею взаимопроникновения человеческого и природного миров, о становлении, развертывании и самообновлении жизни.

Вторую группу составляют стихотворения, в которых **доминирует 3-е лицо, безличное и безадресное повествование, но оно осложнено элементами текстов эготивного типа** (эксплицитным лирическим субъектом) **или апеллятивного типа** (содержит обращения, императивы и т.п.) **или обоих типов сразу**, может включать диалог.

К формальным признакам коммуникативной ситуации обычно относятся:

– наличие в стихотворении посвящения, которое можно рассматривать как часть текста (у Бродского это самый частый случай; у Пастернака – редкий: он обычно оставлял посвящения в автографах, но снимал при публикации текстов);

– названия с именами существительными в дательном падеже, указывающие, к кому обращен текст (например, «Другу стихотворцу» Бродского);

– наличие перед текстом эпиграфа, который можно рассматривать как апелляция к другому автору;

– наличие в тексте периферийного 1-го или 2-го лица. Это самый характерный прием Пастернака. Обычно в текстах такого типа лишь на момент (часто в одной-двух строках) появляются формальные, эпизодические персонажи, которые не играют существенной содержательной роли. Они лишь вво-

дят некоторый новый коммуникативный элемент («Откуда же эта печаль, Диотима?» в стихотворении Пастернака «Лето», содержащем, в частности, в подтексте диалог Платона «Пир»). Стремление к формальной коммуникативности может проявляться в появлении нескольких различных периферийных персонажей 2-го лица. У Пастернака часто встречается и периферийное 1-е лицо, оно, как правило, позиционирует себя в пространстве и во времени и определяет точку зрения, с которой ведутся наблюдения, описанные в стихотворении, – личностную (уточняет, кто пишет, наблюдает) и пространственно-временную. Например, в стихотворении «Мертвецкая мгла» Пастернака однажды появляется такое фабульно немотивированное «я»: «И все они, все / Выходят со мною / Пустынным шоссе / На поле Ямское»;

– включение в повествовательный текст, написанный от третьего лица, диалога. В таких стихотворениях коммуникативный акт имеет место не между автором и читателем или лирическим субъектом и адресатом, а на уровне лирической фабулы.

Наиболее интересны стихотворения, в которых 1-е или 2-е лицо появляются только в конце текста, но это изменяет не только его коммуникативный статус, но и смысл. Например, стихотворение «Земля» описывает наступление весны. В двух последних строфах появляется лирическое «я», которое вносит тему призвания человека, шире – художника, тему его единства со всей землей и мотив Тайной Вечери. Ретроспективно описание весны превращается в память о последних днях земной жизни Христа:

Зачем же плачет даль в тумане
И горько пахнет перегной?
На то ведь и мое призванье,
Чтоб не скучали расстоянья,
Чтобы за городскою гранью
Земле не тосковать одной.

Для этого весною ранней
Со мною сходятся друзья,
И наши вечера – прощанья,
Пирушки наши – завещанья,
Чтоб тайная струя страданья
Согрела холод бытия.

Особое положение среди текстов смешанного типа занимают стихотворения, написанные на евангельские сюжеты, такие, как «Чудо», «Рождественская звезда» Пастернака, включающие реплику, монолог. Они приобретают более сложный коммуникативный статус благодаря центральному образу

Иисуса Христа (это относится и к безлично-безадресным стихотворениям на евангельский сюжет, таким, как «Дурные дни» Пастернака, «Рождество 1963 года», «Рождество 1963» Бродского). Согласно Новому Завету, Сын Божий является Словом Бога, посланным людям: Он есть Слово, ставшее плотию. В этом заключается последняя тайна Слова Божия и тайна Иисуса Христа, раскрытая евангелистом Иоанном: «Имя Ему: Слово Божие» (Откр. 19; 13). Согласно христианскому богословию, любовь Отца, засвидетельствованная людям посланием Его Сына, есть главное Откровение, принесенное Иисусом. Так, евангельские стихотворения, повествующие о Рождении Христа, Его чудесах, событиях последних дней Его земной жизни, призваны в какой-то степени отразить это Божественное Откровение. Это Откровение включает в себя как бы Откровения второго порядка (в композиционном плане) – прямую речь Христа, обращенную к бесплодной смоковнице, ученикам. Особенно ярко это проявляется в стихотворении «Гефсиманский сад», половина текста которого – монолог Христа, обращенный формально к апостолу Петру. Монолог выделен композиционно: это финал стихотворения, финал книги «Стихотворений Юрия Живаго» и финал романа, что, наряду с грамматическим преобладанием будущего времени, придает ему характер пророчества. Откровения и пророчества в жанровом плане имеют самый широкий коммуникативный охват: они обращены ко всему человечеству, современникам и потомкам.

Имеет сложный коммуникативный статус стихотворение Бродского «Исаак и Авраам», посвященное М. Басмановой. Оно излагает ветхозаветный сюжет об испытании веры Авраама и о принесении в жертву всесожжения его сына Исаака. В повествование от третьего лица включается диалог Авраама и Исаака, имеющий место и в книге Бытия (22, 7 – 8). Заключительная часть стихотворения описывает современность. Центральными в ней являются образ восьмёрки как символ бесконечности, повторяемости ситуации в веках, и образ свечи, горящей на окне в ночи. Нарочито подчеркивается пустота и безлюдность. Тем не менее «язык свечи» (в значении не только «пламя», но и «речь») направлен вовне, во тьму, как «призыв»:

призыв к себе (сквозь дождь, кирпич, сквозь доску
К себе ль? – О нет, сплошной призыв к тому,
что в ней горит. Должно быть, к воску, к воску.

В конце концов на этот «призыв» свечи отвечает свистом лиса: «и что-то слышно в свисте / сродни словам».

Описанная в финале ситуация отчаянного стремления к общению спровоцировала и проявление в тексте автора-повествователя. Приведенная в предыдущей цитате имитация диалога, когда реплики собеседника приводятся в передаче одного из участников разговора в форме переспрашивания; замеча-

ния в скобках, появление императива, не важно, на кого направленного («(Рукой замок в бессильной злобе стисни)»), – всё это признаки внутритекстовой авторско-читательской коммуникации.

Если говорить о Бродском, то обращает на себя внимание факт тяготения Бродского к установлению, условно говоря, авторско-читательской коммуникации. Она может быть рамочной и оформлять текст[7]. К её признакам относятся, в частности, названия, жанровые определения, эпиграфы, посвящения и т.п., а может быть внутритекстовой, когда тем или иным способом выражается возможная реакция читателя.

А в лирике Пастернака категория читателя как адресата отсутствует. Он не обращается к читателю ни прямо, ни косвенно, интимный *диалог* с ним для поэта невозможен. В 1928 году, отвечая на вопрос газеты о своем отношении к писателям и читателям, по поводу последних Пастернак заметил: «Высокомерный эгоизм, лежащий в основе писательского обращения к «аудитории», мне чужд и недоступен. По прирожденной золотой способности читатель сам всегда понимает, что в книге делается с вещами, людьми и самим автором. <…> Вероятно, я люблю читателя больше, чем могу сказать. Я замкнут и необщителен, как он, и, в противоположность писателям, переписки с ним не понимаю»[8]. Пастернак остался верен этому принципу до конца.

Третью группу составляют стихотворения **эготивно-апеллятивные**, в которых доминирует 1-е лицо, но есть и 2-е.

Обычно в таких стихотворениях план содержания существенно не меняется, а меняется коммуникативный статус текста. Часто такие стихотворения пишутся в прошедшем времени и принимают форму воспоминаний. Коммуникативные элементы обычно находятся в тексте в маркированных позициях (чаще всего – в начале и конце) и сообщают тексту повышенно экспрессивный характер (например, стихотворение Пастернака «Иней»).

У Пастернака это самая малочисленная группа (12 %). Усиление коммуникативности от книги к книге происходит скачкообразно, с максимальными показателями в «Сестре моей жизни» и «Втором рождении» и минимальными – в «Поверх барьеров» и «Стихотворениях разных лет».

Апеллятивность у Пастернака, как и в случае с предыдущей группой, чаще всего возникает за счет появления фабульно немотивированных, формальных персонажей, формальных «я» и «ты». Наиболее частотны у Пастернака всевозможные неодушевленные объекты. Также многочисленны обращения, восклицания, императивы, вопросы.

У Бродского, наоборот, эготивно-апеллятивные стихотворения – самая большая и разнообразная по своему составу группа (32 %). О таких текстах писал Ю.М. Лотман, замечая, что катарсис возникает, когда текст переключается из одной системы коммуникации в другую, сохраняя в сознании аудитории связь с обеими[9].

Например, стихотворение «Пришла зима, и все, кто мог лететь...» описывает наступление зимы – сначала внутреннее сопротивление лирического субъекта этому процессу, потом – его приятие. По сути стихотворение эготивное, потому что написано от первого лица и отражает крайнее одиночество лирического субъекта. Сам же лирический субъект взывает к силам природы, ко всему миру (к Борею, лету, стогу, ночному простору, блеску огня, лесам, холмам, мыши, лисе, волкам, скворцу – всего 36 наименований) – текст испещрен обращениями, императивами, вопросами. Речь лирического субъекта не сплошная, а разорванная на реплики, которые не оформлены графически, но легко выделяются на фоне описательного характера основного текста. Это не монолог, а крайне эмоциональный диалог с миром и собой (мир герою не отвечает, но он отвечает сам себе).

Снег, снег летит, уж больше нет родства,
уж белых мух уже никто не клюнет слепо.
Что там чернеет? Птицы. Нет, листва,
Листва к земле прижалась, смотрит в небо.
Не крылья это? Нет. Не клювы? Нет.
То листья, стебли, листья, стебли, листья,
лицом, изнанкой молча смотрят в свет,
нет, перьев нет, окраска волчья, лисья.

Текст осложнен еще вставками отдельных реплик, не всегда ясно, чьих. Наконец, в него включена беседа двух человек в железнодорожном депо, выделяющаяся на общем риторическом фоне своей подчеркнутой разговорностью. Их реплики тоже графически не оформлены, главным образом, мы слышим только одного участника диалога, который комментирует реплики и действия второго.

Стихотворения **эготивного типа**, с лирическим субъектом в центре и без адресата, чаще всего встречающиеся в лирике, составляют у Пастернака всего 18 % от всех исследованных текстов, у Бродского – 14%. В творчестве Пастернака больше всего таких стихотворений в «Близнеце в тучах», книге, с которой началась его поэтическая карьера. Потом наблюдается резкий спад эготивных стихотворений. В остальных книгах, начиная с «Поверх барьеров», намечается тенденция к росту лирического элемента, к росту стихотворений эготивного типа. Больше всего таких текстов в книгах «На ранних поездах» и «Когда разгуляется». Исключение составляют «Стихотворения Юрия Живаго», в которых нет текстов с лирическим субъектом в центре и при этом без элементов коммуникации. Этот факт можно объяснить тем, что сам роман во многом написан по законам лирики, что уже не раз отмечалось исследователями, а стихотворения, его завершающие, наоборот, подчеркнуто апеллятивны или безличны и безадресны.

Обычно в лирике стихотворения с лирическим субъектом и без адресата соотносятся с текстами типа исповеди или дневниковой записи. У Пастернака они тяготеют к форме внутренней речи (то есть не ориентированы на какие-либо жанры). Эготивные стихотворения Пастернака часто концептуальны, при этом подчеркивается, что перед нами – концепция лирического субъекта, им переживаемая, как, например, в стихотворении «О, знал бы я, что так бывает...».

Тексты, в которых «я» выступает как действующее лицо, обычно обладают ретроспективностью, носят характер самоанализа, воспоминаний, подведения итогов – они более характерны для Пастернака («Вокзал», «Любить,– идти,– не смолкнул гром...», «Когда я устаю от пустозвонства...», «Перемена»). «Я» в эготивных текстах может быть, кроме действующего лица, наблюдателем, что чаще встречается у Бродского («Я шел сквозь рощу, думая о том...», «Я обнял эти плечи и взглянул...»).

Совершенно не характерны для Пастернака стихотворения с ролевым первым лицом (как, например, в стихотворении И. Анненского «Я на дне», где «я» – обломок статуи). У Бродского таких стихотворений достаточно много, но они появляются в более поздний период творчества.

Автокоммуникативность гораздо более характерна для поэзии Бродского. Беседа с самим собой восходит к жанру солилоквиума. По словам М.М. Бахтина, «в основе жанра лежит открытие внутреннего человека – «себя самого», доступного не пассивному наблюдению, а только активному диалогическому подходу к себе самому, разрушающему наивную целостность представлений о себе, лежавшую в основе лирического, эпического и трагического образа человека»[10].

У Бродского, например, сильной автокоммуникативностью обладает стихотворение «Одиночество». Формально оно может быть отнесено к апеллятивному типу: оно построено как единое устное обращение к «ты» и даже спор с ним. Однако «ты» в этом стихотворении по сути совпадает с «я». Это подтверждает и название – «Одиночество». Так что перед нами – разговор и спор лирического субъекта с самим собой.

Однажды Бродского спросили, к кому он обращается, когда пишет стихи, для кого он пишет. Он ответил словами Стравинского: «Для себя и для гипотетического alter ego»[11]. Эти слова могут быть своеобразным объяснением существования в творчестве Бродского автокоммуникативных стихотворений.

Последнюю группу составляют тексты чисто **апеллятивного** типа. У Пастернака такие стихотворения преобладают в «Темах и варьяциях», «Стихотворениях разных лет» и «Стихотворениях Юрия Живаго». В них четко выделяются четыре группы.

1. Стихотворения, обращенные к неодушевленным предметам и явлениям. Такие стихотворения чаще всего носят черты языческого одушевления мира, заклинательности.

2. Любовные стихотворения с адресатом-женщиной. Эти стихотворения тяготеют к непосредственному общению, контакту (например, в «Темах и варьяциях» – цикл «Разрыв», «Второе рождение»). «Я» и «ты» в них объединяет единство времени и места, возможность видеть друг друга и поэтому общаться не только устно, но и жестом, мимикой. Например, в книге «Второе рождение» именно такие тексты обеспечили большое число апеллятивных стихотворений. Появление этих стихотворений совпало с началом романа Пастернака с Зинаидой Николаевной Нейгауз, ставшей впоследствии второй женой поэта. Большую часть 1930–1931 гг., когда накал страстей был очень высок, Пастернак и Зинаида Николаевна находились в разлуке и беспрестанно обменивались письмами. Устремленность друг к другу усиливала коммуникативность любовных стихотворений, которые были призваны соединить двух любящих людей, разъединенных в пространстве.

3. Стихотворения, обращенные к современникам, живым или (чаще) умершим (такие тексты преобладают в «Стихотворениях разных лет»). Адресат в них часто указан в названии («Борису Пильняку», «Анне Ахматовой», «М<арине> Ц<ветаевой>», «Мейерхольдам», «Безвременно умершему» <Н.И. Дементьеву>). Здесь преобладают дистантные отношения.

4. Стихотворения, имеющие черты молитвы. Главным образом, это «Стихотворения Юрия Живаго». Апеллятивный характер этой книги стихов объясняется ее органической связью с романом. «Доктора Живаго» Пастернак считал главной книгой своей жизни, средством выражения своей жизненной позиции, «своего христианства»[12], своего взгляда на искусство, на место человека в истории. Молитвы же, обращенные к Господу, Христу, вводят мотивы жертвенности и обещания бессмертия.

В поэзии Бродского тексты чисто апеллятивного типа составляют 26 % всех текстов. На фоне распавшейся к двадцатому веку жанровой системы в лирике Бродского отчетливо выделяется группа стихотворений, сохранивших в себе память жанра послания, где появляются формальные элементы эпистолярного жанра, например: «Письмо к А.Д.», «Письма к стене», «Настеньке Томашевской в Крым», «Письмо в бутылке», «Северная почта», «Ex ponto (Последнее письмо Овидия в Рим)».

К этой группе примыкают стихотворения, которые содержат в себе черты стихотворного послания, что может быть не отражено в названии. Они могут быть построены в форме обращения к какому-либо лицу. В целом эти стихотворения предполагают дистантные отношения, при которых между адресантом и адресатом нет непосредственного общения, например: «Про-

щай!», «На смерть Роберта Фроста», «Einem alten Architekten in Rom», «Одной поэтессе», «Два часа в резервуаре», «Псковский реестр», «Румянцевой победам» и др.

Ряд стихотворений тяготеет к непосредственному общению, контакту, например: «Фламмарион», «Сонет» («Прислушиваясь к грозным голосам...»), «Песня», «К семейному альбому прикоснись...», «К Северному краю», «Не то вам говорю, не то...» и др.

Преобладают у Бродского стихотворения, предполагающие дистантные отношения, что подчеркивает одиночество его лирического субъекта.

Есть у Бродского стихотворения, тяготеющие к форме молитвы, например, «Прощальная ода». «<...> всякое творчество есть по сути своей молитва, – говорил Бродский. – Всякое творчество направлено в ухо Всемогущего. <...> Стихотворение если не молитва, то приводимо в движение тем же механизмом – молитвы»[13].

В случае с Пастернаком мы имели возможность соотнести динамику коммуникативного фактора лирики Пастернака с периодизацией творчества поэта, установленной В.С. Баевским[14]. Книга «Близнец в тучах» резко выделяется на фоне всего поэтического творчества Пастернака в коммуникативном плане: для нее характерен максимальный показатель эготивных текстов и минимальный – безлично-безадресных, а также низкий показатель апеллятивных стихотворений. Эта картина совпадает с I периодом творчества Пастернака, обратившегося от философии к лирике и преодолевавшего в те годы символизм.

II период, объединивший книги «Поверх барьеров», «Сестра моя жизнь», «Темы и варьяции» и «Стихи разных лет» и отличающийся авангардизмом, работой над поэмами, ранней прозой, – самый неустойчивый в коммуникативном плане. Для него характерно чередование высоких и низких показателей количества безлично-безадресных стихотворений и стихотворений смешанного типа, включая эготивно-апеллятивные; стабильно низкий показатель количества эготивных текстов; постепенный рост апеллятивных.

III период включает книги «Второе рождение», «На ранних поездах», «Стихотворения Юрия Живаго» и «Когда разгуляется». Это время перехода к простоте стихотворных форм, сочетающейся со смысловой сложностью, время переводов и крупной прозы. В коммуникативном плане относительно однородны первые три книги стихов прежде всего по показателям апеллятивности и смешанного типа стихотворений; намечается тенденция к росту безлично-безадресных текстов. И особняком в плане коммуникативного статуса стоит последняя книга – «Когда разгуляется» – со взлетом безлично-безадресных и эготивных стихотворений, тяготеющих к философичности и медитативности, и спадом апеллятивных и смешанных, эготивно-апеллятивных стихотворений.

В целом можно сказать, что лирика Пастернака осталась в известной степени закрыта для второго лица. В стихах он предпочитал беседовать из живых людей почти исключительно с возлюбленными, в качестве других собеседников выбирая или других поэтов (обычно уже умерших), или Бога. В большинстве же случаев апеллятивность Пастернака формальна: его коммуникативность не носит направленного характера, она распылена на весь мир, являясь частью общего эмоционального фона. Но и лирический субъект, представленный крупным планом в эготивных стихотворениях, был интересен поэту лишь в самом начале и уже в конце творчества. На этом фоне обращает на себя внимание тенденция к преобладанию безлично-безадресных стихотворений, которые тяготеют к концептуальности и скрыто апеллятивны, благодаря, как правило, мифопоэтическому подтексту. Не первое, не второе, а третье лицо – жизнь во всех ее проявлениях, окружающий мир, творчество – вот что определяет лирику Пастернака.

Абсолютное большинство ранних стихотворений Бродского 1957 – 1965 годов тяготеет к апеллятивности, к повышенной коммуникативности, к «коммуникативности во что бы то ни стало»[15]. Бродский создавал их, по его же словам, «в отчаянной попытке возвеличить / момент соединения»[16].

---

1. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М., 1998. С.464-480.
2. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы: В 2 т. – Л.: Сов. писатель, 1990. (Б-ка поэта. Большая серия).
3. Бродский И. Сочинения: В 4 т. – СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 1992-1998.
4. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М., 1994. С. 450.
5. Там же. С. 489.
6. Там же. С. 189, 382.
7. Успенский Б.А. Поэтика композиции. – М., 1970. С. 139, 190-191, 214-215.
8. Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. – М., 1989-1992. Т. 4. С. 623-624.
9. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Таллин, 1992. Т. 1. С. 86.
10. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979. С. 138.
11. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. – М., 2000. С. 171.
12. Борис Пастернак. Переписка с Ольгой Фрейденберг. – New York and London, 1981. С. 245.
13. Волков С. Указ. соч. С. 100-101.
14. Баевский В.С. Б. Пастернак–лирик: Основы поэтической системы. – Смоленск, 1993. С. 72-73.
15. Левин Ю.И. Указ. соч. С. 471.
16. Бродский И.А. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы: В 2 т. – Мн., 1992. Т. 1. С. 408.

Л.В.Синицына

НИТЬ, СВЯЗАВШАЯ ПОКОЛЕНИЯ
(из истории смоленских ремесел)

Создание и украшение ткани – важная часть культуры любого народа. С незапамятных времен славянские женщины в совершенстве владели ремеслом прядения и ткачества и передавали его от одного поколения к другому. Около пятидесяти лет тому назад это ремесло стало исчезать. Сегодня, в связи с возрастающим интересом к традициям своего народа, наши современники заново открывают для себя вещи, которые для многих поколений были повседневными занятием.

В обыденном понимании ткань – это переплетение нитей. Но ткань – это и символ. Древние называли небо «покрывалом богов». Ткань ткется с помощью станка. При пересечении нитей образуется крест. Р.Генон видит в ткачестве эквивалент вертикали и горизонтали космического креста, или «креста материи», т.е. духа, вовлеченного во время и пространство, где вертикаль означает различные ступени бытия, а горизонталь – степень развития этих ступеней. Ткань жизни состоит из сплетения смертного с бессмертным.[1]

Идея креста содержится в слове кросна (кросно), так называли на Смоленщине заправленный ткацкий станок. Заправке станка предшествовала операция снования нити. Смоленские крестьянки сновали простым и одним из самых древних способов снования – по стене.

В стену дома втыкали два параллельных ряда колышков и на них натягивали будущую основу ткани. По утверждению известного специалиста-этнографа Н.И.Лебедевой, проводившей экспедиции в начале XX века на Смоленщине, кроснами мог называться только полномерный холст длиною в 12 стен[2]. Число 12 – космическое, соотносящееся со знаками зодиака, количеством месяцев в году. В.Н. Добровольский подробно описывает процесс снования. «Бабы выходят на улицу сновать вдвоем... Баба лопаточкой ведет нитки вверх, начинает от первого колика; когда приходит к «чинам», то около колика направляет нитки вверх и вниз – образуется фигура в виде цифры восемь... Баба бегает с нитками проворно, как паук, снующий паутину, но кладет нитки внимательно, куда следует, боясь ошибиться»[3].

В одном из ведических гимнов (II тысячелетие до н.э.) рисуется картина создания двумя богинями Вселенной, напоминающую ту, что Добровольский наблюдал в одной из смоленских деревень в начале XX века.

Две юницы снуют основу
На шесть колышков две снующих
Одна другой протягивает пряжу

И не рвут ее не прерывают...
Вот колышки они основа небу.
Стали гласы для тканья челноками[4].

У славян отношение к нити, к орудиям труда, с помощью которых она изготовляется, – священное. Известный фольклорист А.И. Афанасьев писал, что выражение «нить жизни» пользуется гражданством почти во всех индоевропейских языках. Счастливый ход жизни соответствует ровной, гладкой нити, и наоборот, жизнь, исполненная страданий и бедствий, тянется суровою, узловатою нитью, опутывает человека словно сетями и налегает на него тяжелою обузою[5].

Нить пряли с помощью веретена. Н.И.Лебедева отмечала, что смоленские старухи еще в начале XX века владели древним способом прядения. Левой рукой дергается мочка, три пальца правой руки крутят веретено. Когда нитка достигает саженной длины, т.е. длины протянутых обеих рук у пряхи, она останавливает дерганье мочки. Ставит веретено на колено. Снимает с конца его петлю, а пряденую нить наматывает на левую руку, с которой перематывает затем на веретено. После этого делает петлю на веретене и начинает вновь дерганье мочки[6].

Таким же способом пряла богиня Ананка в древнегреческой мифологии[7].

Веретено и время – слова, имеющие один и тот же корень. Не в значении ли смены времен года говорится о веретене в ельнинской веснянке?

– Весна – весна на чем ты пришла?
– На сохе, да на бороне,
На кривом веретене[8].

Часто в смоленских народных песнях присутствует образ прядущей, снующей и ткущей богатырши, она выполняет свою работу посредством огромных и необычайных инструментов:

Во ик стала Дуня
Кросинцы снувати;
Кросны оснувала,
Верст семь обсвистала,
Берды ни достала,
Во згородку ткала,
Колом прибивала...
Як стала Дуня
Хаустинку мачити, –
Семь рек усушила,
Хауста не змачила[9].

Что-то грандиозное чувствуется в этом трудовом процессе.

Прядение льна осуществлялось с гребня, а шерсти с прялки. Н.И.Лебедева описывает наиболее древние типы прялок, встречавшихся на границе

Смоленской и Калужской губерний. Прялица представляет из себя лопатку длиною до четырех вершков, шириною до трех и одной второй вершка, с длинною, в полтора метра ручкой. Прялица втыкается в лавку или в землю, если прядут на улице, а то и просто за пояс пряхи, когда прядут на ходу. Чаще всего встречаются прялицы лопатообразной формы, соединенные с донцем. В начале XX века здесь еще помнили прялицы корневые, которые вырезались из цельного дерева, вырытого с корнем[10].

На Смоленщине прялки не украшались. Отсутствие декора свидетельствует об их древнем происхождении[11]. Прялка, как и сам процесс прядения, были соотнесены с идеями жизни («нить жизни»), судьбы плодородия.

В Гжатском уезде Смоленской губернии еще в начале XX в. существовало поверье, что если девушка во время посиделок незаметно для парня добьется, чтобы он сел на донце ее прялки, то он «сядет с ней и на хозяйство», т.е. будет связан узами брака[12].

На масленицу «женки, гадая о будущем урожае льна, съезжали с горы на прялице», чем длиннее будет такой проезд, тем длиннее родится лен[13].

Идея плодородия прослеживается в обряде, описанном В.Н. Добровольским. На границе Смоленской и Орловской губерний во время масленицы на салазки сажали мужика или мальчишку с поддельною бородою, давали ему донце, гребень и намычку, заставляли его прясть, а бабы возили его по всей деревне и пели:

Маслинка-кургузка,
Биз тебе нам жить грузко,
Сыр и масло нализала,
А нам дуракам не сказала.
Я на улице была,
Я видела драку…[14]

В смоленских деревнях период прядения начинался с праздника Параскевы-Пятницы, 28.10 (10.11), и продолжался до Рождества. Обычай почитания ее был распространен по всей Смоленщине. Святая покровительствовала льноводству и называлась «матушкой-льняницей».

В пятницу смоленские крестьянки старались воздерживаться от некоторых работ: не пряли, не варили щелока, не стирали белье, старались не поднимать пыли, объясняя это тем, что в этот день недели богиня шествует по земле и можно запылить ее божественный лик. 28 октября женщины приносили в церковь в дар матушке Пятнице отрепанную первину льна, которую привешивали к образу святой[15].

Очевидно, культ Параскевы заменил собой древний культ какой-то языческой богини и широкий круг ее функций со временем перешел на православную святую. Во многих губерниях России это была Мокошь или Ма-

кошь. У западных славян – Жива. Живе, как и Параскеве, посвящалась пятница. По некоторым данным, на Смоленщине с образом Параскевы произошло сближение древнейшей общеславянской богини плодородия, судьбы, красоты, любви – Лады.

Лада очень древнее божество, возникшее еще во время матриархата. Она и ее дочь Леля являлись рожаницами, небесными хозяйками мира[16].

В смоленских народных песнях очень часто звучат слова, обращенные к этим богиням.

После Крещения в каждой хате устанавливался ткацкий станок, и до Пасхи крестьянки ткали кросна.

Кросна также не простой инструмент, при обращении с ним необходимо было соблюдать особые требования: при перевозке надо было сомкнуть ставы, а то волки соберутся и будут таскать скот. По обычному праву, не соблюдавшие этот обычай наказывались штрафом за вред населению неосторожными и неосмотрительными действиями (Бельский, Смоленский, Ельнинский уезды).

В этом случае роль ткачихи в народных поверьях такая же, как и Св. Егория, который, по представлениям крестьян, управляет действиями волков, в ее же ведении тоже находятся «волки», «горностайки», являющиеся деталями кросен, и она приводит их в движение.

Ткачиха своими действиями может навести облака и вызвать дождь. В народных песнях Смоленщины деятельность пряхи и ткачихи сравнивается с работой солнышка, изменяющего зимний ковер земли на весенний.

Красно солнышко
Марья Павловна кросенцы ткала,
Посеред вила круги золота
По краям вила черные соболи[17].

(В песне ткачиха Марья Павловна сидит и ткет в городе, окруженном водой. Известно, что в русских народных сказках солнце совершает ночной путь по океану.)

Обратившись к трудам фольклориста А.Н.Афанасьева, мы читаем, что в древнейшую эпоху создания языка лучи солнечные, в которых фантазия видела роскошные волосы, должны были уподобляться и золотым нитям, ибо оба понятия: и волоса, и нити – язык обозначал тождественными названиями. Кудель (кужель, кудели) – моток льна, приготовленный для пряжи, кудлатый – человек с всклокоченными волосами, пряди волос. Смелой фантазией первобытных народов солнце, восходящее поутру из волн воздушного океана и погружающееся туда вечером, представлялось рассыпающим свои светлые кудри или прядущим из себя золотые нити (пряжу).

В древности, названное вертящимся колесом, солнце принималось за колесо прялки, а лучи его – за нити, наматываемые на веретено. Народная загадка прямо уподобляет солнечный луч веретену: «Из окна в окно готово веретено»[18].

Известно, что в древности всякий технологический процесс мифологически осмыслялся человеком. Славяне, переселившись в Восточную Европу, принесли целый комплекс верований и обрядов, связанных с обработкой льна. Возможно, что эти представления имели еще более древние корни, свидетельствующие о тесных связях с индоевропейцами. Смоленская же земля сохранила архаичные черты древней славянской культуры вплоть до XX века.

---

1. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М., 2002. С. 495.
2. Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. – М., 1927. С. 28.
3. Добровольский В.Н. Обряды и поверья, относящиеся к домашним и полевым работам крестьян Смоленской губернии. – Смоленск, 2000. С. 11.
4. Да услышат меня земля и небо. – М., 1984. С. 187-188.
5. Афанасьев А.Н. Древо жизни. – М., 1983. С. 363.
6. Лебедева Н.И. Указ. соч. С. 25.
7. Жарникова С.В. Мир образов русской прялки. – Вологда, 2000. С. 6.
8. Добровольский В.Н. Указ. соч. С. 18-20.
9. Добровольский В.Н. Указ. соч. С. 18-19.
10. Лебедева Н.И. Указ.соч. С. 25.
11. Денисова И.М. Прялки зоо-орнитоморфного типа в контексте этнической истории русского севера. // Этнографическое обозрение. 2001. №2.
12. Жарникова С.В. Обрядовые функции северорусского женского народного костюма. – Вологда, 1991. С. 7.
13. Жарникова С.В. Мир образов русской прялки. – Вологда, 2000. С. 20.
14. Добровольский В.Н. Указ. соч. С. 20.
15. Смоленской вестник. 1894. №21.
16. Шарапова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М., 2001. С. 314.
17. Добровольский В.Н. Указ. соч. С. 21.
18. Афанасьев А.Н. Указ. соч. С. 76.

СОДЕРЖАНИЕ

СМОЛЕНСКИЕ ГОВОРЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

КУЛЬТУРА

СМОЛЁНСКИЕ ГОВОРЫ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК – КУЛЬТУРА

Сборник научных трудов

Редактор *Л.В. Бушуева*

Макет и верстка *Б.С. Шаповалов*

Адрес редакции:
214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4, СГПУ.

Формат 60X84/16 Тир. 250 Зак. 3295/1. Печ. листов 18,25
Отпечатано в типографии ООО «Принт-Экспресс»
Лиц. ПЛД № 71-38 от 07.09.99 г.
г. Смоленск, проспект Гагарина, 21, т.: (0812) 32-80-70